

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Николай Харузинъ.

Этнографія.

ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ИЗДАНИЕ ПОСМЕРТНОЕ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

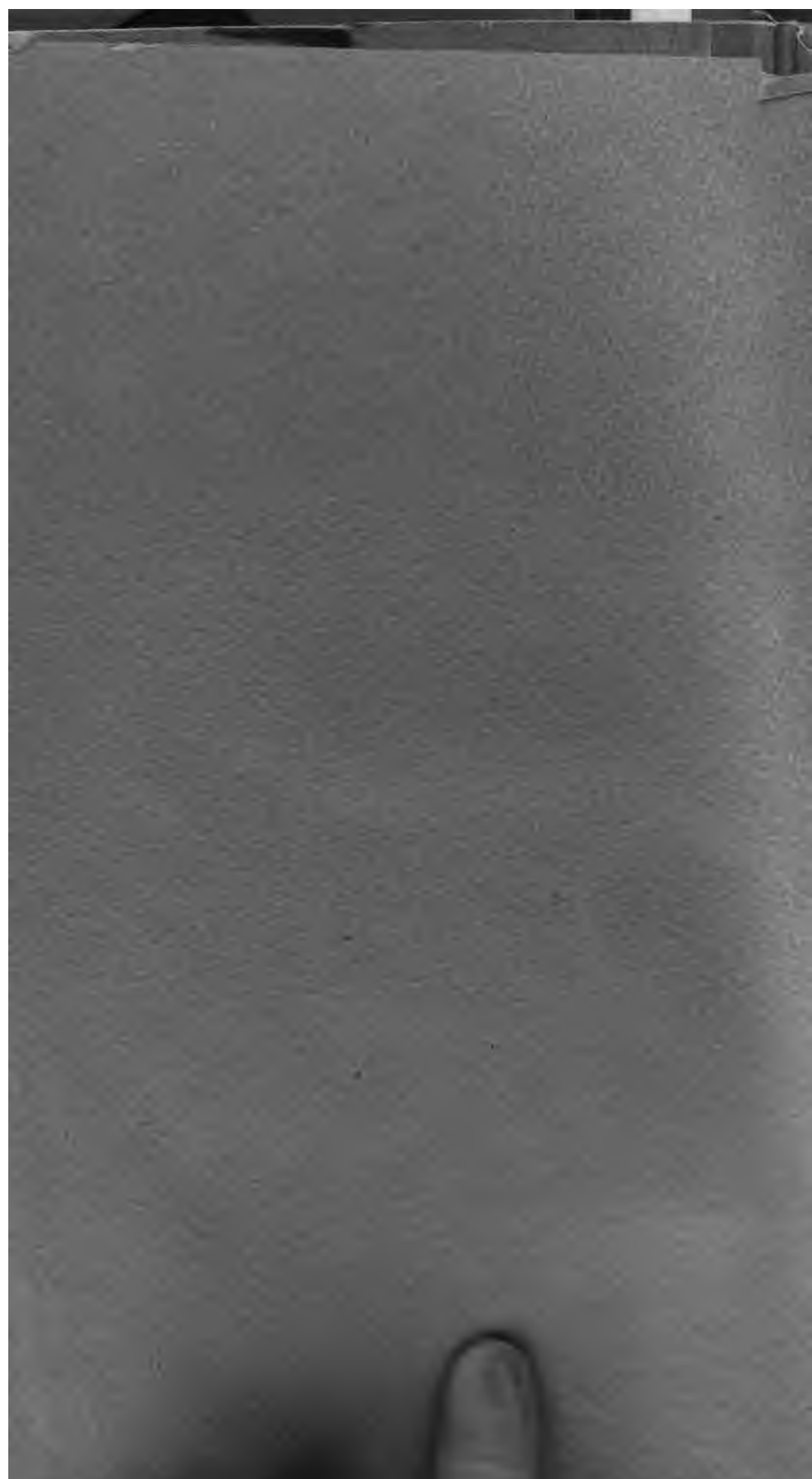
Вяри и Алексѣя Харузинныхъ.

Выпускъ I.

1. Часть общая.
2. Матеріальная культура.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901.

Kharuzin, V. N.

Николай Харузинъ.

Этнографія.

ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

—*—

ИЗДАНИЕ ПОСМЕРТНОЕ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Въри и Алексѣя Харузинухъ.

—*—

Выпускъ I.

1. Часть общая.
2. Матеріальная культура.

—*—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901.

Г/В 315
К 53
1.1

Посвящается памяти

Михаила Николаевича

Харузина.

[REDACTED]

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Отъ редакторовъ	VII—X
I. Часть общая.	
I. Введение	1
II. Историческій обзоръ накопленія этнографическихъ матеріаловъ	8
III. Исторія развитія этнографіи, какъ науки. Ея задачи, методы и предѣлы	24
IV. Классификаціи человѣчества и этнографическихъ явленій	45
II. Матеріальная культура.	
I. Человѣкъ въ дилювіальномъ (палеолитическомъ) періодѣ	69
II. Человѣкъ въ неолитическомъ періодѣ	99
III. Орудія дикарей, незнакомыхъ съ металлами	115
IV. Огонь	129
V. Растительная пища. Охота и рыболовство	149
VI. Способы приготовленія пищи	159
VII. Первобытная посуда. Гончарное искусство	165
VIII. Переходъ къ осѣдлости. Одомашненіе животныхъ. Скотоводство. Земледѣіе	175
I X. Жилище	194
X. Одежда	220
XI. Способы и средства передвиженія	228
XII. Оружіе	242
XIII. Знакомство человѣка съ металлами	253
XIV. Украшенія	271
XV. Искусство	286

ПРИЛОЖЕНІЯ.

	СТР.
I. Указатель источниковъ къ первому выпуску (составленъ <i>В. Харузиной</i>)	307
II. Алфавитный указатель именъ и предметовъ (составленъ <i>Ал: Харузинымъ</i>)	311
III. Списокъ трудовъ Н. Н. Харузина	339

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ.

Этнографія, получившая обликъ науки въ недавнее время, имѣетъ свою долгую исторію развитія. Съ древности человѣка привлекали «своеобразныя особенности» быта сосѣда. Народы, достигшіе извѣстнаго культурнаго развитія, наблюдали издавна жизнь менѣе цивилизованныхъ племенъ. Вдумчивое сопоставленіе явленій собственной жизни съ явленіями у чужихъ племенныхъ группъ открывали закономерность развитія человѣчества. Минувшее столѣтіе ознаменовалось въ области народовѣдѣнія накопленіемъ обильнаго матеріала, требовавшаго обобщенія и выводовъ. Примѣненіе индуктивнаго и сравнительно-историческаго методовъ, на ряду съ методомъ разслѣдованій въ области переживаній, а равно вспомогательныя для народовѣдѣнія науки,—дали этнографу мощный рычагъ для установленія своихъ законовъ.

Въ Россіи этнографія, какъ наука, не завоевала еще столь прочнаго, какъ въ Западной Европѣ, положенія, и не всѣ наши Университеты открыли новой наукѣ свои двери. Между тѣмъ Россія, занимая громадныя пространства, населенныя сотнями племенъ, представляетъ обширное поле для изслѣдованія жизни человѣка въ ея матеріальныхъ и духовныхъ проявленіяхъ. Поэтому этнографія—наука, изучающая бытъ народовъ и отыскивающая законы, по которымъ шло развитіе человѣчества—встрѣчаетъ у насъ неисчерпаемый и разнообразный матеріалъ, получающій справедливую оцѣнку по мѣрѣ его накопленія, изученія и обработки. Низкій уровень цивилизаціи многихъ народностей нашего отечества, ихъ чрезвычайное разнообразіе, вызываемое расовыми особенностями и условіями географическаго характера, взаимное

вліяніє расъ. ихъ смѣшеніе. міграціи создають у насъ особенности быта. разобратися въ которыхъ призваны люди. посвятившіе себя изученію разныхъ научныхъ системъ и главнымъ образомъ этнографіи.

Русское племя наложило свою руку отъ Балтійскаго моря до Великаго океана и отъ Ледовитаго до Чернаго моря. за Кавказскій хребетъ. за Аральское озеро. въ глубь Средней Азии и до предѣловъ Срединной имперіи. На этомъ пространствѣ оно распространялось медленно. постепенно. хотя и упорно. Русское племя вліяло на чуждыя ему по крови и духу племена. Оно воспринимало ихъ вліяніе. приспособляясь къ особенностямъ быта тѣхъ народовъ. которые съ теченіемъ вѣковъ входили въ сферу его культурно-историческихъ интересовъ. Изученіе русскаго племени представляетъ поэтому выдающееся значеніе. Изученіе исторіи развитія его есть вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ культурныхъ явленій на Европейско-Азіатскомъ материкѣ.

Русскій народъ не оставался. какъ сказано. въ теченіе своей многолѣтней жизни свободнымъ отъ вліяній сопредѣльныхъ стѣнамъ племенъ. Эти племена. сливаясь въ одно общее море. вносили частицы своего быта. взглядовъ. воззрѣній—всей своей психической жизни въ одно общее цѣлое. Поэтому явленія. служащія у насъ объектомъ наблюденія этнографіи. разнообразны и сложны. Изучая ихъ. русскіе изслѣдователи вносятъ драгоценные вклады въ общую сокровищницу знаній. Кромѣ того этнографія на нашей почвѣ пріобрѣтаетъ. сверхъ чисто научнаго. и общественно-государственное значеніе. такъ какъ безъ знанія народной жизни парализована всякая работа по ея устроенію. служащаго залогомъ ея развитія. Въ связи съ этимъ. этнографія въ Россіи не должна составлять удѣла только ученыхъ. Она требуетъ и заслуживаетъ общаго вниманія: она должна входить въ число общеобразовательныхъ знаній.

Основные черты развитія одинаковы для всего человѣчества. Но оно. развиваясь по однимъ кореннымъ законамъ. вырабатывало въ предѣлахъ отдѣльныхъ географическихъ районовъ тѣ своеобразныя черты. которыми характеризуются расы и племена. Народы Россіи уже давно сдѣлались предметомъ наблюденій. Правда, одновременно преслѣдовались въ этихъ наблюденіяхъ разные

задачи, но накопившіся матеріалъ велъ къ одной цѣли—къ изученію исторіи матеріальнаго и духовнаго развитія человѣка. Чтобы понять и правильно объяснить явленія этого развитія, какъ и психики даннаго народа, недостаточно вращаться исключительно въ области фактовъ. Фактическій матеріалъ долженъ укладываться въ систему. Только «правильное, точное и систематизированное знаніе», т. е. наука, способна руководить наблюдателемъ, направлять его въ область освѣщенія явленій и придавать его изслѣдованіямъ должное значеніе.

Лекціи Н. Н. Харузина являются первымъ трудомъ на русскомъ языкѣ, приводящимъ въ систему изученіе этнографическихъ явленій. Одна изъ особенностей, отличающихъ его отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ ученыхъ, заключается въ введеніи многочисленныхъ фактовъ изъ жизни русскаго племени и нашихъ инородцевъ. Иностранные авторы, плохо вооруженные въ области знанія нашей жизни и незнакомые, по незнанію языка, съ нашими литературными источниками, лишь мало, какъ бы попутно, захватываютъ этнографическія данныя Россіи.

Приступая въ настоящее время къ изданію перваго выпуска «Этнографіи», редакторы считаютъ нужнымъ объяснить слѣдующее. Лекціи Н. Н. Харузина, подвергаясь, въ связи съ ростомъ литературы, постояннымъ дополненіямъ, не были авторомъ приготовлены къ печати, вслѣдствіе чего онѣ не могли не подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ. Однако, эти измѣненія ни въ чемъ не коснулись существа изложенія и носятъ чисто редакціонный характеръ, отразившійся на внѣшней сторонѣ изложенія. Система лекцій осталась равнымъ образомъ неизмѣненной, и редакторами установлено лишь дѣленіе на главы, вытекавшее, впрочемъ, изъ самаго содержанія текста. Редакторы не считали нужнымъ подкрѣплять цитаты ссылками тамъ, гдѣ имя и трудъ цитируемаго автора достаточно извѣстны. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цитаты заимствованы изъ мелкихъ и поэтому мало знакомыхъ читателямъ статей, онѣ помѣчены соотвѣтственными выносками.

Въ концѣ выпуска помѣщенъ перечень трудовъ, легшихъ въ основаніе его содержанія. Предполагая придерживаться той же системы при изданіи и слѣдующихъ выпусковъ, редакторы имѣютъ въ виду приложить къ четвертому выпуску подробный библіографиче-

скій указатель главнѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ прямое отношеніе къ этнографіи. Такъ какъ настоящее изданіе должно служить не только для чтенія, но, въ виду обилія включеннаго въ него матеріала, также и для справокъ, то редакторы признали необходимымъ снабдить его систематическими указателями именъ предметовъ. Указателями этими, въ видахъ практическихъ, заглаживается каждый выпускъ.

І. Часть общая.

І. Введение.

Знаменитый Макс Мюллеръ, открывая въ 1861 году курсъ лекцій сравнительнаго языковѣдѣнія въ Королевскомъ Британскомъ Институтѣ, опредѣлялъ тогдашнее положеніе этой науки слѣдующими словами: «Наука о языкѣ есть наука новѣйшаго времени . . . едва ли она пользуется и до сихъ поръ правами равенства съ другими старѣйшими отраслями наукъ. Даже ея названіе еще не установилось, и разныя имена, которыя она получила въ Англіи, Франціи и Германіи, такъ неопредѣленны и непостоянны, что привели большинство публики къ самому сбивчивому понятію объ истинномъ предметѣ этой новой науки. О ней говорятъ какъ о сравнительной филологіи, научной этимологіи, фонологіи и глоссологіи. Во Франціи она получила приличное, но нѣсколько варварское названіе лингвистики» и т. д.

Приведенныя слова Макса Мюллера въ значительной степени можно примѣнить въ настоящее время къ этнографіи—наукѣ, которая становилась на прочную почву приблизительно въ то время, когда Максу Мюллеру пришлось обрисовать печальное положеніе, въ которомъ находилось тогда сравнительное языковѣдѣніе.

Наука этнографіи—наука новая. Она еще не успѣла завоевать себѣ равноправнаго положенія среди старѣйшихъ сестеръ, и ни цѣли, ни предѣлы ея, ни даже самое названіе ея, еще не опредѣлены вполне и являются спорными: одни ее называютъ этнографіей, другіе этнологіей, иные считаютъ ее частью антропологіи, или частью исторіи, или наконецъ смѣшиваютъ ее съ соціологіей. Нѣкоторые ученые считаютъ ее наукой естественно-исторической, другіе причисляютъ ее къ общественнымъ наукамъ.

Такая же неопредѣленность господствует и относительно предѣловъ, цѣлей и задачъ. Въ то время, какъ одни ограничиваютъ этнографію исключительно описаніемъ разныхъ племенъ народовъ, другіе расширяютъ ея предѣлы до науки о человѣчествѣ. Не останавливаясь на подробностяхъ различныхъ мнѣній въ простѣ о цѣляхъ и задачахъ этнографіи, слѣдуетъ указать на главныя теченія въ этомъ направленіи, чтобы дать возможность ориентироваться въ противорѣчивыхъ взглядахъ и облегчить такимъ образомъ рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи нашей науки.

Нѣкоторые ученые, какъ сказано, расширяютъ чрезвычайно рамки этнографіи. Такъ, напр. Рони (Rosny), одинъ изъ французскихъ ученыхъ, опредѣляетъ этнографію, какъ «науку о человѣческихъ обществахъ, о цивилизаціи». «Человѣческія общества, шлетъ онъ, въ ихъ совокупности составляютъ человѣчество. Человѣчество постоянно видоизмѣняется; оно проходитъ отъ некультурнаго состоянія къ состоянію цивилизованному. Это восходящее цивилизующее движеніе называется *прогрессомъ*. При посредствѣ метода преимущественно обобщающаго, этнографія имѣетъ цѣлью, какъ и дѣлала нѣкогда философія, исходить изъ синтеза всѣхъ наукъ цѣлью которыхъ является изысканіе назначенія и судьбы человѣка. Въ другомъ мѣстѣ Рони замѣчаетъ: «въ настоящее время этнографія не находится больше въ трудномъ зародышевомъ состояніи теперь—это наука обоснованная, ее можно опредѣлить какъ науку объ интеллектуальномъ развитіи общественныхъ человѣческихъ группъ». «Этнографія, продолжаетъ Рони, такимъ образомъ строго и опредѣленно отличается отъ антропологии, которая занимается человѣческими расами исключительно съ соматологической точки зрѣнія. Другой французскій ученый—Веррье (Verrier) опредѣляетъ этнографію, какъ науку, «которая охватываетъ изученіе человѣчества во всей его эволюціи,—причемъ антропология ограничена изученіемъ физическаго міра человѣка».

Рамки этнографіи, если слѣдовать приведенному опредѣленію, расширяются необыкновенно, и передъ представителями молодой науки раскрывается обширный горизонтъ: по своему содержанію этнографія должна поглотить всѣ науки, объектомъ которыхъ является человѣкъ; съ ней должны слиться всѣ науки, существовавшія до ея появленія на свѣтъ, какъ напр. исторія, также и тѣ, которыя возникли одновременно, благодаря пробудившемуся сознанию необходимости самоизученія. Но если этнографія есть наука о развитіи человѣчества, если она обнимаетъ собой всѣ науки, имѣющія своимъ

объектомъ человѣка, какъ представителя извѣстной группы, то почему же и Рони и Веррье такъ настойчиво исключаютъ изъ числа этихъ наукъ антропологию и отводятъ ей, хотя и узкое, но вполне самостоятельное поле дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, изученіе развитія *человѣчества* не можетъ не касаться и физическаго міра человѣка, такъ какъ этотъ міръ играетъ существенную роль при развитіи духовнаго быта. Поэтому антропология, если строго слѣдовать приведенному опредѣленію этнографіи, должна, какъ наука, изучающая человѣка, слиться наравнѣ съ прочими науками съ этнографіей. Это отдѣленіе антропологии находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что многіе ученые отводятъ антропологию какъ разъ ту же область изслѣдованія, которую приписываютъ этнографіи Рони и Веррье. Взглядъ этотъ на антропологию имѣетъ своихъ представителей въ Англіи (Тэйлоръ), въ Германіи (Вайтцъ и Герландъ) и особенно распространенъ и даже является господствующимъ, во Франціи. Онъ сводится къ слѣдующему: съ момента, когда наука обратила свое вниманіе на изученіе человѣка, появилась и особая «наука о человѣкѣ» — антропология, которая изслѣдуетъ человѣка со всѣхъ точекъ зрѣнія и изучаетъ какъ физическій строй его, такъ и духовный бытъ постолько, поскольку человѣкъ образуетъ извѣстныя группы. Какъ таковая, — антропология, естественно, распадается на рядъ отдѣловъ, задачи которыхъ заключаются въ собираніи матеріаловъ для выводовъ. Однимъ изъ такихъ отдѣловъ является этнографія, которая описываетъ и систематически представляетъ бытъ различныхъ народностей. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія указанного взгляда, этнографія не только не является *всеобъемлющей* наукой, но даже едва ли можетъ быть названа вообще наукой, такъ какъ роль ея ограничивается простымъ описаніемъ. Мнѣнія Рони и Веррье являются реакціей противъ этого взгляда. Цѣль ихъ — ограничить предѣлы науки антропологии, низвести ее со степени науки *общественной* на болѣ скромную ступень науки чисто естественной, имѣющей дѣло съ человѣкомъ только постолько, поскольку этотъ послѣдній является частью физическаго міра, принадлежащимъ къ царству животныхъ, наивысшимъ представителемъ котораго является физическая организація человѣка.

Такимъ образомъ оба приведенныя мнѣнія оказываются диаметрально противоположными другъ другу. Это объясняется какъ тѣмъ, что цѣли обѣихъ молодыхъ наукъ еще какъ-бы не вполне опредѣлились, что имъ не отведено опредѣленнаго мѣста среди болѣ старыхъ отраслей знанія, такъ, наконецъ, и невольнымъ стремленіемъ пред-

Такая же неопредѣленность господствуетъ и относительно ~~ея~~ предѣловъ, цѣлей и задачъ. Въ то время, какъ одни ограничиваютъ этнографію исключительно описаніемъ разныхъ племенъ и народовъ, другіе расширяютъ ея предѣлы до науки о человѣчествѣ. Не останавливаясь на подробностяхъ различныхъ мнѣній въ вопросѣ о цѣляхъ и задачахъ этнографіи, слѣдуетъ указать на главныя теченія въ этомъ направленіи, чтобы дать возможность ориентироваться въ противорѣчивыхъ взглядахъ и облегчить такимъ образомъ рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи нашей науки.

Нѣкоторые ученые, какъ сказано, расширяютъ чрезвычайно рамки этнографіи. Такъ, напр. Рони (Rosny), одинъ изъ французскихъ ученыхъ, опредѣляетъ этнографію, какъ «науку о человѣческихъ обществахъ, о *цивилизаци*». «Человѣческія общества, пишетъ онъ, въ ихъ совокупности составляютъ человѣчество. Человѣчество постоянно видоизмѣняется; оно проходитъ отъ некультурнаго состоянія къ состоянію цивилизованному. Это восходящее цивилизующее движеніе называется *прогрессомъ*. При посредствѣ метода преимущественно обобщающаго, этнографія имѣетъ цѣлю, какъ эта дѣлала нѣкогда философія, исходить изъ синтеза всѣхъ наукъ, цѣлю которыхъ является изысканіе назначенія и судьбы человѣка». Въ другомъ мѣстѣ Рони замѣчаетъ: «въ настоящее время этнографія не находится больше въ трудномъ зародышевомъ состояніи теперь—это наука обоснованная, ее можно опредѣлить какъ науку объ интеллектуальномъ развитіи общественныхъ человѣческихъ группъ». «Этнографія, продолжаетъ Рони, такимъ образомъ строго и опредѣленно отличается отъ антропологіи, которая занимается человѣческими расами исключительно съ соматологической точки зрѣнія». Другой французскій ученый—Веррье (Verrier) опредѣляетъ этнографію, какъ науку, «которая охватываетъ изученіе человѣчества въ всей его эволюціи,—причемъ антропологія ограничена изученіемъ физическаго міра человѣка».

Рамки этнографіи, если слѣдовать приведенному опредѣленію расширяются необыкновенно, и передъ представителями молодой науки раскрывается обширный горизонтъ: по своему содержанію этнографія должна поглотить всѣ науки, объектомъ которыхъ является человѣкъ; съ ней должны слиться всѣ науки, существовавшія до ея появленія на свѣтъ, какъ напр. исторія, также и тѣ, которыя возникли одновременно, благодаря пробудившемуся сознанию необходимости самоизученія. Но если этнографія есть наука о развитіи человѣчества, если она обнимаетъ собой всѣ науки, имѣющія своимъ

объектомъ человѣка, какъ представителя извѣстной группы, то почему же и Рони и Веррье такъ настойчиво исключаютъ изъ числа этихъ наукъ антропологию и отводятъ ей, хотя и узкое, но вполнѣ самостоятельное поле дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, изученіе развитія *человѣчества* не можетъ не касаться и физическаго міра человѣка, такъ какъ этотъ міръ играетъ существенную роль при развитіи духовнаго быта. Поэтому антропология, если строго слѣдовать приведенному опредѣленію этнографіи, должна, какъ наука, изучающая человѣка, слиться наравнѣ съ прочими науками съ этнографіей. Это отдѣленіе антропологии находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что многіе ученые отводятъ антропологию какъ разъ ту же область изслѣдованія, которую приписываютъ этнографіи Рони и Веррье. Взглядъ этотъ на антропологию имѣетъ своихъ представителей въ Англіи (Тэйлоръ), въ Германіи (Вайтцъ и Герландъ) и особенно распространенъ и даже является господствующимъ, во Франціи. Онъ сводится къ слѣдующему: съ момента, когда наука обратила свое вниманіе на изученіе человѣка, появилась и особая «наука о человѣкѣ» — антропология, которая изслѣдуетъ человѣка со всѣхъ точекъ зрѣнія и изучаетъ какъ физическій строй его, такъ и духовный бытъ постолько, поскольку человѣкъ образуетъ извѣстныя группы. Какъ таковая, — антропология, естественно, распадается на рядъ отдѣловъ, задачи которыхъ заключаются въ собираніи матеріаловъ для выводовъ. Однимъ изъ такихъ отдѣловъ является этнографія, которая описываетъ и систематически представляетъ бытъ различныхъ народностей. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія указанного взгляда, этнографія не только не является *всеобъемлющей* наукой, но даже едва ли можетъ быть названа вообще наукой, такъ какъ роль ея ограничивается простымъ описаніемъ. Мнѣнія Рони и Веррье являются реакціей противъ этого взгляда. Цѣль ихъ — ограничить предѣлы науки антропологии, низвести ее со ступени науки *общественной* на болѣе скромную ступень науки чисто естественной, имѣющей дѣло съ человѣкомъ только постолько, поскольку этотъ послѣдній является частью физическаго міра, принадлежащимъ къ царству животныхъ, наивысшимъ представителемъ котораго является физическая организація человѣка.

Такимъ образомъ оба приведенныя мнѣнія оказываются диаметрально противоположными другъ другу. Это объясняется какъ тѣмъ, что цѣли обѣихъ молодыхъ наукъ еще какъ-бы не вполнѣ опредѣлились, что имъ не отведено опредѣленнаго мѣста среди болѣе старыхъ отраслей знанія, такъ, наконецъ, и невольнымъ стремленіемъ пред-

слѣдовать мнѣнію, отдѣляющему этнологію отъ этнографіи, придется извѣстное лицо, пока оно описываетъ одинъ народъ за другимъ, отмѣчаетъ аналогичныя явленія у разныхъ племенъ, группируетъ ихъ—считать этнографомъ; но какъ только то-же лицо начнетъ среди описанныхъ имъ явленій устанавливать связь между причиною и слѣдствіемъ, связь общую для всѣхъ изслѣдованныхъ народностей—оно внезапно перестаетъ быть этнографомъ и становится этнологомъ. Конечно, всѣмъ показалось бы крайне страннымъ, если-бы кто нибудь предложилъ отдѣлить напр. въ ботаникѣ изученіе растений отъ выводовъ, получаемыхъ отъ этого изученія и далъ послѣднимъ какое нибудь новое названіе, причѣмъ совокупность этихъ выводовъ онъ произвелъ-бы въ отдѣльную, особую науку. Если такое-же стремленіе по отношенію къ этнографіи не поражаетъ такъ сильно, то происходитъ это единственно оттого, что этимологическій разборъ слова этнографіи не даетъ какъ будто-бы права называть ее наукой. Этимъ объясняется, что въ Англіи слово этнографія почти всецѣло замѣнено словомъ этнологія. Оба названія являются тамъ синонимами и при опредѣленіи объема, содержанія и цѣлей не дѣлается различія между этнографіей и этнологіей. Оба эти слова употребляются какъ равнозначущія и извѣстнымъ Фридрихомъ Мюллеромъ.

При полной нелогичности отдѣленія выводовъ отъ матеріаловъ въ какой-бы то ни было научной системѣ,—нѣсколько странно кажется предполагать существованіе двухъ системъ: этнографіи и этнологіи. Сами подборники выдѣленія этнологіи изъ этнографіи, до извѣстной степени, сознаютъ это, такъ какъ именно въ Германіи, гдѣ послѣдній взглядъ наиболѣе принятъ, является невольное стремленіе объединить ихъ подъ общимъ названіемъ: *Völkerkunde*—«народовѣдѣніе»—слово, которое за послѣднее время вошло въ употребленіе и въ Россіи. Но у насъ продолжаетъ господствовать въ общежитіи слово этнографія и ученые общества, работы которыхъ далеко не ограничиваются собираніемъ матеріала, продолжаютъ носить названіе «этнографическихъ». Тотъ-же эпитетъ придается и трудамъ, посвященнымъ изученію законовъ, устанавливаемыхъ на основаніи собраннаго среди разныхъ народностей матеріала и т. д. Въ виду этого, нѣтъ основанія особенно стремиться къ замѣнѣ стараго термина новымъ, тѣмъ болѣе, что въ опредѣленіи науки меньше всего играетъ роль ея наименованіе.

Кромѣ того, получивъ свое названіе еще въ то время, когда этнографія не была наукой, когда она силою вещей была осуждена ограничиваться исключительно собираніемъ матеріала, и когда недостаточность послѣдняго не позволяла приступать къ отысканію зако-

новъ,—этнографія, имѣя въ настоящее время свои научные выводы и законы, добытые на основаніи изученія матеріала, т. е. обратившаяся въ научную систему, оказывается далеко не единственной наукой, названіе которой не вполне соотвѣтствуетъ содержанію. Такъ напр., по вѣрному замѣчанію М. Мюллера, «геометрія, нынѣ объявляющая себя свободною отъ всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній и занимающаяся своими точками, линіями, плоскостями, какъ чисто отвлеченными понятіями, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми грубыми и несовершенными изображеніями, какими они представляются человѣческому взгляду на бумагѣ»—первоначально была наукой лишь объ измѣреніи земли, какъ показываетъ ея названіе, происходящее отъ *γῆ* — земля и *μέτρον*—мѣра. Ботаника, наука о растеніяхъ, первоначально была наукою о *βοτάνη*, что по гречески не значитъ растеніе вообще, а трава. Болѣе справедливое и точное названіе фито-логія, отъ греч. *φυτόν*—растеніе, мало привилось въ общепитіи. Далѣе, географія, въ настоящее время далеко не ограничиваясь исключительно *описаніемъ*, переставъ быть «землеописаніемъ» и превратившись въ «землеуѣдѣніе», имѣетъ уже установленные законы и продолжаетъ отыскивать новые; однако никому не приходитъ на мысль, что вслѣдствіе измѣненія ея цѣлей слѣдуетъ перемѣнить и ея названіе. Что общаго между взглядомъ на исторію въ прежнее время и теперь, между исторіей, изучающей факты жизни государства и исторіей, стремящейся открыть законы развитія племенъ, народовъ и государствъ? Исторія перестала быть наукой описательной, и тѣмъ не менѣе неточность названія едва-ли кого нибудь можетъ ввести въ сомнѣніе относительно цѣлей и объема этой науки. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Это несоотвѣтствіе между названіемъ и содержаніемъ науки объясняется прогрессомъ человѣческихъ знаній, расширеніемъ горизонта изслѣдованія по мѣрѣ накопленія свѣдѣній. Совершается этотъ прогрессъ не сразу: по мѣрѣ расширенія знанія человѣческому уму представляются все новыя и новыя области для изслѣдованія и, въ зависимости отъ области, изъ которой новая отрасль знанія черпаетъ свой матеріалъ, она получаетъ обыкновенно свое названіе. Последнее продолжаетъ сохраняться и послѣ того, какъ новая отрасль знанія переходитъ въ науку, благодаря накопленію матеріала съ одной стороны, а съ другой—вслѣдствіе развитія человѣческой мысли, способной шире обнимать предметы и восходить до обобщеній. Это даетъ возможность отыскивать причинную связь между явленіями и устанавливать законы; тѣмъ самымъ отрасль знанія переходитъ въ науку. Путь этотъ прошли всѣ старыя науки и естественно

должна была пройти и одна изъ наиболѣ молодыхъ наукъ—этнографія.

Каковы же цѣли и предѣлы этнографіи или этнологіи? Уже выше указано, что на этотъ счетъ существуютъ самыя противоположныя и сбивчивыя мнѣнія. Невольно поднимается вопросъ, какой взглядъ слѣдуетъ считать болѣе справедливымъ, и въ чемъ должно искать точку опоры для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса. Каждая наука, являясь продуктомъ дѣятельности мысли человѣка, опредѣляется, поскольکو это касается ея цѣлей, задачъ и границъ, не отвлеченными соображеніями, не партійными интересами, а органическимъ постепеннымъ развитіемъ изъ того матеріала, который исторически явился и развился какъ базисъ для наблюденія и изученія. Первые наблюденія, первое собраніе матеріаловъ является, такъ сказать, безсознательнымъ; первые шаги всякой науки, въ какую бы грандіозную систему ей впослѣдствіи ни суждено было развиваться, не могутъ имѣть передъ собою какой нибудь отдаленной цѣли; эта цѣль, всегда ближайшая, часто совершенно не научна. Вспомнимъ, что первые шаги астрономіи вызваны были не изученіемъ законовъ движенія небесныхъ тѣлъ; преслѣдовались лишь практическія соображенія путешественниковъ, преимущественно мореплавателей, для ориентированія въ пути, а равно удовлетворялось стремленіе отыскать связь между жизнью человѣка и небесными свѣтилами. Афоризмъ что астрологія предшествовала астрономіи, вполне справедливъ съ исторической точки зрѣнія. Цѣли, задачи и предѣлы науки обозначаются ясно лишь впослѣдствіи, когда накопившійся матеріалъ самъ напрашивается на выводы. Обзоръ исторіи накопленія этого матеріала необходимъ для точнаго опредѣленія границъ науки и ея цѣлей. Въ немъ лежитъ твердая точка опоры, которая можетъ дать возможность отдѣлить одну научную систему отъ смежной съ ней, безпристрастно и опредѣленно. Вотъ почему необходимо, прежде чѣмъ представить опредѣленіе науки этнографіи, сдѣлать отступленіе и дать въ краткихъ словахъ очеркъ исторіи накопленія матеріала—обзоръ того періода жизни этнографіи, когда она еще была не наукою, а отраслью знанія,—періодъ, который М. Мюллеръ называетъ, не совѣтъ впрочемъ правильно, эмпирическимъ періодомъ жизни науки.

II. Исторический обзор накопленных этнографических материалов.

Первые шаги въ дѣлѣ изученія быта народностей, которыми открывається «эмпирический» періодъ нашей науки, меньше всего преслѣдовали научныя цѣли. Съ самой отдаленной древности, въ случаяхъ, когда судьба сталкивала представителей болѣе крѣпкихъ народностей съ народами и племенами, стоящими на низкомъ культурномъ уровнѣ, первые отмѣчали особенности быта и нравовъ вторыхъ. Частію эти особенности отмѣчались исключительно какъ странныя явленія, чуждыя быту наблюдателя, поражающія его своей оригинальностью, частію при этомъ преслѣдовались и практическіе интересы—военные, торговые, дипломатическіе и т. п. Наблюдатели изучали вкусъ и наклонности чуждаго имъ племени, чтобъ передать ихъ соотечественникамъ или воспользоваться ими для своихъ мирныхъ или военныхъ отношеній. Первоначальное собраніе и передача матеріала происходила устнымъ путемъ. Но, если бы дѣло ограничивалось только этимъ способомъ, конечно никогда не накопилось бы матеріала для науки. Лишь съ распространеніемъ письменности возникаетъ прочный базисъ для собранія матеріала и дается возможность сохранить и передать его отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ. Наиболее извѣстная попытка собранія этнографическаго матеріала въ древности принадлежитъ Геродоту, котораго одновременно можно назвать какъ «отцомъ исторіи», такъ и «отцомъ этнографіи». Труды Геродота даютъ возможность освѣтить и самый способъ собранія этнографическихъ свѣдѣній въ древности, равно и самое отношеніе писателя къ собранному матеріалу: часть описываемыхъ Геродотомъ странъ онъ посѣтилъ лично, объ остальныхъ онъ пишетъ по слухамъ. Если мы посмотримъ, напримѣръ, его описаніе Египта, мы прежде всего замѣтимъ, что онъ отмѣчаетъ лишь то, что поражаетъ его воображеніе несходствомъ съ бытомъ грековъ; въ этомъ отношеніи онъ доходитъ

до поразительных мелочей. Далѣе, касаясь, напримѣръ, ликійцевъ, Геродотъ сохраняетъ для науки весьма интересный фактъ, что они ведутъ счетъ родства не по отцовской, а по материнской линіи; онъ не придаетъ этому значенія, но отмѣчаетъ исключительно въ качествѣ страннаго казавшагося ему несообразнымъ явленія, рѣзко противорѣчащаго быту его соплеменниковъ—грековъ. Описывая скиѳовъ, онъ основываетъ свои данныя частью на личныхъ наблюденіяхъ, частью на разсказахъ греческихъ купцовъ, жившихъ въ колоніяхъ по берегамъ Эвксинскаго моря и ведшихъ оживленную торговлю со скиѳами. Бытъ, особенности вкуса и наклонностей скиѳовъ были хорошо извѣстны греческимъ купцамъ, которые даже выработали примѣнительно къ вкусамъ скиѳовъ особенный стиль издѣлій, во многомъ отличающійся отъ классическаго стиля грековъ. Многіе изъ этихъ купцовъ проникали въ глубь скиѳской земли, могли многое видѣть лично и въ своихъ поискахъ за новыми рынками стремились узнать и о народахъ, населяющихъ недоступную имъ еще территорію. Свѣдѣнія послѣдняго рода естественно могли быть только неясными, сбивчивыми, сказочными. Вслѣдствіе этого у Геродота, рядомъ съ мастерскимъ описаніемъ скиѳскаго быта, дающаго намъ возможность живо обрисовать жизнь и типъ кочевника за нѣсколько столѣтій до Р. Хр., мы видимъ и совершенно сказочную передачу о болѣе отдаленныхъ народностяхъ, имѣющую очень мало значенія для этнографіи, какъ напримѣръ, разсказъ о неврахъ, которые будто-бы обладаютъ способностью обращаться въ волковъ, о гиперборейцахъ—людяхъ, не знающихъ смерти отъ старости и др. Соединеніе личныхъ наблюденій съ разсказами другихъ лицъ и отсутствіе необходимаго критическаго отношенія къ этимъ разсказамъ, является такъ сказать характерной чертой для начальнаго періода собиранія этнографическихъ данныхъ, которыя записывались попутно, безъ научной цѣли, наравнѣ съ прочими наблюденіями автора, напримѣръ, географическими.

«Эмпирическій періодъ» этнографіи длится очень долго. Онъ красной нитью проходитъ черезъ всю древность, средніе вѣка, захватываетъ значительную часть новаго времени и до извѣстной степени не вполнѣ прекратился даже въ наши дни. Какую массу неprovѣренныхъ свѣдѣній, основанныхъ на темныхъ слухахъ, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ трудахъ Тацита или Страбона. Тацитъ, описывая, въ противовѣстъ испорченнымъ нравамъ римлянъ, идиллическій бытъ германцевъ, желаетъ представить своимъ соотечественникамъ картину жизни нравственно-устойчиваго народа. Онъ пользуется для своей работы разсказами германцевъ, жившихъ въ Римѣ, и беретъ изъ

везенныхъ ими свѣдѣній. Отмѣчая вѣншній и внутренній бытъ тѣхъ тогда еще не обращенныхъ въ мусульманство, путешественники съ цѣлью разсказать своимъ соотечественникамъ о тѣхъ диковинахъ, которыя они видѣли, начиная съ быта бѣднаго кочующаго въ пещерахъ населенія и кончая изумительнымъ блескомъ двора хановъ, бросившихъ еще кочевой бытъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ путешественники не упускали изъ вида и практическихъ цѣлей. Одинъ указывалъ на возможность завести торговля сношенія съ татарами, другой налучшій способъ обратить ихъ въ христіанство, третій изучалъ военныя силы татаръ и подробно останавливается на проектъ новаго похода противъ новыхъ владыкъ почти всей Азіи и части Европы. Экспедиціи на Востокъ скоро прерываются. Только съ появленіемъ новой бури, пронсящейся въ лицѣ Тамерлана надъ Азіею и грозящей спокойствію Европы, мы снова встрѣчаемъ нѣкоторое оживленіе въ дѣлѣ изученія Востока. Такъ въ 1403 г. епископъ Султаней Іоаннъ, прибывшій въ Парижъ съ порученіемъ отъ новаго владыки Азіи Тамерлана къ королю Карлу IV, съ цѣлью завести торговля сношенія съ Востокомъ, издаетъ книгу, въ которой онъ знакомитъ Западную Европу съ личностію Тамерлана, съ устройствомъ его государства и т. п. При этомъ Іоаннъ останавливается подробно на вопросѣ, какіе товары могутъ особенно понравиться Тамерлану и найти себѣ сбытъ среди его подданныхъ. Во всѣхъ указанныхъ сочиненіяхъ (здѣсь отмѣчены лишь нѣкоторыя, особенно важныя по количеству собраннаго въ нихъ матеріала) замѣчается тотъ шагъ впередъ сравнительно съ произведеніями болѣе отдаленнаго времени, что въ нихъ отсутствуетъ сказочный элементъ, хотя практическія цѣли и стремленіе отмѣтить «странности» быта продолжаютъ господствовать. Матеріалъ, накопившійся къ эпохѣ открытій въ Новомъ Свѣтѣ, былъ слишкомъ недостаточенъ, слишкомъ отрывоченъ и скуденъ, чтобы можно было думать объ объединеніи его—объ обобщеніи имѣющихся свѣдѣній.

Лишь послѣ открытія Америки начинается новая эра въ исторіи накопленія этнографическаго матеріала. Вспомнимъ, что въ время книгопечатанія уже давало возможность сравнительно быстро распространяться новымъ свѣдѣніямъ. Открытія непрерывно слѣдовали одни за другими. Найдены были путь въ Индію Васко-де-Гама, почти одновременно открыты новыя земли Новаго Свѣта, а черезъ четверть вѣка знаменитое путешествіе Магеллана наглядно доказало шарообразность земли. «Съ удивленіемъ прислушивалась пораженная Европа—пишетъ на своемъ образномъ языкѣ Бастіанъ—къ во

столько горячо, что потребовалась булла папы, признававшего за туземцами Америки званіе людей. И это происходило въ періодъ расцвѣта умственныхъ и художественныхъ силъ Европы, въ эпоху Возрожденія, когда средневѣковые пути были уже разорваны европейской мыслью. Открытіе Нового Свѣта, столь поразившее европейцевъ, невольно сдвинуло на второй планъ значеніе не менѣе важнаго путешествія Васко-де-Гама, открывшаго морской путь въ Индію. Стремленіе европейцевъ къ богатствамъ полусказочнаго Востока, возбужденное еще средневѣковыми путешественниками, не могло найти себѣ выхода, т. к. сухопутное сообщеніе было сопряжено съ слишкомъ большими трудностями и опасностями. Сношенія европейцевъ съ Азіей силой вещей были ограничены дѣятельностью венеціанскихъ и генуэзскихъ колоній, широкій сѣтью раскинувшихся по Черному и Средиземному морямъ. Персія, Индія, Китай и, въ то время почти невѣдомая европейцамъ, Японія были закрыты для непосредственныхъ сношеній Запада съ Востокомъ. Путешествіе Васко-де-Гама внесло существенныя перемѣны въ это отношеніе. Оно открыло богатый, роскошный міръ азіатскаго Востока, съ своеобразной цивилизаціей и расширило географическія слѣдствія европейцевъ пожалуй въ неменьшей степени, чѣмъ открытіе Колумба. Взорамъ Европы предсталъ не бытъ дикарей, стоящихъ на низкой ступени культуры, а гордый своей накопленной тысячелѣтней цивилизаціей Востокъ, съ могущественными государствами, съ развитой промышленностью и торговлей, съ своеобразной наукой, съ безконечнымъ разнообразіемъ населенія. Покрывало таинственности, окутывавшей Востокъ, могло быть наконецъ приподнято. Въ то время, какъ испанцы неутомимо продолжали открытія въ Америкѣ, португальцы устремились по слѣдамъ своего великаго соотечественника, чтобы на новопроложенному пути проникнуть къ азіатскимъ берегамъ и обезпечить за собой новыя пріобрѣтенія.

Не проходитъ и трехъ десятилѣтій со времени путешествія Васко-де-Гама, какъ португальскій флагъ смѣло развѣвается въ факторіяхъ на южной границѣ Персіи, на берегахъ Аравіи, въ Индіи, и многихъ пунктахъ береговой полосы «цвѣточнаго царства»—Китая и въ бухтахъ Японіи. Путешественники и миссіонеры толпой двинулись въ новооткрытыя страны Востока. Уже въ 1503 г., слѣдовательно всего черезъ пять лѣтъ, послѣ открытія морского пути въ Индію, смѣлый итальянецъ Бартема (Lodovico Bartema) совершаетъ рискованно путешествіе въ центры мусульманства—Мекку и Медину. Онъ первый снимаетъ покровъ тайны, лежавшій на священныхъ колыбеляхъ ислама и знакомитъ европейцевъ со «святою землею» мусульманства, въ

которую до него не проникалъ ни одинъ изъ христіанъ и куда и въ настоящее время не можетъ проникнуть никто изъ «невѣрныхъ», безъ риска для своей жизни.

Въ теченіе первой же половины XVI-го вѣка католическіе миссіонеры проникають вглубь Китая и Японіи и даютъ обстоятельные отчеты о своихъ путешествіяхъ, о бытѣ населенія, объ его особенностяхъ—наконецъ о наукѣ, производствѣ и религіи древнихъ культурныхъ центровъ восточной Азіи. Миссіонеры достигаютъ у влстителей Китая и Японіи признанія христіанства, въ качествѣ допущенной, дозволенной религіи, ревностно проповѣдуютъ ученіе Христа и въ короткій промежутокъ времени составляютъ многочисленную паству. Правда, что и миссіонерами, какъ и путешественниками и населеніемъ новыхъ факторій, руководили не этические и не научныя задачи, а соображенія о матеріальныхъ выгодахъ и политическихъ комбинаціи. Но, съ какой бы точки зрѣнія мы ни рассматривали ихъ дѣятельность, нельзя не признать, что именно имъ европейская наука обязана крайне обстоятельными свѣдѣніями о недавно еще закрытыхъ областяхъ Востока, лучшими въ то время картами и тонкими наблюденіями надъ бытомъ населенія. Что-же касается до темныхъ сторонъ, которыми изобиловала ихъ дѣятельность, то онѣ нашли себѣ справедливое осужденіе не только въ исторической критикѣ, но и въ самомъ населеніи дальняго Востока. Оно принудило ихъ въслѣдствіи удалиться, воздвигло кровавыя гоненія на христіанство и замкнуло свои двери на два столѣтія отъ европейцевъ, пока въ XIX-мъ вѣкѣ эти двери не были взломаны европейскими пушками и деньгами.

Эпоха великихъ географическихъ открытій, давшая совершенно новое теченіе въ жизни европейскихъ государствъ и которую небезосновательно считаютъ началомъ новаго періода въ исторіи Европы, знаменуетъ и новую эру въ исторіи накопленія этнографическаго матеріала. Онъ притекалъ обильной, живой струей, полной свѣжести, новизны и неожиданностей для населенія Европы. Свѣдѣнія были слишкомъ новы, слишкомъ разнообразны, чтобы не возбудить любопытства ученыхъ и мыслителей. Новый матеріалъ требовалъ себѣ объясненія, но разобраться въ немъ было нелегко. Въ началѣ онъ дѣйствовалъ только ошеломляюще, и потому первыя попытки къ систематизаціи матеріала относятся къ болѣе поздней эпохѣ, когда первое впечатлѣніе прошло, и къ накопившимся этнографическимъ даннымъ можно было приступить съ болѣе спокойствіемъ и безпристрастіемъ. Эпоха великихъ открытій въ отношеніи собиранія свѣдѣній о бытѣ различныхъ народностей нашла себѣ блестящее продолженіе въ послѣдующіе вѣка. Накопленіе

этнографическаго матеріала продолжалось и въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ, рука объ руку съ географическими открытіями. Въ XVII-мъ вѣкѣ начинается интенсивное заселеніе Сѣверной Америки, преимущественно благодаря религиознымъ распрямъ въ Англіи и колониальнѣйшій политикѣ Франціи. Далѣе совершаются первыя открытія въ Австраліи голландцами; ими же устраиваются колоніи въ Японіи и на богатѣйшихъ Зондскихъ островахъ. Испанія, конкурируя съ Португаліей, старается съ принадлежащихъ ей Филиппинскихъ острововъ завязать сношенія съ Китаемъ. Нѣсколько позднѣе выступаетъ съ этими же цѣлями Англія. Католическіе миссіонеры продолжаютъ, до начала великаго гоненія на христіанъ, открывать для Европы бытъ восточно-азиатскихъ государствъ и т. д.

Но болѣе значительное обогащеніе матеріаломъ о бытѣ такъ называемыхъ дикихъ и полукультурныхъ народностей происходитъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, благодаря ряду крупныхъ экспедицій въ архипелаги Тихаго океана въ Азію и Африку. Началомъ этого изслѣдованія можно по справедливости считать 1768 г., когда почти одновременно идутъ экспедиціи Кука въ область Тихаго океана, Палласа въ Сибирь и Брюса въ сѣверную Африку. Французъ Le Vaillant совершаетъ путешествіе въ южную Африку 13 лѣтъ спустя. Знаменитая экспедиція Парка (Mungo Park), имѣвшая цѣлью открыть источники Нила, частью уже относится къ XIX-му вѣку. Это столѣтіе ознаменовывается крупными и многочисленными путешествіями. Характерная черта, что весьма многія изъ нихъ не преслѣдовали въ качествѣ ближайшей цѣли практическихъ задачъ. Современная борьба европейскихъ интересовъ изъ за обладанія Африкой является во многихъ случаяхъ послѣдствіемъ открытія новыхъ земель скромными тружениками, не имѣвшими никакихъ другихъ цѣлей кромѣ научныхъ. Экспедиціи съ цѣлями практическими преслѣдующія задачи какъ изученія занятой той или иной націе части Африки, такъ и укрѣпленія своей власти, являются уже послѣдствіями колониальной политики западныхъ государствъ. Среди изслѣдователей Африки прежде всего слѣдуетъ поставить Ливингстона: скромнаго миссіонера, глубоко убѣжденнаго христіанина, проводившаго большую часть жизни въ экспедиціяхъ, имѣвшихъ цѣлью отыскать истоки Нила. Онъ совершалъ свои путешествія на ничтожныя средства, высоко гуманно относился къ туземцамъ и заставилъ ихъ любить себя. Онъ обогатилъ науку крупными географическими и этнографическими открытіями, но умеръ, не достигнувъ своей цѣли. Истоки Нила не были имъ открыты; зато онъ нашелъ истоки другою крупной водной артеріи — Конго, честь изслѣдованія котораго выпалъ

на долю извѣстнаго Стэнли. Имена Стэнли, Камерона, Нахтигала, братьевъ Аббади, Фритча и многихъ другихъ крупныхъ изслѣдователей «чернаго материка» слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться. Россія не осталась чужда изученію Африки, хотя, вслѣдствіе ея отдаленности и естественно преобладающаго у насъ интереса къ изученію Азіи, число русскихъ экспедицій въ Африку и было незначительно. Еще при Императорѣ Николаѣ I (1847) Ковалевскій совершаетъ экспедицію въ область верхняго Нила и по притокамъ послѣдняго въ восточный Суданъ, почти до границы Абиссиніи. Далѣе слѣдуютъ научныя экспедиціи Юнкера и Швейнфурта. Пробудившійся за послѣднее время у насъ интересъ къ Абиссиніи вызвалъ рядъ экспедицій, какъ-то: Елисѣева, Машкова, Леонтьева, Звягина и Булатовича. Научные результаты этихъ путешествій, впрочемъ, пока еще вполне не опредѣлились.

Систематическое изученіе краснокожихъ Сѣверной Америки и эскимосовъ было предпринято равнымъ образомъ цѣлымъ рядомъ лицъ и продолжается интенсивно до настоящаго времени. Что касается Южной Америки, то достаточно указать лишь на двухъ изслѣдователей ея Марціуса и фонъ-Штейнена. Имъ удалось открыть рядъ народностей центральной Бразиліи, о существованіи которыхъ едва-ли кто нибудь зналъ опредѣленно, и изучить ихъ бытъ, рисующій намъ человѣческія группы на одной изъ самыхъ низшихъ ступеней культуры. Обширная литература накопилась за послѣднее время по изученію быта населенія Зондскихъ острововъ, въ особенности, благодаря трудамъ голландцевъ, а также и о Мелѣ—и Полинезіи, благодаря трудамъ разныхъ европейскихъ изслѣдователей, въ числѣ которыхъ мы видимъ нашего соотечественника Миклуху - Маклая. Въ изученіи Азіи Россія играетъ видную роль. Экспедиціи, начавшіяся еще съ первой половины XVIII-го вѣка почти непрерывно продолжаютъ совершаться до нашихъ дней. Путешествія Гмелина, Палласа, Лепехина и Крашенинникова всѣмъ извѣстны. Врангель, Гельмерсенъ, Майдель, Миддендорфъ, Гартвигъ и множество другихъ изслѣдователей дополнили и внесли много новаго въ запасъ этнографическихъ свѣдѣній. Поѣздки Муравьева—въ Хиву, Левшина—къ киргизамъ, знаменитыя экспедиціи въ Тибетъ и Монголію Пржевальскаго, путешествія Пѣвцова, Потанина, Ядринцева, Радлова, Клеменца, Грумъ-Гржимайло и др. завоевали для Россіи въ области открытій почетное мѣсто. Рядъ поѣздокъ къ дикимъ народностямъ Индостана и Цейлона—со стороны англичанъ и французовъ—въ разныя мѣстности Индо-Китаю, вмѣстѣ съ экспедиціями представителей этихъ народовъ въ Ти-

беть и Монголію раскрыли новыя стороны быта азіатскихъ народовъ.

Чтобы оцѣнить значеніе XIX-го столѣтія для развитія народовѣдѣнія, достаточно вспомнить, что въ настоящее время въ Африкѣ и Южнѣйшій Америкѣ остаются лишь сравнительно ничтожныя пространства, которыя не были-бы извѣстны европейской наукѣ, что XIX-ое столѣтіе можетъ насчитать цѣлыхъ шесть путешествій въ Мекку и Медину, куда доступъ, какъ сказано, строжайше воспрещенъ «невѣрнымъ». Буркхардтъ (1814—1816), Уэллинъ (Wallin) въ 1845 г. Бартонъ (Burton) въ 1853-мъ, Maltzan въ 1860-хъ, Tenett въ 1863-мъ, Gervais-Courtelemont въ 90-хъ гг. самымъ обстоятельнымъ образомъ познакомились съ священными городами мусульманства. Далѣе, Китай, Монголія, Индія подробно изслѣдованы. Наконецъ, скрытая отъ европейскихъ взоровъ таинственная Хясса, резиденція Далай-ламы была посѣщена и описана французскимъ миссіонеромъ Нусомъ.

Одновременно съ географическими открытіями въ разныхъ частяхъ земного шара идетъ и собираніе этнографическаго матеріала. Количество данныхъ, которыми этнографъ можетъ располагать, увеличивается съ каждымъ годомъ. Однако было бы ошибочнымъ думать, что работа по собиранію матеріала близится къ концу. Множество народностей, о бытѣ которыхъ намъ либо почти ничего неизвѣстно, либо извѣстно только поверхностно, требуютъ усиленной работы со стороны новыхъ изслѣдователей. Отсутствие обстоятельныхъ свѣдѣній чувствуется не только въ литературѣ, касающейся населенія Африки, Америки или Австраліи, но и въ отношеніи къ народамъ Россіи. Недостатокъ данныхъ о бытѣ, жизни, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, воззрѣніяхъ на право ощущается и въ отношеніи къ славянскому населенію нашей родины. Для всѣхъ изслѣдователей Запада и Россіи предстоитъ большая и трудная работа, конца которой еще не видно. Эта работа тѣмъ болѣе необходима, что «этнографія, и справедливому замѣчанію Пыпина ¹⁾, не есть наука книжная. Матеріалъ надъ которымъ работаетъ ученый, долженъ быть прежде всего собранъ въ народной средѣ, въ живомъ народномъ быту, не только внѣшнемъ—въ обиходѣ, народномъ правѣ, обычаяхъ, промыслахъ, но и въ быту внутреннемъ, въ душевномъ мірѣ народной поэзіи, вѣрованіи и преданіяхъ. Изслѣдователь, какою-бы обширной эрудиціей онъ и располагалъ, въ объясненіи этнографическихъ фактовъ прежде всего зависитъ отъ своего матеріала, отъ степени знанія и искусства соби-

¹⁾ Изв. И. Р. Г. О. XXI, 1885 стр. 480.

рателя . . . Этнографическое собираніе составляетъ въ наукѣ дѣло первостепенной важности; это—самая основа всего научнаго построения; чѣмъ богаче и шире ведена работа собирателя, тѣмъ значительнѣе могутъ быть выводы изслѣдователя».

Несмотря на то, что и въ настоящее время собираніе этнографическаго матеріала еще далеко отъ своего окончанія—люди науки уже давно оказались лицомъ къ лицу передъ совершенно новыми свѣдѣніями о бытѣ дикихъ племенъ и народовъ. Эти свѣдѣнія не могли остаться ими незамѣченными уже оттого, что они носили характеръ совершенно противорѣчаній цивилизованнымъ представленіямъ о нормахъ общежитія, нравственности, правѣ, религіи.

Непонятныя, представлявшія подчасъ полную противоположность европейскимъ взглядамъ, нормы жизни дикарей настойчиво требовали объясненія. Желаніе найти послѣднія являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ новаго горизонта, открывшагося передъ мыслителями. И дѣйствительно, изслѣдователи, миссіонеры, философы, государственные люди постепенно начинаютъ въ разныхъ цѣляхъ обращать вниманіе на новый матеріалъ. Является потребность разобраться въ немъ, классифицировать его. Поэтому-то первыя попытки къ классификаціи наблюденій надъ бытомъ некультурныхъ народностей сказываются нѣсколько раньше совершенія громкихъ и научно-обставленныхъ экспедицій второй половины XVIII-го вѣка.

Первую попытку отнести серьезно къ наличному матеріалу, стремленіе видѣть въ немъ не только занимательные рассказы, но и полезныя для науки свѣдѣнія мы видимъ у іезуита Лафито. Онъ, въ званіи миссіонера, проводитъ долгое время въ Канадѣ, близко знакомится съ бытомъ дикарей и въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1724 г. подъ заглавіемъ: «Обычаи дикарей Америки въ сравненіи съ обычаями древнихъ временъ», открываетъ новую эру въ исторіи этнографіи. «Я не довольствовался, пишетъ Лафито, однимъ знакомствомъ съ дикарями и разспросами объ ихъ обычаяхъ и обрядахъ; я искалъ въ этихъ обрядахъ и въ этихъ обычаяхъ слѣдовъ наиболѣе отдаленной древности; я читалъ со вниманіемъ наиболѣе древнихъ авторовъ, которые писали о правахъ, законахъ и обычаяхъ народовъ, которые имъ были извѣстны, и сравнилъ обычаи однихъ съ обычаями другихъ; признаюсь, что если древніе авторы дали мнѣ указанія для подтвержденія нѣкоторыхъ счастливыхъ предположеній, касающихся дикарей, то и обычаи дикарей доставили мнѣ данныя для болѣе легкаго пониманія и объясненія нѣкоторыхъ фактовъ, о которыхъ говорятъ старые писатели».

Лафито, какъ бы узко онъ ни понималъ «древнія времена», которыми онъ сравнивалъ бытъ дикарей, — является первымъ изъ лицъ, стремящихся воспользоваться этнографическимъ матеріаломъ для научныхъ цѣлей. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ намѣчаетъ и первыя научныя задачи, которыя можно рѣшить на основаніи этнографическаго матеріала. Наконецъ Лафито рѣзко протестуетъ противъ господствовавшаго въ то время взгляда на дикарей—взгляда, давши поводъ знаменитому представителю естественнаго права Гоббсу назвать первобытный періодъ человѣчества (рисовавшійся ему, какъ современный бытъ дикарей) эпохой *belli omnium contra omnes* когда отношенія людей можно было формулировать фразой *homo homini lupus*. «Изображеніе дикарей, пишетъ Лафито, какъ людей грубыхъ, глупыхъ, невѣжественныхъ, жестокихъ, безъ чувства религіи и человѣчности, преданныхъ всѣмъ порокамъ—естественныя слѣдствіе полной свободы, не стѣсняемой ни сознаніемъ божества, ни человѣческими законами, ни основами разума и воспитанія, не пердало бы ихъ портрета, согласно дѣйствительности. Они обладаютъ умомъ, живымъ воображеніемъ, чудной памятью; у всѣхъ есть слѣды древней и наслѣдственной религіи, форма правленія; они обладаютъ справедливымъ сужденіемъ о дѣлахъ, болѣе справедливыхъ, чѣмъ у нашего народа» и т. д. Отношеніе къ дикарямъ, въ сказываемое въ приведенныхъ строкахъ, знаменуетъ значительный прогрессъ въ дѣлѣ изученія быта народовъ. Лафито старается отнестись безпристрастно къ изслѣдуемому матеріалу и страхнуть съ себя пріятныя взгляды, навѣянные Европою холоднымъ, высокомернымъ отношеніемъ путешественниковъ и изслѣдователей къ такъ называемымъ «низшимъ расамъ», темныя стороны быта которыхъ заслоняли для нихъ свѣтлыя стороны жизни дикарей.

Общему теченію мысли у писателей XVIII-го вѣка и неудовлетворенности тогдашняго общества формами жизни мы обязаны направленіямъ, совершенно противоположнымъ прежнему взгляду на дикарей, какъ на полу-людей. Стремленіе отыскать естественное состояніе человѣка и отвращеніе отъ благъ цивилизаціи приводятъ къ идиллическому взгляду на первобытное состояніе человѣка, представителями котораго являлись дикари. Въ описаніяхъ путешественниковъ особенно посѣщавшихъ острова Тихаго океана, гдѣ мягкій климатъ примитивное состояніе населенія, недавно столкнувшагося съ европейцами, заставляли искать слѣды наиболѣе первобытнаго состоянія человѣчества, — сказывается все болѣе стремленіе идеализировать бытъ дикарей, видѣть въ немъ идеаль того естественнаго с

стоянія, отъ котораго культурныя народности XVIII-го в. такъ отделились. Наиболѣе типичнымъ представителемъ этого идиллическаго взгляда на дикаря является Руссо. Какая неизмѣримая разни́ца существуетъ между положеніями этого утомленнаго европейской культурой мыслителя и взглядами Гоббса. Послѣдній обрисовывалъ мрачными красками жизнь первобытнаго человѣка, смѣлаго, постоянно воинствующаго, порочнаго и злого. Руссо начерталъ фантастическую картину первобытнаго состоянія человѣка, отыскивающаго себя среди роскошной природы готовую пищу, не знающаго ни добродѣтелей, ни пороковъ, незнакомаго съ болѣзнями и всецѣло свободнаго. Какъ ни наивнымъ можетъ казаться такой крайній взглядъ на бытъ и состояніе дикаря, онъ знаменуетъ еще шагъ впередъ на пути развитія этнографіи. Матеріаль, хотя бы и невѣрно понятый и неправильно освѣщенный, начинаетъ служить базисомъ для науки о развитіи общества, науки, которая въ XVIII-мъ в. только что возникла. Совершенно апіорные взгляды на исторію развитія общества у мыслителей XVIII-го вѣка, не основанные на положительныхъ данныхъ, несмотря на громадное значеніе, которое имъ выпало въ исторіи цивилизаци, — общаго съ наукой ничего не имѣютъ.

Что касается въ частности взглядовъ на матеріаль, добытый предшествовавшими вѣками и современными писателями и путешественниками, то онъ не разрабатывался философами. Идиллическій взглядъ на древнее состояніе человѣчества заставлялъ Руссо и другихъ мыслителей видѣть въ развитіи человѣчества лишь порчу нравовъ, удаление отъ первоначальнаго идеала. Эта порча, какъ казалось, была дѣломъ рукъ тѣхъ немногихъ лицъ, которымъ она была выгодна. «Первый, кто, оградивъ извѣстное пространство земли, — пишетъ Руссо — сказалъ: это мое и нашелъ достаточно простыхъ людей, которые этому повѣрили, былъ и первымъ основателемъ гражданской общины. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ, несчастій и ужасовъ оградилъ бы человѣческій родъ тотъ, кто сорвалъ бы ограду и, наполнивъ ровъ, закричалъ бы своимъ ближнимъ: берегитесь его — вы погибли, если забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля никому».

«Постепенно, продолжаетъ Руссо, люди, которые въ одиночку блуждали по лѣсамъ, становятся болѣе осѣдлыми, медленно сближаются другъ съ другомъ, соединяются въ различныя группы и образуютъ въ каждой странѣ особую народность, объединенную общностью нравовъ и обычаевъ». Отсюда проистекаютъ всѣ бѣдствія человѣческаго рода; «такимъ образомъ, заключаетъ великій философъ

XVIII-го вѣка, состояніе равенства было уничтожено и замѣнено самымъ ужаснымъ безпорядкомъ: захваты богатыхъ, разбойничьи наѣды на бѣдныхъ, распущенныя страсти всѣхъ, уничтожая природную жалость и голосъ, еще слабый, справедливости, сдѣлали людей жадными, честолюбивыми, злыми».

Вольтеръ не скрываетъ своего недовѣрія къ мнѣнію, утверждающему, будто первобытный человѣкъ жилъ изолированно, и рѣшительно отказывается признать правильными взгляды на дикарей, подобные высказаннымъ Гоббсомъ. «Вы понимаете, спрашиваетъ онъ, подъ названіемъ «дикіе»—животныхъ о двухъ ногахъ... въ одиночествѣ бродящихъ по лѣсамъ, не знающихъ своихъ сыновей, ни своихъ отцовъ, живущихъ, какъ животныя? Писали, будто это и есть настоящее состояніе человѣка, что мы только дегенерировали съ теченіемъ времени, какъ мы оставили это состояніе. Я не думаю, продолжаетъ онъ, чтобы эта одиночная жизнь, которую приписываютъ нашимъ предкамъ, была-бы въ природѣ человѣка. Мы, если не ошибаемся, стоимъ во главѣ животныхъ, живущихъ группами». «Человѣкъ», говоритъ Вольтеръ въ другомъ мѣстѣ, всегда былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть—это не значитъ, что у него всегда были прекрасные города и т. п. Но онъ всегда обладалъ тѣмъ-же инстинктомъ. Мы вовсе не были созданы для того, чтобы жить, какъ медвѣди». Но Вольтеръ идиллически представляя себѣ первобытное общество, не задумывается объяснить появленіе религіознаго культа у разныхъ народовъ происками и хитростью жрецовъ. Того же мнѣнія держится и извѣстный нѣмецкій путешественникъ Георгъ Форстеръ, посѣтившій острова Тихаго океана: «впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ бесѣдъ съ туземцами убѣдили его, что всѣ путанныя ученія нестройнаго многобожія, которыя были отмѣчены почти у всѣхъ народовъ земного шара, оказываются лишь искусственными приемами нѣсколькихъ сумасбродныхъ головъ, которыя находили себѣ выгоду въ всеобщемъ распространеніи этихъ ошибокъ».

Не останавливаясь дольше на писателяхъ, рисовавшихъ себѣ идиллію жизни первобытнаго человѣка, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ идиллическій взглядъ въ XVIII-мъ вѣкѣ былъ господствующимъ, что онъ долгое время держался у многихъ писателей XIX-го столѣтія, въ особенности первой половины его, въ эпоху романтизма.

Несмотря на нѣкоторую наивность взглядовъ мыслителей XVIII-го вѣка на бытъ дикарей, нельзя не отмѣтить, что пути, которыми должно было идти изученіе дикихъ народовъ, были намѣчены правильно естественнo именно этими писателями. Накопившійся матеріалъ напра-

Опиравшись на выводы и этнографическія данныя утилизировались, съ одной стороны, чтобы путемъ сравненія установить бытъ первобытнаго человѣчества, а съ другой стороны, чтобы отыскать основы развитія первоначальнаго общества. Если мысли писателей XVIII-го вѣка не могли привести къ прочнымъ результатамъ, то это происходило отъ общаго направленія этой мысли и метода философовъ, а равно и оттого, что *человѣкъ* не былъ еще объектомъ *изученія*. Онъ считался вѣнцомъ творенія и, какъ таковой, могъ служить исключительно объектомъ *размышленія*, матеріаломъ для философскихъ, но къ сожалѣнію, апріорныхъ конструкцій.

III. Исторія развитія этнографіи, какъ науки. Ея задачи, методы и предѣлы

Поворотнымъ пунктомъ въ развитіи человѣческихъ знаній слѣдуетъ считать моментъ, когда человѣкъ пересталъ отдаляться отъ общаго мірозданія, когда изученіе его было введено въ кругъ изученія всей природы. Заслуга этого шага, результаты котораго оказались грандіозными, принадлежитъ Линнею и Бюффону. Ими впервые было понято, что человѣкъ и человѣческія группы, разсѣянные по землѣ, входятъ въ кругъ ихъ занятій, въ кругъ естественныхъ наукъ. Линней первый смотритъ на человѣка, какъ на *сидъ* естественного-историческомъ смыслѣ этого слова—*homo sapiens*. Въ народности представляютъ варіаціи этого вида. Поэтому Линней описываетъ и характеризуетъ эти варіаціи человѣка: американскаго, европейскаго, азіатскаго и африканскаго. Совершенно другой и болѣе серьезный характеръ имѣетъ работа Бюффона. Онъ имѣлъ въ виду написать «Полную исторію человѣка», рассматривая его, какъ индивиду и какъ видъ. Попытка его была по времени удачна, такъ какъ трудъ его появился въ свѣтъ впервые въ 1749 г., т. е. за 20 слѣдующихъ лѣтъ передъ окончаніемъ знаменитыхъ путешествій Брюса и Кука¹⁾. Черезъ 30 лѣтъ, впрочемъ, Бюффонъ издалъ свой трудъ вновь, въ значительно измѣненномъ видѣ. «Бюффонъ уже признаетъ—говоритъ Катрфажъ—единство человѣчества, какъ вида, и множественность его расъ. Онъ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ расъ, извѣстныхъ въ то время, и объединяетъ болѣе или менѣе весь матеріалъ, находившійся въ то время въ распоряженіи этнографіи. Онъ не распредѣляетъ его еще въ методическомъ порядкѣ. Не признавая классификаціи даже въ зоологіи, Бюффонъ не могъ и думать о классификаціи человѣческихъ группъ. Онъ слѣдуетъ географическому порядку въ описаніи и дѣлитъ все население земного шара на четыре основныхъ типа, опре-

¹⁾ Брюсъ вернулся изъ Африки, гдѣ онъ посѣтилъ Абиссинію въ 1773 г., а Кукъ окончилъ свое второе путешествіе въ 1775 г.

бляемыхъ цвѣтомъ кожи; но онъ признаетъ и описываетъ варіаціи аждаго изъ этихъ типовъ и, такъ сказать, какъ будто предвидитъ же ихъ этническое сходство».

Если философы XVIII-го столѣтія соединяли этнографію съ общественными науками, искали въ ней ключа къ рѣшенію вопроса о первобытномъ состояніи человѣчества, то благодаря Линнею и Юффону этнографія тѣсно была соединена съ естественными науками. Эта связь еще сильнѣе закрѣплена Блүменбахомъ въ его изданіяхъ: *De generis humani varietate nativa* (1775) и *Decades craniorum* (1790—1808). Это соединеніе съ естественными науками, введеніе какъ физическаго, такъ и духовнаго міра человѣка въ общій цѣль наукъ, изучающихъ природу и ея явленія, отразился благотворно на этнографіи, далъ ей возможность сдѣлать большіе шаги впередъ. Новая наука—антропологія развивается одновременно съ этнографіей, и усилѣхъ и научное значеніе каждой изъ нихъ идутъ параллельно. Съ конца XVIII-го вѣка возникаетъ и само названіе «этнографія», которое, насколько извѣстно, впервые встрѣчается официально въ изданномъ въ 1791 г. Этнографическомъ Альбомѣ въ Нюренбергѣ. Долгое время еще мыслители и писатели продолжаютъ сохранять идиллическій взглядъ на дикарей, но прогрессъ философской мысли, а равно ростъ естественныхъ наукъ, идущій гигантскими шагами впередъ, поддерживаютъ взглядъ на человѣка, какъ на объектъ изученія. Его изслѣдуютъ со стороны физической и духовной. Рамки изслѣдованій постепенно расширяются, въ кругъ наблюденій вводятся не только некультурныя расы, но и народности, достигшія высокой степени цивилизаціи. Взглядъ, что между тѣмъ бытомъ, представителями котораго являются дикари, и той ступеню развитія, на которую поднялись европейскія народности, нѣтъ *hiatus'a*, что цивилизація могла развиваться лишь постепенно, путемъ органическимъ,—становится все болѣе и болѣе неоспоримымъ. Сходства и различія въ бытѣ дикарей, послѣдовательность развитія историческихъ народностей вызываютъ стремленіе къ отысканію тѣхъ законовъ, которыми регулировался этотъ прогрессъ. Такимъ образомъ возникаетъ новая наука—«соціологія», впервые опредѣленная и получившая свое названіе благодаря трудамъ Огюста Конта.

Соціологія—наука еще настолько новая, что было бы несправедливымъ ожидать, при широтѣ ея цѣлей и сложности задачъ, богатыхъ положительныхъ результатовъ за короткій періодъ ея существованія. Она имѣетъ цѣлью изучить законы развитія человѣческихъ обществъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Несмотря на кратковре-

менное существованіе, она упрочилась уже настолько, что въ нахъ, гдѣ изученіе ея двигается впередъ съ особенной интенсивностью, какъ напримѣръ во Франціи, уже серьезно поднятъ вопросъ объ учрежденіи факультета, а отдѣльные курсы социологіи уже получили въ значительной степени право гражданства. Такимъ образомъ, въ ничтожный промежутокъ времени между моментомъ, когда человѣкъ сдѣлался объектомъ изученія, какъ особи, и нашими днями, успѣла зародиться и стать на твердую почву одна научная система, занимающаяся исключительно человѣческими объектами. Человѣкъ, какъ отдѣльный индивидъ, не можетъ представлять интереса для изученія. Это послѣднее важно только въ томъ случаѣ, когда его разсматриваешь, какъ члена группы, объединенной общностью физическихъ признаковъ или единствомъ интересовъ. Изучая законы развитія человѣческихъ группъ, социологія ставитъ передъ собою такія широкія задачи, что ее слѣдуетъ считать скорѣе системой объединяющей результаты, добытые другими науками, систематическимъ цѣлымъ, чѣмъ отдѣльной наукой, принимая это послѣднее слово въ узкомъ, тѣсномъ значеніи. Законы, открываемые исторіей, статистикой, экономическими и другими общественными науками, антропологіей, этнографіей, археологіей—однимъ словомъ всѣми науками, изучающими человѣка, какъ члена группы, составляютъ основной матеріалъ для социологіи. Она заняла, поскольку это касается изученія человѣка, то мѣсто, которое въ прежнее время принадлежало философіи.

То, что смутно предчувствовалось въ трудахъ писателей и философовъ шестнадцатыхъ вѣковъ, когда они на основаніи описаній быта дикарей старались изобразить первобытное состояніе человѣка, и что вызвало нѣсколько попытокъ какъ напримѣръ у Лафито и смѣлыхъ, но неправильныхъ спекуляцій Гоббса, Руссо и др.—сравнительно быстро увѣнчалось огромнымъ успѣхомъ и привело къ созданію социологіи. Она основана на индукціи и системѣ, что могло произойти только послѣ того, какъ изученіе человѣка было поставлено на научную почву, послѣ того какъ изложеніе его физическаго и духовнаго міра было соединено съ изложеніемъ всего мірозданія, одно изъ звеньевъ котораго составлялъ человѣкъ. Прежніе же мыслители смотрѣли на человѣка, какъ на существо, стоящее изолированно и совершенно отдѣльно отъ всей природы. Всѣ остальные науки, занимающіяся изученіемъ человѣка, стремятся къ той-же цѣли, какъ и социологія, т. е. къ отысканію законовъ развитія человѣка; но онѣ ограничены своимъ матеріаломъ и достигаютъ этой цѣли только частично, въ предѣлахъ своихъ нишъ, указанныхъ имъ ихъ матеріаломъ.

Значеніе этнографіи для исторіи возникновенія соціологіи очевидно. Вившись изъ простаго записыванья поражавшихъ путешественниковъ чужаевъ и правовъ чужихъ народностей, этнографія XVIII-го в. успѣла накопить достаточный матеріалъ, который напрашивался на выводы. Первые попытки къ обобщенію не были удачны—и только послѣ того, какъ этнографія поставлена была въ тѣсную связь съ естественными науками, она получила возможность достигать прочныхъ выводовъ и законовъ, которыми пользуется соціологія для высшихъ обобщеній. Матеріалъ этнографіи опредѣлился историческимъ путемъ, уже въ то время, когда возникло самое названіе науки, слово *народъ* понималось не какъ *народъ вообще*, а лишь въ смыслѣ цивилизованныхъ, дикихъ народностей, которыя и составляли объектъ изслѣдованія и изученія этнографіи. Матеріалъ добывался путемъ личныхъ наблюденій, разспросовъ и изученія такъ называемыхъ дикихъ расъ. Матеріалъ приводилъ къ сравненію, которое въ свою очередь вызывало обобщенія. Стремленіе же отыскать и изслѣдовать причинную связь между явленіями послѣдовательнаго порядка естественно и неизбѣжно должно было открыть нѣкоторые законы, общіе въ развитіи дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по всему земному шару. Такимъ образомъ, этнографія постепенно перешла изъ такъ называемаго эмпирическаго періода въ періодъ, называемый М. Мюллеромъ теоретическимъ. Естественно, что этнографія не могла ограничиться изученіемъ матеріала только дикихъ народовъ и племенъ. Прежде всего представленіе о томъ, что такое «дикое племя», и въ чемъ заключается его различіе отъ недикаго, крайне шатко и неопредѣленно. Кромѣ того этнографическій матеріалъ распространялся не только на однихъ такъ называемыхъ дикарей. Въ прежнее время, когда слова «дикарь», «варваръ», «первобытный» или «примитивный» челоѣкъ были гораздо болѣе распространены, чѣмъ теперь, и понимались въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, къ нимъ причисляли всѣ народности, которыя не играли въ развитіи европейской культуры непосредственной роли. Все, что лежало за предѣлами древняго Египта и Месопотаміи, міра классическаго и европейскихъ народовъ,—получало общее наименованіе варваровъ или дикарей. Къ этимъ разрядамъ причисляли достигшихъ сравнительно высокой культуры мексиканцевъ и древнихъ обитателей Перу; къ нимъ не задумывались относить даже цивилизованныя государства восточной Азіи: Китай и Японію. Конечно путешественники, изслѣдователи и ученые, по мѣрѣ расширенія знаній, не могли не замѣтить, что между дикарями въ тѣсномъ смыслѣ слова и населеніемъ государственныхъ организмовъ, какъ напримѣръ Мекси-

ки, Перу, Китая и т. п., существуетъ громадное культурное разноречіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ бросались имъ въ глаза и черты сходства между послѣдними и низко стоящими въ культурномъ отношеніи народами. Въ бытѣ тѣхъ и другихъ оказывались слѣды, весьма значительные, быта примитивнаго человѣчества. Когда получили право гражданства взгляды, что человѣчество въ цѣломъ подчинено одинаковымъ законамъ развитія, тогда—предубѣжденіе, будто европейскіе народы стоятъ *особнякомъ*, постепенно стало отпадать само собой. Какъ ни высоко стоитъ культура европейскіхъ народовъ, она затрагиваетъ далеко не всѣ классы общества; народная масса даже въ странахъ гдѣ наиболѣе развита образованность, сохраняетъ еще много отъ сквовъ старины. Среди этихъ отголосковъ были найдены и черты сходства съ бытомъ дикарей. Развитію этого взгляда способствовало въ значительной степени пробудившееся въ Германіи въ концѣ XIX-го столѣтія чувство національности. Оно вызвало къ себѣ убѣжденіе, что каждый народъ, каждое племя имѣетъ свои специфическія черты, отличающія его отъ другихъ. Эти черты, происходящія отъ особенности склада характера каждого народа, выросли въ своеобразный *духъ народа*, какъ его принято было называть. Онъ требовалъ изученія, чтобы возможно было понять учрежденія, взгляды, особенности каждой народной или племенной группы. Изученіе проявленій этого духа въ исторіи, въ правѣ, въ древностяхъ, въ искусствѣ—дало могучій толчокъ стремленію изучать взгляды и обычаи некультурныхъ слоевъ народа. Собираніе сказокъ, преданій, юридическихъ обычаевъ, суевѣрій и пр. открыли предъ глазами изслѣдователей, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить Як. Гримма, цѣлый новый міръ, хранящій въ себѣ отголоски глубокой старины. Напившійся матеріалъ въ разныхъ странахъ доказалъ, что въ міровомъ зрѣніи различныхъ народностей можно отмѣтить много чертъ сходства и иногда даже полного тождества. Этотъ матеріалъ въ значительной степени модифицировалъ представленіе о *духѣ народномъ*. Узкая націоналистическая точка зрѣнія была поколеблена и сравненіе результатовъ, добытыхъ благодаря стремленію къ самоизученію у разныхъ европейскихъ народовъ, лишь облегчило проникновеніе сознанія о общности ихъ первобытной культуры.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія способности объективно относиться къ изученію человѣчества, безъ различій расъ и національностей, постепенно рушилась и та преграда, которая отдѣляла культурныя европейскія народности отъ некультурныхъ.

Распространеніе этнографическихъ наблюденій и на низшіе сл

илизованныхъ народовъ должно было возникнуть, какъ естественное слѣдствіе стремленія провѣрить законы, открытые и прослѣженные на бытѣ вѣ-европейскихъ народовъ. Отмѣтить это представляется важнымъ.

Отыскать означенные законы, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, оказалось возможнымъ благодаря методу, воспринятому этнографіей, частью подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ собственнаго материала, частью подъ вліяніемъ соціологіи, съ которой этнографія оказалась въ тѣснѣйшей связи.

Методъ, при помощи котораго могутъ быть открыты законы развитія человѣческаго общества, былъ опредѣленъ основателемъ соціологіи—Огюстомъ Контомъ. Онъ, какъ основатель позитивной философіи, скинулъ метафизическіе приемы прежнихъ мыслителей и выдвинулъ на первое мѣсто индукцію, предоставивъ дедукціи второстепенное значеніе. На индукціи должны быть основаны и выводы этнографіи. Изученіе явленій на основаніи точно установленныхъ и провѣренныхъ фактовъ—составляетъ важнѣйшій моментъ научнаго этнографическаго изслѣдованія. Индуктивный методъ, примѣненный къ общественнымъ явленіямъ, приводитъ къ заключенію, что различные народы, не имѣющіе ни общаго происхожденія, ни языка, ни вѣроученія, отдѣленные такимъ образомъ другъ отъ друга, повидимому, изолированными пропастями, обнаруживаютъ массу общихъ чертъ въ своемъ бытѣ. Параллельное изученіе этихъ общихъ чертъ напрашивается само собой. Параллельное изученіе одинаковыхъ явленій жизни различныхъ народовъ Контъ предлагаетъ вести сравнительнымъ методомъ. Этотъ методъ, называемый историко-сравнительнымъ, заключается конечно не въ простомъ наизываніи сходныхъ явленій. Задача его—изученіе причинъ сродства, отысканіе условій, приведшихъ къ сродству другъ другу народности къ одинаковымъ ступенямъ культуры. Сличивъ сходныя явленія, объясняемая взаимнымъ непосредственнымъ или посредственнымъ вліяніемъ народовъ, мы получаемъ тотъ основной выводъ, что, независимо отъ расовыхъ особенностей, различія въ климатическихъ условіяхъ, независимо отъ среды, въ которой приходится жить человѣческимъ группамъ,—человѣчество переживало одинаковыя ступени развитія. Исходя изъ общаго положенія, что болѣе простыя, а болѣе сложныя явленія должны предшествовать болѣе комплицированнымъ и располагая явленія въ этомъ порядкѣ, изслѣдователь получаетъ послѣдовательную цѣпь формъ, изъ которыхъ каждая будетъ соответствовать опредѣленной, установленной ступени развитія.

Но задача историко-сравнительнаго метода не ограничивается

этимъ. Исключительное изученіе чертъ сходства было бы одностороннимъ. Человѣчество въ различныхъ проявленіяхъ своей культуры бесконечно разнообразно и изслѣдователю не могутъ не броситься въ глаза черты различія въ формахъ быта народностей, стоящихъ на одинаковой ступени культурнаго развитія. Выдѣлить эти характерныя черты и найти объясненіе ихъ возникновенію составляетъ главную задачу этнографа, если онъ хочетъ придти къ научнымъ выводамъ. Изучая причины различій быта и группируя ихъ въ логическомъ порядкѣ, изслѣдователь будетъ въ состояніи провести выводы, полученные благодаря изученію чертъ сходства и отличій, общечеловѣческіе законы развитія отъ законовъ частныхъ, обусловливаемыхъ причинами болѣе или менѣе случайными и зависящихъ отъ примѣненія въ ограниченной части человѣчества. Такимъ образомъ, историко-сравнительный методъ заключается въ одновременномъ изученіи причинъ сходства и различія въ бытѣ различныхъ народностей и въ группировкѣ ихъ въ порядкѣ исторической последовательности.

Индуктивный методъ изученія привелъ къ выясненію другаго приема, благодаря которому оказывается возможнымъ доказать, что народности, стоящія въ настоящій моментъ на высокой ступени цивилизации, нѣкогда не отличались по формамъ быта отъ современныхъ некультурныхъ, такъ называемыхъ дикихъ народностей. Это такъ называемый приемъ изученія фактовъ переживанія, впервые примененный Тэйлоромъ. Изслѣдованіе чертъ сходства въ бытѣ различныхъ племенъ привело къ заключенію, что даже наиболее развитыя, ушедшія далеко по пути цивилизаціи народности сохраняютъ не только обычаевъ и обрядовъ, представляющихъ подчасъ полное тождество обычаями и обрядами дикарей. Они сохраняются *по традиціи* и соблюдающій ихъ народъ или классъ общества чаще всего не можетъ дать имъ подходящаго объясненія. Эти пережитки отъ прежнихъ формъ быта, утратившіе реальный смыслъ и соблюдаемые въ видѣ простого обряда, находятъ себѣ объясненіе въ бытѣ некультурныхъ племенъ. Наблюдая подобные факты переживанія среди backwarded слоевъ культурныхъ народностей, въ глухихъ углахъ, отдаленныхъ отъ центровъ цивилизаціи, вдали отъ путей мірового движенія, изслѣдователь почерпаетъ въ нихъ доказательство того, что культурная народность нѣкогда, подчасъ въ очень отдаленномъ прошломъ, переживала ту же стадію развитія, на которой стоятъ современные некультурныя племена, у которыхъ аналогичные обычаи сохраняютъ реальный смыслъ и жизненное значеніе.

Методъ изученія фактовъ переживанія далъ крайне благопріятныя результаты. Здѣсь уместно привести нѣкоторые примѣры.

Въ Бретани, на примѣръ, населеніе до настоящаго времени собирается опредѣленные дни къ камнямъ, извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ менгировъ. Здѣсь происходятъ увеселенія молодежи, пляски и пѣніе. Этотъ обычай остался бы для насъ совершенно непонятнымъ, если-бы не имѣли историческихъ свидѣтельствъ, что у менгировъ въ прежнее время совершались жертвоприношенія языческихъ кельтовъ. Прошло 1300 лѣтъ со времени введенія христіанства во Франціи, почитаніе менгировъ не могло быть уничтожено. Они окружены ореоломъ таинственности; воспоминаніе о нихъ, какъ о мѣстахъ жертвоприношеній, уже утратилось, но осталась смутная память о родныхъ сборищахъ въ этихъ мѣстахъ. Совершенно аналогичный случай, традиціонно повторяемый русскими, мы можемъ наблюдать относительно городищъ. Они давно уже утратили значеніе укрѣпленій, мѣстъ собранія для жертвоприношеній, но и теперь еще во многихъ мѣстахъ дѣвушки въ Троицынъ день считаютъ необходимымъ косить сплетаемые ими въ этотъ день вѣнки въ рѣку непременно противъ городища. Если спросить, почему это дѣлается, не получимъ никакого отвѣта, кромѣ, — «такъ старики дѣлали».

Въ настоящее время встрѣчаешь во многихъ мѣстахъ Россіи обыкновеніе класть вмѣстѣ съ покойниками монету и бутылку водки. Далекое не съ крестьяне могутъ объяснить, для чего это дѣлается; лишь старики изсказываютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что это дѣлается для того, чтобы покойнику было чѣмъ заплатить, когда онъ будетъ перѣзжать черезъ вѣнную рѣку, и чтобы было ему чѣмъ подкрѣпиться во время долгаго гробнаго пути. Это — пережитокъ всеобщаго вѣрованія о томъ, что покойнику нужны земныя вѣщи и послѣ смерти, господствовавшаго прежде и среди высшихъ слоевъ, но сохранившагося теперь лишь среди крестьянства. У большинства народностей, какъ некультурныхъ, такъ и низшихъ классовъ цивилизованныхъ народовъ, свадебные обряды имулируютъ похищеніе невесты. Ворота запираютъ при пріѣздѣ поѣзда жениха, пріѣхавшихъ не пускаютъ, иногда стрѣляютъ изъ ружей и т. п., устраивается фиктивная борьба, которая кончается побѣдой артіи жениха, quasi-насилованнымъ захватомъ невесты и фиктивнымъ примиреніемъ враждующихъ сторонъ. Народы, которые соблюдаютъ подобные обряды, не находятъ имъ объясненія. Зная, однако, то множество народовъ практикуютъ дѣйствительное похищеніе невесты, при чемъ борьба не имѣетъ шуточнаго значенія и часто кончается кровопролитіемъ — мы можемъ съ достовѣрностью признать, что

тамъ, гдѣ происходитъ борьба фиктивная, она замѣнила собой дѣйствительную, т. е. что дѣйствительность прежняго времени въ обрядѣ. Въ средней Россіи, гдѣ весна наступаетъ раньше, и сѣверѣ, напримѣръ въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, выгонять скотъ въ первый разъ въ поле въ Юрьевъ день (23 мая). Населеніе же названныхъ губерній по климатическимъ условіямъ жеть отпущать скотъ въ поле только въ началѣ мая. Тѣмъ не менѣе, какъ въ Олонецкой, такъ и въ Архангельской губерніяхъ, существуетъ безсознательно исполняемый въ настоящее время обычай: 23 мая выгонять скотъ изъ дворовъ на улицу, чтобы затѣмъ его загнать во дворы, гдѣ онъ продолжаетъ находиться до начала мая.

Кому не извѣстенъ предрасудокъ, что браки, заключенные въ маѣ несчастны, и, вѣроятно, едва ли кто нибудь можетъ дать удивительное объясненіе этому ни на чемъ не основанному мѣтѣ. Франціи, у чеховъ, у румынъ, въ Англіи, Ирландіи, въ Германіи (Вестфалии) также обыкновенно избѣгаютъ вступать въ бракъ въ маѣ. Въ Италіи еще въ XVII—XVIII-хъ вв. господствовало убѣжденіе, что вступающій въ бракъ въ маѣ долженъ умереть. Овидій наконецъ минаетъ объ этомъ суевѣріи среди римскаго общества, при чемъ тогда считалась неизбѣжной скорая смерть одного изъ брачующихся въ маѣ. По поводу словъ Овидія, Плутархъ объясняетъ господствовавшее въ его время суевѣріе тѣмъ, что май посвященъ культу Венеры и Меркурію, сыну Майи, въ честь которой помянутый мѣсяцъ получилъ свое названіе. Меркурій, какъ извѣстно, отводилъ мертвыхъ въ подземное царство. Дѣйствительно, въ древнемъ Римѣ въ маѣ происходилъ праздникъ въ честь Lemures (душъ усопшихъ). Представленіе, которое въ языческомъ Римѣ было вполне обособлено, перешло и въ другія страны и съ уничтоженіемъ язычества сошло въ качествѣ переживанія сѣдой древности. Что касается къ данному случаю, то этотъ взглядъ на май занесенъ къ намъ и сравнительно недавно. Это наглядно доказывается тѣмъ, что съ вступленіемъ въ народную массу, кромѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда игра словъ «май» и «маяться» облегчило переходъ этого суевѣрія отъ культурныхъ слоевъ къ некультурнымъ.

Во Франціи существуетъ взглядъ, что не слѣдуетъ оставлять скорлупу съѣденнаго яйца на тарелкѣ не раздавленной. Во Франціи это странное правило мотивируется правилами приличія. Во многихъ мѣстностяхъ считается опаснымъ бросать срѣзанные ногти или выносить ихъ въ определенное мѣсто дома, въ особенности открытое; срѣзанные ногти или носить при себѣ, или бросаютъ ихъ въ уголъ дома.

тое мѣсто комнаты. Всѣ эти и подобные обычаи кажутся странными, тѣмъ болѣе, что народъ не умѣетъ объяснить ихъ удовлетворительнымъ образомъ. Но они намъ станутъ вполне понятными, если мы помнимъ, что некультурный человѣкъ объясняетъ всѣ болѣзни и чужія несчастія колдовствомъ. Накладывать же можно, только имѣя предметъ, принадлежащій данному лицу, часть его тѣла, одежды, или по крайней мѣрѣ предметъ, котораго онъ касался. Зная, что римляне именно изъ боязни колдовства всегда разбивали скорлупу съѣденнаго яйца—намъ не удивить, что мы встрѣчаемъ этотъ же обычай, совершенно утратившій свое первоначальное значеніе, во Франціи; имѣя далѣе виду боязнь колдовства общую всѣмъ первобытнымъ народамъ, мы легко поймемъ, почему многие народы скрываютъ свои ногти или косы, хотя сами они это дѣлаютъ лишь оттого, что такъ дѣлалось прежде, ихъ отцами и дѣдами.

Переживанія сохраняются съ большою живучестью и въ народномъ творчествѣ. Сказки, пѣсни, пословицы, загадки и проч., сложившіяся на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, сохраняются долго послѣ того, какъ бытъ, который они отражаютъ въ себѣ, отошелъ въ область далекаго прошлаго. Вѣрованія, бывшія некогда господствующими у даннаго племени, приводятъ къ цѣлой литературѣ сказаній о богахъ или другихъ существахъ языческаго пантеона. Эти рассказы утрачиваютъ съ теченіемъ времени свое истинное значеніе и превращаются въ формѣ сказокъ и пѣсенъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Напримѣръ, отдѣльныя пѣсни финской поэмы Калевалы были собраны въ XIX-омъ столѣтіи среди кареловъ, которые по традиціи сохраняли и форму и содержаніе этого національнаго финскаго эпоса, дающаго яркую картину первобытныхъ, малотронутыхъ еще христіанствомъ, религіозныхъ взглядовъ финновъ. Къ этому же циклу можно отнести и сказки, напримѣръ, эстовъ, повѣствующія о сотвореніи міра, животныхъ, человѣка. То, что въ настоящее время является лишь занимательнымъ для народа рассказомъ, прежде составляло дѣйствительныя представленія ихъ о происхожденіи міра. Если бы до насъ не дошли скандинавскія саги, мы имѣли бы лишь ограниченныя представленія о мифологіи германскихъ племенъ, такъ какъ только въ дали возможность проникнуть и освѣтить темныя религіозныя вѣрованія первобытныхъ германцевъ.

Сохраняя для потомства религіозныя представленія древняго времени, произведенія народнаго творчества сохраняютъ въ меньшей степени и воспоминанія о древнемъ общественномъ бытѣ народности. Намъ извѣстно о существованіи у многихъ дикихъ племенъ обычаи,

согласно которому неспособные къ труду старики предавались
Ни одинъ историческій памятникъ не можетъ засвидѣтельствовать
существованія этого обычая среди славянскаго населенія. Но
повѣствующія о такихъ убійствахъ и рассказывающія о причинахъ
годаря которымъ этотъ обычай былъ выведенъ изъ употребленія,
зываютъ, что въ данномъ вопросѣ славянское населеніе Россіи въ
ленный періодъ не дѣлало исключенія отъ большинства дикахъ
мень. Сказки же сохраняютъ намъ часто воспоминанія о бывшихъ
нѣкогда человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у многихъ русскіхъ
инородцевъ, хотя мы совершенно тщетно стали бы искать чего нибудь
подобнаго въ современномъ ихъ бытѣ. Въ виду всего этого, изученіе
продуктовъ народнаго творчества—помимо интереса, который оно
представляетъ подобное изученіе само по себѣ—имѣетъ важное значеніе
для открытія сторонъ быта и вѣрованій, о которыхъ въ народѣ
сохранилось реальнаго воспоминанія.

Далѣе, пережитки отдаленнаго быта сохраняются часто въ народныхъ играхъ. На этотъ источникъ впервые указаво Тэйлоръ.
Подобно тому, какъ у насъ дѣти во время игръ изображаютъ угощеніе
гостей, хожденіе въ церковь и проч., такъ и дѣти дикарей
особеннымъ удовольствіемъ подражаютъ занятіямъ взрослыхъ. Такъ
эскимосовъ, напр., строятъ себѣ свѣжные домики миниатюрныхъ
мѣровъ, но воспроизводящіе болѣе или менѣе точно дома взрослыхъ.
Австралійскія дѣти очень любятъ игру въ похищеніе невесты, въ
мѣры чему они встрѣчаютъ въ обыденной жизни своихъ отцовъ.
случается часто, что дѣтская игра *переживаетъ* дѣйствительную жизнь.
Лучшимъ примѣромъ можетъ служить, на примѣръ, лукъ и стрѣла, давно
вышедшіе изъ употребленія въ Европѣ и сохранившіеся только въ
качествѣ дѣтскихъ игрушекъ почти повсюду. Обрядъ жертвоприношенія
вепря, практиковавшійся въ языческой періодъ на оствѣ Готландѣ,
сохранился до новѣйшаго времени въ дѣтской игрѣ. И въ
сохраняющія воспоминанія о жертвоприношеніяхъ, отмѣчены во Фри-
ціи, Германіи и проч.

Добываніе себѣ огня треніемъ двухъ кусковъ дерева до сихъ поръ
служить въ Швейцаріи, Тиролѣ и Россіи игрой для дѣтей.
причемъ дѣти ради удовольствія продѣлываютъ то, что дикари
дѣлаютъ совершенно серьезно, за неимѣніемъ средствъ добыть себѣ
огонь инымъ способомъ. Почти повсемѣстно господствуетъ обычай при
стройкѣ дома класть въ землю или въ фундаментъ монеты.
многіе конечно знаютъ, что этотъ обычай стоитъ въ связи
жертвоприношеніями, которыя творились духамъ, отъ умилосты-
ненія которыхъ зависѣло благополучіе дома.

ия которых зависѣла судьба строящагося дома и благополучіе
евъ.

Но нигдѣ переживанія не держатся такъ крѣпко, какъ въ
исти культа. Способы и приемы, выработанные въ давно прошедшія
ена, продолжаютъ сохраняться тысячелѣтіями въ обрядахъ, смыслъ
орыхъ уже утраченъ. Когда крестьяне въ поминальные дни отпра-
ются на могилы родственниковъ съ съѣстными припасами, которые
тъ же потребляютъ, они конечно не подозрѣваютъ, что сохраняютъ
ческий обычай поминальныхъ тризнь и кормленія покойниковъ,
ь чего, по взгляду большинства некультурныхъ народовъ, покойники
утъ «умереть». Когда мордвинъ или русскій Архангельской губерніи
страиваетъ надъ могилой родственника подобіе маленькаго дома,
не думаетъ, что сохраняетъ въ качествѣ переживанія обычай
онить умершаго со всей его обстановкой въ дѣйствительномъ домѣ.
пль сохраняетъ пережитки даже въ употребленіи извѣстной посуды,
ѣстныхъ орудій и проч., единственныхъ или наиболѣе употребитель-
сь во время возникновенія даннаго культа, но вышедшихъ въпослѣдствіи
употребленія. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ римляне давно
е были знакомы съ желѣзомъ, главный жрецъ имѣлъ право употреб-
тъ для извѣстныхъ цѣлей только ножъ, сдѣланный изъ мѣди. Каменные
удія предшествуютъ металлическимъ, но культъ часто сохраняетъ ихъ
при господствѣ металловъ. Древніе обитатели Мексики, напримѣръ,
отребляли при жертвоприношеніяхъ обязательно каменные ножи,
и разрѣзыванія и извлеченія внутренностей жертвъ.

Слишкомъ часто положеніе: «гдѣ встрѣчаются одинаковыя при-
ины, должны существовать и одинаковыя явленія» примѣнялось
ь обратномъ смыслѣ: «гдѣ существуютъ одинаковыя явленія, должны
уществовать и одинаковыя причины». Это неизбѣжно приводило
ь установленію выводовъ, шаткость которыхъ все болѣе обнаружи-
ется благодаря накопленію количества наблюденій и детальному
ученію племенъ въ разныхъ частяхъ земного шара. Въ самомъ
слѣ, наличность одинаковыхъ явленій у различныхъ народовъ не
ожетъ еще служить доказательствомъ общности причинъ, вызвав-
шихъ ихъ къ жизни. Если у нѣсколькихъ племенъ, пишеть по этому
оводу копенгагенскій профессоръ Штарке, относительно которыхъ
ѣтъ основанія предполагать, что они вліяли другъ на друга, мы
иходимъ общую имъ всѣмъ норму—то можно предположить, что
ричины этого лежатъ въ обстоятельствахъ, общимъ всѣмъ этимъ
племенамъ. Какъ только возникаетъ такое предположеніе, слѣдуетъ
зслѣдовать, существуетъ ли какое нибудь племя, у котораго встрѣ-

чается такая же норма при отсутствіи указанныхъ обстоятельствъ или обстоятельства при отсутствіи нормы. Далѣе, необходимо могутъ ли норма и указанные обстоятельства варьировать и другъ отъ друга въ ходѣ постепеннаго развитія племени. Результаты получаемые при этомъ, заключаетъ Штарке, будутъ имѣть не такую же достовѣрность какъ и при точныхъ наукахъ. Не менѣе онъ слѣдуетъ пользоваться и приѣмомъ изученія фактовъ переносомъ такъ какъ многія явленія, которыя принимались подчасъ исследователями за переживанія далекаго прошлаго, находили себѣ достаточное объясненіе въ условіяхъ современной жизни народа. Это даетъ еще права не признавать извѣстное явленіе переживаніемъ лишь основаніи, что въ настоящее время оно можетъ объясняться современными условіями жизни. Весьма часто повторяются случаи, когда народъ приписываетъ какое нибудь элементарное объясненіе явленіямъ, которыя онъ не въ состояніи объяснить глубокимъ изученіемъ причинъ, вызвавшихъ явленіе къ жизни. Въ этомъ отношеніи, отыскивая объясненіе извѣстнаго факта въ современной жизни народа, исследователь долженъ изучить его причины. Онъ легко можетъ впасть въ противоположную крайность и объяснить слишкомъ простымъ и на первый взглядъ естественнымъ и простымъ способомъ факты, корень которыхъ таится въ глубокой старинѣ, которые только поддерживаются благодаря нѣкоторымъ условіямъ современности.

Всѣ эти соображенія нельзя упускать изъ вида при изученіи исторіи развитія человѣчества. Они, впрочемъ, относятся лишь къ способу примѣненія историко-сравнительнаго метода, но не затрагиваютъ его по существу.

Европейская культура является въ настоящее время на высочайшей ступени, которой достигло развитіе человѣческихъ группъ. Остальныя (въ-европейскія) цивилизаціи, равно какъ и культурный уровень древности, ничто иное, какъ послѣдовательные этапы, рисуя намъ, въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ, путь, по которому шло развитіе всего человѣчества. Последнее достигло въ дѣлахъ одного отпрыска обще-человѣческой семьи—европейца наивысшей, для настоящаго конечно времени, ступени развитія. Оно болѣе всего отдалилось отъ быта такъ называемыхъ дикарей, которые занимаютъ, такъ сказать, первый этапъ пройденнаго европейцами пути.

Этотъ бытъ дикарей, дающій возможность возстановить и прочимъ картину первобытнаго состоянія культурныхъ современ

Одностей, показать, чѣмъ были эти послѣднія *иногда*, т. е. въ давно прошедшее время. Этотъ бытъ сдѣлался объектомъ изученія этнографіи. Къ нему были присоединены бытъ и внѣ-европейскихъ цивилизованныхъ народовъ, такъ же какъ и черты древняго быта неразвитыхъ слоевъ культурныхъ народностей. Этимъ путемъ намѣтили рамки изученія для этнографіи, рамки, достаточно ясныя, чтобы дать возможность вывести опредѣленіе самой науки.

Этнографія, такимъ образомъ, является наукой, которая, изучая бытъ отдельныхъ племенъ и народовъ, стремится отыскать законы, согласно которымъ шло развитіе человечества на низшихъ ступеняхъ культуры.

Итакъ этнографія, имѣя опредѣленный объектъ изученія, опредѣленный методъ и наконецъ выводы, оказывается вполне самостоятельной научной системой. Съ другой стороны, она, изучая не все человечество, а лишь законы развитія извѣстной части его, находящейся на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, находится въ тѣснѣйшей связи съ социологіей и служитъ послѣдней однимъ изъ ея оснований. Сохранить за этнографіей названіе, примѣненное Спенсеромъ, впрочемъ, лишь по отношенію отдельныхъ областей ея—«основанія» или «начала социологіи» мѣшаетъ то обстоятельство, что этнографія не является единственнымъ основаніемъ социологіи, ни даже главнымъ и началомъ. Социологія одинаково пользуется данными, которыя ей даютъ другія науки, занимающіяся человѣкомъ, но разсматривающія его съ другихъ, чѣмъ этнографія, точекъ зрѣнія, какъ напримѣръ антропологія или археологія, статистика и проч.

Системами, съ которыми наиболее тѣсно связана этнографія, являются антропологія, археологія, сравнительное языковѣдѣніе, исторія географія.

Значеніе антропологіи послѣ появленія новой науки—социологіи значительно сдузилось. Это произошло оттого, что, хотя отдаленной цѣлью антропологіи и было представить науку о челоѣкѣ, его развитіи и ходѣ его культуры, она не могла быстро осилить всю массу вопросовъ, которые ей предстояли. Она начала съ изученія некультурнаго челоѣка и ей предстояла прежде всего трудная задача разобратъся во всѣхъ вариантахъ челоѣческаго типа; достигнуть того она могла лишь длительнымъ путемъ. Поставивъ цѣлью изученіе челоѣка преимущественно съ естественно-исторической точки

зрѣнія, антропологія перешла почти исключительно къ рѣшѣнію вопросовъ тураллистовъ и сдѣлалась естественно-исторической наукой. Антропологія ее опередила потому, что сумѣла воспользоваться данными естественныхъ наукъ, которыми представляли другія научныя системы, и потому что примкнула къ наукамъ общественнымъ. За антропологіей открылось широкое поле изученія нецивилизованныхъ расъ и первобытнаго состоянія чловѣка. Но такъ какъ и въ этихъ предѣлахъ задача оказывалась крайне сложной, поле наблюденія слишкомъ обширнымъ, то (въ зависимости отъ характерной для нашего времени дифференціи наукъ) она спеціализировалась преимущественно на изученіи физическаго міра чловѣка, расширивъ впрочемъ свою область въ поискахъ за общими законами, включеніемъ въ число объектовъ наблюденія и культурныя расы. Объединять подъ именемъ антропологіи: этнографію, антропологію въ узкомъ смыслѣ этого слова и первобытную археологію, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые въ Англіи и особенно во Франціи, нѣтъ основаній, такъ какъ всѣ три отрасли знанія имѣютъ свой кругъ изслѣдованія и выводы ихъ составляютъ самостоятельное и матеріальное обобщающее знаніе — социологію. Различіе между антропологіей и этнографіей заключается главнымъ образомъ въ томъ, что первая есть наука преимущественно естественная, историческая, этнографія же является наукой преимущественно общественной.

Наше время давно уже вышло изъ того періода, когда представлялось возможнымъ то объединять подъ одинъ общій названіемъ отрасли знанія, мало имѣющія общаго между собой, то рѣзко проводить границы между научными системами и заниматься одной изъ нихъ, обращая вниманія на выводы другихъ. Вслѣдствіе дифференціи чловѣческихъ знаній, точекъ сходства между различными системами находится не мало и каждой наукѣ приходится все чаще обращаться, для подкрѣпленія своихъ выводовъ, для расширенія своего поля зрѣнія, къ выводамъ другихъ, близко стоящихъ къ ней наукъ. Только этимъ путемъ, посредствомъ принципа раздѣленія труда въ наукѣ, дается возможность достигать крупныхъ результатовъ и обогащать весь умственный запасъ чловѣчества. Антропологія занимается физическимъ міромъ чловѣка, этнографія — явлениями его духовнаго міра. Но этотъ послѣдній стоитъ въ тѣсной связи съ первымъ, физическій міръ чловѣка налагаетъ на его духовный міръ настолько сильный отпечатокъ, что этнографія можетъ оставлять его безъ вниманія. Антропологія, изучая физическіе признаки чловѣческихъ группъ и классифицируя ихъ на о

тѣхъ или другихъ данныхъ, открываетъ подчасъ цѣлыя стра-
низъ исторіи народности, не запечатлѣвшіяся ни въ памяти ея,
ни въ языкѣ. Выводы, которые антропологія стремится получить
результатомъ изученія современнаго человѣка, взятаго въ массѣ (со-
ціологія, антропометрія) и остатковъ человѣка, уже умершаго (остео-
логія, краниологія, краниометрія)—должны дать отвѣты на одинъ изъ
тѣхъ неясныхъ вопросовъ: какіе элементы служили для образованія
составнаго состава племени, какъ и въ какой мѣрѣ эти элементы
и другъ на друга, и въ чемъ отразилось ихъ смѣшеніе на
землѣ даннаго народа или племени. Если въ настоящее время
антропологія не въ состояніи еще дать опредѣленные отвѣты на эти
вопросы, вслѣдствіе недостаточности матеріала и вслѣдствіе невыра-
женности прочныхъ методовъ и т. п., что конечно объясняется
трудностью задачъ и новизной самой науки—то нельзя сомнѣваться,
что, хотя медленно, все-же приближается къ намѣченнымъ цѣлямъ и
гнетъ ихъ современемъ. Тѣ выводы, по крайней мѣрѣ, которые
уже считаются прочно установленными, уже оказали существенную
услугу наукѣ. Раскрывая миграціи племенъ, ихъ вліяніе другъ на
друга, насколько это касается физическаго типа, антропологія объ-
ясняетъ этнографу причину многихъ культурныхъ вліяній, понятъ
она, безъ помощи выводовъ антропологіи, не въ состояніи.
Этнографія, занимаясь современными некультурными народно-
стями, почерпаетъ матеріалъ изъ наблюденій надъ разными пле-
менами у прежнихъ писателей. Но путешествія, которыя имѣли
значительныя научныя послѣдствія, начались сравнительно очень
поздно. Отдаленное прошлое современныхъ нецивилизованныхъ на-
родовъ, начатки культуры на первыхъ ступеняхъ развитія
населенныхъ культурныхъ въ настоящее время центровъ,—однимъ
словомъ все далекое прошлое человѣчества не раскрывается не-
посредственно доступнымъ для этнографіи матеріаломъ. Всѣ эти
задачи входятъ въ задачи, рѣшаемыя археологіей, которая, изу-
чая естественные памятники, оставленные народами (изъ которыхъ
многіе уже исчезли), даетъ возможность прослѣдить, если и не
точно, хотя-бы долю культуры глубочайшей древности на разныхъ
частяхъ земнаго шара. Это позволяетъ начертать, съ помощью антро-
пологии, геологіи и палеонтологіи, картину быта доисторическаго чело-
вѣка и прослѣдить культуры разныхъ обитателей высокоцивилизо-
ванныхъ въ настоящее время странъ до времени, когда имъ были
известны лишь грубо оббитыя каменные орудія—почти единствен-
ное средство ихъ для борьбы съ природой и хищными звѣрями. Та-

кимъ образомъ для науки открывается культура, отдѣленная тысячеклѣтіями отъ момента появленія первыхъ скудныхъ письменныхъ источниковъ о данныхъ странахъ. Не менѣе важно значеніе антропологій для болѣе поздняго, болѣе близкаго къ намъ времени, только она по связи съ данными антропологій, въ состояніи намъ быть народностей, вліянія на нихъ разностороннихъ силъ, благодаря которымъ культура ихъ приняла тотъ или иной характеръ, не оставивъ однако ясныхъ слѣдовъ въ языкѣ.

Важное вспомогательное значеніе для этнографіи имѣютъ и воды сравнительнаго языковѣдѣнія—науки тоже молодой, но успѣвшая уже блестяще научные результаты. Данные сравнительнаго языковѣдѣнія позволяютъ этнографу освѣтить многіе частные и общие вопросы исторіи культуры народности или цѣлой племенной группы, заглянуть въ ихъ далекое прошлое. Такимъ образомъ пополняется въ considerable степени пробѣлъ, который остается за привлеченіемъ данныхъ антропологій и археологій. Эти послѣднія, давая яркія картины первой—развитія физическаго міра человѣчества, вторая—его матеріальной культуры, не въ силахъ освѣтить въ той-же мѣрѣ общественный и религіозный строй народности. Это блестяще достигнуто сравнительнымъ языковѣдѣніемъ.

Значеніе исторіи для этнографіи вполне очевидно. Одинъ изъ повѣвшихъ этнографовъ Германіи (Шурцъ) признаетъ исторію истиннымъ какъ «историческимъ народовѣдѣніемъ». Выраженіе это, смотря на свою крайность, лишь подтверждаетъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между этнографіей и исторіей. Первая находитъ богатый матеріалъ въ историческихъ источникахъ о древнихъ бытѣ народовъ, частью еще существующихъ, частью уже вымершихъ, безъ различія сдѣлались ли послѣдніе историческими народами или нѣтъ. Достаточно вспомнить такихъ писателей, какъ Геродотъ, Страбонъ, Тацитъ, чтобы вполне оцѣнить значеніе историческихъ источниковъ для нашей науки.

Наконецъ, въ числѣ вспомогательныхъ наукъ слѣдуетъ назвать и географію—въ особенности ту часть ея, которой Ратцель придумалъ удачное наименованіе антропо-географіи. Она изслѣдуетъ вліяніе географическихъ условій, какъ-то рельефа страны, климата, почвы и проч. на созданіе типа народности и даетъ вслѣдствіе этого много данныхъ и для этнографическихъ выводовъ. Географія, рисуя обстановку, растительное и животное царство, среди которыхъ приходится дикарю бороться за свое существованіе, объясняетъ иногда причастичныхъ уклоненій въ ту или другую сторону культуры

ихъ народностей, помогаетъ выяснитъ наравнѣ съ антропологіей различія въ характерѣ, въ складѣ ума и наклонностей разныхъ племенныхъ группъ.

Здѣсь указаны только главныя отрасли знанія, на которыхъ зиждется этнографъ при провѣркѣ своихъ выводовъ, при накопленіи и освѣщеніи матеріала. Всѣ упомянутыя науки являются въ извѣстныхъ своихъ частяхъ для этнографіи субсидіарными, какъ авно и этнографія въ свою очередь субсидіарна въ отношеніи каждой изъ нихъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что какую бы изъ названныхъ наукъ мы ни выбрали главнымъ предметомъ изученія—остальныя извѣстными сторонами своими окажутся въ отношеніи ея вспомогательными. Исторія, напримѣръ, черпаетъ свой главный ближайшій матеріалъ изъ письменныхъ памятниковъ, но послѣдніе появляются въ жизни народа поздно, когда народъ достигаетъ уже сравнительно высокой ступени культуры, такъ что весь огромный начальный періодъ исторіи его остается неосвѣщеннымъ. Далѣе, письменные памятники, въ особенности при своемъ возникновеніи, являются въ ограниченномъ количествѣ, да и затѣмъ еще долгое время касаются лишь официальной внѣшней исторіи, не затрагивая внутренней жизни и роста изучаемой народности. Для пополненія своихъ свѣдѣній историкъ вынужденъ обратиться къ археологіи. Не менѣе пользы приноситъ ему антропологія, этнографія и лингвистика. Если мы поставимъ на первенствующее мѣсто антропологію, мы получимъ то же взаимоотношеніе и т. д. Эта черта характерна для новѣйшей науки: отдѣльныя системы, будучи въ существѣ вполнѣ самостоятельными, вынуждены постоянно обращаться за содѣйствіемъ къ другимъ системамъ, чтобы избѣгнуть узкости и односторонности и дать положительные результаты.

Человѣчество въ своемъ постепенномъ развитіи проявляетъ дѣятельность уже на низшихъ ступеняхъ развитія всесторонне. Результаты этой дѣятельности можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни являются *видимыми* и *осязаемыми*, другіе—*невидимыми* и *неосязаемыми*. Совокупность первыхъ составляетъ то, что разумѣется подъ общимъ наименованіемъ *внѣшней, матеріальной культуры*, совокупность вторыхъ—то, что принято называть *духовной культурой* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это дѣленіе этнографіи на указанные два отдѣла принято въ настоящее время почти повсюду и облегчаетъ обзоръ этнографическаго матеріала; кромѣ того оно и наиболѣе

соотвѣтствуетъ двоякому направленію, которое принимаетъ творческая сила человека. Человекъ, взятый самъ по себѣ, представляетъ существо чрезвычайно слабое. Онъ не имѣетъ отъ природы никакихъ покрововъ, чтобы защититься отъ холода; онъ не опирается ни силой, ни способностью къ быстрому передвиженію, для защиты отъ дикихъ звѣрей, которыми онъ окруженъ на низшихъ степеняхъ культуры; у него нѣтъ, наконецъ, естественнаго оружія для нападенія: ни крѣпкихъ зубовъ, ни острыхъ когтей. Онъ силенъ только умственными способностями, и онѣ подняли человека надъ общимъ уровнемъ животнаго міра, дали ему возможность найтись при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ и отыскать средства для того, чтобы обезопасить себя отъ окружающихъ его неблагоприятныхъ условий, а затѣмъ и подчинить себѣ природу. Вся жизнь человека въ значительной степени наполнена борьбой: онъ стремится извлечь изъ окружающихъ его условий возможно больше матеріала для поддержанія своего существованія. Естественнымъ слѣдствіемъ успѣшности этой борьбы является накопленіе богатства, т. е. появленіе извѣстнаго излишка за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей. Это въ свою очередь даетъ человеку возможность видоизмѣнять до извѣстной степени примитивныя формы жизни.

Такъ какъ на первомъ мѣстѣ стоитъ потребность въ добываніи пищи и тамъ, гдѣ это является необходимымъ—и одежды, то въ *первой* отдѣлъ *матеріальной этнографіи* прежде всего входятъ изученіе развитія *орудій, оружія, способовъ охоты, рыбной ловли, земледѣлія* и проч., *прирученія* полезныхъ *животныхъ*, добыванія *огня*, изготовленіе *посуды*, добываніе металловъ и т. д. Далѣе, необходимость ограждать себя отъ вліянія климата приводитъ къ стремленію имѣть *крѣпкое помѣщеніе*, а необходимость передвигаться въ поискахъ за добычей—къ изобрѣтенію *способовъ передвиженія*. Изученіе развитія *жилища* и *способовъ передвиженія* на сушѣ и на водѣ составляютъ *второй* отдѣлъ *матеріальной этнографіи*. Излишекъ, получаемый за удовлетвореніемъ нуждъ первой необходимости, позволяетъ человеку обращать его для удовлетворенія другихъ своихъ потребностей и вкусовъ, а состояніе довольства даетъ ему возможность въ большей степени заботиться о себѣ: появляются *украшенія, предметы роскоши*, развивается *обмѣнъ* съ сосѣдами и т. д. Изученіе развитія этихъ сторонъ дѣятельности человека составляетъ *третью* часть *матеріальной этнографіи*.

Человекъ не живетъ изолированно. Онъ намъ извѣстенъ только

тъ членъ группы, союза. Какъ бы малы ни были эти первобытные омы, они представляютъ изъ себя совокупность индивидовъ, объединенныхъ тѣмъ или инымъ принципомъ. Первобытное общество поддается измѣненіямъ и развивается благодаря цѣлому ряду условій. Изученіе законовъ этого развитія составляетъ первую часть такъ называемой *духовной культуры*. Этнографія изслѣдуетъ эти законы и ослѣживаетъ ихъ, начиная отъ ихъ зародыша до основъ развитія государства. Каждый изъ союзовъ вырабатываетъ нормы, регулирующие отношенія какъ членовъ союза другъ къ другу и къ союзу, такъ отдѣльныхъ союзовъ въ отношеніяхъ другъ къ другу. Эта область совокупности обнимаетъ все *первобытное право*.

Второй отдѣлъ духовной культуры имѣетъ своей цѣлью изученіе происхожденія *впрованій*, законы развитія религіозныхъ представленій и связанные съ послѣдними обычаи и обряды, въ которыхъ религіозныя представленія находятъ себѣ выраженіе. Этотъ отдѣлъ долженъ быть поставленъ послѣ изученія исторіи развитія союзовъ, такъ какъ вѣрованія находятся въ тѣсной связи и въ непосредственной зависимости отъ формы, которую принимаетъ союзъ.

Третій отдѣлъ духовной культуры изучаетъ *поэтическое творчество*, развитіе котораго часто стоитъ въ ближайшей связи съ развитіемъ религіозныхъ представленій: лирика, эпика, драма, которыя среди культурныхъ народностей было суждено развиться и въ лучшіе образцы творческой силы человѣка, имѣютъ свое начало въ творчествѣ нецивилизованныхъ народовъ. Среди нихъ зачинаются дифференцируются указанные виды творчества, а на долю культурныхъ племенъ выпадаетъ задача дальнѣйшаго усовершенствованія въ, со стороны формы и мысли. Результаты народнаго творчества могутъ быть, съ этнографической точки зрѣнія, разсматриваемы съ двухъ сторонъ: со стороны ихъ содержанія и со стороны той формы, которой они излагаются. Народныя произведенія сопровождаются обыкновенно *плясками* или другими ритмическими движеніями. Изученіе ихъ развитія и характера составляетъ какъ бы дополненіе къ слѣдующему отдѣлу этнографіи.

Заномъ, связующимъ названные два крупныхъ отдѣла, въ которыхъ проявляется дѣятельность человѣчества: матеріальную и духовную культуры, служитъ область, въ которой духовное (въ узкомъ значеніи этого слова) творчество выражается въ осязательныхъ или видимыхъ предметахъ; таковы прежде всего *искусство и письмо*. Художественныя наклонности племени, въ какой бы сферѣ и какимъ бы особомъ онѣ не проявлялись—будь то рисованіе, гравировка, рѣзба

или скульптура—находятъ себѣ внѣшнее выраженіе въ осязательныхъ, видимыхъ, предметахъ. Всѣ виды этихъ искусствъ въ значительной степени находятся уже среди низшихъ по своему культурному уровню народовъ. Письмо опредѣляетъ извѣстные способы для внѣшняго выраженія мысли; музыка требуетъ для своего исполненія осязательныхъ предметовъ—музыкальныхъ инструментовъ. Изученіе законовъ ритма въ этой области можетъ быть частью отнесено къ первому, а танецъ ко второму отдѣлу этнографіи.

IV. Классификація: человечества и этнографических явлений.

Благодаря примѣненію историко-сравнительнаго метода, этнографія содѣлала до классификаціи явленій жизни народовъ—классификаціи, которой слѣдуетъ отличать другую классификацію: народностей по группамъ. Въ первой этнографъ является самостоятельнымъ. Этнографическая классификація явленій—естественное слѣдствіе метода, которымъ пользуется изслѣдователь при изученіи законовъ развитія человечества. Второй видъ классификаціи—дѣленіе народностей на группы—оказывается лишь субсидіарнымъ. Количество народностей нашего шара чрезвычайно велико; группировка ихъ необходима прежде всего для облегченія обзора имѣющагося у этнографа количества матеріала. Она служитъ гарантіей систематизаціи данныхъ о большихъ группахъ народностей и облегчаетъ изученіе находящихся свѣдѣній. Есть полное основаніе предположить, что народности, имѣющія одинаковое происхожденіе, или живущія въ одинаковыхъ условіяхъ, должны дать и наибольшее количество сходныхъ явленій. Такъ какъ классификація по группамъ имѣетъ для этнографа практическое основаніе, то естественно, что она должна избрать для обзора группъ народностей ту классификацію, которая съ болѣею достоверностью гарантируетъ ей родственную близость народовъ каждой группы. Однако избрать ее не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго раза. Разныя попытки классификаціи народностей служатъ доказательствомъ, съ какимъ трудомъ давалась наукѣ, еще молодой, возможность охватить весь имѣющійся въ ея распоряженіи матеріалъ. Остановиться на нихъ подробно не является здѣсь возможнымъ; упомянемъ поэтому только о важнѣйшихъ.

Попытки внести извѣстный порядокъ, систему въ обзоръ человеческихъ группъ, отличающихся другъ отъ друга по цвѣту кожи, по строенію тѣла, по языку, по району, обитаемому ими и проч.—мы встрѣчаемъ съ момента, когда человѣкъ дѣлается предметомъ точнаго изученія. Линней, который первый ввелъ человека въ кругъ изученія при-

роды и ея явленій, первый же сдѣлалъ и попытку классифицировать вѣчество. Раздѣляя его по географическимъ группамъ на: *homo europaeus*, *asiaticus* и *Afer*, Линней выдѣляетъ въ особую группу *homo monstrosus*, къ которой онъ причисляетъ патагонцевъ, готтовъ, китайцевъ, туземцевъ Канады и кретиновъ, встрѣчаемыхъ въ Альпахъ, далѣе *homo fergus*, къ которымъ онъ причисляетъ кефаловъ, т. е. индивидовъ, имѣющихъ несоответственно малый логическій черепъ. О классификаціи Бюффона, основанной на физическомъ принципѣ и на различіяхъ въ цвѣтъ кожи—уже упомянуто. На соединеніи географической классификаціи съ группировкой по анатомическимъ признакамъ основываетъ свое дѣленіе и Блюменбахъ. Онъ отмѣчаетъ, что существуетъ безчисленное множество вариаций типа и отмѣняетъ типы переходные. Онъ сводитъ все вѣчество къ пяти главнымъ группамъ: кавказской, монгольской, эфиопской, американской и малайской. Самъ Блюменбахъ повидимому оценивалъ все несовершенство предложенной имъ классификаціи, но въ тогдѣшнемъ состояніи науки, онъ не былъ въ состояніи усовершенствовать ее. Между тѣмъ, именно эта классификація имѣла наибольшій успѣхъ въ обществѣ, и до настоящаго времени она, благодаря своей простотѣ, встрѣчается еще въ учебникахъ географіи.

Благодаря работамъ Фридриха Шлегеля (1808), давшимъ и теченіе человѣческой мысли и направившимъ ее на изученіе являющихся попытки ввести въ классификацію народностей, новый элементъ—языкъ. Такъ, Причардъ (Prichard), принадлежащій, по своему вопросу антропологии, къ школѣ Бюффона и старавшійся освѣтить исторію челоѣчества исторіей другихъ организованныхъ существъ, группируетъ однако расы при помощи лингвистическихъ данныхъ, соединяя послѣднія съ данными анатоміи и внѣшнихъ признаками тѣла. Занимаясь вопросомъ о географическомъ раздѣленіи расъ, онъ дѣлаетъ попытку къ составленію этнографическихъ картъ. Около сорока лѣтъ (1808—1846) Причардъ дополнял и исправлялъ свой трудъ «Изысканія по физической исторіи челоѣческаго рода», объединяя имѣющіеся въ то время въ распоряженіи науки факты.

Попытка классификаціи Причарда представляетъ интересъ, вслѣдствіе введенія новаго принципа группировки (данныя языка), такъ стремленіемъ комбинировать лингвистическія данныя съ данными антропологии и географіи. Среди французскихъ ученыхъ начала XIX-го вѣка Вирей (Virey) (1801—1824), Ласепедъ (Lacépède) (1821—1827) и Боре де С. Венсенъ (Bory de-Saint-Vincent) дѣлали попытки написать ист-

овѣка. Работы Вирея представляютъ интересъ лишь въ томъ отно-
шеніи, что съ ихъ времени начинается знаменитый споръ объ единствѣ
человѣческаго рода. До того ни Бюффонъ, ни Блуменбахъ, ни При-
стли, раздѣлявшіе человѣчество на расы, не сомнѣвались въ его един-
ствѣ. Ласепедъ держался ихъ мнѣнія, но встрѣтилъ противника въ лицѣ
Бюэ, который признавалъ существованіе двухъ видовъ (ортогнатовъ и
гипогнатовъ), отличающихся другъ отъ друга антропологическими
знаками, преимущественно лицевымъ угломъ, т. е. угломъ, обра-
зующимъ линіями отъ ушнаго отверстія къ носовому шипу и отъ
подбородка къ лобной точкѣ. Но каждый изъ двухъ видовъ дѣлился
на три главныхъ расы, а эти послѣднія на извѣстное количество второ-
степенныхъ расъ.

Съ этого времени, какъ сказано, поднятъ вопросъ объ моногенизмѣ
и полигенизмѣ человѣчества. Моногенисты утверждали, что человѣкъ
долженъ былъ произойти отъ одной или нѣсколькихъ, но физически
одинаковыхъ паръ. Благодаря расселенію, разбросавшему людей на
большія разстоянія другъ отъ друга, влиянію естественныхъ условий,
способностей и проч., человѣкъ долженъ былъ выработать раз-
личныя типы, весьма рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, но восхо-
дящіе во всякомъ случаѣ въ отдаленнѣйшемъ прошломъ къ одному,
единообразному стволу. Въ болѣе новое время моногенизмъ нашелъ
себѣ талантливаго защитника въ лицѣ извѣстнаго французскаго уче-
наго Катрефажа, посвятившаго не мало труда на борьбу съ поли-
генистами и отстаивавшаго до конца моногенизмъ. Это основное
положеніе, объ единствѣ рода человѣческаго, и было поколеблено Ви-
реемъ и его послѣдователями. Послѣ него полигенисты увеличивали
количество видовъ человѣка. Такъ Демуленъ (Desmoulins) сначала (1825)
призналъ существованіе одиннадцати видовъ, а впоследствии (1826)—
шестнадцать видовъ. Бори де С. Венсенъ дѣлилъ человѣчество на
пятнадцать видовъ. Американцы Morton и Agassiz довели количество
послѣднихъ до громаднаго числа, такъ-что почти каждая группа на-
родностей представляла собой по ихъ взгляду особый видъ. Вогю
сдѣлалъ попытку установить свою классификацію, принявъ въ основаніе
дѣленія характеръ волосъ. Признавая пятнадцать видовъ человѣка, онъ
сводилъ ихъ къ двумъ крупнымъ группамъ: лейотрическія (leiotriques)
и улотрическія (ulotriques), причемъ каждую онъ подраздѣлялъ
на извѣстное количество расъ, а эти послѣднія дѣлилъ на варианты.
Видно естественно, что споръ моногенистовъ съ полигенистами дол-
женъ былъ сдѣлаться ожесточеннымъ вслѣдствіе важности затраги-
ваемого ими вопроса. Въ настоящее время онъ вошелъ въ болѣе

спокойный фазисъ. Несмотря на цѣлую литературу, не защитѣ какъ полигенизма, такъ и моногенизма, этотъ вопросъ не решенъ наукой, за отсутствіемъ достаточнаго количества научныхъ. Для этнографіи то или другое рѣшеніе его не имѣетъ важнаго значенія.

Бельгійскій ученый d'Omalius d'Halloy (1839—1869) сдѣлалъ данныя языка, какъ одно изъ основаній дѣленія человѣка на группы. Основаніемъ его классификаціи служатъ вѣтшія и преимущественно цвѣтъ кожи. Онъ выдѣляетъ пять главныя съ многочисленными развѣтвленіями, но для дѣленія расъ и на народы онъ принимаетъ за основаніе языкъ. Англичанинъ (Latham) какъ бы снова возвращается къ дѣленію географическому, по крайней мѣрѣ этому признаку онъ отводитъ наиболѣе важное мѣсто въ своей классификаціи.

На комбинаціи географическихъ, антропологическихъ и историческихъ данныхъ основана система Вайтца и Герландта. Исключительно на признакахъ цвѣта кожи была основана система знаменитаго Кюве. Онъ раздѣлилъ человѣчество на три расы: бѣлую, желтую и черную. Но такъ какъ между ними существуютъ переходныя типы, вводитъ еще три промежуточныхъ расы. Бѣлая раса состоитъ изъ аріевъ и семитовъ, желтая—изъ монголовъ и американскихъ индейцевъ, черная—изъ негровъ, австралійцевъ и папуасовъ. Связующими: бѣлую съ желтою Кюве считаетъ — урало-азиатскую, т. е. финновъ, тюрковъ, самоѣдовъ; желтую съ черною — индо-азиатскую, т. е., главнымъ образомъ, индусовъ и абиссинцевъ. Система Кюве была въ послѣднее время пересмотрѣна Топинаромъ, который, въ качествѣ классифицирующаго признака, ввелъ болѣе детальныя антропологическія признаки носа, цвѣтъ волосъ, ростъ и головной указатель.

Наконецъ заслуживаетъ особеннаго вниманія классификація Ретціуса, поставившая на прочную ногу антропометрію, въ краниометрію. Убѣжденіе, что всѣ признаки, какъ напр. цвѣтъ кожи, языкъ, географическій районъ и пр. не могутъ считаться постоянными, неизмѣнными, привело къ взгляду, что единственнымъ постояннымъ признакомъ человѣка можетъ считаться его скелетъ, котораго передается неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе по наследственности. Ретціусъ сдѣлалъ попытку классификаціи по черепу. Попытки свои онъ проверялъ и дополнялъ въ теченіе пяти лѣтъ съ 1842—1856 г. Онъ раздѣлилъ человѣчество на двѣ крупныя группы: длинноголовые (*dolichoccephali*) и короткоголовые (*brachycephali*).

hicerphali). Основаніемъ къ этому дѣленію служили измѣренія м или черепа. Головной указатель (или черепной указатель) является опредѣленіемъ процента отношенія поперечнаго діаметра м къ продольному ея діаметру, опредѣляемыхъ особеннымъ цир-мъ¹⁾.

Каждую изъ двухъ группъ Ретціуса раздѣлили еще на двѣ по лице-углу (получаемому, какъ сказано, пересѣченіемъ двухъ линій мового шипа: одной отъ ушного отверстія, другой отъ лобной м): на типъ съ прямымъ угломъ и на типъ съ острымъ угломъ—ртогнатовъ и прогнатовъ; чѣмъ болѣе выдается впередъ че-м, тѣмъ прогнатизмъ сильнѣе. Такимъ образомъ все человѣчество мось на слѣдующія группы: 1) *gentes dolichocephalae orthognathae*, м которымъ Ретціусъ причислялъ германцевъ, кельтовъ, древнихъ м и грековъ, индусовъ, персовъ, арабовъ и евреевъ; 2) *gentes mcephalae prognathae*, къ которымъ относятся африканскія народ-м, австралійцы, эскимосы, нѣкоторые американскіе народы, китайцы м; 3) *gentes brachicephalae orthognathae*: венгры, финны, сла-м, латыши, баски и пр. и 4) *gentes brachicephalae prognathae*: мки, манджуры, полинезійцы, папуасы и пр. и нѣкоторые американ-народности, не вошедшія во вторую группу. Какъ ни проста тема Ретціуса и какъ ни кажется прочнымъ основаніе его класси-зации, оно страдаетъ двумя крупными недостатками, вслѣдствіе чего тема эта не могла сдѣлаться не только господствующей для цѣлей мграфіи, но даже и принести ей существенную пользу въ цѣляхъ мсификаціи. Уже изъ перечня народностей, входящихъ въ со-въ указанныхъ Ретціусомъ группъ, видно, какое смѣшеніе про-одитъ его система. Народности, родственныя по происхожде-и языку, разбиваются имъ на разныя группы, какъ, напримѣръ, манцы и славяне. Съ другой стороны происходитъ смѣшеніе народ-тей въ одну группу, несмотря на то, что онѣ, кромѣ головного ука-еля и лицевого угла не имѣютъ ничего другъ съ другомъ общаго, м, напримѣръ, эскимосы и африканскіе негры, турки и папуасы. Антро-етрическое измѣреніе разныхъ народностей въ массѣ установило мтъ смѣшенія разныхъ расъ; вслѣдствіе этого, хотя въ извѣстной мдности нѣсколько болѣшій процентъ и падаетъ на длинно-или

1) Къ первоначальнымъ группамъ впоследствии были присоединены промежуточ-ные: среднеголовыхъ, подлинноголовыхъ и подкороткоголовыхъ. По схемѣ Брока, при-ой и у насъ при антропометріи, длинноголовымъ—считается черепъ съ ука-мемъ 75 и менѣе того, подлинноголовымъ: 75,01—77,77, среднеголовымъ: 77,78—80, короткоголовымъ: 80,01—83,33 и короткоголовымъ: 83,34 и болѣе того.

короткоголовыхъ, во отдѣльные индивиды настолько рѣже и отъ общей нормы и притомъ въ такомъ большомъ числѣ, что несправедливо причислять всю народность къ опредѣленной Системѣ, основаніе которой положилъ Ретціусъ, нѣтъ ни рѣшенія многихъ антропологическихъ вопросовъ, не принята для классификаціи человѣчества, особенно при этомъ обзорѣ. Антропологами она была подвергнута значительнымъ дополненіямъ и видоизмѣненіямъ. Насколько система Ретціуса сама по себѣ, можетъ дать мало выводовъ, можно судить по краниометрическимъ измѣреніямъ какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Восточной, установили существованіе издревле во всей Европѣ: коротко-и длинноголовой, отъ смѣшенія которыхъ и состоитъ современное населеніе. Естественно, что подобный выводъ не можетъ не приводить, такъ какъ, чтобы опредѣлить типъ первобытнаго населенія Европы, необходимо возстановить его въ возможномъ видѣ, что не дается однимъ головнымъ указателемъ и лицевымъ. Современные антропологи поэтому ввели еще цѣлый рядъ череповъ, весьма подробныхъ и подчасъ даже мелочныхъ. Рѣшаемый этимъ, при присоединеніи наблюденій надъ субъектами, даетъ возможность опредѣлить съ довольно болѣею точностью физическій типъ племени. Только съ этого времени можно говорить съ болѣею опредѣленностью о типѣ славянскаго, арійскаго, финскаго и проч. племенъ. Но, достигнутыхъ антропологическихъ результатовъ, открывая темную историю племенъ,—классификація, основанная на этихъ данныхъ въ виду этого смѣшенія, совершенно не допустима въ этнографической мѣрѣ въ настоящее время.

Геккель, а затѣмъ Фридрихъ Мюллеръ старались комбинировать принципъ лингвистическія данныя и внѣшній видъ волосъ. На основаніи послѣдняго признака, они дѣлили все человѣчество на двѣ группы: 1) шерстистоволосые и 2) гладковолосые. Первая группа дѣлится у нихъ на а) пучковолосыхъ и б) руноволосыхъ, вторая на а) прямоволосыхъ и б) кудрявоволосыхъ. Въ предѣлахъ этихъ группъ народности раздѣлены на семьи, на основаніи лингвистическаго матеріала, съ присоединеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и географическаго принципа дѣленія. Слѣдуетъ отмѣтить пучковолосыхъ народностей (къ нимъ Геккель и Мюллеръ относятъ тентоттовъ и родственныхъ имъ по языку бушменовъ, а тагасовъ), т. е. такихъ, у которыхъ волосы растутъ неровно, пучками, кустиками,—какъ установлено въ настоящее время,

б. Положительная сторона въ классификаціи Фр. Мюллера, развившаго систему Геккеля, заключается въ группировкѣ расъ по языку, которую онъ провелъ съ чрезвычайною точ-

риведенные примѣры попытокъ классификаціи въ достаточной мѣрѣ свидѣлствуютъ, какъ много разнообразныхъ мнѣній существуетъ между учеными по вопросу о классификаціи человѣка—насколько различны критеріи, принимаемые въ ея основу. Попытки имѣютъ ту общую черту, что онѣ всѣ стремятся свести и комбинировать данныя географіи, антропологіи и линг-

визу. Изъ указанныхъ классификацій долженъ выбрать этнографъ для облегченія обзора быта разныхъ народностей и племенъ? Если той или другой классификаціей народовъ, этнографія преслѣдуетъ прежде всего практическую цѣль—облегчить обзоръ матеріала для построенія, по даннымъ послѣдняго, выводовъ. Какъ уже мы ви́димъ, можно а priori ожидать, что среди родственныхъ народностей, равно какъ и живущихъ среди одинаковыхъ географическихъ условій, мы въ правѣ ожидать и большаго сходства въ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, въ матеріальной культурѣ и въ вѣрованіяхъ. Вліяніе географическихъ условій на ходъ культуры недостаточно еще выяснено, вліяніе же географическихъ условій легче замѣтно при наблюденіи. Кромѣ того (хотя въ одномъ и томъ-же географическомъ районѣ живутъ обыкновенно нѣсколько племенъ, чуждыхъ другъ другу)—если взять обширные районы, нельзя не отмѣтить, что народности, въ особенности малокультурныя, представляющія для этнографіи наиболѣе непосредственный объектъ изученія, переходятъ отъ одной народности лишь въ видѣ исключенія. Поэтому предпочтительнѣе принимать за исходную точку классификаціи *обширные географические районы*, каковыми являются *материки*. Въ ихъ предѣлахъ нѣтъ всего группировать народности *по языку*. Дѣленіе по географическимъ районамъ, являясь не болѣе научнымъ, и не болѣе детальнымъ, чѣмъ приведенныя другія дѣленія, представляется болѣе подходящимъ для этнографіи главнымъ образомъ въ виду практическихъ соображеній. Что касается дѣленія народностей въ предѣлахъ географическихъ районовъ по языку, то оно не только наиболѣе удобно, но и болѣе научно. Народы, говорящіе однимъ языкомъ, имѣютъ обыкновенно общность и въ происхожденіи. Встрѣчающіяся исключенія не нарушаютъ правила, не имѣютъ значенія для этнографіи. Нѣкоторые указываютъ, что, принимая сходство языка за доказательство

общности происхожденія, пришлось-бы, на примѣръ, неграмъ или С. Доминго, говорящихъ по французски и забывшихъ родной языкъ, причислить къ французамъ; населеніе Эльзасъ-рингін, несмотря на ихъ нѣмецкое происхожденіе, причислить къ романской семьѣ и т. д. Случаи воспріятія племенемъ чуждаго, дѣйствительно встрѣчаются, хотя въ общемъ это не часты. Но этнографу не столько важенъ вопросъ о происхожденіи племени, сколько вопросъ объ его культурѣ. Воспріятіемъ чуждаго племени, народность обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ и культуру и такимъ образомъ гораздо ближе подходитъ въ культурномъ отношеніи къ нему, чѣмъ къ соплеменникамъ въ антропологическомъ смыслѣ. Въ частности Луизианы и С.-Доминго гораздо ближе стоятъ въ культурномъ отношеніи къ французамъ, чѣмъ къ неграмъ Африки, а Эльзасцы—антропологически германцы—въ культурномъ отношеніи ближе къ французамъ. Воспріятіе народомъ чуждаго языка завершаетъ культурный ассимиляціонный процессъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно богатый и интересный материалъ для научныхъ наблюденій дается намъ Россіей. Нигдѣ, пожалуй, нѣтъ такого непосредственнаго, постояннаго общенія между чуждыми народностями и господствующей расой, такъ какъ количество племенъ въ Россіи очень велико и культурный уровень ихъ чрезвычайно различенъ. Условія географическія, особенности быта, количественное отношеніе въ каждомъ данномъ случаѣ русскихъ къ инородцамъ все это влияетъ на взаимоотношенія народностей, содѣйствуетъ или препятствуетъ ихъ взаимному сближенію и культурному вліянію. Въ Россіи дается возможность изучать детально вопросы о воздѣйствіи народности на другую, уловить причины этого воздѣйствія, наблюдать этотъ процессъ въ тонкихъ отбѣнкахъ. Можетъ быть, доказаннымъ, насколько этотъ вопросъ разрабатывался въ этнографической литературѣ, что подчиняемая культурному племени народность отказывается постепенно отъ внѣшнихъ, хозяйственныхъ формъ жизни, начинаетъ подражать въ одеждѣ, пищѣ, постройкѣ и проч. подчиняющему ее болѣе культурному племени, теряя національные вкусы и наконецъ завершаетъ свое сліяніе утратой языка. Подчасъ только преданія помогаютъ отличить, на примѣръ, одну мордву или зырянъ или черемисъ отъ русскихъ, такъ какъ въ костюмѣ, ни въ бытѣ нельзя встрѣтить указанія на ихъ инородческое происхожденіе. Тѣ же преданія, и только они, даютъ возможность узнать, что, на примѣръ, среди чеченцевъ или якутовъ значительная

іія даннаго поселка происходитъ отъ потерявшихъ свою національность русскихъ.

Узъ дополненіе къ изложеннымъ классификаціямъ, надлежитъ сказать о попыткахъ классификаціи народностей на основаніи ихъ культурнаго уровня. Эту классификацію принято называть этнографическою, впрочемъ совершенно неправильно, оттого, что задача этнографіи классифицировать не народности, а явленія.

Съ давнихъ поръ появилось дѣленіе человѣчества на *дикихъ* и *цивилизованныхъ*. Къ послѣднимъ причисляли европейцевъ, къ первымъ всѣхъ остальныхъ. Промежуточное звено занимали культурно-народности, которыя однако не играли роли въ исторіи цивилизаціи Европы. Неточность такого дѣленія очевидна сама собою. Слово «дикарь» получило въ общежитіи впослѣдствіи болѣе узкое значеніе. Всѣ понимаютъ это слово, но затрудняются дать ему точное опредѣленіе, равно какъ и равнозначущимъ терминамъ: первобытный человѣкъ, малокультурный и проч. Извѣстный Ратцель хотѣлъ внести болѣе точности въ указанные опредѣленія, раздѣляя все чело-вѣчество на народности культурныя (*Kulturvölker*) и природныя (*Naturvölker*). Послѣднее названіе — *Naturvolk* — не поддается удачному русскому переводу. Подъ нимъ Ратцель разумѣетъ народность, которая стоитъ въ зависимости отъ окружающихъ ее условій природы. Въ культурной народности онъ подразумѣваетъ такую, которая уже вырвалась отъ этой зависимости, или по крайней мѣрѣ довела эту зависимость до *minimum'a*. Различіе заключается въ степени подчиненія себя чело-вѣкомъ окружающей природы. Опредѣлить научно линію, отдѣляющую «первобытную народность» (слово это у насъ означаетъ слово *Naturvolk*) отъ культурной, нѣтъ возможности. Поэтому дѣленіе Ратцеля¹⁾ не можетъ быть названо удачнымъ. Такъ какъ въ общежитіи эти термины установились, то нѣтъ основанія изымать ихъ отъ употребленія, но нельзя придавать имъ научнаго значенія.

Не болѣе удачны и попытки обосновать классификацію по культурному уровню на основаніи искусственныхъ признаковъ. Такъ Ровинский дѣлитъ все чело-вѣчество на двѣ группы: *нецивилизованныя* и *цивилизованныя общества*. Граница, замѣчаетъ онъ, конечно искус-

¹⁾ Насколько подобное дѣленіе можетъ быть шаткимъ, доказывается между прочимъ мнѣніемъ самого Ратцеля, который, не задумываясь, относитъ русскихъ до царства Петра I къ числу *Naturvölker*, то-есть первобытныхъ, а послѣ Петра I къ культурнымъ народностямъ.

ственна, но формулировка ея возможна и притомъ данная, если изучить то, что составляетъ въ действительности, характерныя черты цивилизации. Прежде всего эту группу нецивилизованныхъ обществъ на двѣ: на общины и на общества варварскія. Отличительной чертой общинъ является несовершенство условій ихъ матеріальной жизни. Изъ его составляющихъ, обыкновенно питаются сырымъ мясомъ и тѣльными продуктами также въ сыромъ видѣ. Одеждой служатъ матеріалы, добытые изъ растительнаго царства или животныхъ; они ими пользуются безъ обработки; иногда они и никакой одежды. Жилищемъ имъ служатъ разсѣяныя, неимѣющія логи. У этихъ обществъ могутъ однако существовать уже и зачатки грубыхъ общественныхъ учрежденій и первобытныхъ религіозныхъ понятій. Общества варварскія отличаются несовершенствомъ и умственной жизни, что зависитъ отъ ихъ неумѣнности. Племя чиппевековъ (краснокожихъ С. Америки), замѣчаетъ Ронни, принявъ въ послѣднее время видъ письма, который они заимствовали отъ европейцевъ, тѣмъ самымъ уже перестали принадлежать къ варварскимъ обществамъ и заняли нижнюю ступень среди цивилизованныхъ. Наоборотъ, юкатеки, оставившіе и забывшіе древнее гіероглифическое письмо, изъ числа цивилизованныхъ упали до разряда варварскихъ. Варварскія общества изъ науки только зачатки астрономіи (пастушескіе народы), изъ искусства только грубая скульптура и не менѣе грубая живопись. Индивиды, входящіе въ составъ варварскихъ обществъ, живутъ въ палаткахъ или хижинахъ, они—кочевники; въ зависимости отъ обстоятельствъ они становятся или рыболовами, или звѣроловами, или занимаются похищеніемъ добычи у сосѣдей. Такъ какъ у обществъ варварскихъ нѣтъ достаточнаго нравственнаго и умственнаго развитія, то ихъ классификація, по мнѣнію Ронни, должна основываться не на чертѣ общихъ у этихъ народностей съ животными, а на физическомъ типѣ и характерѣ ихъ. Этнографія при классификаціи ихъ почти исключительно основывается на данныхъ антропологии.

Изъ классификаціи Ронни видно, какъ трудно разобраться въ развитіи человѣчества по культурному уровню. Ронни, выдвинувъ массу признаковъ, отдѣляющихъ общество *дикое* отъ *варварскаго*, самъ чувствуетъ всю шаткость, всю ненаучность своей классификаціи и совершенно неожиданно возвращается къ антропологической группировкѣ человѣческихъ обществъ.

Американецъ Морганъ, первый поставившій вопросы об

жизни человеческого общества и широко пользовавшийся историческим методом, не могъ однако удержаться отъ классификаціи народностей на основаніи ихъ культурнаго уровня. Онъ дѣлитъ всѣ человѣческія группы до стадіи цивилизаціи на *дикость* и *варваровъ*. Дикое состояніе распадается на: 1) *глубочайшую дикость*—до изобрѣтенія огня и употребленія рыбной пищи; 2) *среднюю дикость*—до изобрѣтенія лука, стрѣлы и т. п. инструментовъ; 3) *наименьшую дикость*; послѣдняя стадія, столь неудачно установленная, длится, по мнѣнію Моргана, до изобрѣтенія гончарнаго произведенія. Съ появленіемъ его, народность переходитъ изъ категоріи дикости въ категорію варварскихъ племенъ. Періодъ варварства дѣлится Морганомъ также на три стадіи: 1) *глубочайшее варварство*—до изобрѣтенія домашнихъ животныхъ или до воздѣлыванія маиса; 2) *среднее варварство*—до изобрѣтенія выплавки желѣзной руды и 3) *высшее варварство*—до изобрѣтенія фонетическаго алфавита и культуры Гомеровской эпохи. «Нѣтъ ничего легче, говорить, какъ увлечься «ученою поэзіею» (по выраженію Вирхова), и составить схему, подобную пресловутой схемѣ Моргана»; абсолютно можно уложить жизнь столь пеструю, уже въ силу разнообразія историческихъ и историческихъ условій, въ тѣсныя рамки, занимаемая въ лучшемъ случаѣ изъ исторіи двухъ или трехъ болѣе развитыхъ народовъ». Народности, которыя не знаютъ употребленія огня, равно и такія, которыя, по мнѣнію Рони, питаются только сырымъ мясомъ—совершенно неизвѣстны въ дѣйствительной жизни; ихъ встрѣтить даже среди самыхъ низшихъ племенъ. Схемы, основанныя на такъ называемомъ культурномъ уровнѣ, уже оттого не могутъ быть приняты, что есть народности, которыя не употребляютъ лука и стрѣлы, но уже хорошо знакомы съ гончарнымъ производствомъ, какъ, напримѣръ, населеніе Новой Каледоніи. Въ какую категорію слѣдуетъ отнести такія народности? Къ варварской или къ высшей дикости? Полная невозможность распредѣлить народности на основаніи однихъ признаковъ ихъ культуры заставила нѣкоторыхъ повѣрующихъ ученыхъ искать основаніе классификаціи народовъ въ какомъ-нибудь одномъ признакѣ, характерномъ для культуры племени; искали преимущественно въ экономическомъ быту. Нельзя однако сказать, что попытки классифицировать народности, напримѣръ на основаніи способовъ добыванія себѣ пищи, оказались удачными. Дѣленіе на охотничьихъ, рыболовческихъ, скотоводческихъ и осѣдло-земледѣльческихъ—извѣстно. Оно прекрасно опредѣляетъ харак-

теръ и форму экономического быта народа, но не дѣлаетъ предположенія объ остальномъ его бытѣ. Эта старинная классификация родилась вновь за последнее время и притомъ съ особенной силой въ качествѣ возраженія противъ этнографической классификации.

Какимъ способомъ можно классифицировать явленія этнографическія, на основаніи котораго этнографъ имѣетъ право считать одно явленіе предшествующимъ другому?—вотъ вопросы, которыми въ настоящее время заняты многіе представители науки этнографической. Въ установленіи фазисовъ развитія общества, говорятъ нѣкоторые, догматикъ считаетъ извѣстную форму общественнаго быта болѣе древней, первобытной только оттого, что она ему кажется таковой. Изъ этого обвиненія, многія лица, изучающія законы развитія общества, стремятся отыскать критерій, при помощи котораго можно было бы возможность классифицировать народности на группы по степенямъ ихъ культурнаго развитія. При этомъ оказываются общественныя нормы болѣе низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи племенъ слѣдуетъ считать и болѣе первобытными. Но что же заключается указанный критерій? Такъ какъ попытки использовать для классификаціи на основаніи лингвистическихъ, антропометрическихъ и другихъ данныхъ не даютъ представленія о культурномъ уровнѣ человеческихъ группъ, то естественно явилось стремленіе выработать классификацію, которая была бы построена на одномъ лишь этнографическомъ основаніи. Но жизнь народа, стоящаго даже на самой низшей ступени культуры, настолько сложна и разнообразна, настолько разнообразна въ постоянномъ движеніи, что задача отыскать прочный принципъ, по которому можно было бы построить классификацію, оказывается не легкой. Это сознаютъ сами авторы, выдвигающіе новую классификацію, но смѣшивающіе, къ сожалѣнію, этнографическую классификацію явленій съ группировкой народностей. «Задача этнолога», напримѣръ одинъ изъ представителей указанного направления Гроссе (Grosse),—установить культурную лѣстницу народовъ... Въ болѣе или менѣе первобытности какого нибудь народа равносильно съ вопросомъ о болѣе или менѣе высотѣ его культурнаго развитія. Есть ли средство, спрашиваетъ Гроссе, установить съ нѣкоторою близостью относительную высоту цивилизаціи? То, что мы называемъ культурой, продолжаетъ онъ, является уже въ своихъ стѣйшихъ формахъ безконечно сложной величиной, составлено изъ безчисленныхъ факторовъ, которые въ большинствѣ случаевъ крайней мѣрѣ предварительно, не поддаются опредѣленію. Поэтому, сравненіе культурныхъ формъ въ ихъ совокупности

привести изслѣдователя къ желанной цѣли. Съ другой стороны задачу легко было бы разрѣшить, если бы удалось отыскать культурный факторъ, но такой, который во-первыхъ былъ бы мѣръ для объективнаго и точнаго опредѣленія, а во-вторыхъ имъ бы такое значеніе, что могъ бы служить характерной чертой культурной формы. Дѣйствительно, заключаетъ Гроссе, существуетъ только одинъ культурный факторъ, соединяющій оба эти условія—это форма производства. Экономическій строй, господствующій въ известной группѣ, способъ, которымъ члены этой группы добываютъ себѣ пропитаніе,—является фактомъ, который поддается непосредственному наблюденію и въ своихъ главныхъ чертахъ можетъ быть установленъ повсюду съ достаточной точностью. Мы можемъ сомнѣваться въ сомнѣніи относительно соціального строя и религіозныхъ воззрѣній хотя бы австралійцевъ, но относительно характера экономической жизни не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: австралійцы живутъ охотой и собираніемъ растений. Однако, съ установленіемъ формы экономического быта у известнаго племени, этнографъ замѣчаетъ тотъ же писатель, весьма мало выиграла бы для научной цѣли (отысканія критерія для классификаціи), если бы намъ было одновременно съ этимъ доказать, что культурная форма зависитъ въ зависимости отъ формы экономического быта. Этотъ фактъ оказываетъ самое глубокое вліяніе на всѣ культурные факторы, въ то время какъ онъ самъ опредѣляется не столько культурными, сколько естественными причинами—географическими и метеорологическими условіями».

Другой представитель этого же направленія, Гильдебрандъ, въ одной изъ своихъ статей, дѣлаетъ современнымъ изслѣдователямъ въ же упрекъ: они, по его мнѣнію, руководствуются индивидуальными взглядами, опредѣляя—слѣдуетъ ли известное явленіе жизни считать послѣдующимъ или предшествующимъ другому явлению. Прочную основу для классификаціи въ, такъ сказать, хронологическомъ порядкѣ большого количества явленій, Гильдебрандъ думаетъ найти въ различныхъ ступеняхъ экономического развитія народа. Разныя стадіи экономической жизни имѣютъ, по его словамъ, то имущество, что экономическая жизнь «являетъ всюду одинаковый, постоянно двигающійся въ одномъ и томъ же направленіи ходъ развитія, который имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что населеніе или число людей всегда и всюду возрастаетъ въ большей или меньшей степени, и—изъ всѣхъ интересовъ, которые управляютъ дѣйствующею жизнью, экономическіе интересы, по природѣ вещей, оказываются всегда

самыми могущественными или основными. Въ классификацiи экономическо-культурнымъ ступенямъ лежитъ поэтому классификацiя по ступенямъ развитiя, или, если можно такъ опредѣленiе роста явленiй. Каждая болѣе высокая экономическая ступень есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе зрѣлая ступень развитiя.... Точка опоры рычага Архимедъ Гильдебрандтъ, посредствомъ котораго можно поднять и изменiя права и нравственности, лежитъ въ экономическомъ совершеннo такъ-же, какъ въ природѣ она лежитъ въ боистованiе, на которой покоится происхожденiе видовъ».

Приведенныя цитаты съ достаточной ясностью и указанное направленiе. Классификацiя народностей по фмическаго быта принимаетъ дѣленiе ихъ на слѣдующiя группы *для народностей*. Подъ ними разумѣются первобытныя вполнѣ зависящiя отъ природы и у которыхъ лишь въ зачаткѣ находится искусство охоты и прирученiя животныхъ и растительной пищи, но не умѣютъ раздобывать ее туры—у нихъ нѣтъ еще представленiя о земледѣлiи. Въ этихъ условiяхъ, среди которыхъ живутъ эти народности, возможности подняться на болѣе высокую культуру и одновременно вынуждаетъ ихъ вести непостоянный образъ жизни въ поискахъ за скуднымъ пропитанiемъ принято обыкновенно причислять австралiйцевъ и карликовыя племена Африки. 2) *Охотничьи народности* представляютъ слѣдующую за бродячими культурную ступень съ послѣдними трудно уловимыми переходами. Чертой ихъ является то, что главный источникъ пропитанiя царство животныхъ. Болѣе обеспеченное состоянiе возможности въ ихъ средѣ развиваться зачаткамъ культуры, ловкости, хитростью или силой бороться съ фауной, развѣтленныя способности, которыя выражаются въ охотничьихъ снарядахъ и военнаго оружiя. Охотничьи народности, могутъ существовать только до тѣхъ поръ, пока охоты ихъ будутъ обеспечивать; съ уменьшенiемъ добычи стоитъ или приспособиться къ новымъ условiямъ или 3) *Рыболовческiя народности*. Онѣ, вслѣдствiе особенностей, въ которой имъ приходится жить, свискиваютъ питанiе преимущественно рыболовствомъ. Эти народности часто на болѣе высокой ступени развитiя, чѣмъ охотники; близость моря, у котораго онѣ обыкновенно и

съ склонность къ самостоятельности и къ морскимъ путешествіямъ. Въ общемъ однако ихъ культура еще очень низка. Большой впередъ въ смыслъ развитія культуры замѣчается лишь по сдѣ отъ этихъ стадій развитія къ 4) *кочевому скотоводческому* и 5) *къ земледѣлію*. Сказать съ достовѣрностью, какая изъ стадій: скотоводческой или земледѣльской быть древнѣе—затруднительно. Обѣ стадіи отличаются отъ предшествующихъ тѣмъ, что мы видимъ побѣду человѣка надъ природою, способность эксплуатировать природныя богатства. Во всякомъ случаѣ, лишь земледѣліе прикрѣпляя человѣка къ почвѣ, заставляетъ его дѣлаться осѣдлымъ, а осѣдлость, въ свою очередь, есть залогъ будущаго развитія, которое приводитъ къ развитію промышленности обрабатывающей. Народности, живущія преимущественно обрабатывающею промышленностью, составляютъ шестую и послѣднюю группу въ этой классификации—группу *промышленныхъ народностей*. Хотя обрабатывающіе промыслы, какъ главный источникъ жизни группы, встрѣчаются и на низшихъ ступеняхъ культуры, даже среди бродячихъ народностей, и уже у этихъ послѣднихъ можно подчасъ встрѣтить группы, членъ которыхъ живутъ почти исключительно обмѣномъ своихъ издѣлій на предметы первой необходимости, но развитіе обрабатывающей промышленности можетъ считаться наибольшимъ шагомъ развитія временнаго человѣчества и, слѣдовательно, составляетъ удѣлъ наиболее цивилизованныхъ народностей.

Оставляя промышленныя племена въ сторонѣ, такъ какъ таковыя являются объектомъ изученія этнографіи, мы получаемъ дѣленіе народностей на *пять* группъ. Впрочемъ, нельзя признать, чтобы это дѣленіе было вполне удачнымъ. Дѣло въ томъ, что разница между бродячими и охотничьими племенами несущественна. Охотничьи племена, какъ и бродячія, прежде всего не имѣютъ постояннаго мѣста жительства; затѣмъ, у тѣхъ и у другихъ главное занятіе источникъ пропитанія составляетъ охота. Охотничьи территоріи, границы которыхъ племена кочуютъ, строго опредѣлены у тѣхъ и у другихъ. Дѣйствительно, среди племенъ, которыя принято называть охотничьими, мы часто встрѣчаемъ сравнительно развитую культуру, но все основаніе ея (насколько эта культура касается ихъ занятія), мы встрѣчаемъ и у бродячихъ племенъ, хотя часто и въ менѣ развитыхъ формахъ. Гдѣ, слѣдовательно, находится критерій, по которому извѣстное племя мы должны отнести къ бродячимъ, а не къ охотничьимъ? Ответъ на этотъ вопросъ долженъ быть субъективнымъ взглядъ каждаго изслѣдователя. Но какой критерій не наученъ и противъ него направлена сама класси-

фикація. Такимъ образомъ, бродячія и охотничьи говоря, нѣтъ основанія отдѣлять другъ отъ друга, между охотничьими и рыболовческими племенами чѣмъ между двумя первыми группами. Большинство ншихъ охотой, занимается усиленно и рыболовствомъ когда тому способствуетъ мѣстность. Само рыболов охота и на низшихъ ступеняхъ культуры даже и разнится отъ послѣдней. Здѣсь, какъ и при охотѣ рыба пользуются обыкновенно лукомъ и стрѣлами, бляются при ловлѣ не только рыбы, но и животными народности, какъ, напримѣръ, австралійцы или кары Африки, одинаково живутъ и охотой, и рыболовствомъ трудно установить рѣзкое различіе между обѣими группами въ тѣхъ случаяхъ, когда народность занимается и только охотой или только рыболовствомъ, это происходитъ подъ вліяніемъ условій мѣстности, въ каждой, напримѣръ, отсутствіе рѣкъ съ одной стороны наоборотъ, жизнь на морскомъ берегу, богатомъ рыбой животными (эскимосы). Есть полное основаніе приписать племена, главнымъ или исключительнымъ источникомъ пищи является рыболовство. будутъ въ своемъ духѣ отличаться отъ такихъ, которыя исключительно заняты охотой. Причина этихъ различій находитъ себѣ объясненіе въ этихъ условіяхъ: климата, мѣстности и пр. Нельзя, однако, этого, что переходъ отъ охотничьяго быта къ рыболовству является извѣстный культурный прогрессъ. Вслѣдствіе соображеній можно соединить въ одну группу рыболов и бродячія народности—подъ общимъ названіемъ охотничья, принимая это слово въ широкомъ смыслѣ. Оставляя, тѣмъ въ сторонѣ промышленныя народности, какъ не въ строго этнографическихъ наблюденіяхъ, мы получимъ ническимъ стадіямъ развитія народностей на охотничьихъ, скотоводческихъ и земледѣльческихъ. Къ тому-же ходитъ и выставленная въ новѣйшее время Гроссе народы на 1) низшихъ охотничьихъ, 2) высшихъ охотничьихъ, 3) скотоводовъ, 4) низшихъ земледѣльцевъ и 5) высшихъ земледѣльцевъ. Такъ какъ границы, отдѣляющія низшія и высшія племена, или низшихъ отъ высшихъ земледѣльцевъ только крайне шаткими, основанными на личномъ наблюдѣ, то понятно, что научнѣе было-бы уничтожить

образомъ, въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ старинному народовъ на охотничьи, скотоводческіе и земледѣльческіе. Сколько эта классификація касается явленій хозяйственнаго роста мическаго быта народовъ,—она безусловно является вполне удачною. Представители экономической теоріи, придавая ей характеръ, считаютъ экономическій бытъ единственнымъ прочнымъ критеріемъ при классификаціи народностей—и въ этомъ заключается ошибка. «Мысль о распредѣленіи народовъ по формамъ экономического быта, пишетъ Гроссе, далеко не нова. Въ старѣйшихъ истокультурныхъ работахъ встрѣчаются хорошо всѣмъ извѣстныя охотничьи и рыболовческіе племена, кочевниковъ-скотоводовъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Но только немногіе историки культуры, видимо, понимали все значеніе экономического быта». Мы невольно нахваливаемся съ удивленіемъ предъ этимъ неожиданнымъ выводомъ Гроссе.

Нѣкоторые серьезные современные ученые стремятся возвести въ классификацію народовъ то основаніе, которое было предложено уже давно и давно уже оставлено, какъ неподходящее для научнаго изслѣдованія. Посмотримъ, прежде всего, почему эта классификація была оставлена, какъ классификація народовъ, а не степеней экономической жизни. Дѣло въ томъ, что положеніе, что сходство экономического быта налагаетъ и печать сходства на о не только матеріальную, внѣшнюю, но и на внутреннюю культуру племенъ, далеко не оправдывается въ той мѣрѣ, какъ это принято обыкновенно думать. Въ предѣлахъ группы племенъ, живущихъ въ одинаковыхъ формахъ экономического быта, мы видимъ не мало разнообразія. Напримѣръ, между кочевыми скотоводческими племенами встрѣчаются такіе, которые еле поднялись въ своемъ общественномъ развитіи до родового быта (наши алтайскіе инородцы), а съ другой стороны такіе, которые дошли до понятія о государствѣ, до необходимости имѣть постоянное войско и пр. (татары XIII-го вѣка или которые современные кафрскіе племена). Если признать, что каждая изъ приведенныхъ группъ классификаціи указываетъ на культурное развитіе, которое тѣмъ выше, чѣмъ больше мы будемъ приближаться къ промышленной группѣ,—то нельзя не замѣтить, что это развитіе имѣетъ отношеніе только къ образу жизни, къ способамъ быванія себѣ пропитанія, а не къ общей культурѣ племени. Мы видимъ иногда, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бродячіе племена ояты выше кочевыхъ или даже земледѣльческихъ. Такъ, австралійцы, причисляемые къ группѣ бродячихъ племенъ, достигли уже начат-

рость интеллигентности. Въ то время какъ ей нѣтъ даже въ этомъ отношении у массы индейскихъ и даже земледѣльческихъ племенъ (отношеніи къ искусству, бумажны (бронзѣе племени) орудия, плетеныя и селѣгильческія плетеныя, тѣмъ какъ они уже имѣютъ основаніи изобрѣтенія перспективы. Жители Новой-Каледоніи не только умѣли обрабатывать землю, но и искусства удѣрживать горюхъ и разбавлять. И какъ съ тѣмъ у нихъ господство плетеного и бѣтъ въ сѣтъ обичай утвержденія старинныя каны (изобрѣтенія нѣтральна Бразилія) не знали до послѣднихъ мѣн другихъ орудій, кромѣ каменныхъ, вѣтвенныхъ, деревянныхъ изготовленныхъ изъ развѣтвѣ. Они не имѣли понятія о металлахъ, перешли уже отъ бронзоваго охотничьяго быта къ земледѣльческому, причемъ послѣднее играетъ почти главную роль въ ихъ хозяйственномъ бытѣ. Готтентоты—индейцы, плетутъ, земледѣльческіе и плетены не знакомо, у нихъ полное отсутствіе началъ государственной жизни. Между тѣмъ они выработали какъ утвержденія много, семьи со счетовъ родства по отцу—типу, который считается вѣдшимся послѣ семьи, основанна на счетѣ родства по материнской линіи. Проказы (она изъ сѣверо-американскихъ краснокожихъ и ностей), наоборотъ, сохраняютъ болѣе примитивный типъ со счетовъ родства по женской линіи, но является уже земледѣльческимъ выработали государство на республиканскихъ началахъ, основанное союзъ отдельныхъ частей племени. Такихъ примитивовъ можно бы привести большое количество, но и указанныхъ достаточно, оправдать тѣмъ ученымъ, которые отбинули классификацію, основанную болѣе простотѣ или сложности формъ экономического быта основную, единственно прочную.

Если въ послѣднее время исследователи снова начинаютъ выдѣлять на одно изъ первыхъ мѣстъ, то происходитъ это отъ того, что многіе изъ предшествующихъ ученыхъ, отбинувъ указанную классификацію по экономическимъ типамъ, вообще весьма мало обращали вниманіе на роль экономическихъ условій въ дѣлѣ развитія культуры человечества, въ созданіи имъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ и политическихъ нормъ. Представители такъ называемой экономической школы вѣдуются также въ крайность, стремясь объяснить появленіе не всѣхъ, то большинства институтовъ первобытнаго общества, равно и развитіе матеріальной культуры, изъ экономическихъ условій и ошибаются, полагая, что, чѣмъ ниже экономическій уровень племени, тѣмъ и встрѣчающіеся у него институты и бытъ. Заслугой этого направленія является однако то, что,

ая на одно изъ главныхъ мѣсть вопросъ о вліяніи экономическихъ условій на образованіе культуры на низшихъ ступеняхъ раз-
человѣчества, оно открываетъ широкую перспективу для из-
исследователей. Въ самомъ дѣлѣ, появленіе той или другой общественной
формы, замѣна одного института другимъ, одной формы орудій дру-
— происходитъ не вслѣдствіе появленія извѣстнаго правового, ре-
ознаго, общественнаго или вообще какого нибудь абстрактнаго
авія и чувства. Перемены совершаются вслѣдствіе потребностей
ни, которыя вызываютъ въ свѣтъ извѣстное сознаніе, выражаю-
ся въ той или иной нормѣ, поддерживаютъ и развиваютъ ее и
цѣлуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ правовое или религіозное сознаніе.
ди потребностей жизни, вызывающихъ въ свѣтъ то или иное со-
ніе, выдающееся мѣсто слѣдуетъ отвести экономическимъ потребно-
мъ и вліяніе этихъ послѣднихъ сказывается, быть можетъ, съ осо-
вой силой именно на низшихъ ступеняхъ развитія, когда несложные
рубые интересы человѣческихъ группъ направлены преимущественно
самое главное условіе для существованія группы—на добы-
ніе себѣ пищи. Но жизнь даже на низшихъ ступеняхъ развитія
айне сложна. Группа борется за свое существованіе не только пу-
мъ добыванія себѣ пропитанія. Ей приходится отстаивать себя отъ
кихъ же, какъ она, соседнихъ съ ней группъ, бороться съ кли-
матическими условіями, регулировать индивидуальныя стремленія
каждаго отдѣльнаго члена группы. Такимъ образомъ, уже на низшихъ
ступеняхъ культуры мы видимъ рядъ факторовъ, которые должны
зывать институты, своимъ происхожденіемъ вовсе не обязанные эконо-
мическимъ условіямъ. Наконецъ, уже на низшихъ ступеняхъ разви-
ія мы встрѣчаемся съ зачатками религіозныхъ представленій. Мо-
ущественное вліяніе ихъ, какъ фактора въ образованіи нормъ, едва
и кто-нибудь рѣшится отрицать. Вотъ почему допускать проис-
ожденіе всѣхъ нормъ, знаменующихъ прогрессъ племени, изъ од-
ихъ экономическихъ условій, значить неизбежно впадать въ одно-
сторонность; этимъ путемъ никогда не дойти до вѣрнаго представ-
енія о законахъ общественной, религіозной и нравственной эволюціи.
Представители экономической теоріи впадаютъ въ противоположную
райность сравнительно съ тѣми изслѣдователями, которые, не обращая
овсе вниманія на вліяніе экономическихъ условій, стремились обосо-
ать всю исторію развитія человѣчества на одномъ какомъ нибудь при-
накѣ (будь то религія, правовое сознаніе, эгоизмъ первобытнаго человѣка
т. д.). Но, не признавая за экономическими условіями характера
единственнаго фактора въ исторіи развитія человѣчества и не считая

удачной классификацію расъ по типамъ хозяйственнаго быта не удается, однако, отгнать, что многія явленія жизни народностей могутъ быть объяснены и съ достаточной точностью освѣщены только въ экономическихъ условіяхъ, среди которыхъ живутъ первобытныя народы.

Если классификація по формамъ хозяйственнаго быта не удовлетворяетъ своему назначенію, если она оказывается слишкомъ сложной и односторонней, то спрашивается: какой же критерій можно найти для этнографической классификаціи? Фактъ, что общія для этнографіи служатъ человѣческія группы, дѣлаетъ классификацію крайне затруднительной. Какую бы группу человѣческаго общества мы не подвергли нашему наблюденію, мы не застаемъ ее въ неизмѣнномъ состояніи. Она представляетъ живой организмъ, находящійся въ постоянномъ движеніи, въ безпрестанномъ ростѣ. Жизнь человѣческой группы даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, какъ съ точки зрѣнія до чрезвычайности сложна. Дѣятельность индивидовъ, составляющихъ группу, является крайне разносторонней. Если эта дѣятельность направлена преимущественно на борьбу за существованіе, то условия въ которыхъ разнымъ человѣческимъ группамъ приходится вести борьбу, далеко не одинаковы, какъ не одинаковы и самыя средства къ которымъ человѣкъ прибѣгаетъ для успѣшнаго веденія борьбы за свое существованіе. Сочетаніе этихъ разнообразныхъ условій приводитъ къ тому, что различныя стороны дѣятельности человѣка развиваются не съ одинаковой быстротой и интенсивностью; наблюдаемъ множество случаевъ, когда изъ двухъ народовъ, стоящихъ на одной ступени хотя бы экономической культуры, одинъ развиваетъ особенно сильно извѣстныя стороны дѣятельности, и въ же то время отстаютъ въ другой области, развитой въ значительной степени другимъ народомъ. Возьмемъ для примѣра два племена изъ наиболее низко стоящихъ по уровню своего развитія племенъ: прибрежныхъ австралійцевъ и огнеземельцевъ. Обѣ народности живутъ на берегу моря, обѣ стоятъ на одинаковой ступени экономической культуры, т. е. для обѣихъ главнымъ источникомъ пропитанія служитъ охота, рыболовство и собираніе растительной пищи. Но почти у огнеземельцевъ развилось въ значительной степени мореходство, связанное съ нимъ умѣнье изготовлять себѣ лодки, въ то время какъ мореплаванье либо вовсе не знакомо приморскимъ австралійцамъ, либо находится у нихъ въ зачаточномъ состояніи? Очевидно, что извѣстныя условія, регулирующія борьбу за существованіе у обѣихъ разсматриваемыхъ народностей, были неодинаковы и что условія, въ которыхъ приходится или пришлось въ прежнее время жить огнеземельцу, при

эго къ мореплаванію, въ то время, какъ у обитателей Австраліи словія отсутствовали. Во взятомъ примѣрѣ не трудно, конечно, и причины этого различія: материкъ Австраліи настолько богатъ тѣмъ міромъ, что австраліецъ можетъ довольствоваться для пропитанія охотой на сушѣ и ловлей рыбы въ рѣкахъ, между какъ недостатокъ дичи на Огненной Землѣ и обиліе рыбы въ заставили обитателей ея искать себѣ пищи въ послѣднемъ.

Не всегда однако даже подобныя явленія, находящія себѣ выраженіе въ матеріальной культурѣ извѣстной группы, поддаются объясненію такою легкостью. Тѣмъ труднѣе бываетъ подчасъ отыскивать причины, которыя ускоряютъ развитіе извѣстныхъ сторонъ общественной или религіознаго быта и замедляютъ другія стороны его въ той или иной народности. Причины эти безусловно крайне сложны и разнообразны и подвержены колебаніямъ и измѣненіямъ по мѣстностямъ и племеннымъ группамъ. Поэтому, мы находимъ народности съ развитымъ, на примѣръ, религіознымъ міросозерцаніемъ, но стоящія на весьма низкой ступени общественнаго быта, или, наоборотъ, общественный бытъ данной народности развитъ, а религіозныя воззрѣнія отличаются большою примитивностью.

Возвратимся къ приведенному примѣру сравненія быта огнеземельцевъ и австралійцевъ. Спрашивается, что выигрываемъ мы для исторіи культуры человѣчества, если, соединивъ въ одну группу—на основаніи классификаціи по хозяйственному быту—австралійцевъ и огнеземельцевъ, узнаемъ, что въ то время, какъ у однихъ не существуетъ мореходства, у другихъ оно сравнительно развито, и далѣе—продолжая сравненіе обѣихъ народностей—прибавимъ еще признакъ: что у австралійцевъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, развито въ значительной степени художественное творчество, а у огнеземельцевъ почти отсутствуетъ? Соединивъ такимъ образомъ рядъ племенъ, принадлежащихъ на одной ступени экономической культуры, и найдя, что съ одной стороны бытъ развитъ у однихъ, а другія у другихъ, мы получимъ только слѣдующій, совершенно безсодержательный выводъ, что съ охотничьи или бродячіе народы, какъ бы мы ихъ ни назвали, которые знакомы съ мореходствомъ, и такіе, которые его не практикуютъ, хотя и живутъ у моря; что есть такіе, у которыхъ развито художественное творчество, и такіе, у которыхъ послѣднее находится въ зачаточномъ состояніи; что одни изъ охотничьихъ народностей достигли уже умѣнья выдѣлывать себѣ глиняную посуду, другія же этого искусства не знаютъ; что часть ихъ развила свои религіозныя представленія до понятія объ обширномъ пантеонѣ, а

часть едва поднималась дальше самых грубыхъ предста и т. п. Совершенно такой же безсодержательный вы если мы выберемъ какой нибудь другой признакъ для народностей—безразлично, найдемъ ли мы этотъ признакъ матеріальной или духовной культурной группы. Если даемъ значительное разнообразіе явленій даже въ предѣленной группѣ народовъ, то оно усиливается еще болъ ширенія круга наблюденій, и изслѣдователь не только бу возможности установить исторію развитія человѣческой ку даже разобраться въ матеріалѣ, доставляемомъ частнымъ народностей.

Было уже выше отмѣчено, что стремленіе классифицирова сти и племена по группамъ на основаніи какого нибудь : ческаго признака происходитъ отъ неправильнаго пониманіа этнографической классификаціи. Дѣйствительно, кажды разъ извѣстная система претендуетъ на это названіе, дол и свою классификацію,—слѣдовательно, и этнографія дол классификацію свою, ей одной присущую. Но, такъ какъ з имѣетъ цѣлью изученіе законовъ человѣческаго развитія на ступеняхъ культуры, она прежде всего занимается тѣми форм которые отливаются разносторонняя дѣятельность человѣка. Мате для нея служатъ описанія быта различныхъ племенъ и из и этотъ матеріалъ можетъ быть группируемъ для удобства и зрѣнія тѣмъ или другимъ способомъ.

Дальнѣйшая стадія будетъ заключаться въ изученіи тѣхъ : жизни, которыя даются матеріаломъ. Этнографъ отъ *наблюденіа* бытомъ племенъ переходитъ къ *изученію явленій* этого быта и довательно, задача его будетъ заключаться не въ классификаціи *довъ и племенъ*, а въ классификаціи *явленій*, имъ изучаемыхъ. дачей изслѣдователя будетъ выдѣлить извѣстную группу яви прослѣдить ходъ развитія въ предѣлахъ этой группы отъ *простѣ* формъ до болѣе сложныхъ. Изучивъ эволюцію въ предѣлахъ р группъ явленій, мы получимъ стройное и ясное представленіи исторіи человѣческаго развитія, откроемъ законы, согласно кои это развитіе подвигалось впередъ.

Быть можетъ внослѣдствіи удастся отыскать и соотношенія конахъ развитія среди явленій различныхъ группъ, хотя бы нац вліяніе развитія экономическаго быта на развитіе общественнаго и гіознаго строя и наоборотъ; но это будетъ составлять задачу нѣбѣйшей, детальной разработки, которую можно предприняти

совершенія указанной работы. Нѣкоторая часть въ дѣлѣ изученія отношеній въ развитіи явленій уже сдѣлана. Гораздо болѣе предстоитъ совершить будущему, по накопленіи матеріала и выясненіи тѣхъ, въ настоящее время недостаточно еще разработанныхъ, вопросовъ. Случаи взаимодѣйствія отдѣльныхъ явленій различного рода даже по тѣмъ незначительнымъ даннымъ, которыя имѣются въ настоящее время въ распоряженіи науки, наглядно выясняютъ, какая перспектива открывается дальнѣйшимъ работамъ будущихъ изслѣдователей на этомъ поприщѣ и къ какимъ плодотворнымъ результатамъ она можетъ привести.

Слѣдуетъ замѣтить, что классификація матеріала по группамъ, а группы по явленіямъ, не можетъ считаться новой. При извѣстныхъ вопросахъ, касающихся внѣшней, матеріальной культуры, она въ употребленіе еще очень давно и не возбуждаетъ возраженій. Начиная съ 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія она была распространена на явленія общественной жизни, преимущественно благодаря работамъ Бахофена, Макъ-Ленана и Моргана, и сдѣлалась вскорѣ господствующей, благодаря работамъ Лѣббока и Спенсера. Эта классификація распространена и на явленія религіозной жизни племенъ и народовъ. Но, какъ уже указано, распространеніе классификаціи за пределы матеріальной культуры подвергается нападкамъ, въ виду того, что въ основу, при классификаціи общественныхъ явленій или религіознаго міра, оказывается не реальная подкладка, а субъективный взглядъ изслѣдователя.

Классификація, которая имѣетъ цѣлью установить преемственность явленій, исходитъ изъ основного положенія, что изъ двухъ явленій болѣе простое должно было предшествовать болѣе сложному. Это положеніе едва ли возможно оспаривать, такъ какъ оно оправдывается въ всѣхъ явленіяхъ органической природы, будь то въ царствѣ животныхъ или растений. Въ отношеніи къ человеку оно находитъ себѣ полное признаніе въ проявленіяхъ внѣшней культуры, гдѣ можно ошибочно утверждать, что болѣе простое орудіе должно было предшествовать болѣе сложному, что болѣе простой видъ жилища (пещера) долженъ былъ появиться раньше болѣе сложнаго вида жилища (дереваго дома). Если ходъ матеріальной культуры подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и все въ ходѣ развитія органическаго міра, то не основаній предполагать, чтобы такъ называемая духовная культура человечества, имѣющая, какъ и матеріальная культура, тотъ же источникъ въ психическомъ мірѣ, могла слѣдовать другимъ законамъ, чѣмъ проявленія психическаго міра въ отношеніи культуры матері-

альной. Действительно, въ отношеніи къ явленіямъ такъ и въ духовной культуры трудѣе, чѣмъ въ отношеніи къ культурной альной, определять какое явленіе оказывается первобытнымъ. Чтобы узнать, какое явленіе изъ цѣлаго ряда ихъ болѣе простое и болѣе считается болѣе сложнымъ, необходимо совершить тотъ же трудъ, какъ и при рѣшеніи такого же вопроса относительно орудій. И притомъ, а именно—подвергнуть явленіе точному анализу и разложить на составныя части, т. е. опредѣлить признаки явленія и выделить основные признаки отъ второстепенныхъ. Подобный анализъ, возможности отдѣлить болѣе простыя формы отъ болѣе сложныхъ, первыя должны предшествовать вторымъ, легко выяснять признаки явлений въ предѣлахъ известной группы. Быть, однако, утверждать, что всѣ выводы, получаемыхъ этимъ путемъ выводовъ можно считать верными, во-первыхъ, привлеченія возможно большаго количества фактовъ и критическаго къ нему отношенія и, во-вторыхъ, изученія явленія известной категоріи не изолированно, а въ связи съ окружающими его явленіями въ той же группѣ. Такъ, напримѣръ, если бы исторіей развитія семьи, слѣдуетъ изучать ее и исторіей развитія общественныхъ учрежденій. Явленіе, которое, казалось бы, такъ, изолированно, можетъ подчасъ казаться простымъ, но, при изученіи его въ связи съ аналогичными явлениями, оно окажется сравнительно сложной и поздней формой. Союзъ родителей и дѣтей, т. е. семья, представляющая собой форму самой простой, а слѣдовательно и древнейшей. Но, если обратить вниманіе на ту обстановку, съ которою существуетъ современная намъ семья—не трудно увидѣть, что эта семья является частью болѣе обширныхъ союзовъ, начиная отъ родственныхъ, съ окружающихъ, и кончая наиболѣе обширными, всенародными, въ составъ которыхъ входитъ и эта семья. Единственныхъ союзахъ людей мы находимъ примѣры только у менѣе культурныхъ племенъ, въ доисторическомъ развитіи. Откинувъ ихъ, мы придемъ къ тому, что семья ограничивается не государствомъ, а родственнымъ, а именно, родственниками. Переходя затѣмъ болѣе сложными путемъ анализа признаковъ къ наиболѣе сложному, развитому нашему наблюдению, союзу, который и считать известнымъ намъ, эмбриономъ человеческого общества.

II. Матеріальная культура.

I. Человѣкъ въ диллювіальномъ (палеолитическомъ) періодѣ.

Некоторые путешественники, при первомъ своемъ посѣщеніи архипелагической части Тихаго океана, Австраліи, внутреннихъ областей Южной Америки, равно и сѣверныхъ, арктическихъ странъ Азіи и Африки, встрѣтили народности, которыя совершенно не были знакомы съ употребленіемъ металловъ. Онѣ не знали ни мѣди, ни желѣза и устройства своихъ орудій пользовались тѣми матеріалами, которую природа имъ доставляла въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ. Крѣпленныя къ рукояти большая острая морская раковина, или черепахи, или наконецъ кусокъ коралла служили топорами на островахъ Полинезіи и Меланезіи. Челюсть рыбы, съ острыми зубами, служила пилой у бразильскихъ туземцевъ, острые когти животныхъ употреблялись для выгребанія съѣдобныхъ корней, а раковина служила одновременно и ножомъ и скребкомъ. Колючими иглами растений пользовались въ качествѣ шиль, заостренныя кости обезьянъ употреблялись наконечниками на стрѣлы. Одновременно пользовались и камнями, приспособляя ихъ то въ качествѣ топоровъ и молотковъ, насаживая ихъ на копы и стрѣлы. Сношенія съ европейцами, подававшими туземцамъ желѣзные орудія, содѣйствовали сравнительно быстрому исчезновенію примитивныхъ орудій дикарей. Количество народностей, не знающихъ металлическихъ издѣлій, быстро сокращается. Однако, не болѣе какъ лѣтъ двадцать тому назадъ вѣтвѣ путешественникъ Штейненъ встрѣтилъ еще въ центральной Бразиліи, на одномъ изъ притоковъ р. Амазонки—Шингу (Хингу), народности, которыя совершенно не знали металлическихъ издѣлій. Сами онѣ не

умѣли ни добывать, ни обрабатывать металловъ, а свръ постигали. Штейненъ былъ первымъ бѣлымъ человѣкомъ шимъ въ ихъ страну ¹⁾. Да и въ настоящее время во 1 постахъ, удаленныхъ отъ европейскихъ колоній, примитивъ вышли еще изъ употребленія у дикарей. Ихъ находятъ, въ Австраліи.

Всѣ эти и подобныя имъ орудія представляютъ болѣе первобытные способы утилизаціи готовыхъ матеріаловъ, которые употребляются человѣкомъ для борьбы съ природой. Первой потребностью, естественно, во все времена и на всѣхъ стадіяхъ развиіи отстоятъ себя отъ неблагопріятныхъ условій окружающей его. Человѣкъ борется и всегда боролся за свое существованіе. Въ этой борьбѣ, средства, къ которымъ человѣкъ прибѣгаетъ, и нѣются на разныхъ стадіяхъ развитія. Эта борьба ведется иначе въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ, чѣмъ на низшихъ ступеняхъ культуры, когда человѣкъ окруженъ могущей и еще непокоренной имъ природой. Въ этой стадіи развиіи приходится заботиться объ извлеченіи изъ окружающихъ условий основныхъ элементовъ своего существованія, помнитъ, что природа даетъ ему готового, дѣлать первые робкіе шаги къ огражденію себя отъ неблагопріятныхъ условій и къ побѣдѣ надъ себѣ природой; онъ ищетъ себѣ пищу, ему необходимо отстоятъ себя отъ дикихъ животныхъ. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ придти къ изобрѣтенію орудій. Изслѣдуя эти послѣднія у насъ въ предшествующей главѣ методомъ, т. е. нисходя отъ болѣе сложныхъ къ болѣе простымъ типамъ, мы находимъ, что болѣе прослѣдовательно и первобытное, орудіе должно было быть сдѣлано изъ матеріаловъ, доставляемыхъ человѣку самой природой готовыми: камни, раковины, дерево и т. п., и употребленіе подобныхъ орудій дикарями покажется намъ вполне естественнымъ. Имѣемъ ли мы, однако, право утверждать, что стадію незнакомства съ металломъ прошло все человѣчество? На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно. То, что этнографъ могъ наблюдать на извѣстныхъ группахъ племенъ дикихъ, можно, благодаря даннымъ археологическимъ пространить и на все человѣчество. Мало того, данныя геологическія и леонтологическія даютъ возможность начертать картину жизни первобытнаго человѣка и выработанныхъ имъ средствъ для борьбы за существованіе.

¹⁾ Первая экспедиція Штейнена относится къ 1884 г., вторая къ 1888 г.

В отдаленнѣйшій періодъ и позволяютъ если не рѣшить, то до той степени намѣтить рѣшеніе вопроса о времени появленія человека на землѣ. Мы видимъ человека, расселеннаго въ настоящее время всюду, подъ различными широтами, при разныхъ условіяхъ; не занятая человекомъ, очень не велика, но и она завоевывается новымъ поколѣніемъ все больше и больше. Является вопросъ: когда впервые появился на землѣ человекъ? Геологія дѣлитъ исторію на рядъ періодовъ, характеризуемыхъ опредѣленными слоями.

Переходъ отъ одного періода къ другому совершался крайне и постепенно, но каждый періодъ, взятый въ его типичныхъ, представляетъ значительныя отличія отъ другого, заключающіяся какъ въ распредѣленіи суши и водъ на землѣ, такъ въ климатическомъ различіи. Но главной отличительной чертой, еще наглядной, является различіе въ фаунѣ и флорѣ каждаго изъ періодовъ. Въ общемъ, характернымъ для постепеннаго перехода отъ одного періода къ другому является и постепенное развитие органической жизни—флоры и фауны. Постепенно, начиная съ наиболѣе древнихъ періодовъ, развиваются сначала организмы безпозвоночные (рыбы, ракообразные и т. п.), затѣмъ рыбы, земноводныя, птицы и млекопитающія. Періодъ, въ которомъ мы живемъ въ настоящее время, принято называть *постплиоценовымъ*. Его дѣлятъ на *аллювіальный*, въ который мы переживаемъ теперь, и предшествующій ему *дилювіальный* періодъ. Постплиоценовому періоду предшествовалъ *плиоценовый*, являемый иногда на три эпохи: 1) собственно *плиоценовый*, предшествовавшій ему *миоценовый* и 3) еще болѣе ранній *эоценовый*. Плиоценовый періодъ принято иногда называть и *тертирнымъ* или *третичнымъ* въ отличіе отъ постплиоценоваго, который носитъ названіе *кватернерный* или *четвертичный*. Здѣсь невозможно останавливаться на геологическихъ вопросахъ, изъ которыхъ многіе даже еще недостаточно разработаны. Отмѣтимъ лишь, что геологическія изысканія, изученіе остатковъ костей животныхъ, отпечатковъ растений и проч. въ разныхъ мѣстностяхъ, преимущественно впрочемъ Европы—материковъ и острововъ, которую въ отношеніи къ этимъ вопросамъ принято считать болѣе или менѣе изслѣдованной—отчасти и остро-Ледовитаго Океана, привели къ заключенію, что въ Европѣ прежнихъ временъ и на указанныхъ островахъ климатъ былъ значительно теплѣе. Такъ, въ Гренландіи и на Шпицбергенѣ были найдены слѣды южной флоры: пальмы, магноліи, мирты, платаны, акаціи, многочисленные и разнообразныя виды папоротниковъ и другія южныя растенія покрывали Европу, материкъ которой тогда, однако, не

имѣть современнаго вида: половина Скандинавіи, почти Россія, Пруссія, Данія и Голландія были покрыты моремъ и Бѣлое море составляли общій бассейнъ съ Чернымъ и Еврейскій континентъ имѣлъ морской климатъ—сырой, но теплый. При такомъ климатѣ и среди роскошной флоры отличалась отъ современной. Въ пліоценовомъ періодѣ с млекопитающихъ встрѣчаемъ типы въ родѣ носороговъ, потама, предковъ современныхъ лошадей—съ двумя пальцами копытъ, мастодонта, животныхъ, имѣвшихъ сходство оди съ собакой и медвѣдемъ. Въ теченіе долгихъ вѣковъ, даже тамъ пока продолжался періодъ пліоценовый, начинается измѣненіе. Моря постепенно отступаютъ, Европа медленно начинаетъ имѣть видъ сплошнаго материка. Прежде однообразный, морской и теплый мѣстами замѣняется континентальнымъ; на сѣверѣ начинаютъ появляться льды, а съ ними и холодныя воздушныя и морскія течения. Фауна и флора начинаютъ видоизмѣняться. Появляются березы, дубы, ивы, тополя; прежнія животныя отчасти вымираютъ, а вымираютъ и мало по малу замѣняются породами быковъ, свиней, лошадей, зайцевъ, медвѣдей и т. п. Обильные дожди, которые даютъ въ концѣ пліоценоваго періода, содѣйствуютъ образованію обширныхъ ледниковъ на горахъ, а ледники питаютъ рѣки значительно многоводныя, чѣмъ теперь. Между тѣмъ ледяной покровъ на сѣверѣ нарастаетъ и начинаетъ медленно подвигаться на югъ: ледники сливаются, надвигаются и постепенно покрываютъ почти всю Великобританію, Скандинавію, Финляндію, Ганноверъ, Пруссію и часть Россіи. Такимъ образомъ, климатъ со временемъ принимаетъ совершенно другой характеръ, и пліоценовый періодъ замѣняется постпліоценовымъ, который и открывается такъ называемымъ ледниковымъ періодомъ. Не слѣдуетъ предполагать, что послѣдній захватилъ всю Европу. Новѣйшія изысканія доказали, напримѣръ, что въ централъ Европѣ климатъ былъ морской, сырой и умѣренный, по крайней мѣрѣ въ началѣ дилювіальнаго періода; области съ умѣреннымъ климатомъ приходились по сосѣдству съ ледниками, какъ это мы видимъ теперь еще въ горныхъ странахъ на Кавказѣ, въ Альпахъ, въ Нидерландахъ. Изслѣдованія, произведенныя Шукке (Chouquet) въ окрестностяхъ Фонтенбло (около Парижа), доказали присутствіе въ началѣ дилювіальнаго періода южной флоры, какъ, напримѣръ, лавровыхъ деревьевъ. Повидимому лѣто не было жаркимъ, а зимы не были холодными. Обиліе влаги, вызываемое часто выпадавшими дождями, давало возможность существовать толстокожимъ животнымъ, какъ

ь, носорогамъ, а находящіеся тутъ же по сосѣдству холо-
д-ласть у ледниковъ допускали существованіе сѣверныхъ оленей.
въ настоящее время кажется намъ совершенно невѣроятнымъ,
апримѣръ, левъ, нападающій на сѣвернаго оленя, было возможно
въ постпліоценовой эпохи. Флора ледниковаго періода становится
чрезвычайно разнообразнѣе, чѣмъ въ предшествующую эпоху. Кромѣ
березы, гдѣ влажный и теплый климатъ давалъ возможность выроста-
ть лавру и вишней, мы въ постпліоценовый періодъ (первой
половины его) встрѣчаемъ березу, дубъ, липу, ольху, различные виды
кленъ, серебристый тополь, иву и др., которые и въ настоя-
щее время встрѣчаются въ умеренномъ климатѣ. Изъ представителей
слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько видовъ слоновъ: *Elephas meridio-*
nalis—наиболѣе высокій, часто встрѣчавшійся въ Италіи, на югѣ Фран-
ции, Англии, *Elephas antiquus*—меньшихъ размѣровъ, чѣмъ предыду-
щихъ, остатки котораго находили въ тѣхъ же мѣстностяхъ, а также
въ Швейцаріи (нѣкоторые ученые видятъ въ немъ про-
то-африканскаго слона), *Elephas primigenius*, болѣе извѣстный подѣ
именемъ мамонта, съ длинной шерстью, особенно часто встрѣчав-
шійся въ центральной Европѣ, въ Россіи и въ Сибири. Всѣ три вида
слоновъ преемственно слѣдовали другъ за другомъ въ постпліоцено-
вый періодъ. Одновременно со слонами мы встрѣчаемъ и различные
носороговъ: современникомъ *Elephas meridionalis* является *Rhino-*
ceros etruscus, современникомъ *Elephas antiquus*—*Rhinoceros Merckii*,
современникомъ мамонта, исчезнувшимъ впрочемъ раньше послѣд-
няго—*Rhinoceros tichorhinus*, съ двумя рогами, покрытый какъ и
слонъ длинной шерстью; о размѣрахъ его можно судить по тому,
что рога его достигали иногда 80 центиметровъ длины. Остатки
носорога были находимы въ Европейской Россіи и въ Сибири;
тѣ же, съ мамонтомъ онъ принадлежалъ къ числу толстокожихъ,
живущихъ въ болѣе холодныхъ странахъ. За это говоритъ какъ длин-
ная шерсть обоихъ животныхъ, такъ, главнымъ образомъ, находже-
ныя остатковъ въ Сибири, со слѣдами флоры приблизительно той же,
какую мы видимъ въ ней теперь. Современникомъ слоновъ и носо-
ровъ былъ *Hippopotamus major*, размѣрами превышавшій нынѣш-
няго гиппопотама и распространенный преимущественно съ *Elephas*
meridionalis и *Rhinoceros etruscus*. Далѣе, пещерный медвѣдь—*Ursus*
spelaeus, встрѣчавшійся въ возвышенныхъ пещерахъ и найденный въ
Европейской Россіи, Сибири, въ Закавказьѣ и почти всюду въ За-
падной Европѣ, пещерный левъ, *Leo spelaeus* или *Felis spelaeus*, одинъ
изъ наиболѣе крупныхъ представителей кошекъ въ постпліоценовый

также известный французский археолог Г. Мортилье (tillet), который скоро сделался самым горячим защитником мыслящего существа в плейстоценовый периодъ.

Вопросъ о третичномъ человѣкѣ былъ одно время вѣщимъ. Не лишнимъ будетъ поэтому остановиться на время, когда казалось, что вопросъ о несомнѣнныхъ слѣдахъ существованія третичнаго человѣка рѣшенъ въ положительномъ (оставалось одно возраженіе—отсутствіе подобныхъ же находокъ въ другихъ мѣстностяхъ. Но въ 1877 г. геологомъ I. B. Ramié Пуи Курни (Puy Courny) близъ Орильяка (Aurillac) были найдены кремни, весьма похожіе по своему вѣдѣшнему виду и по обрѣзкамъ изъ Thenau. Выставленная имъ въ 1878 г. коллекція многихъ на сторону поборниковъ взглядовъ Бурне-конецъ, К. Рибейро (Carlos Ribeiro) въ Португаліи, при изслѣдованіи долины Тахо, нашелъ также въ третичныхъ слояхъ, которыя онъ счелъ за обдѣланные искусственно. Правда, Бурне-конецъ сначала не призналъ ихъ за таковыя; но подробный осмотръ на выставкѣ 1878 г. со стороны специалистовъ, въ томъ и Мортилье, привелъ къ заключенію, что и въ Португаліи слѣды третичнаго человѣка. Впослѣдствіи, при личномъ посѣщеніи некоторыхъ французскихъ ученыхъ Лиссабона, ими было осмотрѣно мѣсто находокъ; произведенныя изслѣдованія убѣдили окончательно въ томъ, что эти кремни служили орудіями.

Всѣ эти факты дали возможность Мортилье выставить теорію о происхожденіи человѣка въ Европѣ. Исходя изъ положенія, что человѣкъ, какъ и все въ органическомъ мірѣ, долженъ былъ развиваться постепенно, что присущія ему въ настоящее время черты могли появиться и развиваться только крайнимъ путемъ,—онъ пришелъ къ заключенію, что до появленія человѣка въ нашемъ смыслѣ этого слова должны были жить существа, которыя можно было назвать предшественниками человѣка. Это не были люди, это былъ видъ животныхъ; Мортилье назвалъ его *Anthropopithecus* (среднее между обезьяной и человекомъ).

Орудія изъ названныхъ трехъ мѣстъ относились всѣ къ плейстоценовому періоду, но къ разнымъ эпохамъ его, въ предѣлахъ которыхъ происходили крупныя измѣненія въ климатѣ Западной Европы и фауны. Кромѣ того, орудія изъ Португаліи рѣзко отличались отъ найденныхъ во Франціи. Слѣдовательно, не могло быть рѣчи объ еди-

овъ, сократились, мамонтъ сдѣлался рѣже, а животныя, приспособившіяся къ холодному и степному климату, въ значительной степени уменьшились численно: сѣверный олень, сайга стали встрѣчаться особенно часто; среди представителей флоры въ средней Европѣ появляются въ большомъ количествѣ сѣверные виды мховъ и лишайевъ, аналогичнымъ, которые встрѣчаются въ настоящее время въ Гренландіи и Исландіи. Лишь послѣ окончательнаго отступленія ледниковъ устанавливается приблизительно современный намъ климатъ Европы. Отступленіемъ новаго геологическаго періода—современнаго аллювиальнаго, замѣчается частію вымираніе, частію эмиграція животныхъ и растений: вымерли или переселились въ другія широты мамонтъ и остальные виды слоновъ, всѣ виды носороговъ диловиальнаго періода, *Cervus megaloceros*, сѣверный олень, лось, гиппопотамъ, олени, гіены, антилопы, медвѣди и т. д. Отдѣльные виды растений также частію подвинулись на сѣверъ, какъ на примѣръ, ива, береза, липа, частію—на югъ, какъ на примѣръ лавръ, который какъ показано встрѣчался даже недалеко отъ Парижа.

Въ какой же изъ указанныхъ періодовъ появляется на землѣ человекъ? Положительныя данныя не идутъ далѣе диловиальнаго періода. Еще въ 1867 г. на международномъ конгрессѣ антропологии и доисторической археологии въ Парижѣ аббатъ Буржуа (Abbe Burgeat) выставилъ рядъ кремневыхъ осколковъ, которые онъ считалъ обдѣланными рукой человека. Они были найдены имъ въ Thénay, (департ. Loir-et-Cher), въ слояхъ, относящихся геологически къ среднему третіерному періоду. Большинство специалистовъ, исключеніемъ разве датскаго археолога Ворзаа (Worsaae), тогда усумнилось въ томъ, что эти кремни обдѣланы. Находки Буржуа были сдѣланы на поверхности земли, въ долинѣ рѣчки Thénay: невозможно было доказать, что кремни происходятъ изъ третіернаго слоя, наруживаемаго теченіемъ рѣчки. Указывалось на то, что они могли быть взяты изъ верхнихъ слоевъ и что, слѣдовательно, ихъ нельзя было съ достовѣрностью отнести къ третіерному періоду. Буржуа послѣ этого прокопалъ боковую траншею и въ слоѣ несомнѣнно третіерномъ нашелъ снова цѣлую массу кремней, аналогичныхъ тѣмъ, которые онъ принималъ за первобытные. Кромѣ того, онъ прорылъ еще боковой колодезь и снова натолкнулся на этотъ же видъ кремней. Эти изслѣдованія привели къ тому, что на Брюссельскомъ конгрессѣ 1872 г. Буржуа встрѣтилъ большее сочувствіе. Наиболѣе выдающіеся члены конгресса высказались въ пользу признанія искусственной обдѣлки кремней. Въ ихъ числѣ были и знаменитый Катрфажъ, а

также известный французский археолог Г. Мортилье (G. de Mortillet), который скоро сделался самым горячим защитником живого существа в плиоценовый периодъ.

Вопросъ о третичномъ человѣкѣ былъ одно время весьма живымъ. Не лишнимъ будетъ поэтому остановиться на немъ. Было время, когда казалось, что вопросъ о несомнѣнныхъ слѣдахъ существованія третичнаго человѣка рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Оставалось одно возраженіе—отсутствіе подобныхъ же находокъ и другихъ мѣстностяхъ. Но въ 1877 г. геологомъ I. B. Rames'омъ и Пуи Курни (Puу Courny) близъ Орильяка (Aurillac) были найдены кремни, весьма похожіе по своему вѣншему виду и по обдѣлкѣ на кремни изъ Thenay. Выставленная имъ въ 1878 г. коллекція привлекла многихъ на сторону поборниковъ взглядовъ Буржуа. Наконецъ, К. Рибейро (Carlos Ribeiro) въ Португаліи, при изслѣдованіи долины Тахо, нашелъ также въ третичныхъ слояхъ орудія, которыя онъ счелъ за обдѣланныя искусственно. Правда, Буржу сначала не призналъ ихъ за таковыя; но подробный осмотръ ихъ на выставкѣ 1878 г. со стороны специалистовъ, въ томъ числѣ и Мортилье, привелъ къ заключенію, что и въ Португаліи открыты слѣды третичнаго человѣка. Впослѣдствіи, при личномъ посѣщеніи некоторыхъ французскихъ ученыхъ Лиссабона, ими было осмотрѣно и мѣсто находокъ; произведенныя изслѣдованія убѣдили окончательно въ томъ, что эти кремни служили орудіями.

Всѣ эти факты дали возможность Мортилье выставить свою теорію о происхожденіи человѣка въ Европѣ. Исходя изъ положенія, что человѣкъ, какъ и все въ органическомъ мірѣ, долженъ былъ развиваться постепенно, что присущія ему въ настоящее время черты могли появиться и развиваться только крайне медленнымъ путемъ,—онъ пришелъ къ заключенію, что до появленія человѣка въ нашемъ смыслѣ этого слова должны были жить на землѣ существа, которыя можно было назвать предшественниками человѣка. Это не были люди, это былъ видъ животныхъ; Мортилье называлъ его *Anthropopithecus* (среднее между обезьяной и человекомъ).

Орудія изъ названныхъ трехъ мѣстъ относились всѣ къ плиоценовому періоду, но къ разнымъ эпохамъ его, въ предѣлахъ которыхъ происходили крупныя измѣненія въ климатѣ Западной Европы, связанныя съ этими перемѣнами видоизмѣненія господствующей флоры и фауны. Кромѣ того, орудія изъ Португаліи рѣзко отличались отъ найденныхъ во Франціи. Слѣдовательно, не могло быть рѣчи объ еди-

ствѣ типа антропитека. Мортилье съ легкостью вышелъ изъ затрудненія, признавъ три типа антропитека. Каждый изъ нихъ онъ называлъ по имени изслѣдователя данной мѣстности: 1) *Anthropopithecus Bourgeoisii*—оставившаго слѣды своихъ орудій въ Thenay; 2) *Anthropopithecus Ramesii*—жившаго въ Puu-Courny, и 3) *Antropopithecus Ribeiroi*—найденнаго въ Португаліи и близкаго къ предшественному виду. Такъ какъ кремни изъ Thenay носили на себѣ ясные слѣды пребыванія въ огнѣ, Мортилье счелъ доказаннымъ слѣдующія положенія: во первыхъ антропитекъ былъ уже знакомъ съ употребленіемъ огня и во вторыхъ онъ пользовался огнемъ для приготовления орудій: онъ накалывалъ большой кремень на огнѣ, пока кремень не распадался на мелкіе куски, а затѣмъ уже эти послѣдніе обдѣлывались путемъ оббивки. Мортилье старался опредѣлить и физическіе признаки своего антропитека. Единственное данное объ анатомическихъ признакахъ антропитековъ, пишетъ онъ, это то, что они были значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ человѣкъ. Это положеніе особенно относится къ *Anthropopithecus Bourgeoisii*. Дѣйствительно, кремни изъ Thenay поражаютъ своими малыми размѣрами. Это обстоятельство служило возраженіемъ мнѣнію, приписывавшему эти кремни—людямъ, заключаетъ онъ, и возраженія эти были справедливы—это орудія маленькаго роста антропитека, а не человѣка. Орудія изъ Португаліи тоже слишкомъ малыхъ размѣровъ, чтобы принадлежать человѣку, но они все же указываютъ, на то, что «предшественникъ человѣка», населявшій Португалію, былъ однако болѣе высокаго роста чѣмъ французскій антропитекъ. Говелакъ (Abel Hovelacque) пошелъ далѣе въ опредѣленіи типа предшественника человѣка на землѣ: путемъ сравненія характерныхъ чертъ низшихъ человѣческихъ расъ съ характерными чертами высшаго типа обезьянъ, основываясь на данныхъ языка, онъ старался возстановить идеальный образъ антропитека. Смѣлая теорія Мортилье въ настоящее время вполнѣ оставлена; но значеніе его какъ лица, сумѣвшаго дать сильный толчекъ человѣческой мысли въ извѣстномъ направленіи, неоспоримо. Дальнѣйшія изслѣдованія не оправдали мнѣнія Мортилье, такъ какъ подробное изученіе орудій Буржуа, Рама и Рибейро привело въпослѣдствіи къ убѣжденію, что эти кремни естественнаго происхожденія, что они вѣроятнѣе всего раскалывались при обширныхъ пожарахъ, или при перекачиваніи камней, происходившемъ по естественнымъ причинамъ, и въ это время могли получить тѣ зазубрины, которыя принимались за слѣды искусственной обработки. Наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ этого служить: во первыхъ то, что они весьма мало похожи на

фрета и в источахъ, что они рѣшительно ни къ чему не относятся для мало-мальски мыслящаго существа. Были предположены разныя странъ и другія вещественныя доказательства существованія человѣка въ третіе время, но они всѣ оказались не удовлетворительными. Такъ, слѣды зубовъ, замѣченные на обломкахъ костей третіе время, оказались слѣдами не члвчскихъ зубовъ, а звѣринныхъ; человѣчскій костякъ, найденный въ прѣдѣлахъ слотъ, оказался въ мотыль, устроенной значительно болѣе позднее время въ слотъ третіе время. Исканія о нахожденіи слѣдовъ третіе время человека приходились на Соединенные Штаты, Индію, Турцію, Италію, Францію и Португалію. Въ Никарагуа и Невада нѣкоторые отыскали даже слѣды ногъ члвчскія въ третіе время. Но всѣ эти извѣстія были критически оценены и отвергнуты наукой. Во всякомъ случаѣ, до настоящаго времени нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о существованіи человека въ предшествующую диллювіальному періоду. Были бы однако крайне неосновательно выводить отсюда, что члвч не могъ вообще существовать въ это время. Исканія въ третіе время слотъ, даже въ наиболее изслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи странахъ, ограничиваются лишь очень немногими пунктами. Большая часть Западной Европы и Россіи совершенно не изслѣдована въ третіе время слотъ. Нѣкоторые французскіе ученые, какъ Катрфранкъ (Carnegie), Буль (Boule), надѣются, что слѣды третіе время человека будутъ найдены при подробномъ изученіи сѣверныхъ странъ Сибири. Никто, однимъ словомъ, не отрицаетъ въ настоящее время возможности существованія человека въ третіе время и ждутъ лишь всѣхъ научныхъ доказательствъ, подтверждающихъ это. Косвенные факты заставляютъ скорѣе предполагать существованіе человека на землѣ дѣйствительно еще въ тотъ отдаленный періодъ. Климатъ Европы того времени былъ настолько мягокъ, что человекъ могъ въ немъ свободно существовать, болѣе холодная температура падаетъ уже на постлюдоценовый періодъ. Въ третіе время онъ вѣроятно приближался къ климату сѣверной Африки въ смыслѣ высокой температуры, но былъ гораздо болѣе сырымъ, чѣмъ въ Африкѣ; его можно поэтому назвать субтропическимъ. Онъ давалъ возможности произрастать между прочимъ пальмамъ, огромнымъ папоротникамъ, акаціямъ, лаврамъ, миртамъ и др. Засвидѣтельствовано палеонтологическими данными существованіе въ это время цѣлаго ряда обезьянъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ *Dryopithecus Fontani*, приближались къ гиббонамъ. Не

точно оснований предполагать, что человек *не* могъ жить въ иматѣ, въ которомъ могли существовать человекоподобныя обезьяны. Иметь пліоценоваго періода такимъ образомъ не могъ препятствовать существованію человека. Далѣе, культура, съ которой человекъ выступаетъ въ слѣдующій *дильвіальный* періодъ, на столько звита, конечно, относительно, что она едва ли могла быть первоначальной.

Какъ бы грубы ни казались намъ издѣлія изъ камня, относящіяся къ дильвіальному періоду—эпохи, когда можно уже смѣло говорить о существованіи человека въ Европѣ—они носятъ на себѣ печать сравнительнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ человекъ не могъ съ первыхъ шаговъ своего существованія обладать орудіями, искусственно изготовленными. Мы должны предположить существованіе длительного періода, течение котораго происходила дифференціация человека отъ антропидовъ, причемъ при первыхъ шагахъ новой жизни онъ могъ пользоваться въ качествѣ оружія только тѣми предметами, которые окружающая его обстановка представляла въ его распоряженіе совершенно готовыми. Умѣнье, хотя бы самымъ грубымъ способомъ оббивать камни, придавать имъ извѣстную форму, однимъ словомъ приспособить камень для извѣстныхъ цѣлей, способность выбирать для этого специальную породу камней должно считать первыми и весьма важными шагами человека по пути прогресса. Но естественно, что эти шаги впередъ предполагаютъ длительное существованіе, появленіе новыхъ условій, вынудившихъ человека прибѣгнуть подѣ влияніемъ обстоятельствъ къ искусственной обдѣлкѣ камней. Такимъ образомъ, хотя вопросъ о третіерномъ или третичномъ человекѣ пока и остается открытымъ, но отрицать существованіе человека въ третичномъ періодѣ—безусловно нельзя. Есть наоборотъ основаніе предполагать, что онъ существовалъ уже въ пліоценовый періодъ.

Наиболѣе древніе слѣды дильвіальнаго человека были найдены въ Европѣ. Но изъ этого еще нельзя заключать, что колыбелью человеческого рода были именно тѣ мѣстности, гдѣ эти слѣды найдены. До настоящаго времени вопросъ о первоначальной родинѣ человечества не рѣшенъ опредѣленно, да и не можетъ быть рѣшенъ до накопленія новаго матеріала. Данныя, которыми въ настоящее время располагаетъ наука, позволяютъ строить лишь болѣе или менѣе остроумныя гипотезы. Всѣ эти гипотезы сходятся въ одномъ, что дифференціация человека должна была произойти въ климатѣ тепломъ. Первобытный человекъ естественно не могъ-бы выжить въ холодномъ климатѣ, гдѣ ему не достало-бы пищи, такъ какъ онъ еще не умѣлъ вести

борьбу съ природой. Но, въ то время какъ, на примѣръ, Дарвинъ считаетъ прародину человѣка въ Африкѣ, Катрфажъ, Вагнеръ и Лереръ склонны считать за таковую сѣверныя, въ настоящее время необитаемая благодаря холоду, области сѣверной Европы и Азии. Третій періодъ эти области пользовались мягкимъ, теплымъ климатомъ, благодаря чему въ сѣверныхъ областяхъ могли существовать антропоиды. По мнѣнію однихъ, дифференціация человѣка отъ антропоидовъ произошла еще въ то время; по мнѣнію другихъ, она произошла уже послѣ того, какъ ледники начали наступать, флора и фауна смѣнялись и антропоиды, въ поискахъ за пищей, частью двинулись на югъ, частью перешли отъ растительной къ другимъ видамъ пищи и постепенно стали всеядными. Благодаря скудости растительнаго корма антропоидъ началъ охотиться за звѣрями, а охота мало по малу приучала его ходить прямо и пользоваться *необходимыми* камнями въ качествѣ оружія. Такимъ образомъ, въ періодъ медленнаго отступленія антропоидовъ передъ ледниками на югъ, произошла будто-бы дифференціация человѣка. Геккель (Häckel) и нѣкоторые другіе выводятъ происхожденіе человѣка изъ восточной Африки или изъ южной Азии или допускаютъ, что первоначальной родиной человѣку могъ служить въ настоящее время затонувшій материкъ, который они называютъ Лемурией. Остатки этого материка слѣдуетъ видѣть съ одной стороны въ Зондскихъ островахъ, а съ другой въ Мадагаскарѣ. Изъ различныхъ видовъ людскихъ породъ, выработавшихся въ борьбѣ за существованіе путемъ естественнаго подбора, одержали побѣду по Геккелю два наиболѣе отдаленнѣе другъ отъ друга вида: оба темные, но одинъ съ курчавыми волосами, который расселился частью на западъ (въ Африку), частью на востокъ (на Новую Гвинею), а другой съ гладкими волосами, направившійся частью на сѣверъ (въ Азію), частью на югъ (въ Австралію). Неопредѣленнымъ является и вопросъ о типѣ первобытнаго человѣка. По мнѣнію однихъ онъ былъ коричневый, т. е. цвѣтъ его занималъ среднѣе мѣсто между существующими окрасками, Бюффонъ и Blumenbachъ считали его бѣлымъ, Причардъ (Prichard) чернымъ, де-Саллю—краснымъ. Кантъ полагалъ, что первичный человѣкъ долженъ былъ быть темнаго цвѣта, а Катрфажъ—что онъ былъ желто-красный съ рыжими волосами и съ значительнымъ прогнатизмомъ. Въ настоящее время нѣкоторые натуралисты приписываютъ первичному человѣку черный цвѣтъ.

Вопросы о началахъ человѣческой жизни, такимъ образомъ, покрыты совершеннымъ мракомъ, что впрочемъ не даетъ права думать, что они никогда не будутъ рѣшены. Не менѣе спорнымъ является вопросъ, произошелъ-ли человѣкъ въ одной мѣстности или могъ ли

ься въ разныхъ частяхъ земного шара. Этотъ вопросъ въ свое время такимъ образомъ былъ предметомъ горячихъ споровъ, стоя въ связи вопросомъ о поли-и-моногоанизмѣ.

Гораздо болѣе важнымъ для этнографіи является вопросъ, чѣмъ являлся первобытный человѣкъ. Вопросъ этотъ также не рѣшается просто, какъ это можетъ показаться. Въ настоящее время человѣкъ существо всеядное. Но былъ-ли онъ таковымъ въ началѣ? Современное человѣчество на это не даетъ намъ отвѣта. Ослабляющее вліяніе исключительно растительной пищи, которое испытываетъ современный цивилизованный человѣкъ, лишенный мяса, не можетъ служить аргументомъ того, что и первобытный человѣкъ не могъ обходиться безъ него. Въ данномъ случаѣ мы должны принять въ расчетъ многовѣковую привычку культурнаго человѣка къ мясу. Большинство нашего крестьянства центральныхъ губерній почти вовсе не употребляетъ мяса въ пищу, за неимѣніемъ послѣдняго. Оно не даетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ цѣлой массы народностей, и по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ частей его, которыя также почти не употребляютъ мясной пищи (напримѣръ, кавказскіе горы, земледѣльческія народности Африки и др.). Изъ этого можно вывести заключеніе, что мясо не является безусловно необходимымъ продуктомъ, безъ котораго человѣкъ не можетъ существовать. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, гдѣ растительность не даетъ почти никакихъ пищевыхъ продуктовъ, человѣкъ питается въ значительной степени мясомъ животныхъ, рыбъ и т. п. (напр. эскимосы, самоѣды и др.), но всегда употребляетъ и большое количество растительныхъ продуктовъ: ягодъ, листьевъ и проч.

Народности, стоящія на низшихъ ступеняхъ культуры, какъ австрайцы, дикири средней Бразиліи и т. п. являются всеядными. Отсюда можно заключить, что человѣчество въ теченіе долгаго періода протекаго со временъ его дифференціаціи отъ антропоидовъ до настоящаго времени, приспособилось къ разнымъ условіямъ; въ зависимости отъ ихъ человѣкъ, будучи всеяднымъ, питался преимущественно тѣмъ, что ему наиболѣе удобно было достать при наличности тѣхъ или иныхъ условій. Что касается первобытнаго человѣка, то почти безусловно можно только утверждать, что онъ не былъ исключительно плотояднымъ. Зубы человѣка, хотя приспособлены и къ размельченію пищи и растительной и животной, тѣмъ не менѣе подходятъ ближе къ зубамъ животныхъ травоядныхъ, чѣмъ плотоядныхъ. Кроме того, надо принять во вниманіе, что добываніе мясной пищи обыкновенно требуетъ извѣстныхъ приспособленій, которыхъ у пер-

Его интеллектуальныя способности, поднявшія его умствен-
надъ міромъ другихъ млекопитающихъ, дали ему возможность
бѣгать къ изобрѣтеніямъ, гарантирующимъ ему большую успѣ-
борьбы съ природой. Онъ не могъ научиться отъ животныхъ
ству обдѣлывать камни, онъ долженъ былъ изобрѣсти са-
нымъ, способнымъ къ изобрѣтеніямъ, человѣкъ является
наукой, едва только изученіе человѣка переходитъ границу
и становится на твердую почву фактовъ. Такіе факты, до-
ще несомнѣнно существованіе на землѣ человѣка и кромѣ
позволяющіе заглянуть въ его матеріальный и отчасти ду-
быть, дошли до насъ только изъ *дильовіальнаго* періода.

Изученіе доисторическаго человѣка *дильовіальнаго* періода
лось очень недавно. Первымъ лицомъ, заставившимъ признать
существованіе *дильовіальнаго* человѣка былъ французскій ученый Бу-
Пертъ (Boucher-de-Perthes). Послѣ того какъ Кювье (Cuvier), ос-
лемъ научной палеонтологіи, еще въ 1810 г. рѣшительно была отри-
возможность существованія человѣка въ *дильовіальный* періодъ,
никто не возвышалъ своего голоса въ пользу доисторическаго че-
Кювье, какъ извѣстно, намѣчая послѣдовательность геологическихъ
ріодовъ земли, полагалъ, что каждый періодъ смѣнялся другимъ
постепенно, какъ это признается современной наукой, а не
ственно: происходила, по его мнѣнію, какая нибудь катастрофа—
женіе вулкановъ, огромныя наводненія и т. п., на землѣ гибла
жизнь, уничтожалась фауна и флора. Когда уничтожающія сил-
роды снова успокаивались,—начиналась новая эпоха творенія:
валась новая жизнь, возникали растенія и животныя, не имѣвшіе
нетической связи съ типами предшествующаго періода. При
взглядѣ, естественно, не могло быть рѣчи о существованіи че-
въ предшествующій современному геологическій періодъ. Да-
шее движеніе въ области естественныхъ наукъ, выразившее
извѣстной теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ, доказало по-
ность развитія всего органическаго міра. Между древнѣйши-
новѣйшимъ геологическими періодами, представителями фау-
флоры въ каждой изъ геологическихъ эпохъ была доказана
тическая связь. Жизнь земли, развитіе органическихъ существъ
ставляется въ настоящее время стройнымъ цѣлымъ, непрерывной

ий, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ—совершенная противоположность той прерывчатой цѣпи жизни, которую рисовалъ себѣ Кювье. Только послѣ паденія теоріи Кювье, пользовавшагося огромнымъ авторитетомъ въ свое время, стало возможнымъ снова говорить о существованіи человѣка до современной намъ геологической эпохи и стало казаться вѣроятнымъ предположеніе о существованіи ископаемаго человѣка», какъ нѣкоторые, впрочемъ вполнѣ незаставительно, называли человѣка, жившаго на землѣ до аллювіальнаго периода. Но сила авторитета Кювье еще долго тяготѣла надъ наукою во Франціи, которой принадлежитъ честь перваго открытія диллювіальнаго человѣка.

Буше-де-Пертъ былъ однимъ изъ немногихъ лицъ, рѣшившихся противоставить мнѣніе знаменитаго учителя. Въ теченіе болѣе четверти столѣтія онъ тщетно старался доказать возможность существованія человека въ диллювіальный періодъ. Авторитетъ Кювье заставлялъ въ грубо сдѣланныхъ каменныхъ топорахъ, найденныхъ Буше-де-Пертомъ, лишь «игру природы». Что же касается до человѣческихъ костей, которыя находили иногда въ пещерахъ вмѣстѣ въ остаткахъ ископаемой фауны, ихъ считали занесенными водой въ болѣе позднее время. Но, когда, наконецъ, 23 Марта 1863 г. одинъ изъ рабочихъ въ каменоломняхъ въ Муланъ-Киньонъ (Moulin-Quignon) близъ Аббевиля (Abbeville, деп. Somme), гдѣ жилъ Буше-де-Пертъ, принесъ ему найденный каменный топоръ и обломокъ человѣческаго зуба, когда черезъ нѣсколько дней былъ найденъ еще одинъ зубъ, а тѣмъ Буше-де-Пертъ, въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ мѣстнаго ученаго общества, извлекъ собственноручно изъ слоя диллювіальной глины человѣческую челюсть, и тутъ же были найдены еще нѣсколько каменныхъ топоровъ и кости мамонта,—существованіе человека въ диллювіальный періодъ могло считаться доказаннымъ. На слѣдующій день находки немедленно собрался конгрессъ специалистовъ, состоявшій изъ десяти французовъ и двухъ англичанъ подъ предѣтельствомъ Мильнъ-Эдвардса (Milne Edwards). Находки были освидѣтельствованы и существованіе человека въ предшествующій современному геологическій періодъ единогласно признано.

Съ тѣхъ поръ раскопки и изслѣдованія начались производиться особенною интенсивностью, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ Европы, и слѣды человѣка диллювіальнаго были вскорѣ зафиксированы въ Англіи, Испаніи, Португаліи, Германіи, Россіи, Сербіи и т. д. Матеріалъ накопился настолько значительный, что позволилъ перейти къ классификаціи его, что и было предпри-

нято французскими учеными Лартэ (Ed. Lartet) и Г. Мортилье. Классификация последнего имела больший успехъ въ отноше-
Оба ученые по принципамъ и содержанию классифика-
шественномъ не разнятся другъ отъ друга; оба исходятъ изъ
что известные типы орудій встрѣчаются только въ
слояхъ и знаменуютъ собой известный періодъ человѣческой
лизаціи того времени:

Такихъ періодовъ Мортилье насчитываетъ четыре. 1) Въ
древнемъ—періодъ *Шелль* (Chelléen) современникомъ человеку
Elephas antiquus и *Rhinoceros Merckii*. Орудія этого періода
составляютъ каменные оббитые топоры миндалевидной формы,
изготавливались повидимому наиболѣе примитивнымъ способомъ:
подходящій камень, преимущественно кремнь, иногда кварцитъ,
феръ и т. п. и оббивался другимъ камнемъ, такъ что камни
этого періода носятъ слѣды обдѣлки съ двухъ сторонъ.
Искусства отбивать кусокъ камня отъ цѣлой глыбы человекъ
высвѣдѣлъ только во второмъ періодѣ, который Мортилье на-
зываетъ *Мустье* (Moustégien). Форма этихъ орудій почти
но камень отбитъ сначала отъ глыбы, вслѣдствіе чего
поверхностей орудія бываетъ болѣе гладкая. Въ періодъ *Мустье*
вѣкъ живетъ одновременно съ пещернымъ медвѣдемъ, съ *Rhin-*
tichorhinus и мамонтомъ. 3) Третій періодъ *Солутрэ* (Solutréen)
пасть съ постепеннымъ сокращеніемъ ледниковъ; носорогъ (*Rhin-*
tichorhinus) исчезаетъ, распространяются сѣверные олени и дикія лошади, и
становится рѣже. Орудія дѣлаются болѣе разнообразными. Для
періода Мортилье считаетъ типичнымъ два вида каменныхъ
орудій: наконечники копій, формой напоминающіе лавровый л
колеблющіеся размѣрами отъ 8—34 центим., и наконечники
копій съ одной стороны отростокъ. Кромѣ того, простой скребокъ
несуществующихъ періодовъ получаетъ болѣе усовершенствованную
и повидимому уже вставляется въ деревянную рукоять. 4) По-
слѣдній періодъ *Маделэнъ* (Magdalénien) наступаетъ къ концу дилuvia
стvie сухости климата и холода сѣверный олень является особен-
нымъ представителемъ фауны этой эпохи, мамонтъ окончател-
но исчезаетъ. Орудія, которыя въ предшествующіе періоды изгото-
влялись исключительно изъ камня, начинаютъ дѣлаться преимуще-
ственно изъ кости и рога; масса гарпуновъ, служившихъ очевидно для рыбной
охоты, характеризуетъ этотъ періодъ. Другой характерной чертой эпохи
Маделэнъ Мортилье считалъ развитіе художественнаго творчества. От
этого времени дошла до насъ масса издѣлій изъ кости, на которыхъ

преимущественнаго господства сѣвернаго оленя и постепеннаго вымирания мамонта. Характерной чертой первыхъ двухъ является, въ отношеніи къ издѣліямъ, отсутствіе художественныхъ памятниковъ, которые весьма обильны въ двухъ послѣднихъ, въ эпоху Солютрэ матеріаломъ служатъ почти исключительно новая кость, вслѣдствіе чего Пьеттъ предложилъ назвать ее *ébupéenne* (отъ *ebur*—слоновая кость), а въ эпоху Маделленъ являются преимущественно кости и рога сѣвернаго оленя, почему эту эпоху Пьеттъ называетъ *époque tarandienne* (отъ *tarandus*—сѣверный олень).

Употреблялъ ли дилювіальный человѣкъ и другія орудія? Вѣроятно, что одновременно онъ пользовался въ качествѣ орудія палками, дубинами, раковинами и т. п., но время не сохранило ихъ слѣдовъ. Мы точно не можемъ опредѣлить даже, какъ употреблялись каменные и костяные орудія. Мортилье полагалъ, что они вставлялись въ рукояти, а просто брались въ руки. Другіе полагаютъ, что орудія прикрѣплялись чѣмъ нибудь къ рукояти и жили топорами, или вообще бьющими орудіемъ, для охоты, быть можетъ для рубки деревьевъ и наконецъ, для войны. Это мнѣніе представляется болѣе вѣроятнымъ. Относительно первой половины дилювіальнаго періода намъ также неизвѣстно, чѣмъ какъ жилъ человѣкъ. Можно съ большей или меньшей вѣроятностью воспроизвести этотъ бытъ, предполагать, что человѣкъ жилъ охотой. Такъ какъ орудія этого періода находятся преимущественно по берегамъ рѣкъ, то можно думать, что главнымъ образомъ именно здѣсь жили люди. Орудія находятся и въ пещерахъ, что позволяетъ дѣлать заключеніе, что послѣднія служили убѣжищемъ первобытному человѣку. Пещеры приходилось однако отстаивать отъ дикихъ звѣрей; найденныя орудія совместно съ остатками пещерныхъ животныхъ, особенно пещернаго медвѣдя, какъ бы свидѣтельствуютъ, что эта борьба не всегда кончалась побѣдой чело-вѣка. Теплый климатъ нѣкоторыхъ мѣстностей въ началѣ дилювіальнаго періода, быть можетъ, позволялъ первобытному человѣку обходиться безъ одежды. Но въ мѣстностяхъ, гдѣ вслѣдствіе близости ледниковъ температура должна была быть ниже, онъ вѣроятно покрывалъ себя шкурами убитыхъ животныхъ, для очищенія которыхъ быть можетъ и служили ему найденные въ пещерахъ скребки. Больше свѣдѣній мы имѣемъ о жизни первобытнаго охотника во второй періодъ дилювія. Съ увеличеніемъ холода, первобытный житель Европы второго періода дилювія (Солютрэ-М

все больше и больше ищетъ себѣ уѣжища въ пещерахъ. Житіе въ нихъ становится особенно характернымъ именно для дилювіального періода, эпохи преимущественнаго распространія сѣвернаго оленя, который и служитъ главной пищей лю-
Изученіе пещеръ составляетъ особую вѣтвь науки археоло-
Подъ вѣковыми, болѣе поздними наносными слоями часто на-
на днѣ пещеръ, подъ слоемъ туфа, остатки животнхъ
іального періода, и слѣды долговременнаго пребыванія въ пещерахъ
Бка, оставившаго послѣ себя очаги, орудія, украшенія и т. п.
костей животныхъ была занесена сюда водой, часть представляетъ
пиршествъ первобытныхъ людей: на костяхъ ясно видны слѣды
ихъ зубовъ, обгладывавшихъ кости. Многія кости сломаны или рас-
ы, очевидно для того, чтобы добыть мозгъ. Въ общемъ бытъ
ателей пещеръ эпохи сѣвернаго оленя стоитъ выше, чѣмъ въ предше-
ющій періодъ. Нѣкоторые (напримѣръ Брока), предполагали что пе-
ый человѣкъ эпохи сѣвернаго оленя имѣлъ уже зачатки обществен-
организации. Были найдены орудія, назначеніе которыхъ трудно объ-
тъ. Нѣкоторые археологи склонны видѣть въ нихъ нѣчто вродѣ
льническихъ жезловъ, почему они и названы *bâtons de commandement*. Это предположеніе, основанное на внѣшнемъ видѣ этихъ
метовъ и на данныхъ сравнительной этнографіи, требуетъ ко-
провѣрки, такъ какъ изъ того, что подобныя орудія похожи
начальническіе жезлы современныхъ некультурныхъ народностей
римѣръ, Африки), нельзя еще утверждать, безъ риска впасть въ
ую ошибку, что они имѣли то же назначеніе и въ дилю-
ый періодъ. Болѣе правдоподобнымъ кажется что въ этихъ
инальных предметахъ слѣдуетъ видѣть предметы украшеній, рос-
и, тѣмъ болѣе, что обдѣлка кости въ нихъ доходитъ до высшей сте-
и, доступной примитивному человѣку. Во второй половинѣ дилю-
наго періода мы видимъ уже зачатки искусства, какъ скульп-
ы, такъ и рѣзбы на кости и рогѣ. Кромѣ того отдѣльныя пле-
а вступаютъ въ взаимныя мирныя сношенія. Есть по крайней
ѣ основаніе думать, что только торговыми сношеніями, непосред-
ными или посредственными, народности получали продукты
зительно отдаленныхъ странъ. Такъ, напримѣръ, пещерные обитатели
ременной Бельгіи получали кремневые издѣлія изъ Шампани.
скія раковины, употреблявшіяся какъ украшенія, можно встрѣтить
пещерахъ Швейцаріи, слѣдовательно, далеко отъ моря. Орудіями
жать частью издѣлія изъ камня, частью изъ рога и кости. Крем-
я стрѣлы употребляются рѣдко; зато мы встрѣчаемъ много на-

конечниковъ копій и гарпуновъ. Главными источниками пропитанія жили очевидно охота и рыболовство. Кромѣ сѣвернаго оленя, который употреблялъ въ пищу лошадей и другихъ четвероногихъ, находились также рыбы. Слѣдовъ домашнихъ животныхъ не найдено. Преподобный будто сѣверный олень былъ уже прирученъ и что пещерные жители диллювіальнаго періода были скотоводами, перегонявшими стада, съ мѣста на мѣсто—не оправдывается никакими положительными данными. Одеждой въ это время служили, повидимому, исключительно шкуры животныхъ; скрепки вѣроятно всего употреблялись для сшиванія шкуръ, а находженіе въ пещерахъ значительнаго количества каменныхъ шиль и иглъ служить доказательствомъ умѣнья сшивать изъ шкуръ платье. Слѣдовъ умѣнья изготовлять одежду изъ растительныхъ веществъ до настоящаго времени не найдено. Неразъясненнымъ остается вопросъ объ антропофагіи. Много разъ, какъ казалось, находились чуждыя людоедства: именно среди остатковъ пиршества встрѣчались человеческія кости, на которыхъ были видны слѣды какъ будто хищническихъ зубовъ, очевидно глодавшихъ ихъ, или раздробленныя, и, к тому же, съ цѣлью извлечь изъ нихъ мозгъ. Но до настоящаго времени этотъ вопросъ, какъ сказано, не можетъ считаться еще рѣшеннымъ. Несомнѣнныхъ доказательствъ существованія людоедства среди пещерныхъ обитателей нѣтъ, такъ какъ всѣ приводимыя въ пользу этого предположенія данныя частью оказывались ошибочными, частью сомнительными. С другой стороны, однако, нѣтъ никакихъ основаній и отрицать людоедство въ виду широкаго распространенія его среди разныхъ народовъ въ разные времена. Невьясненнымъ остается также и вопросъ, употребляли пещерные обитатели глиняную посуду. Скорѣе можно предположить, что въ большинствѣ случаевъ они были незнакомы съ этимъ новымъ искусствомъ; рѣдкіе случаи находженія черепковъ глиняной посуды въ диллювіальныхъ слояхъ остаются подъ сомнѣніемъ.

Такимъ является человѣкъ на зарѣ своей исторіи, въ геологическій періодъ, предшествовавшій нашему, когда въ Европѣ человекъ жилъ совмѣстно съ мамонтомъ, носорогомъ и сѣвернымъ оленемъ. Изслѣдованіе его быта дало наиболѣе богатые результаты, преимущественно во Франціи и Швейцаріи, отчасти въ западной Германіи, Англіи, Италіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Находки, впрочемъ неслучайныя, въ сѣверныхъ частяхъ Африки, въ Сиріи, Палестинѣ и другихъ мѣстахъ доказали, что диллювіальный человѣкъ и тамъ пользовался орудіями одинаковаго типа съ западно-европейскимъ человѣкомъ. Россия въ этомъ отношеніи еще мало изслѣдована. Это объясняется отчасти господствовавшимъ некоторое время предубѣжденіемъ, будто въ д

льный періодъ Россія была вся покрыта моремъ и льдами. Этотъ былъ въ послѣдствіи опровергнутъ геологическими изысканіями, явившимися, что часть нашей родины была свободна отъ льдовъ и, вѣроятно, допускала возможность существованія въ ней диллювіальнаго человѣка. Бѣдность свѣдѣній о немъ въ Россіи объясняется тѣмъ, что интересъ русскихъ изслѣдователей былъ направленъ преимущественно на болѣе поздніе памятники старины. Однако и въ Россіи разновременно найдены слѣды диллювіальнаго человѣка. Уже всего на берегу Ладожскаго озера Иностранцевъ въ 70-хъ годахъ открылъ богатую стоянку каменнаго вѣка, которую онъ относитъ къ палеолитическому періоду. Вопросъ о «ладожскомъ человѣкѣ» сдѣлался очень громкимъ. Но болѣе позднія изслѣдованія заставили усомниться въ справедливости мнѣнія, относящаго его къ диллювіальному періоду. Вслѣдствіе этихъ сомнѣній, стоянку нельзя считать безспорнымъ доказательствомъ существованія палеолитическаго человѣка въ Россіи. Убѣдительными можно считать слѣдующія доказательства: 1) г-нъ Уваровымъ были найдены въ диллювіальномъ слоѣ Владимірской губерніи, недалеко отъ Муромъ въ с. Сарачаровѣ, остатки мамонта и каменные орудія. 2) Въ Воронежской губерніи въ с. Костенки каменные орудія были открыты сѣевымъ въ диллювіальномъ слоѣ, вмѣстѣ съ костями мамонта. Къ этимъ относилъ находки въ Костенкахъ по формѣ предметовъ эпохъ Солотра. 3) Въ южной Россіи находки орудій диллювіальнаго человѣка вмѣстѣ съ костями мамонта были сдѣланы въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, а въ последнее время П. П. Романовичъ и Армашевскій открыли подъ Кіевомъ на Подолѣ въ диллювіальномъ слоѣ каменные орудія, остатки очаговъ и кости мамонта. 4) Особенно интересна въ научномъ отношеніи, надѣлая въ свое время много шума, находка Савенковымъ слѣдовъ диллювіальнаго человѣка въ Сибири, на Енисеѣ, около Красноярска; предметы, выставленные на X-мъ международномъ конгрессѣ въ Москвѣ въ 1902 г., обратили особое вниманіе какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ представителей науки. На берегу Енисея, въ урочищѣ, называемомъ Иттова гора, въ диллювіальномъ слоѣ Савенковъ нашелъ, одновременно съ костями мамонта, *Rhinoceros tichorhinus*, *Bos primigenius* и стѣвеноленя, т. е. со слѣдами типичной для диллювіальнаго періода фауны—и каменные орудія. Особенный интересъ ихъ заключается въ томъ, что они представляли первые безспорные слѣды диллювіальнаго человѣка въ Сибири и что типы орудій очень близко подходятъ къ такъ называемому типу Мустье, обширная коллекція которыхъ была собрана

въ Западной Европѣ. Въ другомъ урочищѣ—Базанкѣ, въ 6 верстахъ отъ Афонтовой горы, Савенковъ нашелъ, также съ костями, кости, преимущественно сѣвернаго оленя, слѣды той культуры, которую Мортилье относилъ къ періоду Маделанъ, т. е. издѣлія, изображенія животныхъ и проч.—характерныя для культуры неолитныхъ обитателей Западной Европы. Быть обитателямъ Россіи въ этотъ періодъ не представляетъ, насколько возможно судить по имѣющимся даннымъ, отличій отъ той картины, которую мы ставили на основаніи изученія Запада. Помимо однако простого факта, представляемаго изученіемъ диллювіальнаго человѣка въ Россіи, дающаго возможность распространить границы обитанія того же первобытнаго періода и свидѣтельствующаго, что въ общемъ уровнѣ культуры былъ одинаковъ у населенія, отдѣленнаго другъ отъ друга тысячами верстъ,—изученіе первобытнаго человѣка въ Россіи, въ особенности Сибири, представляетъ свой интересъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ объ исторіи первобытнаго человѣчества.

Поэтому заслуживаетъ особаго вниманія находка костей мамонта со слѣдами жизни человѣка въ 1896 г. въ Томской губерніи (въ 6 верстахъ отъ г. Томскѣ). Обстоятельства этой находки слѣдующія. Вблизи мѣстности лагерей, въ обрывѣ р. Томи, каменщикомъ, бравшимъ камни для работъ, были обнаружены кости мамонта. Немедленно появились толпы любопытныхъ, — тѣмъ болѣе, что день былъ праздничный. Кости мамонта стали исчезать. На слѣдующій день объ этой находкѣ было сообщено въ Томскій Университетъ. Изслѣдовать мѣсто находки костей было поручено проф. Кащенко, который, вмѣстѣ съ другими лицами, произвелъ правильную раскопку, длившуюся нѣсколько дней. Изслѣдованія выяснили, что кости мамонта разбросаны въ безпорядкѣ на площади слишкомъ 24 кв. метра; часть костей была цѣла, часть ихъ была, очевидно, намѣренно разбита; вмѣстѣ съ костями мамонта были найдены и двѣ человѣческія кости. Далѣе, тутъ же у костей и подъ ними лежали кости животныхъ, невые осколки, скребки и куски дерева. Очевидно, что первобытные обитатели этой мѣстности устроили здѣсь большое пиршество, такъ какъ на площади раскопокъ было обнаружено большое кострище (2½ арш. въ діаметрѣ). Фактъ, что находка была сдѣлана въ диллювіальномъ слоѣ, доказываетъ о существованіи здѣсь людей въ прѣдшествующій нашему геологическій періодъ. Интересъ ея очевиденъ. Въ настоящее время, конечно, трудно вполне оцѣнить все значеніе ея. Во всякомъ случаѣ, находка, наглядно свидѣтельствующія объ употребленіи диллювіальнымъ человѣкомъ въ пищу мамонта, — край-

Не часто также является возможность доказать безспорно со-
ное существование человека и мамонта не въ предѣлахъ извѣст-
геологическаго періода, а, такъ сказать, въ одинъ и тотъ же
ическій моментъ. Для Россіи это лишь второй случай. Наконецъ
ища, свидѣтельствующія о знакомствѣ дилювіальнаго человека
немъ, крайне рѣдки и въ Россіи и въ Западной Европѣ. Все
придаетъ большое значеніе описанной находкѣ.

Интереснымъ представляется вопросъ, какова была внѣшность
человѣка дилювіальнаго періода. На это мы имѣемъ указаніе двухъ
въ: остатки человѣческихъ костей и произведенія того періода,
сражающія человѣческія фигуры.

Къ рѣшенію вопроса о принадлежности того или иного черепа
дилювіальному періоду наука относится съ большой осторож-
ю. Она предпочитаетъ откидывать всѣ хоть мало-мальски сомни-
ые факты и ожидать результатовъ будущихъ изслѣдованій, чѣмъ
ѣбно обобщать имѣющіяся свѣдѣнія и рѣшать такимъ образомъ
недостаточной достовѣрностью весьма важный вопросъ о типѣ
діалювіальнаго человека. Поэтому, нѣтъ основанія останавливаться на
очисленныхъ сомнительныхъ находкахъ костей дилювіальнаго
человѣка, изъ которыхъ многія оказались принадлежащими чело-
у современной геологической эпохи—аллювіуму. Указать слѣдуетъ
на нѣсколько такихъ находокъ, которыя признаются болѣе
менѣе всѣми специалистами за подлинные остатки дилювіальнаго
человѣка. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего такъ называемый неан-
гальскій черепъ, найденный въ 1856 г. въ дилювіальномъ слотѣ,
Неандертальской пещерѣ на берегу Дюсселя, между Дюссельдорфомъ
льберфельдомъ въ Германіи. Хотя были возраженія и относительно
но большинство склонно видѣть въ немъ черепъ, принадлежа-
ій дилювіальному обитателю этихъ мѣстъ. Черепъ или вѣрнѣе че-
ная коробка, которая была найдена, отличается долихоцефаліей
ловной указатель: 72), костяной покровъ его очень массивенъ, лобъ
зкій, какъ бы срѣзанный, надбровныя дуги чрезвычайно развиты.
репъ этотъ вполнѣ человѣческій, *по своему типу въ общихъ
отатъ* повторяющійся въ находкахъ, относящихся къ среднимъ
камъ.

Если, какъ сказано, неандертальскій черепъ вызывалъ сомнѣ-
я въ принадлежности его дилювіальному человеку, то нѣтъ мѣста
я сомнѣній въ отношеніи находокъ въ Пшедмостѣи въ Мо-
віи (около Прерау), сдѣланныхъ въ 1894 г. извѣстнымъ славян-
имъ археологомъ Машка (Maška). Въ дилювіальномъ слотѣ лесса

Машка нашелъ орудія и слѣды очаговъ, а затѣмъ и самъ той дилювіальной фауны: мамонта, *Bos primigenius*, *Rhinoceros*, *glinus*, сѣвернаго оленя, пещернаго медвѣдя, пещернаго лосося. Вскорѣ послѣ этого имъ была открыта нижняя челюсть и конечностей чловека, въ кускахъ, а нѣсколько дней спустя Машка напалъ на нѣкоторое количество костей, принадлежащихъ по крайней мѣрѣ десяти индивидамъ разнаго возраста. Одни скелеты отличаются большимъ ростомъ (180 цент.), другіе — меньшихъ размѣровъ. Всѣ эти кости лежали въ нетронутыхъ мѣстахъ, заставило Машку предполагать, что это мѣсто погребенія члвчцъ цѣлой семьи, погибшей во время какой нибудь катастрофы и жившей пещерной единоплеменниками. На костяхъ была навалена болышая масса камней; при скелетахъ лежалъ черепъ полярной лисы, а между ними мамонтова кость со слѣдами обдѣлки каменнымъ орудіемъ. Тутъ же вблизи были найдены и каменные орудія, характерныя для дилювіальнаго періода. Черепа распались при приносокеніи, и изъ нихъ могла быть реставрирована. Въ общемъ эти черепа подходятъ къ типу неандертальскаго, хотя развитіе надбровныхъ дугъ менѣе развито у шнедмостскихъ череповъ, чѣмъ на неандертальскомъ.

Находка въ Шнедмостѣ вызвала возраженія нѣкоторыхъ ученыхъ, осматривавшихъ мѣсто находки, но возраженія эти касались преимущественно вопроса, къ какой эпохѣ дилювіальнаго періода отнести ихъ, а не вопросъ о принадлежности ихъ вообще дилювіальному періоду. Одни признавали, что пребываніе чловека въ Шнедмостѣ относится къ эпохѣ мамонта, другіе — къ эпохѣ пещернаго медвѣдя, третьи — къ эпохѣ сѣвернаго оленя. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ въ шнедмостскихъ костяхъ мы имѣемъ не что иное, какъ остатки дилювіальнаго чловека.

Не менѣе значенія для рѣшенія вопроса о типѣ дилювіальнаго чловека имѣетъ надѣлавшая также много шума находка голландскимъ докторомъ Дюбуа (Dubois) во время его работъ на остр. Ява близъ Тривили въ 1891—1892 г., зуба, черепной коробки и бедра кисти. Дюбуа счелъ возможнымъ признать въ этихъ остаткахъ, впрочемъ не лежавшихъ другъ около друга, слѣды существа, занимающаго среднее мѣсто между обезьяной и чловекомъ, вслѣдствіе чего онъ и назвалъ его *Pithecanthropus erectus*. Бедренная кость не оставляетъ сомнѣнія, что это существо ходило прямо, а черепъ представлялъ настолько неразвитую форму, что Дюбуа сближалъ съ черепами чловекоподобныхъ обезьянъ. Эти остатки найдены въ несомнѣнномъ дилювіальномъ слоѣ одновременно съ ост

разныхъ ископаемыхъ животныхъ (олений, слоновъ, носороговъ и пр.). Какъ черепъ, такъ и другіе остатки предполагаемаго *Anthropus*'а находятся въ окаменѣломъ состояніи. Дюбуа привезенные имъ остатки въ Европу и демонстрировалъ ихъ осенью 1868 г. въ разныхъ городахъ и ученыхъ обществахъ, при чемъ его доклады возбуждали вездѣ живѣйшій интересъ и споры. Одни держались за то, что эта форма стоитъ ближе къ человѣку, хотя очевидно она не можетъ быть признана ниже всѣхъ извѣстныхъ дикарей, а также и древнѣйшихъ найденныхъ до сихъ поръ череповъ; другіе (между прочимъ знаменитый Вирховъ) признавали, что она ближе къ гиббону. Въ такомъ случаѣ, «если это былъ человѣкъ, то самаго низшаго строе-ния, если обезьяна—то самаго высшаго типа, значительно, судя по строенію черепа и величинѣ мозга, выше всѣхъ извѣстныхъ, живущихъ, такъ и вымершихъ, ископаемыхъ формъ антропоморфныхъ приматовъ». Извѣстные французскіе краниологи, какъ Гюльмъ (Goulem), (Торинардъ) Деникеръ (Deniker), Пети (Petit), Манувриеръ (Manouvrier) высказались, что въ найденныхъ Дюбуа остаткахъ ско-рее всего слѣдуетъ видѣть человѣка. Вопросъ этотъ пока не рѣшенъ. Относительно его накопилась литература изъ статей, брошюръ и замѣтокъ, принадлежащихъ разнымъ ученымъ разныхъ странъ Европы. Присоединиться къ тому или другому взгляду о черепѣ, найденномъ Дюбуа, можетъ позволить только основательное знаніе остеологіи и анатоміи. Поэтому возможно было на авторитетъ Анучина, посвятившаго данному вопросу въ 1896 г. два сообщенія въ засѣданіяхъ Общества Любителей естественнаго, Антропологіи и Этнографіи. По мнѣнію Анучина, «форма черепа по многимъ признакамъ, стоитъ гораздо ближе къ человѣку, чѣмъ къ приматамъ, что еще болѣе подтверждаетъ бедряная кость, выходящая къ тому же патологическіе костяные наросты, свидѣтельствующіе, что этотъ субъектъ былъ долго боленъ и не могъ ходить, а это едва ли совместимо съ образомъ жизни обезьяны, предполагающей извѣстное человѣческое общежитіе, уходъ за больными и т. д. Вмѣстимость этого ископаемаго черепа превышаетъ по объему мѣръ вдвое вмѣстимость черепа гориллы, а ростъ субъекта, которому этотъ черепъ принадлежалъ, былъ не ниже средняго роста африканскаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, это наиболѣе древніе изъ известныхъ остатковъ человѣка, притомъ — несомнѣнно ископаемые и выходящіе (черепъ) наиболе совершенный человѣческій типъ». Черепъ Дюбуа отличается, какъ и неандертальскій, долихоцефаліей и отсутствіемъ надбровныхъ дугъ.

Таким образом, найденные до настоящего времени кости и костяные остатки диллювиального человека позволяют его классифицировать с некоторыми недобрными данными о современном человеке и с весьма перекрестной сущностью человеческого типа. Череп Дюбуа по последним данным Денниера, основываясь на сравнении с черепами других рас, имеет объем черепа европейца: 1400—1500 кубических сантиметров, австралийца: 1200—1300, череп Дюбуа—984, но так как черепная коробка не сохранилась в целостности, то Денниер считает необходимым увеличить последнюю цифру примерно до 1200. Эти данные антропологов о типе диллювиального человека. Конечно, они могут оставаться чуждыми этнографу. Для последнего и в настоящее время были безразличны вопросы о типе населения, изучаемого антропологом. Только зная больше или меньше в равной степени физическую и духовную человека, его творчество и обстановку, в которой он приходится жить, этнография может получить правильное понимание явлений жизни. Для этнографии доисторической культуры о типе является таким же существенным, как и при исследовании современных народностей. Для нас уже важен тот тип диллювиального населения земного шара, поскольку можно судить о нем из данных, не представляющих собой переходного типа обезьяны к человеку (как это думали некоторые), а являющихся человеком в нашем смысле слова, хотя бы и крайне неразвитым умственно. С этой точки зрения нам становится понятным и значение его культуры, которая в лице разных орудий доисторической культуры имеет огромное количество.

Остеология в состоянии воспроизвести тип диллювиального человека только весьма относительно. Она беспомощна воссоздать тип в подробностях, не способна, так сказать, надбавить недостающую и представить нам тип человека той эпохи в полном объеме. Эта задача, благодаря счастливым находкам, выпала на долю исторической этнографии, или точнее, чтобы изыскать расхождение рамок нашей науки, доисторической археологии. Уже указав, что во второй половине диллювиального периода, в эпоху жизни неандертальского человека, появляются зачатки искусства. Они состоят из вырезанных на кости или роге рисунков; но они почти не содержат человеческих фигур. Немногие случаи изображения человека отчасти настолько несовершенны, отчасти настолько попорчены, что не дают возможности судить о типе древнего населения. В начале 90-х годов Пьеретт и Лапортри (Laporterie) на юге Франции в Брассанне

проу въ деп. Landes) при производствѣ изслѣдованій въ диллю-
мъ слоѣ, сдѣлали чрезвычайно интересную и важную въ науч-
ношеніи находку нѣсколькихъ грубо скульптированныхъ изъ сло-
ности статуэтокъ. Принадлежность ихъ къ диллювиальному періоду
буждаетъ сомнѣнія, такъ какъ онѣ были найдены въ слоѣ типич-
для эпохи Солютрэ, одновременно съ издѣліями этой эпохи,
ими орудіями въ видѣ лавровыхъ листьевъ, среди массы
— слѣдовъ нѣкогда сравнительно обширнаго поселенія и съ
ми типичной для диллювіа фауны. Статуэтки изображаютъ пре-
ственно женскія фигуры. Ихъ было найдено семь въ Брассампуи.
того раньше были извѣстны: найденныя въ 1888 г. статуэтки
s-d'Azil (деп. Ariège) и рисунокъ, гравированный на кости, изо-
щій беременную женщину—изъ мѣстности Laugerie Basse
дони. Даже при бѣгломъ взглядѣ на статуэтки не трудно за-
то онѣ изображаютъ два, различныхъ другъ отъ друга,
что даетъ возможность установить, что въ диллювиальный
до преимущественнаго господства сѣвернаго оленя, на
Франція, одновременно существовали двѣ расы. Одна
ихъ, если судить по сохранившимся статуэткамъ, отли-
большимъ лбомъ, занимавшимъ приблизительно одну треть
выдающимися щеками, толстымъ, закрученнымъ носомъ, тол-
губами; подбородокъ у представителей (или вѣрнѣе у пред-
льницъ) этой расы былъ скошенъ внизъ, уши были большія,
линные, отвисающія, животъ большой; далѣе характернымъ для
сы является повидимому развитіе жировыхъ покрововъ въ нижней
ѣла. Отыскивая среди современныхъ расъ наиболее подходя-
описанному типъ, Пьеттъ находитъ его въ бушменахъ. Впро-
нѣ отмѣчаетъ и черты различія: форму носа, подбородка и др.
населявшая южную Францію, раса въ эпоху Солютрэ пред-
тъ типъ, совершенно противоположный первому. Это худо-
стройные субъекты, съ плоскимъ животомъ, съ лицами срав-
ю широкоскулыми и плоскимъ носомъ. Особенно интересно,
фигурахъ второго типа мы видимъ уже головной уборъ, нѣчто
платка, а также поясъ. Женщины, принадлежавшія къ пер-
ѣ, повидимому носили только ожерелья и браслеты, если
и, отмѣченныя на соответствующихъ мѣстахъ на ста-
тъ, должны были изображать именно ихъ. Такъ какъ данныя
основываются лишь на очень ограниченномъ числѣ наблюде-
тъ нельзя придавать всеобщаго значенія; но во всякомъ слу-
даютъ возможность судить о типѣ жителей хотя бы одного

сложнымъ и разнообразнымъ производствомъ періода неолита. Въ последнемъ орудія гораздо болѣе сложны, тонко сдѣланы и ихъ разнообразны. Это даетъ возможность утверждать, что и чешскій человѣкъ тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ мы можемъ сравнить его съ палеолитическимъ-дильювіальнымъ, стоялъ на значительной высокой культурной ступени, чѣмъ послѣдній. Къ сожалѣнію, пока располагаетъ по этому вопросу данными, касающимися сравнительно небольшой части Западной Европы, но и эти данныя ставятъ значительный интересъ.

Во Франціи, гдѣ изученіе общихъ періодовъ каменнаго вѣка сдѣлало наибольшіе шаги впередъ, было отмѣчено, что во многихъ мѣстахъ слои, въ которыхъ находятъ слѣды дильювіальнаго и иногда отдѣлены отъ слоя съ неолитическими орудіями отъ пустымъ слоемъ. Это свидѣтельствуетъ, что между періодами протекло значительное количество времени, когда мѣстность не была заселена, такъ что о преемственности формъ быть не можетъ. Такое-же отдѣленіе слоевъ было отмѣчено и въ Пиренейскомъ полуостровѣ. Поэтому многіе изслѣдователи пришли къ убѣжденію, что между палеолитическимъ и неолитическимъ періодами въ Западной Европѣ нѣтъ связи, что между ними существуетъ hiatus. Возникалъ вопросъ, гдѣ-же собственно началось неолитическое производство, которое какъ-то сразу, въ цѣломъ уже состояніи, появляется въ Европѣ съ начала аллювіальнаго и На этотъ счетъ было высказано множество гипотезъ, которыя почти всѣ сводились къ тому, что какое-то неизвѣстное племя съ развитой техникой переселилось въ Европу, уничтожило прежнихъ обитателей, оставило ихъ мѣста жительства ненаселенными, разселось въ другихъ пунктахъ и лишь впоследствии, съ размноженіемъ и увеличеніемъ, заняло и тѣ мѣста, которыя нѣкогда были заселены дильювіальнымъ человѣкомъ. Этимъ, какъ думали, объясняется толстый промежутокъ и пустой слой, отдѣляющій обѣ культуры. Нѣкоторые (Пенка) указываютъ на указанный hiatus тѣмъ, что населеніе эпохи сѣвернаго ледниковаго періода, по мѣрѣ отступанія ледниковъ, на сѣверъ, вслѣдствіе чего, и населило между прочимъ южную Скандинавію и Данію. Затѣмъ здѣсь новое неолитическое производство, населеніе наводнило Западную Европу. Основаніемъ этой гипотезы служили такъ называемыя кухонныя остатки (Kjökkenmøddinger), найденныя въ Даніи. Вдоль берега въ дюнахъ были открыты цѣлыя валы скученныхъ моллюсковъ, преимущественно устрицъ, кости животныхъ, каменные обдѣланные орудія. Последнія, какъ казалось, могли быть при-

одную ступень отъ палеолитическихъ орудій къ неолитическимъ. Одно, что населеніе, живя около берега моря, питалось въ теченіе гольтій моллюсками, остатки которыхъ и образовали открытыя kjökkenmödding'овъ. Дальнѣйшія изысканія дали возможность отмѣтить, что населеніе эпохи kjökkenmödding'овъ не знало домашнихъ животныхъ, кромѣ собаки. Но гипотеза о новомъ переселеніи расы kjökkenmödding'овъ на югъ не выдерживаетъ критики. Дѣйствительно, по этому замѣчанію французскаго изслѣдователя Ренака (Sal. Reinach) остается неизвѣстнымъ, какимъ образомъ произошло отступленіе ледниковъ, т. е. смѣна дилювіальнаго періода аллювіальнымъ, было ли отступленіе быстрымъ или медленнымъ. Невыясненнымъ остается и переходъ отъ холоднаго климата эпохи сѣвернаго оленя къ умѣренному дождливому климату неолитической эпохи. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о длительности, съ которой совершалась перемѣна, ни о тѣхъ явленіяхъ, которыя она вызвала. Пока эти вопросы не будутъ выяснены, и само рѣшеніе вопроса о hiatus' ѣ не будетъ быть вполне определеннымъ. Въ настоящее время господствующимъ является мнѣніе, высказанное Катрфажемъ (къ нему принадлежитъ и Ренакъ), по которому центральная Европа при наступленіи аллювіальнаго періода не была лишена населенія; промежуточные слои между палеолитическимъ и неолитическимъ слою представляются не общимъ, а частичнымъ, мѣстнымъ явленіемъ. Конечно, нельзя отрицать, что часть населенія быть можетъ и покинула прежнія мѣста, виноватъ на сѣверъ, вслѣдъ за оленемъ, направлявшимся туда по мѣстамъ сокращенія площади ледниковъ. Слѣды пещернаго человѣка въ южной Европѣ могутъ относиться именно къ этому періоду эмиграціи. Но въ дилювіальный періодъ въ Западной Европѣ находятся слѣды, которые могутъ навести на мысль о постепенномъ развитіи неолитическаго производства изъ палеолитическаго. Это издѣлія культуры Солютрэ. Геологическое отдѣленіе этой эпохи отъ слѣдующей (Маделэнъ), какъ указано, ничѣмъ не оправдывается. Напротивъ, есть полное основаніе считать производство эпохи Солютрэ либо или менѣе современнымъ производству эпохи Маделэнъ, но очевидно оба производства принадлежатъ различнымъ расамъ.

Однако все производство неолитическаго періода нельзя объяснить имъ развитіемъ типовъ Солютрэ. Невозможно отрицать, что новыя издѣлія были занесены на западъ Европы извнѣ. Это вѣроподобно всего объясняется иммиграціей съ востока нѣсколькихъ племенныхъ группъ, болѣе высоко стоявшихъ въ культурномъ отношеніи, чѣмъ коренное населеніе Западной Европы. Наступаніе новыхъ

народностей, двигавшихся на западъ, быть можетъ подъ вліяніемъ стремленія къ улучшенію тамъ климатическихъ условій, не слѣдуетъ вліять себѣ въ видѣ внезапнаго нашествія одного племени, какъ думали раньше. Напротивъ, иммиграція, повидимому, сводилась къ постепенной инфильтраціи различныхъ народностей, что доказано какъ значительнымъ разнообразіемъ типовъ каменныхъ орудій, такъ разнообразіемъ могильныхъ памятниковъ. Ассимиляция новыхъ болѣе культурныхъ пришельцевъ старое населеніе, подчиненіе его, или наоборотъ, оказавшись въ меньшинствѣ, сами слѣдовало бы считать первобытными насельниками—все это вопросы, которые рѣшить невозможно. Но важенъ фактъ, что новые пришельцы двинулись съ востока на западъ, какъ то признается всѣми наиболѣе компетентными изслѣдователями. Такимъ образомъ очевидно, что неолитическое водство Западной Европы должно было зародиться гдѣ нибудь на востокѣ еще въ концѣ диллювіальнаго періода. Слѣдовъ этого въ нашихъ областяхъ Западной Европы мы не находимъ—остается искать ихъ далѣе къ востоку, въ Россіи. Наша родина въ этомъ отношеніи такъ еще мало изслѣдована, что всякіе шаги въ этомъ направленіи могутъ повести къ серьезнымъ научнымъ открытіямъ. Поэтому такъ уже упомянутыя изслѣдованія на Афонтской горѣ, произведенныя въ Красноярскомъ Савенковымъ. Имъ были найдены, среди фауны диллювіальнаго періода и типичныхъ для него каменныхъ орудій, костяныя издѣлія, частью извѣстныя по находкамъ въ пещерахъ Франціи, эпохи Мадаля, частью по находкамъ въ Скандинавіи,—неолитическаго періода. На другомъ мѣстѣ, при впаденіи р. Базайхи въ Енисей (недалеко отъ Афонтской горы), Савенковъ нашелъ издѣлія, типичныя для западнаго неолитическаго періода, но въ словъ, который скорѣе всего можно отнести къ палеолитическому періоду. Изслѣдованія Савенкова подтверждаютъ до высокой степени ожиданія и надежды западныхъ ученыхъ найденіе неолитическаго искусства на востокѣ въ концѣ диллювіальнаго періода. Конечно, потребуется еще много труда и изслѣдованій въ Россіи, прежде, чѣмъ эти вопросы будутъ рѣшены въ томъ или другомъ направленіи.

Откуда-бы ни пришло новое населеніе Западной Европы началъ диллювіальнаго періода, какія бы перемѣны въ этнографическомъ составѣ ни произвело это нашествіе, культура неолитическаго вѣка, по богатству и разнообразію формъ орудій, по умѣнью обтѣпывать камни, является значительно болѣе высокой, чѣмъ культура предшествующей эпохи. Періодъ, въ теченіе котораго Европа безъ всякаго знанія металловъ, чрезвычайно великъ. Естественно

животного. но всегда одной и той-же породы—онъ изъ бакамъ различныхъ кости и пришелъ къ заключенію, дѣлають ихъ именно такъ, какъ это можно было на стяхъ изъ кухонныхъ остатковъ. Очевидно, что перодъ Даниіи жилъ на морскомъ берегу, питался продуктами о ловства. Пережженная морская водоросль служила ему. Онъ употреблялъ каменные орудія, грубо оббиты, преимущественно изъ кремня. Среди орудій изъ кости и иглы, свидѣтельствующія объ умѣнь человека того вать себѣ одежду.

Древность кухонныхъ остатковъ Даниіи опредѣлить : исчисляется приблизительно за 7000 лѣтъ до нашего в гиль въ датскихъ kjökkenmødding'ахъ до настоящаго времени.

Открыты были кухонные остатки въ половинѣ XIX-а въ Даниіи, которая является, такъ сказать, классической стр kenmødding'овъ. Здѣсь ихъ сохранилось и наибольшее и Аналогичныя кучи отбросовъ найдены и въ другихъ мѣ Европы: въ Ирландіи, Шотландіи, въ Сардиніи, въ Порту Франціи. Представляя нѣкоторыя отличія въ частности, : кухонныхъ остатковъ въ этихъ странахъ приблизительно та-а въ Даниіи. Во Франціи, на примѣръ, не было найдено каменныхъ которые встрѣчались въ Даниіи и которые повидимому служ того, чтобы на нихъ жарить пищу; въ Португаліи слѣды охот быта появляются только въ верхнихъ слояхъ кучъ, нижне-а состоятъ исключительно изъ раковинъ и костей рыбъ; въ нижнихъ не встрѣчается также черепковъ глиняной посуды. Это заст думать, что первобытный обитатель Португаліи, послѣ многолѣтн танія продуктами моря, быть можетъ вслѣдствіе оскудѣнія ихъ, и постепенно къ охотѣ и въ сравнительно позднее время и изготовлять глиняную посуду. Какъ ни сходна культура ку остатковъ Европы, ее нельзя приписывать одной расѣ. Сходств няется съ одной стороны низкимъ недифференцированнымъ уровне лизации, а главнымъ образомъ тѣмъ, что населеніе во всѣхъ ук мѣстностяхъ, живя въ одинаковыхъ условіяхъ, было вынуждено : одинаковой пищей. Едва ли есть основаніе относить кухонные непременно къ одной и той же эпохѣ. Французскіе и особенн гальскіе kjökkenmødding'и особенно интересны еще тѣмъ, что были найдены человѣческіе скелеты. Они были открыты въ срав большомъ количествѣ, преимущественно въ Португаліи. Среди о пици были обнаружены костяки, очевидно принадлежавшіе суб

ихъ возрастовъ. Часть ихъ лежала въ вытянутомъ положеніи, скорченномъ. Но нѣкоторые костяки были сложены такъ, что нѣкое основаніе предполагать, что кости были собраны только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Картальякъ (Carthaliac), специально изучавшій неолитическія Пиренейскаго полуострова, высказалъ предположеніе, что нѣмѣемъ дѣло съ особымъ видомъ погребенія: покойникъ до уничтоженія наружныхъ покрововъ, послѣ чего скелетъ складывался и переносился на другое мѣсто для окончательнаго преданія землѣ. Въ виду того, что этотъ способъ погребенія цѣлой массой народностей, что онъ до послѣдняго времени существовалъ въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстечкахъ Бретани, въ предѣлахъ Картальяка нѣтъ ничего невѣроятнаго. Еще недавно въ Бретани около церквей при кладбищахъ устраивались амбары, въ которыхъ родственники складывали кости умершихъ. Сходство найденныхъ въ Португаліи череповъ изъ кухонныхъ остатковъ привело къ заключенію объ одновременномъ существованіи двухъ рѣзко отличныхъ другъ отъ друга расъ: короткоголовой и длинноголовой. Кухонные остатки были найдены въ значительномъ количествѣ и въ Америкѣ, какъ Южной, такъ и Сѣверной, на примѣръ въ Массачусетсѣ и др.;—далѣе, въ Азіи, въ частности въ Индіи, на Малаккскомъ полуостровѣ, на Андаманскихъ островахъ. Не менѣе кухонныхъ отбросовъ, оставленныхъ приморскими племенами, являются интересными отбросы населенія, жившаго внутри страны. Это населеніе устраивало себѣ иногда такъ называемыя свайныя жилища, въ особенно большомъ количествѣ открытыя въ швейцарскихъ озерахъ. На сваяхъ, вбитыхъ въ дно озеръ, на мелкихъ мѣстахъ, устраивались жилища; образовывались такимъ образомъ цѣлыя, довольно обширныя поселки, до 300 домовъ въ каждомъ. Количество селеній, найденныхъ на одномъ озерѣ, иногда доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ. Пожары, наводненія, враговъ и т. п. уничтожали поселки; гибли и жители, ихъ имущество, падая на дно озера. Предметы домашняго обихода сохранились до нашего времени и дали возможность точно датировать бытъ древняго населенія этихъ поселковъ. Хотя свайныя жилища продолжаютъ сохраняться и значительно позже въ періодъ бронзы и металловъ, но часть ихъ относится къ эпохѣ полнаго незнакомства съ металлическимъ производствомъ. При изслѣдованіи свайныхъ жилищъ, мы можемъ наблюдать нѣсколько культурныхъ типовъ, которые вышше, чѣмъ ближе само селеніе къ эпохѣ появленія металловъ. Такихъ эпохъ принято отличать три, причемъ различія относятся въ большемъ или меньшемъ усовершенствованіи орудій.

Неолитикъ культуры свайныхъ построекъ долженъ топоромъ срубить себѣ дерево, перетянуть его въ во-
построить себѣ домъ и проч.—все безъ помощи metallo-
шенствованныхъ орудій. Но тѣмъ материаломъ, который
въ распоряженіи, онъ умѣлъ пользоваться, приспособивъ
своимъ нуждамъ. Каменный, часто полированный топоръ
въ рукоятъ изъ дерева или изъ оленьяго рога; зазубрен-
вставленный въ деревянную рукоятъ, служилъ ему пилой.
свайныхъ построекъ были и каменные ножи, молотки, гар-
пглы съ ушками, рыболовные крючки, причемъ они обыкновенно
лись изъ кости или оленьяго рога. Любовь къ украшен-
вается въ находкахъ костяныхъ и каменныхъ колецъ, брас-
релий изъ костяныхъ, каменныхъ и янтарныхъ бусъ. Для
треблялись и дорогіе камни, какъ нефритъ, ядеитъ и др.
наравнѣ съ янтаремъ въ роятиѣ всего заносились торговыми
Глиняная посуда, довольно грубая въ болѣе древнихъ
постройкахъ, украшенная лишь грубымъ орнаментомъ, и
переходить въ болѣе тонкую, искусно сдѣланную. Въмѣстѣ с
ной посудой употребляли и посуду изъ рога оленя. Населеніе
разрабатывать растительные продукты для изготовленія себѣ
въ нѣсколькихъ мѣстахъ были найдены остатки грубыхъ
Населеніе, очевидно, было знакомо съ искусствомъ прясть
роятно, какъ это можно судить по нѣкоторымъ остаткамъ, та-
ткацкимъ станкомъ. Растительныя вещества служили еще для
веревокъ, плетенія циновокъ и корзинъ, остатки которыхъ бы-
дены на днѣ озера. Бросая остатки пищи въ воду, человекъ
ныхъ построекъ сохранилъ намъ свидѣтельства, какъ о способѣ
такъ и о фаунѣ и флорѣ того времени. Онъ очевидно былъ
никомъ и рыболовомъ, но онъ умѣлъ и воздѣлывать землю; онъ
лень, ячмень и пшеницу, употреблялъ въ пищу и ягоды, и
ревяевъ, былъ знакомъ съ домашними животными, въ частности
приручилъ овецъ. Характернымъ, однако, является фактъ,
настоящаго времени не было найдено слѣдовъ тканей, что
что заставляетъ предполагать, что сученіе шерсти было въ то
еще неизвѣстно. Таковымъ является передъ наукой человекъ
ныхъ построекъ. Его культура служитъ лучшимъ доказательствомъ
до какой ступени развитія можетъ подняться человекъ до
употребленія металловъ.

Въ то время, какъ въ области альпійскихъ озеръ, средъ
Австріи и Италіи, а равно въ Босніи человекъ строилъ себѣ.

масса неолитического населенія Западной Европы, находящаяся
 вдалекахъ отъ моря и отъ озеръ, продолжала жить преиму-
 вѣ въ пещерахъ, какъ и при концѣ предшествующаго дилювіаль-
 да. Древнее населеніе Англіи, Франціи, Пиренейскаго полу-
 острова, гористыхъ мѣстъ Австріи и пр. оставило слѣды въ
 пещерныхъ жилищахъ. И здѣсь постепенно развивается искусство
 обработки камня: разнообразные наконечники стрѣлъ, копій, различные
 орудія тонкой отдѣлки, тонкіе острые каменные ножи и пр.
 используютъ орудія этой культуры. Пещеры приспособляются къ
 въ мягкихъ горныхъ породахъ неолитикъ пробиваетъ себѣ
 жилища, расширяя естественные размѣры пещеръ. Онѣ дѣлаютъ
 по стѣнамъ. За недостаткомъ естественныхъ пещеръ онѣ прору-
 коуютъ искусственныя. Развивается и потребность въ роскоши: для топо-
 употребляютъ дорогіе камни, какъ красный кварцъ и др. Глиняная
 доводится до большого совершенства выдѣлки. Появляется и
 строить изъ каменныхъ глыбъ крытыя аллеи и дольмены.
 ходы подъ землей, составленные изъ громадныхъ каменныхъ
 поставленныхъ стоймя и крытыя такими-же наваленными на
 глыбами, ведутъ къ построенной подобнымъ образомъ подземной
 Б. Дольмены,—четыреугольныя постройки изъ четырехъ поста-
 вленныхъ ребромъ глыбъ и прикрытыхъ плитой, вмѣстѣ съ крытыми
 аллеями, служатъ усыпальницей для умершихъ неолитиковъ и свидѣ-
 ствуютъ о развитомъ культѣ предковъ. Могилы вообще крайне
 разнообразны по мѣстностямъ. Устраиваютъ ихъ въ искусственныхъ
 пещерахъ, въ курганахъ, въ каменныхъ ящикахъ и пр. Очевидно,
 Европа заселена уже этнически различными расами, имѣющими
 свои обычаи и обряды.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни озеръ, ни пещеръ, люди
 вынуждены были себѣ устраивать другой видъ жилища. Какъ устраи-
 вали последнее на западѣ Европы, мы не имѣемъ опредѣленныхъ
 данныхъ. Человѣкъ во всякомъ случаѣ имѣлъ уже искусственныя жи-
 лища: объ этомъ свидѣтельствуетъ масса такъ называемыхъ стоя-
 нокъ каменнаго вѣка, которыя обнаруживаютъ въ существѣ ту-же
 культуру, что и пещеры и свайныя постройки. Стоянки неолити-
 ческаго періода встрѣчаются въ массѣ и среди горныхъ странъ (оче-
 видно, что не все населеніе ютилось въ пещерахъ), но ихъ осо-
 бенно много въ равнинахъ. Вслѣдствіе этого понятно, почему въ
 нихъ почти неизвѣстны кухонные остатки (хотя слѣды ихъ най-
 дены, напримѣръ, на Балтійскомъ морѣ), что мы не имѣемъ свѣдѣній о
 существованіи у насъ когда-либо свайныхъ построекъ, что наконецъ

пещеры каменнаго вѣка сравнительно немногочисленны. Въ каменнаго вѣка встрѣчаются у насъ въ большинствѣ мѣстъ разсыяны по всей Россіи и даютъ возможность приблизиться къ культурѣ неолитическаго человѣка на нашей родинѣ. Если найдется пещеръ, то хотя многія изъ нихъ (въ особенности въ Крыму и на Кавказѣ) и были описываемы начиная съ каменнаго вѣка, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и были найдены кости животныхъ, но въ общемъ изученіе пещерныхъ осадковъ каменнаго вѣка въ Россіи почти что не начато.

Неолитическими стоянками и мастерскими наша родина богата. Орудія первобытнаго человѣка изготовлялись преимущественно изъ кремня, а потому неолитикъ и отыскивалъ такіе мѣста, гдѣ изобилуетъ кремень. Кромѣ того, только такъ сказать обдѣлывать кремень удобно принимаетъ при оббивкѣ ту форму, которую надъ нимъ желаетъ ему придать. Поэтому первобытный человѣкъ обыкновенно приготавливалъ свои орудія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ добывалъ кремень. Въ такихъ мѣстахъ онъ устраивалъ временныя стоянки. Масса осколковъ, ядрищъ, неоконченныхъ или неудавшихся орудій всегда ясно свидѣлствуютъ о мѣстѣ стоянки. Въ Россіи, повсюду, неолитикъ при добываніи орудія пользовался большимъ кускомъ кремня, такъ называемымъ ядрищемъ (nucleus), изъ котораго онъ отбивалъ меньшіе куски. Последніе онъ подвергалъ уже обработкѣ путемъ оббивки (retouche) или полировки. Самые совершенныя орудія не требовали искусства и каждый могъ ихъ приготовить для себя. Этимъ объясняется и масса стоянокъ и брошенныхъ кремней, которыми человѣкъ не научился еще пользоваться. Насколько распространенными являются стоянки неолитическаго періода можетъ служить фактъ, что онѣ были найдены даже въ глухой Тиманской тундрѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ледовитаго океана. Особенно интересной для описанія была стоянка неолитика является стоянка около Волосова, противъ устья р. Ока. Она была изслѣдована гр. Уваровымъ и Кудрявымъ. Интересъ ея тѣмъ болѣе увеличивается, что въ Волосовѣ впервые найдены и могилы. Первый изслѣдователь ихъ графъ Уваровъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Могилы расположены были въ обширныхъ корняхъ срубленныхъ сосенъ, такъ что корни закрывали ихъ отъ размыва дождей и отъ разрушенія вѣтромъ. Все лежало такъ, что голова была повернута на лѣвую щеку, а рука, загнутая, подпирала ладонью лѣвую щеку. Мощный саркофагъ изъ желтаго угля, глиняный сосудъ, наполненный сожженными костями.

и окруженный такими-же костями—были типичными признаками могилъ. Въ одномъ изъ сосудовъ лежалъ кремневый наконечникъ и отдѣлки. Полное сходство, какъ въ положеніи костяковъ, такъ и въ устройствѣ могилъ, свидѣтельствуешь, что мы имѣемъ дѣло съ опредѣленнымъ погребальнымъ ритуаломъ. Судя по остаткамъ найденной въ Волосовской стоянкѣ, древніе обитатели ея еще не были связаны съ прирученіемъ животныхъ. Они, очевидно, жили преимущественно охотой, а находки крючка для ужения рыбы и острога свидѣствуютъ, что волосовскіе неолитики занимались и рыбной ловлей. Что касается орудій (топоры, скребки, особенно-же наконечники копій и стрѣлъ), то они указываютъ на тщательную отдѣлку. Были найдены и полированные топоры и нѣкоторые предметы украшеній. Крайне многочисленны черепки глиняной посуды, украшенные орнаментомъ. Аналогичные-же предметы были найдены и въ стоянкахъ въ Окскомъ бассейнѣ, напримѣръ, во Владимірской губерніи, въ такъ называемомъ Плехановомъ бору. Вообще, Окскій бассейнъ далъ весьма много цѣнныхъ данныхъ для изученія быта неолитическаго человѣка Россіи и до извѣстной степени помогъ рѣшить вопросъ о томъ, какимъ видомъ жилищъ пользовался человѣкъ этой эпохи въ Россіи. Графъ Уваровъ полагалъ, что стоянки въ видѣ Волосовской и ей подобныхъ были только временными жилищами, гдѣ человѣкъ могъ жить въ шалашахъ; постоянными-же жилищами ему казались пещеры, въ которыхъ онъ проводилъ зимы. Теорія графа Уварова основана на изученіи западной археологіи и отчасти на томъ, что топографическія особенности Окскаго бассейна допускаютъ возможность устройства пещеръ. Эта теорія вызвала возраженія нѣкоторыхъ изслѣдователей, утверждавшихъ, что временныя жилища въ родѣ шалашей и отрицавшихъ существованіе пещеръ, такъ какъ на существованіе послѣднихъ не было никакихъ серьезныхъ указаній. Профессоръ Иностранцевъ высказалъ мнѣніе, что неолитическія жилища средней Россіи служили—исключительно—имѣющимъ практическія удобства для тѣхъ мѣстностей, которыя своимъ рельефу не могутъ имѣть естественныхъ или искусственныхъ пещеръ. Новѣйшія изслѣдованія каменнаго вѣка въ бассейнѣ Оки окончательно рѣшили вопросъ о жилищѣ первоначальнаго человѣка въ бассейнѣ Оки. Городцовъ при изслѣдованіи стоянки въ Плехановомъ бору нашелъ среди неолитической стоянки возвышеніе овальной кольцевой формы изъ золы и угольевъ,—очевидные слѣды пожара, а также куски угля по своимъ формамъ признаны за остатки толстыхъ прямыхъ сучьевъ. Внутри кольца, а также по сѣдству

и на область восточнѣ Онежскаго озера, тельно р. Камой на востокъ и Тверской и П на западъ. Сравненіе предметовъ найденныхъ западно-европейскими, а также мнѣніе, высказанное лѣтъ 30 задъ Радловымъ, что въ западной Сибири не было найдено каменнаго вѣка. приводятъ Аспеллина къ убѣжденію, что культура вѣка не принесена финнами изъ Азии, что ская культура занесена съ запада и съ юга, центровъ. Мнѣніе Радлова опровергнуто, однако находками каменныхъ орудій въ западной Сибири; что же теоріи Аспеллина, то она стоитъ въ связи съ его предположеніемъ о западномъ, а не восточномъ происхожденіи финновъ.

Югъ Россіи, Кавказъ. Крымъ и проч. еще менѣе изслѣдованіи отношеній вопроса о неолитическомъ человѣкѣ, чѣмъ центу веръ Россіи и не допускаютъ пока еще никакихъ серьезныхъ сненій.

Для этнографіи важенъ общій выводъ, что изысканія во странахъ Западной Европы и во всѣхъ частяхъ Россіи до неоспоримо, что всюду, гдѣ въ настоящее время мы видимъ лѣе пышный расцвѣтъ современной цивилизаціи, былъ періодъ, населеніе вело исключительно охотничій образъ жизни и не имѣя своемъ распоряженіи другихъ орудій, кромѣ тѣхъ, которыя оно товило изъ камня, кости, рога и т. п. Но въ предѣлахъ этого матеріала населеніе дошло до значительной степени искусства: нѣрыя каменные орудія, изготовленныя посредствомъ оббивки камня другимъ, поражаютъ тонкостью работы. Многія народности учились полировать камни и оставили намъ вполне художественныя образцы.

Удовлетворяя своимъ нуждамъ и борясь съ окружающей обстановкой посредствомъ этихъ орудій, населеніе Европы настолько подвинулось въ своемъ культурномъ развитіи, что, когда наступилъ новый періодъ періодъ знакомства съ металлами, европейское населеніе быстро развило сложную технику. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что прекращеніе каменнаго вѣка и замѣна его металлическимъ произошло одновременно во всей Европѣ. Въ то время, какъ населеніе нѣкоторыхъ областей перешло къ металламъ за нѣсколько тысячелѣтій до христіанской эры, жители другихъ мѣстностей разстались съ каменными орудіями очень поздно, долго спустя послѣ начала нашего лѣтоисчисленія.

То, что можно прослѣдить относительно Европы, подтверждается

в неолитическаго періода въ другихъ частяхъ свѣта. Въ это время слѣды эпохи, когда человѣчество жило безъ знакомыхъ металлами, открыты почти что повсюду, между прочимъ и въ главныхъ центрахъ древности: въ Малой Азіи, въ Месопотаміи, въ Египтѣ. Недавнія раскопки (Flinders Petrie) недалеко отъ Оивъ на берегу Нила (храмъ ¹⁾), относящійся къ XI-ой династии, приблизительно за 5,000 лѣтъ до Рожд. Хр. Обработка каменныхъ памятниковъ (между прочимъ и скульптурныхъ) тамъ производилась каменными орудіями и свидѣтельствуетъ, что искусство достигли древніе египтяне въ умѣнь обращаться совершенными орудіями производства, а равно и въ искусствованіи пользоваться ими. Въ Индіи, Индо-Китаѣ, Сибири, Китаѣ, въ культурныхъ центрахъ Америки и Африки, однимъ словомъ, есть доказательства того, что именно камень служилъ главнымъ орудіемъ человѣку. Это заставляетъ думать, что во мѣстностяхъ, гдѣ впоследствии было суждено развиваться цивилизации, человѣчество прошло длинный періодъ первобытнаго состоянія и пользовалось тѣми же орудіями, какими пользуется и теперь. И сихъ поръ некультурный человѣкъ въ нѣкоторыхъ частяхъ мира.

Въ неолитическую эпоху не должно поэтому удивлять, что рядъ нецивилизованныхъ народовъ въ настоящее время еще живетъ на той ступени, которая для цивилизованныхъ народовъ была открыта еще въ глубокихъ слояхъ земной коры. Теперь, когда культурный отдѣльныхъ расъ и племенъ являетъ намъ примѣры колебанія, пожалуй, трудно себѣ представить, что первобытное население Англіи, Франціи или Германіи жило нѣкогда жизнью, какую мы наблюдаемъ теперь лишь среди наименѣе развитыхъ расъ. Но именно этотъ фактъ служить однимъ изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ, что основные законы человѣческаго развитія повсюду одинаковы, по крайней мѣрѣ въ ихъ основныхъ

эволюціонныя орудія, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ производство является туземнымъ, а не заноснымъ, дѣлаются общимъ достояніемъ лишь въ теченіе крайне долгаго времени. На основаніи изслѣдованій неолитической эпохи Европы, какъ и на основаніи наблюденій въ культурными народностями другихъ материковъ, можно прійти къ тому, что, за немногими исключеніями, металлическія ору-

III. Орудія дикарей не знакомыхъ съ металлами.

Этнографія знаетъ довольно большое количество народностей совершенно не знакомыхъ съ употребленіемъ металловъ, или не имѣющихъ ихъ еще въ недавнее время, или такихъ, которыя, хотя и имѣютъ металлическія издѣлія отъ сосѣдей, но продолжаютъ, вслѣдствіе рѣдкости ихъ полученія, пользоваться почти исключительно ями изъ камня и кости. Встрѣчаются, наконецъ, и такія, которыя, и умѣютъ первобытнымъ способомъ сами добывать металлы, но вслѣдствіе недостаточнаго умѣнья и вытекающей изъ этого трудной обработки, рѣдко замѣняютъ первобытныя орудія металлическими. Наибольшій интересъ представляютъ первыя двѣ группы народностей, которыя живутъ, такъ сказать, еще въ типичномъ первобытномъ вѣкѣ. Изучая ихъ бытъ, мы увидимъ наглядно совокупность тѣхъ способовъ, которыми первобытный дикарь борется съ природою; намъ откроется такимъ образомъ первоначальная культура вѣка, которую не могутъ намъ раскрыть вполне данныя археологіи. Когда португальцы впервые появились въ Бразиліи, всѣ обитатели ея туземныя народности не знали вовсе металловъ. Съ теченіемъ времени, конечно, бытъ туземцевъ рѣзко измѣнился. Часть ихъ обратилась въ христіанство, часть—просто вслѣдствіе вліянія бо- культурныхъ сосѣдей-европейцевъ—измѣнила свой бытъ. Почти съ самаго начала поселенія европейцевъ въ Бразиліи началась торговля, и туземцы вымѣнивали себѣ желѣзныя орудія, съ которыми въ скорѣйшемъ времени осваивались. Но тѣ племена, которыя жили далеко отъ культурныхъ центровъ, оставались совершенно неизвѣстными португальцамъ и продолжали жить приблизительно такъ же, какъ жили ихъ предки, до открытія Бразиліи. Къ числу такихъ народностей слѣдуетъ отнести *бакаири*, *суйя* и нѣкоторыхъ другихъ, живущихъ по берегамъ Шингу (Хингу), одного изъ правыхъ притоковъ Амазонки. Часть бакаири, живущая южнѣе, подверглась вліянію европейцевъ и кореннымъ образомъ измѣнила свой бытъ. Но живущіе по Шингу и его притокамъ,

благодаря дѣвственнымъ лѣсамъ, преграждавшимъ къ нимъ оставались неизвѣстными европейцамъ. Штейненъ, совершивъ центральную Бразилію два путешествія въ 80-хъ годахъ, первый европейецъ, котораго видѣли отдаленные бакари, и другіе. Всѣ эти народности Штейненъ засталъ, хотя и не отчасти земледѣіе, но незнакомыми съ металлами. Такъ Штейненъ принадлежитъ къ числу серьезныхъ ученыхъ и изслѣдователей, поэтому свѣдѣнія его пріобрѣтаютъ особенный интересъ.

Хозяйственный инвентарь этихъ народностей былъ очень сложенъ. Наиболѣе дорогимъ, цѣннымъ орудіемъ считался топоръ. Но далеко не всѣ народности изготовляли это орудіе сами, а потому, что пригодная для этой цѣли порода камня встрѣчалась только въ владѣніяхъ нѣкоторыхъ племенъ (Кауабі, Трипай, Суи). Эти племена изготовляли топоры и промѣнивали соседямъ. Топоръ въ 11—21 центъ, представлялъ сплюснутый цилиндръ, съ широкимъ полукруглымъ концомъ. Онъ вставлялся въ отверстие и ничѣмъ къ ней не прикрѣплялся. Камень былъ полированъ и жется дѣйствіемъ воды. Нѣкоторые бразильскія племена употребляли другіе способы: они прикрѣпляютъ камень къ рукоятке изъ гнутой въ видѣ петли. Камень вкладывается въ средину, и такимъ образомъ получается двухсторонній топоръ. Кромѣ того, нѣкоторые бразильскія народности продѣлывали въ растущемъ деревѣ трещину, въ нее вставляли концы камня. Трещина заростала и крѣпко держала камень; послѣ этого дикарь срубалъ сучекъ. Если острая часть затупляется, то ее или полируютъ или оттачиваютъ другимъ способомъ.

Такими топорами бразильскія народности совершали трудныя работы: рубили деревья, выдалбливали лодки, готовили для постройки домовъ, изготовляли деревянные скамьи и все прочее. Другое каменное орудіе у нихъ — сверло: въ палочку для сверла всаживаются на обоихъ концахъ по острому осколку камня; они прикрѣпляются веревочками изъ растительныхъ волоконъ. Этимъ орудіемъ просверливаютъ раковины, а иногда и каменные предметы, употребляемые для украшенія. Просверленныхъ топоровъ бразильцы не знали. Этими предметами ограничивается знакомство бразильскихъ дикарей съ каменными орудіями. Они не употребляютъ ни кнжей, ни скребковъ, ни наконечниковъ стрѣлъ и съ этой стороны стоятъ въ отношеніи умѣнья обрабатывать камень на низшей ступени неолитическихъ народностей Европы, даже ниже неолитическихъ послѣдняго періода Сольютрэ-Маделанъ. Неразвитое «каменной культуры» среди бразильскихъ туземцевъ объясняется

тѣмъ, что богатая тропическая природа доставляла имъ материальныя и обрабатываемыя легче чѣмъ камень. Острыми рѣзными орудіями имъ служили прежде всего челюсти рыбъ. Одна изъ рыбныхъ породъ, часто встрѣчающаяся въ бразильскихъ рѣкахъ, снабжена въ нижней челюсти 14 острыми треугольными зубами. Эта челюсть, достигающая 4 цент. длины, вынимается, раковина очищается и служитъ отчасти пилкой, отчасти ножницами. Ею можно отрѣзать даже волосы, и туземцы употребляютъ ее для стрѣлок. Ею же подпиливается тростникъ, чтобы приготовить стрѣлы. Другая порода рыбъ, *Cynodon*, снабжена чрезвычайно большими зубами, длиною до 3—3½ цент. Этими зубами также и, главнымъ образомъ, прокалывали тростникъ при изготовленіи стрѣлъ, для того, чтобы вставлять въ нихъ перья и проч. Челюсти скребокъ дикарямъ Бразиліи служатъ зубы одного изъ рыбъ (*Hydrochoerus Capybara*), передніе зубы котораго (отъ 6—8 длиною) связывались вмѣстѣ по два. Передніе когти броненосца (*Dasypus gigas*), также связанные вмѣстѣ, употребляются для вскапыванія почвы при выгребаніи съѣдобныхъ корней. Заостренные и ножныя кости обезьянъ употребляются туземцами въ качествѣ наконечниковъ стрѣлъ, а осколки костей ягуаровъ служатъ для прокалыванія ушей и т. д.

Сравнительно широкое примѣненіе въ качествѣ орудій имѣютъ раковины, которыя замѣняютъ бразильскимъ народностямъ ножи. Имъ концомъ раковины выравниваютъ поверхность издѣлій изъ дерева: скамейки, весла. Раковины же употребляются для сниманія съ съѣдобныхъ корней, для раскрытія орѣховой скорлупы. На нихъ берутъ для того, чтобы разрѣзать убитыхъ животныхъ, вытаскивать изъ пойманныхъ рыбъ челюсти и проч. Раковины служатъ также образцомъ и рубанкомъ и ножомъ. Онѣ всегда подъ руками варей, которые берутъ ихъ съ собой и при своихъ походахъ. Наконечники орудій изготовляются также изъ дерева: на примѣръ, заостренными палками, при помощи которыхъ разрыхляютъ землю для выкапыванія корней и при устройствѣ плантацій. Ими выкапываются канавы для травъ, ими очищаютъ лѣсныя полянки, дѣлаютъ ямки для посадки оростковъ маниока, который нѣкоторыя туземныя народности Бразиліи разводятъ около своихъ селеній. Стрѣлы часто представляютъ собою палочку; конецъ ея такъ отточенъ, что она пробиваетъ животное не хуже косяного острія.

Ботокуды — народность, живущая въ восточной Бразиліи, выкапывали себѣ ножи изъ тростника. Съ этою цѣлью они разрѣзали

тростникъ пополамъ. оттачивали раковиной одну сторону, что получалось острое. рѣжущее орудіе, которое могло употребляться даже для стрижки и бритья волосъ. Ножами изъ тростника пользуются и нѣкоторыя африканскія народности. Въ Угандѣ мѣрь, ихъ употребляли при смертной казни.

Мы видимъ, слѣдовательно, что туземцу-бразильцу нѣкоторыя орудія доставляетъ главнымъ образомъ тропическая природа; выдѣлка котораго затруднительна, служитъ ему лишь субординированнымъ орудіемъ.

То же мы находимъ и въ Полинезій, особенно среди коралловыхъ острововъ, на которыхъ камень не встрѣчается. Тамъ мѣрь, туземцы острова Фануа-Лоа еще въ концѣ первой половины столѣтія умѣли себѣ строить лодки и дома, но единственными орудіями имъ служили острые обломки коралловъ, зубы акулы и раковины. Употребленіе камня имъ было неизвѣстно. Въ другихъ частяхъ Полинезій, гдѣ встрѣчается камень, употреблялись и каменные топоры. Роль ихъ, какъ и въ Бразиліи, была лишь второстепенная. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменный топоръ съ усгѣхомъ замѣняли большой, крѣпкой раковиной, вдѣланной въ деревянную рукоять. Вѣроятно, того, рубанкомъ служила острая зубчатая раковина, прикрѣпленная къ куску дерева, буравомъ — зубы акулы, а пилой — рыбы. Камень иногда употребляется или употреблялся въ качествѣ теса. Кукъ отмѣтилъ, что жители Таити дѣлаютъ свои тесла изъ кости. Такъ какъ они скоро притуплялись, то дикарямъ приходило постоянно носить съ собой камень и скорлупу кокосоваго орѣха съ целью для точенья. На Новой Зеландіи жители употребляли въ нѣкоторыхъ орудіяхъ для производства рѣзьбы, въ которой они достигли большаго совершенства, маленькіе осколки яшмы, похожіе на ружейные патроны. Туземцы отбивали эти кусочки съ такой быстротой и ловкостью, что, какъ только орудіе притуплялось, они предпочитали бросить его и откалывать новый кусокъ, чѣмъ оттачивать старый. Остатки каменныхъ топоровъ были найдены въ послѣднее время и въ Меланезіи извѣстнымъ изслѣдователемъ Финшомъ (Finsch)¹⁾. Употребленіе камня въ качествѣ орудій среди австралійцевъ широко распространено и во многихъ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ они вовсе не знаютъ металлическихъ издѣлій. Камень употребляется ими не только въ качествѣ топора. Кромѣ того, отбитые куски камней

¹⁾ Д-ръ О. Финшъ совершилъ два путешествія на острова Меланезіи: въ 1882 г.г. и 1884—85 г.г.

имъ оружіе, служа наконечниками копій. Необходимо отмѣтить, что камней, которые въ Австраліи, Меланезіи и Полинезіи употреблены преимущественно для топоровъ, но также и въ качествѣ ножей, пилъ, наконечниковъ дротиковъ, долотъ и т. д., жители всѣхъ тихоокеанскихъ архипелаговъ пользуются еще раковинами, зубами рыбъ, панцирями черепахъ и т. п. для изготовленія своихъ орудій. Такимъ образомъ, жители этихъ странъ поступаютъ въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ и браунлиевцы, не знающіе металловъ. Въ настоящее время европейская торговля и туда уже занесла свои желѣзные издѣлія, но въ этихъ мѣстностяхъ еще не вытѣснила употребленіе камня. Замѣчается, что въ той или другой мѣстности Меланезіи удалось только найти остатки старыхъ каменныхъ орудій, въ настоящее время не употребляемыхъ уже въ дѣло, и что мѣстами старики помнятъ объ употребленіи каменныхъ орудій, за то въ Австраліи каменная культура продолжаетъ играть прежнюю роль. Тамъ, какъ и въ Бразиліи, не всѣ племена умѣютъ изготовлять себѣ каменные орудія; это знаніе принадлежитъ только нѣкоторымъ народамъ, и приводитъ къ взаимнымъ сношеніямъ разныхъ племенъ, обязанныхъ обрабатывать камень отправляютъ время отъ времени посольства къ своимъ сосѣдямъ, у которыхъ они и получаютъ каменные издѣлія на продукты собственнаго производ-

Начало знакомства съ металлами населенія тихоокеанскихъ архипелаговъ совпадаетъ съ эпохой ихъ открытія европейцами. Переходя къ Африкѣ, мы увидимъ, что на этомъ материкѣ, несмотря на славящееся выдѣлкой металловъ: мѣди и желѣза, камень и дерево потеряли еще вполне своего значенія. Такъ, напримѣръ, у многихъ племенъ, живущихъ въ лѣсахъ тропической Африки, выдѣлываютъ желѣза, хотя и получаютъ его отъ своихъ соседей. Стрѣлами, почти единственнымъ у нихъ орудіемъ охоты, пользуются до настоящаго времени кусочки заостреннаго дерева. Они часто насаживаютъ каменные наконечники стрѣлъ въ вершину треугольника, а не основаніемъ его. Этотъ типъ стрѣлъ, которыя ранятъ не узкимъ концомъ, а широкимъ, извѣстенъ изъ находокъ каменнаго (неолитическаго) періода Западной Европы. Оригинальность ихъ употребленія приводила многихъ изслѣдователей къ сомнѣнію, представляли ли эти наконечники собою стрѣлы, или другое какое-нибудь орудіе. Но открытіе такого-же способа насаженія ихъ среди бушменовъ, а равно и изображеніе этихъ стрѣлъ (извѣстныхъ подъ названіемъ *flèches à tranchants transversals* стрѣлъ съ поперечнымъ остріемъ) на ассирійскихъ барельефахъ,

привело къ убѣжденію, что этотъ странный на первый взглядъ имѣлъ сравнительно широкое распространеніе. Африканцы сами выдѣлывающіе желѣзные орудія, продолжаютъ для выдѣлки ихъ каменными молотками. Въ концѣ XVIII-го столѣтія каменные орудія были еще сильно распространены въ южной Африкѣ. Хотя желѣзо тамъ было тогда уже въ большомъ употребленіи. Въ одной сказкѣ народности, сохранившейся въ ней, дала своей маленькой дочери иглоу; дѣвочка идетъ къ отцу, который шьетъ ремни *термосомъ*, и она даетъ ему иглоу, а онъ ей топоръ. Затѣмъ она встрѣчается съ старшимъ, пасущихъ скотъ. Мальчики занимались добываніемъ того, чтобы добыть его съ деревьевъ, они *рубятъ ихъ камнями*. Она обратилась къ нимъ: «дѣти, какъ это вы употребляете камни? вы не скажете: старшая наша сестра, дай намъ топоръ». Эта сказка отразилась воспоминаніе объ эпохѣ замѣны камня каменными орудіями.

Вспомнимъ, что еще Геродотъ упоминаетъ объ африканцахъ въ войскѣ Ксеркса, стрѣлы которыхъ имѣли каменные наконечники, а копья—наконечники изъ заостренныхъ роговъ антилопъ, дротики которыхъ были деревянные съ заостренными концами. Въ недавнее еще время туземцы западной Африки (у Китовой бухты—бух. Вальфишъ) были въ мѣсяцъ рогами каменнаго барана, прикрѣпленными къ тонкимъ

Число примѣровъ различныхъ народностей, не знающихъ употребленія металловъ или употреблявшихъ ихъ только въ ограниченномъ количествѣ, можно было-бы значительно увеличить. Подобныхъ случаевъ мы встрѣчаемъ ту общую черту, что съ каменными орудіями, употребляются, и притомъ въ большомъ количествѣ, орудія, сдѣланные изъ болѣе легко обрабатываемаго матеріала. Выборъ послѣдняго исключительно зависитъ отъ свойствъ природы, среди которой приходится жить первобытному человеку. Мы видѣли, что дикари теплаго пояса пользуются при выборѣ матеріала для орудій рѣчными или морскими раковинами, деревьями, костями убитыхъ ими животныхъ, какъ обезьянъ, ягуаровъ, носцевоу, кусками коралловъ, рыбьими челюстями, рыбьей кожей. Если перейти изъ полосы теплаго климата въ противоположную, арктическую, мы увидимъ то же стремленіе воспользоваться матеріаломъ, легко поддающимся обработкѣ, тогда какъ трѣ

мый матеріалъ берется лишь для исполненія наиболее тяжелыхъ работъ. Такъ, эскимосы и камчадалы, живущіе въ областяхъ, сравнительно съ тропической природой южной Америки, южной Африки, тихоокеанскихъ архипелаговъ и Австраліи, сущест-венно преимущественно охотой на морскихъ животныхъ и рыболов-ствомъ. Мѣсто обезьянъ, большихъ животныхъ изъ породы бѣлыхъ и др. представителей фауны жаркихъ странъ занимаютъ тюлени, моржи, киты и др. представители арктической фауны. Употребляя ихъ въ пищу, сѣверный дикарь съумѣлъ воспользоваться ихъ костями и изготовить изъ нихъ довольно слож-ный хозяйственный инвентаръ. Заостренные кости служили гар-пунами; моржовые клыки, насаженные на палки — крючьями; ки-ножовка или кость сѣвернаго оленя привязывалась ремнями къ рукояткамъ и служила топоромъ, соболиныя кости упо-треблялись въ качествѣ иглъ, которыми одежда не только шивалась, но и украшалась узорами. Привычка къ употребленію при своихъ орудіяхъ опредѣленныхъ формъ на столько оказалась сильной, что послѣ ознакомленія съ металлами формы костяныхъ и ка-менныхъ орудій повторяютъ прежнія старыя формы, выработанныя въ періодъ незнакомства съ металлами. Широкое употребле-ніе для орудій сближаетъ эскимосовъ и камчадаловъ XVIII-го и на-чала XIX-го вѣковъ съ палеолитическими обитателями Европы эпохи каменнаго вѣка. Впрочемъ, какъ и послѣднимъ, такъ и эскимосамъ и камчадаламъ были извѣстны и орудія изъ камня: мы встрѣчаемъ ихъ каменные топоры, наконечники гарпунъ и пр. Камча-далы дѣлали себѣ топоры изъ яшмы; они имѣли видъ клинчевъ и, какъ и костяные топоры, привязывались ремнями къ рукояти. Изъ гор-ного хрусталя (зеленоватаго или дымчатаго) камчадалы XVIII-го вѣка дѣлали себѣ ножи, которые они насаживали на деревянный че-холь; изъ того же хрусталя дѣлались стрѣлы, коноя и ланцеты. Сравнивая некультурнаго человѣка южныхъ областей съ некуль-турнымъ-же обитателемъ сѣвернаго пояса, мы, въ отношеніи къ вопросу о изготовленіи орудій, не видимъ сколько нибудь существенной раз-ницы. Въ обоихъ случаяхъ мы встрѣтимъ человѣка, борящагося съ природой и употребляющаго тѣ-же средства борьбы. Онъ избираетъ орудія, которыя природа ему доставляетъ безъ большого труда со своей стороны, а климатъ и связанныя съ послѣднимъ фауна и флора вліяютъ на характеръ и форму орудія только постолько, по-скольку это касается матеріала и приспособленія орудія къ наиболее удобному способу добыванія себѣ пищи. Поэтому, напримѣръ, гарпуны,

распространенные у арктиковъ вследствие необходимости морскихъ животныхъ, не встрѣчаются среди материковыхъ тропикахъ. Но въ приморскихъ мѣстностяхъ они повторили естественныхъ типахъ, какъ, напримѣръ, у австралійцевъ.

Если сравнить издѣлія изъ камня, употреблявшіяся въ орудіи подѣлы подѣлы подѣлы, нашь прежде всего взаимное ихъ сходство. Мы замѣтимъ различія въ матеріалахъ, прежде всего зависить конечно отъ тѣхъ горныхъ породъ, изъ каждой данная народность имѣетъ подѣлы подѣлы подѣлы—замѣтимъ различія въ болѣе или менѣе совершенствованіи техники, основа, такъ сказать, принципа остается одинъ и тотъ-же. Въ образіи въ каменныхъ инструментахъ различныхъ мѣстъ различіе такъ велико, справедливо замѣчаетъ Тэйлоръ (старшій), уничтожить ихъ значеніе, какъ отличительныхъ произведеній различныхъ расъ), что при начертаніи исторіи происхожденія и селенія племенъ нельзя ожидать большой помощи отъ каменныхъ стрѣлъ, который могъ одинаково произойти изъ Патагоніи, Сибири, съ острова Мана, или отъ какого нибудь долота, которое могло быть, показывають всѣ образчики, мексиканское, ирландское или татарское. Формы каменныхъ топоровъ типа Мустье были встрѣчены Савену на Енисей, они-же были открыты и въ Сиріи и Палестинѣ, а типы западно-европейскихъ палеолитическихъ орудій открыты нашими раскопками въ Египтѣ. «Если-бы наблюдателю, знакомому съ каменными инструментами, представить коллекцію образчиковъ, не помѣченныхъ ярлыками, говоритъ Тэйлоръ, то онъ не можетъ ни какъ опредѣлить, помощью простого осматриванія, какой странѣ они принадлежать, будетъ хорошимъ мѣриломъ ихъ общаго однообразія. Если при этомъ онъ владѣетъ даже знаніемъ минералогіи, часто оказывающимъ большую помощь, то все таки онъ оставитъ огромную часть нераспределенною по классамъ, признаваясь, что онъ не знаетъ предѣлахъ какихъ тысячъ миль или тысячъ лѣтъ они были сдѣланы. Эти слова Тэйлора конечно относятся только къ основнымъ, главнымъ типамъ, въ виду того, что при детальномъ изученіи предметовъ такъ называемаго каменнаго періода въ ихъ цѣломъ можно въ значительныхъ различія по мѣстностямъ. Но въ исторіи развѣтвленія человѣчества болѣе важную роль играютъ общія, главные черты, а не детали, которыя, образуясь подѣлы подѣлы подѣлы мѣстныхъ ф

исовыхъ особенностей, причинъ климатическихъ, географическихъ, являются цѣннымъ матеріаломъ для изученія быта отдельныхъ областей или племенныхъ группъ и ихъ взаимныхъ вліяній. Какъ уже отмѣчено, тѣ первобытныя народности, которыя въ наше время не знаютъ употребленія металловъ или не были имъ знакомы до появленія европейскихъ путешественниковъ, глѣдно мало употребляютъ каменные орудія. Но извѣстны и народности, которыя обходятся даже вовсе безъ нихъ. По-есть основаніе предполагать, что само искусство приготовленія орудій изъ камня, хотя-бы и самымъ первобытнымъ способомъ на подобіе типовъ Шелль и Мустье, является далеко не первымъ; что періоду знакомства съ каменнымъ орудіемъ долженъ предшествовать также періодъ, когда человѣкъ могъ существовать, борясь за свое существованіе при помощи орудій, изготовленныхъ изъ другихъ, болѣе доступныхъ матеріаловъ, между тѣмъ какъ онъ могъ служить орудіемъ или оружіемъ и въ необходимомъ видѣ. Это путемъ оббивки дѣлать изъ камня орудіе — знаменуетъ важный прогрессъ въ развитіи человѣческой индустріи. Если отдаленнаго періода Шелль-Мустье до нашего времени сохранились только орудія изъ камня, то это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что издѣлія изъ другихъ матеріаловъ разрушились отъ долгого пребыванія въ землѣ, а относительно сохранившихся (например, челюстей рыбъ и т. п.) нѣтъ доказательствъ, что они служили орудіями. Вторая половина дилювіума показываетъ уже, насколько первобытный человѣкъ широко пользовался другими матеріалами. Вторичное значеніе камня у всѣхъ некультурныхъ современныхъ народностей еще болѣе подтверждаетъ гипотезу, что обдѣлка камня не можетъ быть признана первичною въ исторіи развитія орудій. Если современный дикарь прибѣгаетъ къ обдѣлкѣ камня, то дѣлаетъ это въ виду того, что онъ прочнѣе костяныхъ или иныхъ инструментовъ, что каменная стрѣла служитъ дольше, чѣмъ костяная; кромѣ каменныхъ орудій и рубятъ и рѣжутъ лучше, чѣмъ кость. Дикарь затрачиваетъ свой трудъ въ виду указанныхъ соображеній, и охотно переходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ матеріалѣ недостатка, къ болѣе первобытнымъ орудіямъ изъ дерева, кости или раковины. Стремленіе получить какъ можно большую пользу съ затратой наименьшей суммы труда является характерной чертой и для дикаря. Этимъ объясняется, напримеръ, что жители Огненной земли и Андаманскихъ острововъ употребляютъ для пошей куски разбитаго стекла. Новозеландцы, разрѣзая по обы-

чаю свое тѣло въ знаѣ горести по умершемъ, замѣняли имъ
ножъ стекломъ. У краснокожихъ сѣверной Америки, гово-
лоръ, находили иногда «топоры, состоящіе изъ стекляннаго
прикрѣпленнаго къ деревянной рукояти, тогда какъ прежде
эти дѣлались изъ камня». «Австралійцы, передаютъ тотъ же
замѣняли кусочками стекла, если только могли пріобрѣсти
ватые кремневые осколки, составлявшіе наконецъ и ихъ
лезвіе ихъ зубчатыхъ ножей... Первоначально зубья были
когда-же они выпадали, то ихъ мѣсто заступали новыя, но
разбитаго стекла». Стекло появилось у названныхъ народно-
стечено, только послѣ столкновенія съ европейцами; дикари
воспользовались имъ, — не отъ того, что, какъ думали
ислѣдователи, они смотрятъ на стекло, какъ на камень, а
простою причиною, что, замѣтивъ рѣжущее дѣйствіе стекла, они
почли замѣнить легко обрабатываемымъ матеріаломъ —
матеріалъ (камень), обработка котораго сопряжена съ
трудностями.

Диллювіальный человѣкъ не умѣлъ, какъ сказано, поли-
камя; это искусство появляется только въ аллювіальный
Полированные орудія до настоящаго времени, но крайней
извѣстны только у неолитическаго человѣка. Появление
искусства знаменуетъ дальнѣйшій шагъ по пути исторіи
орудій, хотя искусство полировки не можетъ считаться ни
ни господствующимъ въ неолитическій періодъ. Большин-
временныхъ народностей, у которыхъ воспоминанія и слѣды
металлической эпохи живы, умѣютъ полировать камень, хотя
дѣя изготовляются главнымъ образомъ оббивкой. Въ Австраліи
производство каменныхъ орудій стоитъ на весьма низкой ступе-
нитія, большинство туземныхъ племенъ знаетъ только этотъ
способъ, но нѣкоторыя народности кромѣ оббивки изготовляютъ
и полированныя орудія, именно долота изъ зеленого нефрита.
искусство, впрочемъ, занесено къ нимъ повидимому изъ Ма-
скаго или Полинезійскаго архипелага, гдѣ умѣнье полировать
дѣя было сильно развито, и нефритовыя долота составляли важ-
предметъ торговли. Какимъ образомъ человѣкъ въ разныхъ странахъ
натолкнулся на изобрѣтеніе искусства полировки камня? Какъ и
всѣхъ вопросахъ, касающихся начала изобрѣтеній, и на предло-
ный вопросъ едва ли можно дать опредѣленный отвѣтъ. Одно
видно, — что изобрѣтеніе полировки произошло въ разныхъ цент-
земного шара, такъ какъ мы встрѣчаемъ полированныя орудія

различными широтами у расъ, никогда не имѣвшихъ сноше-
тъ съ другомъ. По мѣткому замѣчанію Вирхова, во всѣ вре-
закъ и теперь, честь новаго изобрѣтенія принадлежитъ отдѣль-
ностямъ, а не народной массѣ; чѣмъ меньше требуется для
тенія специальныхъ знаній, то-есть чѣмъ проще само изобрѣ-
тѣмъ легче на него могутъ натолкнуться почти одновременно
много лицъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Поэтому неосновательными
являются старанія нѣкоторыхъ авторовъ приискать непременно одну
причину для объясненія разбираемаго явленія. Одни видятъ ее
въ томъ, что дѣйствіе воды, полирующее камни, дѣлающее ихъ и
гладкими и болѣе красивыми, должно было натолкнуть дикаря
на изобрѣтеніе полировки. Другіе предполагаютъ, что необходимость
оттачивать каменное орудіе навело дикаря на мысль объ отта-
чиваніи, при помощи воды и другого камня; дикарь долженъ былъ за-
мѣтить, что подъ конецъ отточенной части орудія принимали другой
видъ и становились гладкими. Нельзя безусловно отрицать, что эти
факты сыграли роль въ дѣлѣ изобрѣтенія полировки, но
не были и множество другихъ причинъ, которыя ускользаютъ
отъ насъ. Какъ бы то ни было, но полировка является высшей
степенью въ обработкѣ камня сравнительно съ оббивкой въ періодъ
сообщества съ металлами и распространена почти у всѣхъ народ-
ностей. Полировка каменныхъ орудій, конечно, имѣетъ свою исто-
рию. Человѣкъ не сразу могъ дойти до художественной полировки,
такъ какъ отличаются нѣкоторыя орудія неолитической эпохи. Сравни-
вая древнѣйшія орудія, мы замѣтимъ въ нихъ значительную разницу
чистоты и чистоты обработки; до настоящаго времени, напри-
мѣръ австраліецъ, равно какъ и бразильскій туземецъ, ограничиваются
темъ, что полируютъ поверхность по неровностямъ ея, такъ что
орудіе можно назвать полуполированнымъ, тогда какъ жители
Зеландіи сглаживаютъ неровности полировкой до тѣхъ поръ, пока
они исчезнутъ совершенно.

Высшая ступень въ обработкѣ каменнаго орудія заключается
въ сверливаніи его. Уже у низшихъ бразильскихъ племенъ
используется описанное выше первобытное сверло: имъ они
сверливаютъ не только раковины, но и камни, которыми поль-
зуются въ качествѣ украшеній. Сверленіе, такимъ образомъ, появляется
въ высшихъ ступеняхъ культуры и нѣтъ основанія предполагать, что
искусство сверлить камень должно было появиться, какъ результатъ
использованія первобытнаго дикаря надъ жерновами, между которыми раз-
маловали зерна, какъ то думаетъ, на примѣръ, Линпертъ. Отъ продол-

чадаламъ требовалось три года, чтобы изготовить деревянную чашу требовалось не меньше года работы. Количество при данномъ случаѣ, быть можетъ, нѣсколько преувеличено, но действительно, требовалось много, такъ что неудивительно, что словамъ того же исследователя «большія лодки, большія човки, большія корыта... въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сделанное изъ дорогого металла, высокою работою, и всякій остроже тѣмъ хвалиться передъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью. Либо, когда кто, наваря въ одной посудѣ пиши, не одного по удовольствовать».

Совершенно аналогичныя свѣдѣнія мы находимъ и отношеніяхъ другихъ дикарей. Мы вездѣ видимъ ту же упорную борьбу своего рода, ту же энергію, благодаря которой первобытный человѣкъ противъ медленно, одерживаетъ побѣду надъ окружающими его вѣсело пріятными условіями. Дикарь, гдѣ бы мы ни стали наблюдать, онъ не является передъ нами только легкомысленнымъ, веселымъ, беззаботнымъ, не думающимъ о завтрашнемъ днѣ. Эти черты присущи ему безусловно въ большей степени, чѣмъ цивилизованному, и только въ томъ случаѣ, когда онъ проявляется преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится во временномъ довольствѣ. Когда же условія жизни заставляютъ его работать, онъ обнаруживаетъ удивительную устойчивость и выносливость. Проживая годами хотя бы надъ орнаментацией или первобытными орудіями, онъ выказываетъ не меньшую усидчивость, чѣмъ изъ вѣстнаго турнаго человѣка. Эти качества, часто слишкомъ мало обращенія на себя вниманіе исследователей, сдѣлали человѣка господиномъ природы. Если бы онъ былъ только большимъ «беззаботнымъ дикаремъ», съ которымъ многіе сравнивали и сравниваютъ дикарей, онъ не могъ бы подняться съ низкаго уровня культуры и не могъ двигаться впередъ въ своемъ развитіи.

IV. О г о н ь .

■ видѣли, что человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія утилизируетъ данныя природы, приспосабливъ ихъ къ потребностямъ своей жизни, умѣетъ обратить, такъ сказать, дары природы самой природы. Это явленіе составляетъ характерную черту примитивнаго человѣка. На основѣ, которую окружающая среда предоставляетъ человѣку, онъ развиваетъ и усовершенствуетъ орудіе борьбы и доходитъ во вѣ-металлическую эпоху жизни до сложныхъ типовъ, позволяющихъ ему затрачивать большее количество времени и труда для полученія желаемаго блага. Творческая сила человѣка лишь совершенствуетъ готовый даръ, приспособляетъ его, но не изобрѣтаетъ новыхъ элементовъ борьбы за существованіе. Эта сила человѣка находитъ себѣ свое выраженіе въ изобрѣтеніи способовъ добыванія огня—одного изъ живѣйшихъ средствъ, которыми пользуется человѣкъ для подчиненія себѣ природы.

Борьба за существованіе зависитъ прежде всего отъ пищи, которая поддерживаетъ жизнь человѣка. Человѣкъ уже на зарѣ своей жизни, какъ сказано, является всеяднымъ существомъ. Но получая пищу онъ употребляетъ различно и значительную часть ея расходуетъ дѣйствию огня. По замѣчанію нѣмецкаго этнографа Штарке (Stark), ничто не полагаетъ такую рѣзкую границу между человѣкомъ и животнымъ, какъ употребленіе огня. Важное значеніе, которое имѣетъ послѣдній не только для приготовленія пищи, но, главнымъ образомъ, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе—очевидно само собой. Лишь благодаря ему человѣкъ могъ въ своихъ миграціяхъ достигнуть предѣловъ крайняго сѣвера и съ успѣхомъ бороться противъ холода. Огонь защищаетъ человѣка ночью отъ дикихъ звѣрей, огнемъ онъ уничтожаетъ непроходимыя для него лѣса, а орудіемъ онъ поджигаетъ степь, чтобы вести болѣе легкую и прибыльную охоту и т. д.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ въ настоящее время способовъ огня у малокультурныхъ народностей наиболее распространяется треніе кусковъ дерева одинъ о другой или еще способомъ и въ настоящее время еще весьма широко могутъ считаться общими для всего человѣчества. Въ нихъ они представляютъ нѣсколько вариантовъ. Простое треніе пространено чѣмъ сверленіе. Этотъ послѣдній способъ знаемъ почти подъ всѣми широтами, хотя и въ отношеніи можно namѣтить нѣкоторыя усовершенствованія. Такъ, эскимосскихъ дикарей употребителенъ слѣдующій способъ огня сверленіемъ. Берется палка сухого дерева, въ нее при помощи острой раковины выемка, которую сверлятъ палкой той же породы дерева. При сверленіи зажигающій огонь, придерживаетъ палку, которую сверлятъ, въ горизонтальномъ положеніи на землѣ, а вертикально вставивъ лило онъ быстро вертитъ между ладонями. Совершенно новый способъ добыванія огня отмѣчаетъ Кувоуъ среди австралийцевъ. «Чтобы добыть огонь, говоритъ онъ, они (австралийцы) берутъ кусокъ сухого легкаго дерева; одинъ—это палка около десяти девяти дюймовъ длиною. другой—плюскій кусокъ; палку онъ всѣмъ остро стачиваютъ на одномъ концѣ, и, давъ съ своимъ концомъ о другой кусокъ, приводятъ ее въ быстрое вращеніе, между ладонями обѣихъ рукъ» (Тэйлоръ). Этотъ способъ мы видимъ изображеннымъ на древне-мексиканскихъ барельефахъ, въ Южной Америкѣ, на Суматрѣ, на Каролинскихъ островахъ, въ Южной и средней Африкѣ, въ Индіи, среди эскимосовъ, калы и т. д. Относительно послѣднихъ Крашенинниковъ замѣчаетъ «огнива ихъ были деревянныя дощечки изъ сухого дерева... ленькія изъ сухого же дерева палочки, которыя вертя въ огонь доставали. Въмѣсто труту употребляли они мятую трушечку, въ которой раздували загорѣвшуюся... сажу». Насколько общаи были распространены среди нихъ, доказывается тѣмъ, что, какъ европейцы принесли съ собою огниво, это послѣднее время не могло вывести прежній способъ добыванія огня. При сверленіи нѣкоторыя народности берутъ иногда разныхъ породъ деревьевъ, причемъ сверло дѣлается изъ болѣе мягкой породы, сверлимый же кусокъ изъ болѣе мягкой. Привычка этимъ путемъ огонь привела къ большому искусству и огонь получается почти что черезъ нѣсколько минутъ. Какъ ни первобытенъ этотъ способъ, онъ среди нѣкоторыхъ

привелъ къ усовершенствованіямъ. Такъ, Дарвинъ записалъ и способъ сверленія у гаучосовъ, живущихъ въ пампасахъ: эластическую палку, около 18 дюймовъ длиною, онъ при- одинъ конецъ къ груди, а другой (нѣсколько заостренный) въ дыру на кускѣ дерева, и затѣмъ быстро вращаетъ вращенную часть». Иногда сверлило приводится въ дѣйствіе брамины Индіи добываютъ именно этимъ способомъ свя- огонь. Этимъ же путемъ добывали себѣ огонь и эскимосы, и нѣкоторыхъ путешественниковъ. Эскимосъ Гренландіи, одинъ изъ нихъ, беретъ кусокъ доски, на которой просвер- половины дыра; въ эту доску онъ вставляетъ конецъ палки, смоченной рыбьимъ жиромъ; сильно вращая ее съ ремня, на подобіе сверлильщика, онъ весьма скоро добы- гонь. Эту работу иногда производили двое, причемъ одинъ на- тѣ сверлило, а другой ремнемъ заставлялъ его вращаться; въ случаяхъ работа производилась и однимъ человѣкомъ, при- вѣвшимъ сверлило крѣпко зубами. Послѣдній способъ практи- и на Алеутскихъ островахъ. Для приданія большаго вѣса и вѣрности сверлилу, къ нему привязывается иногда камень. Къ категоріи способовъ добыванія огня слѣдуетъ отнести свер- при посредствѣ лука. Насколько извѣстно, этотъ способъ добы- огня былъ знакомъ только краснокожимъ Сѣверной Америки. О у сіу-дакота тетива лука обматывается вокругъ сверлила, рукой поддерживаютъ послѣднее, а другой двигаютъ лукомъ, дѣйствіе чего сверлило приходитъ въ вращательное движеніе. способъ употреблялся еще (хотя и не для добыванія огня), при дніи твердыхъ породъ камней въ древнемъ Египтѣ, а равно ленниками Западной Европы до послѣдняго времени. Инстру- , употребительный въ Швейцаріи при сверленіи камней, мы встрѣ- для добыванія огня у ирокезовъ. По описанію Л. Моргана инструментъ состоитъ изъ вертикальной палки, около четырехъ въ длиною и одного дюйма въ діаметрѣ, съ колесомъ (для при- скорости вращенію), прикрѣпленнымъ къ ея нижней части. Въ стіе на верхнемъ концѣ палки продѣта веревка, привязанная къ , около трехъ футовъ длины. Нижній конецъ палки опирается юкъ сухого дерева, вблизи котораго положены комочки мха. Когда приготовлено, веревка сначала наматывается вокругъ палки ю, потомъ, давленіемъ лука внизъ, веревка разматывается и произ- гъ вращеніе палки съ лѣвой стороны на правую. Вслѣдствіе сти, сообщаемой колесу, веревка снова завивается обратно во-

смолистую палку, непременно сухую. Этотъ воротъ ц ствіе нѣсколько человѣкъ». Для ускоренія воспаленіи кладутъ грузъ. Трѣніе съ помощью ремня совершаетъ ской губерніи иногда слѣдующимъ образомъ: «въ двокъ (употребляемый собственно для вытачиванія веревки горизонтально круглую, остроконечную, сухую березовую палочку, перевитую ремешкомъ, который прилучку. На палочку кладутъ крестообразно другую, короткую, чтобы воспламенить палочки, ремешекъ берутъ въ правую передвигаютъ взадъ и впередъ, отъ чего палочка на ремешекъ вертѣтся вокругъ себя; другую-же палочку, держа въ лѣвой рукѣ и прижимаютъ къ первой, такъ что онѣ трутся одна о другую и воспламеняются» ¹⁾). Въ Чернухѣ Новгородской губерніи «живой огонь» получаютъ при трѣніи, но, въ виду соображеній суевѣрнаго характера, нѣсколько инымъ способомъ. «Вытираютъ огонь», при развитіи назначенный для добыванія священнаго огня день «топить» самовары, курить и вообще доставать огонь какимъ нибудь способомъ, по всеобщему соглашенію, запрещается. Съ восходомъ солнца собираются жители всего селенія на улицу и приготовленными начинаютъ трѣніе по очереди, чтобы всякій могъ потрѣбовать. Трутъ бревно о бревно, потому работа идетъ медленно, и едва къ полудню удастся добыть огонь ²⁾). Въ Казанской губерніи «живой огонь» добывается какъ взрослыми для отогнанія чумы, морового, если онъ начнетъ ходить въ чей нибудь домъ, такъ и въ дѣтскихъ играхъ. Въ последнемъ случаѣ, добываніе производится почти тѣмъ-же способомъ, какъ и въ Тиролѣ: ставятся два широкія кола ($\frac{3}{4}$ аршина высоты) безразлично какой породы, въ выемки, сдѣланныя въ нихъ, вставляется заостренная палочка изъ непременно твердаго дерева: березы, клена, дуба. На палочку эту накручивается въ два-три оборота веревка; играющіе садятся по сторонамъ сооруженія, и, дергая каждый свой конецъ веревки, начинаютъ быстро вращать валъ. Черезъ нѣкоторый промежутокъ въ концахъ валика начинаетъ появляться легкій дымокъ, а потомъ и огонь. Чтобы ускорить появленіе его, концы валика смазываютъ смолою. Этотъ способъ извѣстенъ и въ нѣкоторыхъ другихъ

1) Н. Иваничій. — Матеріалы по этнографіи Вологодской губ. Сб. свѣд. быта крест. населенія Россіи. В. II М. 1890, стр. 41.

2) Этнографическое Обзоріе, 1894, стр. 124.

Западной Европы. У чувашей огонь добывается трением, ева о дерево, а веревки о дерево. Огонь вытирается въ опре-
 праздникъ. Для этого ставится съ извѣстными приготовлениями
 й столбъ, который обвиваютъ веревкой: жрецъ - знахарь
 ревкой столбъ, пока не появится огонь ¹⁾.

пространенность добыванія огня трениемъ у массы современ-
 ностей и сохраненіе этого обычая въ качествѣ переживанія
 всѣхъ культурныхъ народовъ въ разное время служить
 доказательствомъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первобыт-
 сособомъ добыванія огня, который въ теченіе многихъ тыся-
 своего примѣненія подвергся нѣкоторому развитію. Другой
 тельный способъ полученія огня—это высѣканіе изъ камня.
 акъ извѣстно, былъ распространенъ во всей Европѣ до новѣй-
 ремени, пока спички не замѣнили его.

народностей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія и не имѣв-
 возможности заимствовать обычай высѣканія огня отъ сосѣдей,
 ти не встрѣчаемся съ этимъ способомъ. Мнѣніе, что первобытный
 къ, при изготовленіи каменныхъ орудій оббивкой, долженъ былъ
 атъ, что ударъ камня о камень даетъ искры и такимъ
 омъ познакомиться съ этимъ способомъ полученія огня—стоитъ
 зкомъ противорѣчи съ данными этнографіи. Большинству на-
 стей это явленіе было незнакомо, или, вѣрнѣе, оно не обра-
 на себя вниманіе дикаря. Искра появлялась и потухала; нужно
 сѣпленіе благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы она, упавъ на
 воспламеняемое вещество, произвела тлѣніе и дала огонь. Свер-
 или треніе было болѣе доступно неразвитому уму первобытнаго
 вѣка, такъ какъ результатъ здѣсь получался непосредственный—
 лялся огонь. Естественно, было-бы слишкомъ смѣло совершенно
 цать возможность ознакомленія человѣка съ высѣканіемъ огня на
 ихъ ступеняхъ культуры. Но, что такое ознакомленіе въ общей
 ріи развитія способовъ добыванія огня является исключеніемъ,
 зывается слѣдующимъ. Количество народностей, не употребляю-
 съ металловъ и добывающихъ огонь высѣканіемъ, ничтожно: можно
 бить только жителей Огненной Земли, которые, по свидѣтельству
 ешественниковъ XVI-го вѣка, высѣкали огонь изъ камня. Что
 ается Сѣверной Америки, то остается неяснымъ, появился-ли тамъ
 собъ высѣканія огня уже послѣ знакомства съ европейцами,

1) Зап. Им. Рус. Геогр. Об. XVII. 2, стр. 96.

или нѣтъ; кромѣ того этотъ способъ суще-
одновременно съ. вытираніемъ огня. Въ восточ-
и Суматрѣ встрѣчается высканіе огня изъ др-
твердая оболочка котораго при ударѣ даетъ искры
существуетъ одновременно съ вытираніемъ и вы-
и потому нѣтъ основанія считать его первон-
многія народности не пользуются свойствомъ крем-
нихъ камней давать искры при ударѣ. Когда Штейн-
вниманіе населенія центральной Бразиліи, оказалось
для нихъ ново. Одинъ изъ путешественниковъ Х-
западной Африкѣ отмѣчаетъ, что туземцы добывали
щимъ своеобразнымъ способомъ. Они брали небольшо-
и терли его о камень, насыпавши предварительно
деревомъ песку. Многія народности, все-же сохраняютъ
себѣ огонь исключительно высканіемъ, способъ—вытиранія огня при
переживанія болѣе древній способъ—доказываетъ, что у нихъ до
церемоніяхъ. Это безусловно показываетъ, что у нихъ до
себѣ древнѣе перваго. Сахалинскіе гилъки, для зажиганія
которыхъ они сожигаютъ покойниковъ, добываютъ огонь
«еще поколѣніе тому назадъ огниво было драгоценностью
родъ, случалось, владѣлъ однимъ общимъ, родовымъ огнемъ
Въ древнемъ Римѣ ежегодно въ храмѣ Весты повторяли
мѣсто и тогда, когда среди года огонь потухалъ. Церемонія э-
на общій въ Римѣ обычай высканія огня изъ кремня, должн
добыть священный огонь для алтаря Весты посредствомъ св-
(*terebratio*) мягкаго дерева кускомъ твердаго дерева.
Всѣ эти соображенія заставляютъ предполагать, что выск-
огня появилось въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія послѣ
бовъ тренія и сверленія, хотя, конечно, нельзя отрицать, что
иная народность и начала свое знакомство съ добываніемъ огня
посредствомъ съ высканія.

Спрашивается, когда человѣкъ научился употребленію огня
настоящее время на земномъ шарѣ нѣтъ народностей, которы-
знали-бы его. Всѣ свѣдѣнія о существованіи подобныхъ народно-
лишены основанія. Дѣйствительно, о такихъ племенахъ, которыя бы
бы не знакомы съ огнемъ, мы имѣемъ еще свидѣтельства древнихъ

¹⁾ Этн. Обзор. 1893 г., 2, стр. 5.

говорить, напримѣръ Плутархъ, замѣчая, что огонь былъ
 энъ Прометеемъ и въ доказательство приводить сообщеніе,
 „ что нѣкоторыя народности не знаютъ огня, не умѣютъ
 домовъ и живутъ безъ очаговъ, подъ открытымъ небомъ.
 а-же свѣдѣнія время отъ времени сообщаются путешествен-
 XIV—XVI-го вв. Такъ, спутникъ Магеллана, Пигафетта,
 шій между прочимъ описаніе перваго кругосвѣтнаго путеше-
 сообщаетъ, что населеніе Маріанскихъ острововъ (1521 г.) не
 огня, и приняло его за грозное, всепожирающее животное.
 ельствами незнанія огня, по словамъ путешественниковъ
 XVI-го вв., служило то, что жители употребляли рыбную и
 ельную пищу въ сыромъ видѣ и что они боялись огня. Однако,
 добныя свѣдѣнія не только не подкрѣпляются, но даже опроверга-
 послѣдующими путешественниками, такъ что имъ нельзя прида-
 ного значенія, какъ и сказкамъ, весьма распространеннымъ въ
 ести и въ средніе вѣка, напримѣръ о кинокефалахъ, о различныхъ
 ищахъ и т. п. Сказки эти получались на основаніи слуховъ,
 дѣнія о незнаніи огня, хотя и сообщаются очевидцами, вѣ сом-
 объясняются извѣстными недоразумѣніями. Примѣромъ тому
 съ служить позднѣйшее свидѣтельство о существованіи не знаю-
 огня людей, относящееся не далѣе какъ къ половинѣ XIX-го
 тія. Когда экспедиція Соединенныхъ Штатовъ, подъ коман-
 Уилькса . . . посѣтила въ 1841 г. островъ Бодичъ или Факаафо,
 рупнѣ Самоа, участники писали, говоритъ Тэйлоръ, слѣдующее:
 въ нѣтъ никакихъ признаковъ мѣсть, назначенныхъ для при-
 еленія на нихъ пищи, такъ-же, какъ нѣтъ никакихъ признаковъ
 , и стало быть, мы вправѣ думать, что всякую пищу они
 въ сырою. Это мнѣніе подтвердилось испугомъ, который обна-
 или туземцы, увидя искры отъ кремня и огнива, и дымъ, вы-
 шій изо рта курившихъ сигары». Признавая свидѣтельство
 заслуживающимъ довѣрія, слѣдуетъ отмѣтить, что оно дока-
 аетъ только незнаніе туземцевъ искусства высканія огня—искус-
 вообще, какъ было уже указано, весьма мало распространен-
 среди дикарей. Что же касается до испуга, при видѣ дыма,
 одящаго изо рта людей, то онъ является вполне естественнымъ
 дикарей, не знающихъ куренія и принимающихъ выстрѣлы изъ
 ей за громъ и молнію. Это единственное свидѣтельство очевидца
 йшаго времени о существованіи незнакомыхъ съ огнемъ людей,
 которое иные авторы ссылались; но оно опровергается показа-
 ь этнографа Гэля—участника этой-же экспедиціи, который записалъ

и, конечно, слово для самого названия огня. Знание огня, конечно, есть спустя время после изобретения, и такой же есть и легенда о происхождении огня — полинезийская легенда того же содержания. Во всяком случае, никаких сведений о существовании на наших островах, в которых употребление огня было бы неизвестно, нется до древних поселенцев Европы, то есть там, где в разных пунктах в своих, относящихся еще к тому же периоду, к эпохе Солитро-Маделон.

Хотя человечество выступает перед нами уже с огнем, но обстоятельство это конечно не дает права отнести прожитый период, когда огонь не был ему известен. Итого, есть полное основание предполагать, что такой период действительно существовал. Пользование огнем, умение его должно быть отнесено к числу наиболее крупных изобретений, данных о периоде неведения огня не сохранилось. Знание огня к этому циклу рассказов о добывании огня у всех народов. Все эти рассказы полны в настоящее время многочисленными красками. В этом некоторые усматривали доказательство того, что родности уже утратили всякое воспоминание о действительности и по законам, которым следуют все произведения творчества, основанные на историческом факте, прикрываются зловещими подробностями и сохранили лишь воспоминание об отсутствии огня. К числу этих рассказов принадлежит и широко известный миф о Прометее. Похищение огня у сверхъестественных существ составляет характерную черту всех этих рассказов. Так, в Полинезии добыча огня приписывается из богов полинезийского Олимпа—Мауи (Maui). К имени бога-родоначальника прикрѣпилась вообще масса легендарных типов, в частности и миф о добывании огня. По новозеландскому варианту Мауи отправляется за огнем к своей бабушке, Мако, которая одна владеет им; она дает ему один из своих пальцев, в котором находится огонь, но Мауи тушит его, возвращается за другим пальцем и т. д., пока владелица огня устала и не отдала ему последнего пальца. В раздражении, она бьет землю; Мауи, с помощью своих предков—богов, удается потушить пожар, но он едва успевает спасти искру в деревьях, из которых он и остальные люди получают его. По преданию населения острова Самоа, люди огня; он хранился в подземном царстве у Мафуа, кото-

ами поддерживаетъ островъ Самоа. Одинъ самоанецъ Таланга пошелъ къ Мафуа въ подземное царство. Сынъ его Ти-ити-и пошелъ за отцомъ къ Мафуа и, несмотря на предостереженія просилъ у Мафуа огня. Тотъ далъ горячей золы, но только какъ и Ти-ити-и устроили очагъ, Мафуа разметалъ и очагъ и золу. Сынъ Ти-ити-и вступилъ въ борьбу съ Мафуа и вывернулъ ему одну руку, хотѣлъ вывернуть и другую руку, но Мафуа обѣщалъ отдать огонь, если онъ его пощадитъ. Ти-ити-и согласился. «Иди, Мафуа, ты найдешь огонь въ каждомъ кускѣ дерева, который жешь». «Съ этихъ поръ, добавляетъ преданіе, на Самоа ѣдятъ пищу, огонь-же достаютъ посредствомъ тренія одного куска о другое». Бразильскіе дикари бакаири связываютъ добычу съ именемъ своихъ родоначальниковъ Кери и Каме. Они добываютъ огонь у животного изъ породы лисицъ (*Canis vetulus*), когда оно выливаетъ огонь въ своихъ глазахъ и выбивавшаго его, когда онъ вылезъ изъ глазъ. Кери и Каме рядомъ хитростей отожгли животное отъ костра, на которомъ оно собиралось готовить пищу, взяли горячую голову и такимъ образомъ получили огонь. Въ островахъ Факаафо, относительно которыхъ ошибочно предполагали, что ихъ жители не знакомы съ огнемъ, была записана легенда о происхожденіи огня, близкая къ циклу легендъ о Мауи. Огонь происходитъ отъ Мафуики, старой слѣпой женщины. Таланги сошелъ въ ея жилище и просилъ дать огня. Она долго отказывала, пока онъ не сталъ грозить убить ее. У алеутовъ и колошей честь добычи огня связана съ именемъ ихъ культурнаго героя—ворона—Эль (Elch). Въ пространномъ сказаніи о немъ, собранномъ изъ устъ жителей острова извѣстнаго о. Веніаминова, въ числѣ совершенныхъ имъ подвиговъ стоитъ и получение огня. «Огоня, гласитъ преданіе колошей, не было на землѣ, но онъ былъ среди моря на какомъ-то островѣ. Эль полетѣлъ туда (накинувъ на себя шкуру убитой имъ «небесной птицы» Kuzgatuli съ длиннымъ клювомъ и длиннымъ хвостомъ, похожей на орла). Отыскавъ островъ, взявъ горячую головешку въ птичій клювъ и полетѣлъ со всей быстротой птицы обратно. Но путь былъ такъ длиненъ, что пока онъ летѣлъ на землю, взятая имъ головешка догорѣла, и ею сгорѣла половина его клюва. И лишь только Эль достигъ берега, онъ тотчасъ бросилъ уголь на землю¹⁾». Посыпались искры; онъ собралъ ихъ въ камни и въ деревья. Этотъ огонь, принесенный съ такимъ трудомъ, сталъ называться «огнемъ Эль».

¹⁾ И. Веніаминовъ. — Зап. объ островахъ Унашанскаго отдѣла, ч. 3, стр. 48.

самопожертвованіемъ Эдемъ, хранился въ камняхъ настоящего времени, и изъ нихъ каждому всегда возможно

Не всегда впрочемъ рассказъ о добываніи огня сводится о похищеніи насильственнымъ путемъ или при помощи. Огонь появляется часто какъ даръ предковъ, боговъ. Такъ тасманійцы рассказывали, что огонь былъ сброшенъ добво звѣздѣ двумя черными друзьями—богами, которые небѣ образуютъ созвѣздіе Близнецовъ. По мнѣнію аборигеновъ, божество, создавъ людей, послало свою дочь на землю, чтобы топить злѣй; въ качествѣ оружія оно дало ей палку; она и изъ нея появился огонь. Въ другихъ мѣстностяхъ Австраліи рассказываютъ, будто божество послало мышъ, чтобы научить добыванію огня, для охраненія ихъ отъ грознаго чудовища. Въ по словамъ Тейлора, рассказывается, что великій мудрецъ гулялъ за границы луны и солнца; здѣсь онъ увидалъ птицу, которая клкала его и тѣмъ производила огонь. Онъ взялъ вѣтвь этого дерева и произвелъ отъ нея огонь.

У краснокожихъ Америки мы встрѣчаемъ также обширныя сказанія, связанныя съ мотивомъ о добычѣ огня. Одни передаютъ мотивъ похищенія огня, другіе—ниспосланія его с неба. Огонь иногда добывается у мѣсяца разными животными; въ одномъ изъ рассказовъ герой—богъ (по нѣкоторымъ вариантамъ волкъ) привелъ людямъ блестящій камень съ востока (вспомнимъ, что среди индейскихъ американскихъ народностей былъ распространенъ обычай добыванія огня выскланиемъ изъ кремня). Другія народности сообщаютъ легенду, что огонь ниспосланъ съ неба: молнія была послана на дерево и съ того времени огонь сохраняется въ немъ, вслѣдствіе чего путемъ тренія, можно добывать огонь. Въ нашихъ русскихъ сказкахъ въ сказкахъ нашихъ инородцевъ и среди народностей Западной Европы сохраняются легенды о добываніи огня у сверхъестественныхъ существъ.

Въ общемъ, конечно, трудно опредѣлить, насколько въ поданныхъ сказаніяхъ можетъ смутно сказываться сознательное воспоминаніе о періодѣ незнакомства людей съ огнемъ и насколько они являются стремленіемъ объяснить непонятное для дикаря явленіе, т. е. возможность получения огня изъ двухъ кусковъ дерева. Правильнѣе кажется объяснять происхожденіе приведенныхъ легендъ этимъ стремленіемъ. Но, безъ сомнѣнія, разнохарактерность и при детальной разработкѣ, выяснить, быть можетъ, и различныя событія, которыми люди знакомились съ огнемъ.

пользу мѣня, что въ легендахъ о добываніи огня сказывается
аніе о періодѣ, когда люди не знали его, говорятъ какъ-будто
я обстоятельства. Изобрѣтенія, до которыхъ развивается чело-
все равно, касаются ли они матеріальной культуры или
въ перемѣнѣ въ общественномъ или религіозномъ бытѣ, утра-
і въ народной памяти, но оставляютъ по себѣ воспоминанія
з легендахъ и сказаніяхъ; такъ, честь изобрѣтеній приписывается
дѣству или герою, предку и проч. Обыкновенно одно и то же
о или герой окружается ореоломъ изобрѣтателя; вокругъ него
рируются всѣ легенды объ изобрѣтеніяхъ, которыя всѣ при-
тятся къ его имени. Въ обширномъ циклѣ легендъ о происхо-
огня въ большинствѣ случаевъ фигурируетъ тотъ же герой,
у по народному преданію принадлежитъ честь дарованія лю-
другихъ благъ матеріальной культуры или благоустройства
ескаго общежитія. Мауи—полинезійцевъ, Кери и Каме—бра-
хъ туземцевъ, Эль—колошъ и алеутовъ дѣйствуютъ такъ же,
Прометей древнихъ грековъ. Они несутъ свои силы на пользу
часто жертвуютъ собой и приносятъ людямъ не только огонь
я блага, но даже иногда и основы общежитія. Если въ леген-
обобщающихъ, что то или иное лицо научило людей прави-
равственности и общественности, дало имъ знакомство съ усо-
ствованными способами борьбы за существованіе, научило ихъ
тъ формамъ экономического быта и проч., сохраняется смутное
инаніе о бывшемъ нѣкогда историческомъ фактѣ, только при-
нномъ къ имени того или иного лица—то спрашивается, по-
акое же толкованіе мѣта не можетъ быть примѣнено и къ
объ изобрѣтеніи огня. Кери и Каме—родоначальники бакапри
людямъ и установленіе общественной жизни; Эль учить
лодки, обучаетъ употребленію рыбной пищи. Одновременно
же личностямъ приписывается и устройство міра: Кери и Каме
землѣ солнце, выпускаютъ на небо звѣзды. То же дѣлаетъ и
въ заботахъ о людяхъ онъ входитъ въ дочь вождя, храня-
ебесныя свѣтила, и родится отъ нея; пользуясь любовью своего
наго дѣда, считающаго его своимъ внукомъ, онъ выманиваетъ
въ которыхъ хранятся небесныя свѣтила, и постепенно выпу-
на небо звѣзды, луну и, наконецъ, солнце. Въ циклѣ легендъ
ійцевъ о Мауи разсказывается, что онъ не только добылъ
но кромѣ того поймалъ солнце, изготовивъ для этого ловуш-
училъ солнце ходить равномерно по небесному пути, а оно
по вѣрованіямъ полинезійцевъ, ходило по небу, какъ ему

было угоди, и совершенно неприемлемо. Мнѣ, кромѣ
крошечна для насъ, и не имѣя
нѣтъ образцовъ, въ которыхъ
велики считаются, считаясь
Новую Зеландію. О
онъ похитилъ огонь
несчастія.

Такихъ образовъ, мнѣ о похищеніи огня, кромѣ
привнесшихъ герою
то, что поражаютъ
солнца. Иногда даже
тѣхъ, смерть и проч.
что, насколько рѣчь
непрестанно воспомина
впоследствии, какъ
огонь сохраняется въ
отнести эти мифы къ
міра, загробной жизни,
Они всѣ возникаютъ,
бытіяго человека удовле
лучшихъ явленій, дово
знанія. На естественно
ствозанія тѣхъ или
отвѣты и эти послѣд
ясному состоянію чело
скаго мифолога Ланга,
религія отъ знанія, знаніе
сообразженія не позво
мѣнными слѣдами вос
огнемъ. Мнѣ въроятнѣ
отвѣтомъ на вопросъ,
огонь—а не наоборотъ.
положенія можетъ служ
жителей Индіи пользо
которой сверлили—pramantha, благодаря свойству
фицировать предметы, считалась какъ бы отцомъ
татъ получается мнѣ, въ которомъ Pramantha являе
огня, великаго Агни; матерью же его является палочка,
подвергается сверленію. Авонимъ (pramantha) сдѣлался, такъ св
собственнымъ именемъ.

ели мненіи и не отражаютъ воспоминанія о періодѣ незнанія все-таки служатъ доказательствомъ, что изобрѣтеніе его счирвобытнымъ человѣкомъ однимъ изъ величайшихъ благъ. понятнымъ становится почитаніе огня, которое въ разныхъ м встрѣчаемъ почти среди всѣхъ народностей земного шара. огня принимаетъ разнообразныя формы въ зависимости отъ шнаго и религіознаго развитія каждаго даннаго племени; о бы форму ни принималъ этотъ культъ, въ основѣ его почитаніе благотворнаго дѣйствія огня. Всегда и всюду оботся сила огня—все равно считается ли самъ огонь божествомъ, одность достигла въ своемъ развитіи до представленія о сущестіи особаго духа огня.

а первое мѣсто должны быть поставлены тѣ многочисленные обы- которыхъ сказывается стремленіе охранить огонь отъ погасанія— встрѣчающіеся преимущественно среди тѣхъ расъ и народно- которыхъ *очагъ* явился уже символомъ дома, племенного или на- наго единства. Съ очагомъ связано благополучіе группы, на немъ танно долженъ поддерживаться огонь; онъ является священнымъ, ценными считаются и охранители или охранительницы такого Овагереросы въ Африкѣ поручаютъ дочерямъ своихъ вождей и новъ поддерживать постоянно священный огонь племени; старшая вождя, хранительница огня, называется «любимпей» и поль- и привилегированнымъ положеніемъ ¹⁾; при перекочевкахъ всегда ся горящая головня, чтобы на новомъ мѣстѣ зажечь очагъ—огнемъ шн. Аналогичные и даже тождественные обычаи мы видимъ во Америкѣ, въ Австраліи и у массы некультурныхъ народностей. же обычай встрѣчается у многихъ русскихъ инородцевъ, а у русскихъ крестьянъ, которые, при отдѣленіи сыновей или при ходѣ въ новыя жилища помѣщенія, уносятъ съ собой золу и уголья одительскаго очага. У народностей, достигшихъ высокой цивилизаціи оминанія о культѣ огня сохраняются долгое время. Угасаніе родового, авшагося впоследствии національнымъ, очага считалось государственъ несчастіемъ. Въ Римѣ, Афинахъ и Дельфахъ, постоянное поддер- е огня въ очагѣ считалось дѣломъ величайшей важности. Долгое я послѣ ведическаго періода въ Индіи ежегодно совершалось инованіе добычи огня, причемъ послѣдній добывался первобыт-

¹⁾ South Afr. Folk-lore Jour. 1879, V.

нымъ способомъ сверленія. Въ тимвахъ сохранило
мнѣніе объ огнѣ, какъ силы животворящей: «огонь
татель ремеслъ и искусствъ, онъ—домашній очагъ, ду
оживлявшая предковъ, звено, соединяющее мертвыхъ
онъ—возноси́тель жертвъ. Другіе боги живутъ въ
родится между людьми, онъ выходитъ изъ рукъ человѣ
дерева, одинъ просверленный, другой заостренный, произво
суть мірозаданія. Жрецъ съ силой вертитъ остріе па
ревѣ—матери огня. Рождающаяся искра поливается очни
сломя и сомою... огонь увеличивается, растетъ и
къ небу, неся богамъ жертвы людей...» (Dict. des
р. 131).

Обоготвореніе огня, какъ силы, существенно необходи
жизни человѣка, развивалось съ развитіемъ племени, достигая
цѣлой религіозной системы, расширяется и образуетъ основ
сложныхъ вѣрованій болѣе цивилизованныхъ расъ. Нѣкоторые
дователи хотѣли провести различіе между обоготвореніемъ огня
существа живого, и обоготвореніемъ одного или нѣсколькихъ
духовъ, властителей огня. Въ сущности, различіе въ обоихъ слу
заключается въ формѣ, въ проявленіи культа, зависящаго отъ
уровня развитія народности. Во всякомъ случаѣ, важно то, что
у дикарей, такъ и у болѣе цивилизованныхъ расъ мы находимъ обо
реніе огня въ томъ или другомъ видѣ. Почитаются ли огонь въ
челскій, огонь небесный или огонь очага (Агни—Индіи, Фта—Ег
Мафуи—на о. Самоа, Зо—Дагомен), помѣщающійся въ сосудѣ съ
ями,—но всегда истиннымъ объектомъ культа является сила, духъ
огня, надѣленный человѣческими намѣреніями и желаніями. Этому
народъ даетъ только имя, антропоморфизмируетъ его даже на
шихъ ступеняхъ культуры. Французскій ученый Лефевръ
(Lefevre) такъ суммируетъ основные пути, которые приняты
огня подъ вліяніемъ разнообразныхъ обстоятельствъ. «Человѣ
воритъ онъ, прежде всего отождествляетъ огонь со свѣт
сущностью небесныхъ тѣлъ: онъ приходитъ къ представл
существованіи надъ землею свѣтлой зоны—воздуха, аэропорт
наго поля, питающаго солнце, мѣсяцъ, звѣзды, откуда
на землю молнія и громъ. Такимъ образомъ, огонь
тѣснѣйшей связи со свѣтлыми божествами. Но огонь не
исключительно на небѣ, онъ находится и въ вулканахъ, а
нія надъ ними приводятъ къ представленію, что огонь нахо
подъ землей; отсюда множество вѣрованій въ подземныя бож

Какимъ образомъ, однако, человекъ пришелъ въ
вить себя огонь? Этотъ вопросъ долженъ быть осмысленъ.
(Относительно его можно строить только догадки. Гипотезы
старались подыскать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, и много
среди нихъ болѣе или менѣе вѣроятныя, есть и совсѣмъ не
последнимъ принадлежать, напримѣръ, такіа, которыя предполагаютъ,
человекъ могъ наблюдать появленіе огня отъ тренія дровъ
вокъ дерева при сильной бурѣ, или что сучокъ, слетѣвъ
къ другой, отъ сильного вѣтра приходилъ въ движеніе,
сучокъ, въ результатъ чего появлялся огонь. Къ этимъ
гипотезамъ слѣдуетъ отнести такіа, которыя объясняютъ
вѣкъ познакомился съ огнемъ вслѣдствіе вулканическаго
Горячіе потоки лавы будто бы дали человеку возможность
комиться съ благотѣльнымъ дѣйствіемъ огня. Случайное
попавшее отъ удара молніи дерево могло внушить первобыт-
ловъ мысль, что огонь слѣдуетъ искать въ деревѣ; и
опыта онъ доходилъ до искусства добыванія огня треніемъ
дровъ. Изъ болѣе вѣроятныхъ гипотезъ слѣдуетъ указать на
женіе Штейнена, что первобытныи человекъ могъ знать бы
дѣйствіе огня, не умѣя его еще добывать. Частые лѣсныя
отъ которыхъ человекъ убѣгалъ въ страхѣ, могли научить
на потухающихъ пожарникахъ сохраняются обугленные
и горячіе, не успѣвшіе снестись. Вместе съ хиндианцами
искать себя добычу и замѣтить, что жареные, обугленные
и дольше сохраняются и вкуснѣе. Онъ зналъ, что это резуль-
татъ огня; вѣроятно человекъ собиралъ горячія головни, переносилъ
ихъ къ себѣ и жарилъ на нихъ свою добычу. Быть можетъ, прежде
вѣковъ, прежде чѣмъ человекъ, умѣвшій только сохранять
огонь, научился и добывать его. На последнее его натолкнулъ
Гипотеза эта основана на томъ, что многіе первобытные народы
переносятъ горячія головни съ мѣста на мѣсто. Быть можетъ,
вѣкъ, не имѣвшій еще каменныхъ орудій для сверленія, употре-
блялъ заостренную деревянную палочку и при изготовленіи деревянныхъ
или украшенія, которое приходилось сверлить; при этомъ онъ замѣ-
нилъ, что быстрое сверленіе даетъ огонь. Однимъ словомъ, всѣ эти
гипотезы могутъ быть приняты съ большимъ или меньшимъ
пріемомъ, но остановиться на одной изъ нихъ нѣтъ научныхъ ос-
Всѣ, что можно предполагать, это то—что, въ виду большей ра-
страненности добыванія огня сверленіемъ, чѣмъ простымъ треніемъ
человѣчество, вѣроятно, въ большемъ количествѣ случаевъ открыва-

доложен.

Во всякомъ случаѣ, подобно тому, какъ въ знающихъ огня, и достоверныхъ данныхъ о такихъ народностяхъ, въ комы съ огнемъ, но не умѣютъ добывать его. До извѣдній можно признать, что человечество, поскольку блюденію въ его настоящемъ и прошломъ, является съ огнемъ.

Африкѣ, замѣчается почти равномѣрное значеніе и собиранія растений.

Собираніе растительной пищи совершается по-разному въ широтахъ оно облегчается въ значительной степени плодоносныхъ растений и корнеплодовъ. Но растительная пища никогда не исчезаетъ совершенно, ходитъ къ минимуму. Чукчи, напримѣръ, въ большомъ количествѣ употребляютъ овощи и другихъ представителей растительнаго царства, главнымъ образомъ листья и отпрыски различныхъ растений, напримѣръ, *Salix*, *Rhodiola* и др. Кроме того, чукчи ѣдятъ и корни, клубней, не считая оленьихъ мохоновъ. Современные русскіе лопари, такъ же, какъ и чукчи, въ большомъ количествѣ употребляютъ ягоды: малину, бруснику и невкусную жесткую вороннику. Остяки также употребляютъ растительную пищу, помимо ягодъ, орѣховъ и пр. При охотѣ на бѣлока, они вынимаютъ ея внутренности и съдываютъ наполненными ведровыми орѣхами. Якуты, питающіеся главнымъ образомъ молочными продуктами, употребляютъ въ пищу, помимо мяса, ягоды, растения, а равно и ихъ корни. Малина не употребляется, какъ нечистая.

Способы охоты и рыболовства находятся въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ у данной народности оружія. Но, помимо этого, устроивается еще, такъ сказать, первобытными способами, настолько распространенны въ различныхъ странахъ и у разныхъ племенъ, что могутъ быть признаны общечеловѣческими. Вспомнить, что нигдѣ человѣкъ не живетъ изолированно. Промысловую охоту, человѣкъ почти никогда не дѣйствуетъ единолично, исключеніемъ случаевъ, когда добываніе пищи не сопряжено ни съ какими трудностями, или когда групповая охота не даетъ никакихъ преимуществъ. Обыкновенно же охота дѣйствуетъ группой. Къ этому соединенію силъ вынуждаетъ его какъ несовершенство орудій, такъ и опасность борьбы съ крупными животными. Поэтому групповыя охоты, т. е. такія, въ которыхъ принимаютъ нѣсколько членовъ общественнаго союза, широко распространены на всѣхъ ступеняхъ культуры.

Способы устройства групповыхъ охотъ весьма разнообразны и зависятъ отъ мѣстныхъ условій. Поэтому довольно трудно сказать, какой изъ способовъ слѣдуетъ считать болѣе древнимъ. Изъ низшихъ расъ мы находимъ охоту, устраиваемую совместно нѣсколькими людьми за дичью, цѣлыми группами. Найдя дичь, ее стараются

слѣдующимъ способомъ. Къ длинной палкѣ онъ привѣшиваетъ бивую шкуру съ перьями, заставляя ее какъ бы порхать. Охотникъ подражаетъ крику ястреба. Когда животное близко, охотникъ поражаетъ его копьемъ (Тэйлоръ). На Австраліи первобытныхъ способовъ охоты объясняется тѣмъ, что племя не имѣетъ еще оружія, которое позволяло-бы ему охотиться издалека. Онъ не знакомъ съ лукомъ и стрѣлами, и тѣлѣныя орудія, дротики и т. п. не летятъ такъ далеко, какъ стрѣлы.

Способность приваравливаться къ привычкамъ животныхъ въ время охоты у дикаря чрезвычайно развита. Чтобы подойти къ страусу, отличающемуся своею чуткостью, бушмены употребляютъ слѣдующій способъ: они верхнюю часть своего туловища покрываютъ распяленной шкурой убитаго страуса и, вставивъ въ нее свои палки, идутъ, замаскированные такимъ образомъ въ стадо пасущихся птицъ. При этомъ они до того искусно имитируютъ всей повадкѣ страуса въ походкѣ и движеніяхъ, что не возбуждаютъ никакихъ подозрѣній въ осторожныхъ животныхъ. Покрытие себя шкурой животного, чтобы имѣть возможность подойти къ нему близко, широко распространено и среди русскихъ инородцевъ, а способность приспособляться къ окружающей обстановкѣ развита и среди охотниковъ культурнаго племени мѣрѣ среди русскихъ крестьянъ Урала и Сибири, гдѣ охота является важнымъ источникомъ въ экономической жизни народа.

Западни самыхъ разнообразныхъ видовъ появляются еще уже при дальнѣйшемъ развитіи племени. Наиболѣе простой изъ этихъ это ямы, настолько глубокія, что упавшее въ нихъ животное не можетъ выскочить. Ямы употребительны преимущественно при охотѣ на крупныхъ животныхъ. На пути, по которому извѣстно ходить, напримѣръ, на водопой, устраивается яма, прикрытая сверху травой и пр. Упавшее животное убиваютъ спрятанные охотники. Этотъ способъ особенно употребителенъ въ Африкѣ при охотѣ на бегемотовъ и слоновъ. На указанныхъ тропинкахъ ставятъ и петли, иногда прикрепленныя къ дереву. Животное, заходя въ петлю, затягиваетъ ее на себя. Далѣе слѣдуютъ укрѣпленія оружія къ какому нибудь упругому предмету, напримѣръ, бамбуку. На Малайскомъ полуостровѣ копье прикрепляютъ къ животному, прикоснувшись къ изогнутому бамбуку, разгибая его, причемъ копье ударяетъ въ животное. На сѣверѣ Россіи употребляютъ аналогичныя западни при помощи лука и стрѣлы, напр.

Уже у низинных расъ, мѣстами по крайней мѣрѣ, самымъ является способъ охоты съ собаками. Мы встрѣчаемъ мѣрѣ, у австралійцевъ, которые имѣютъ ручныхъ собакъ, и одной породы—динго, такъ и породъ, привезенныхъ европейцами, употребляется при охотѣ на кенгуру и эму. Къ собакамъ австралійцы относятся съ особенной нѣжностью. Такъ, напримеръ, встрѣчается, что австралійскія женщины кормятъ грудныхъ собственнымъ ребенкомъ и нѣсколькихъ щенятъ. Существуетъ убѣжденіе, что динго, вскормленное женщиной, становится ручнымъ. Въ общемъ прирученіе динго сопряжено съ трудами.

Но въ виду того, что большинство такъ называемыхъ народностей еще не знакомо съ искусствомъ прирученія домашнихъ животныхъ, и собака употребляется при охотѣ лишь сравнительно многими племенами. У сѣверныхъ инородцевъ Россіи собаки уже важнымъ помощникомъ при охотѣ. Только съ помощью собакъ, лошадъ и самоѣдовъ, напримеръ, могутъ собрать разбредшихся оленей, которые лѣтомъ пасутся на волѣ безъ присмотра. Собаки загоняютъ ихъ въ группы, когда лошадъ и самоѣды со своими оленями стада на зиму.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о вышедшемъ въ настоящее время въ Европѣ изъ употребленія обычай пользоваться для охоты соколами, орлами, ястребами и т. п.). Повидимому, родъ охоты слѣдуетъ искать на востокѣ, въ Персіи или Средней Азии. Охота при помощи хищныхъ птицъ получила тамъ наибольшее развитіе, перешла въ Индію, въ монголо-татарское царство, была занесена въ Западную Европу и Россію. Въ послѣдней соколиная охота играла немаловажную роль въ жизни нашихъ предковъ, и при нихъ были даже скодифицированы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ *«Уложеніи Сокольниковъ Пути»*.

Что касается рыболовства, то первоначальные способы мало чѣмъ отличаются отъ способовъ охоты. Для ловли рыбы дикарь обыкновенно употребляетъ то-же оружіе, что и при охотѣ. Незнакомые съ лукомъ и стрѣлами австралійцы бьютъ рыбу копьемъ. Лежа поперекъ челнока, австраліецъ опускаетъ конецъ копья и ударяетъ рыбу съ поразительной мѣткостью. Наблюденіе, что австралійцы выходятъ ночью на свѣтъ, привело къ широко распространенію обычая багренія рыбы. Орудія багренія зависятъ отъ уровня развитія орудій у даннаго племени. Австралійцы используютъ для багренія рыбы копьемъ съ каменнымъ наконечникомъ, или съ наконечникомъ изъ кости.

нымъ зубцами, бородкой, зазубринами. Въ нѣкоторыхъ мѣсто-
фрики для этого употребляются рога каменныхъ барановъ, при-
ные къ длиннымъ палкамъ. Чукчи, алеуты, эскимосы и другія
народности дѣлали наконечники изъ кости и т. п. Народно-
отребляющія въ качествѣ оружія лукъ и стрѣлы, часто поль-
имъ для стрѣланія рыбъ въ водѣ, конечно на мелкихъ мѣс-
тотъ обычай чрезвычайно распространенъ среди многихъ крас-
къ племень Сѣверной Америки и среди туземцевъ Бразиліи.
къ стрѣлы въ воду приводила всѣхъ видѣвшихъ эту стрѣльбу
щевъ въ удивленіе. У эскимосовъ, алеутовъ и другихъ арктиче-
народностей, живущихъ преимущественно рыболовствомъ, способъ
рыбы усовершенствованъ. Обыкновенное копье переходитъ въ
тъ, наконечникъ котораго изъ камня или кости легко отдѣ-
отъ древка, какъ только воткнется въ рыбу или морское живот-
линая же веревка, соединяющая наконечникъ съ древкомъ,
возможность слѣдить за ныряніемъ раненаго животного. Въ
ствѣ гарпунъ можно наблюдать разные типы, но всѣ онѣ сво-
къ принципу дать возможность охотнику слѣдить за раненымъ
тъ.

Подобно тому, какъ звѣроловъ устраиваетъ западни для жи-
тъ, такъ и рыболовъ устраиваетъ ихъ для рыбъ. Жители
ной Земли, передаетъ Тэйлоръ, устраиваютъ частоколъ на уровнѣ
при отливѣ; во время прилива частоколъ покрывается водой, и
она снова спадаетъ, за частоколомъ остается много рыбы. Въ южной
тъ по плоскимъ берегамъ рѣкъ устраиваются на большія про-
тва изгороди изъ камней. Во время поднятія уровня рѣкъ
вмѣстѣ съ водой заходитъ за стѣнки, и послѣ убыли остается
омъ берегу. То же видимъ мы у бразильскихъ дикарей. Они
вали заборы поперекъ рѣкъ, въ узкій проходъ которой они вѣс-
корзины, запирали лагуны и устья рѣчекъ заборами изъ вѣт-
аконецъ устраивали около пороговъ каменные круги, съ двумя
и проходами; вошедшую съ водою въ каменный кругъ рыбу
тъ, плесканіемъ воды гонять къ другому выходу, гдѣ она по-
тъ въ сѣти. Ваганды въ восточной Африкѣ употребляютъ для
рыбъ искусно устроенныя вершни.

Ловля сѣтями, сплетенными изъ грубыхъ растительныхъ волоконъ,
весьма употребительна во многихъ мѣстностяхъ среди некуль-
хъ народовъ. Наконецъ всевозможныя приманки употребляются
о какъ при охотѣ, такъ и при рыбной ловлѣ. Искусство ловить
ой встрѣчается не у всѣхъ некультурныхъ народовъ. Нѣкото-

рыя племена центральной Бразиліи, незнакомыя удочку, употребляютъ слѣдующій способъ приманки: бросаетъ съ челнока въ воду ярко-красную ягоду по теченію; какъ только рыба всплываетъ къверху, рыболовъ стрѣляетъ въ нее изъ лука. Бразиліи, знакомыя уже съ употребленіемъ удочекъ изъ твердой кожи нѣкоторыхъ животныхъ лаютъ крючки для удочекъ изъ раковинъ или изъ рога. Всѣ эти способы рыболовства по своей сущности, по принципу, лежащему въ основаніи, являются съ приемами зѣбро-и-птицелововъ и лишь нѣсколько этого требуютъ условія жизни и объекта охоты. На первый взглядъ, стоитъ распространить и на этотъ обычай отравленія рыбы. Въ небольшомъ лесномъ озерѣ ядовитого растенія, отъ дѣйствія котораго рыба умираетъ. Быть можетъ, что случайно упавшія въ озеро вѣтви этихъ растеній навели дикаря на указанный способъ отравленія воды бразильскіе туземцы употребляютъ ядовитыя растенія. Не безынтересно, что подобный же способъ отравленія воды употребляли и въ Россіи, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣнскій губерніи.

Массовое истребленіе дичи имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, конечно, отравить въ большомъ количествѣ ихъ массами убиваютъ при облавахъ, загонахъ. Если обычаю отравленія рыбы нельзя подыскать историческаго параллеля, то во всякомъ случаѣ психологическое стремленіе получить возможно больше добычи при нѣмаломъ трудѣ.

Эволюція способовъ охоты и рыболовства съ теченіемъ времени, по крайней мѣрѣ въ деталяхъ. Во всякомъ случаѣ можно лишь установить то общее положеніе, что охота при помощи обыкновеннаго оружія должна быть охотой или рыболовствомъ съ помощью приспособовъ, облавами и западнями предшествовала охотѣ съ собаками. Настоящее время трудно установить детальныя особенности охоты и рыболовства для всего человѣчества. Оно является вполне исполнимой при подробномъ и детальномъ изученіи охоты у извѣстной народности, племени или даже

— Надѣяться, что, съ постепеннымъ накопленіемъ матеріала по
просу, можно будетъ отъ положеній, касающихся только
группъ, постепенно перейти къ установленію положеній
для всего человѣчества.

— Нужно отмѣтить, что приемы охоты съ теченіемъ культуры
измѣнились. Знакомство съ металлами дало, правда, возможность
перейти на гарпуны, вмѣсто каменнаго или костяного наконечника,
и дѣлать рыболовные крючки изъ стали или желѣза; огнестрѣль-
ные вытѣснили копье и лукъ со стрѣлами; развившееся искус-
ство изъ растительныхъ веществъ тонкія, крѣпкія нити при-
способило къ усовершенствованію первобытныхъ грубыхъ сѣтей и т. д.
Охоты усовершенствовались, но способы производства охоты
были одни и тѣ же. Некультурный человѣкъ, живущій исключи-
тельно охотой, выработалъ всѣ главные приемы и довелъ ихъ, на-
сколько это возможно при грубомъ состояніи его орудій, до совер-
шенства. Развитие культуры привело къ улучшенію орудій, но не
измѣнило. Это вполне естественно, такъ какъ охота, прежде бывшая
единственнымъ источникомъ пропитанія, съ постепеннымъ разви-
тіемъ другихъ способовъ добыванія пищи, мало по малу утрачивала
свое значеніе. Она становится сначала субсидіарнымъ элемен-
томъ экономической жизни народа, а затѣмъ для большинства
становится значеніе источника пропитанія и переходитъ уже въ
разрядъ охоты. Охота среди наиболѣе обезпеченныхъ классовъ культурныхъ
народностей сохраняется какъ переживаніе. Обшир-
ные охоты ассирійскихъ царей, въ которыхъ держались хищные звѣри,
охоты татарскихъ хановъ, индійскихъ царей и средневѣко-
выхъ западно-европейскихъ сюзереновъ, наконецъ современные охоты—
это лишь болѣе или менѣе стойкія переживанія того времени, когда
охота служила главнымъ источникомъ добыванія себѣ пищи. Среди менѣе
развитыхъ слоевъ, у которыхъ охота продолжаетъ быть промы-
сломъ, она ведется подчасъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, на нача-
ло болѣе широкихъ, но способы ея совершенно тѣ же, какъ и у
первобытныхъ народностей. Гарпуны современныхъ китолововъ лишь
отличаются отъ алеутскихъ гарпунъ, что на нихъ желѣзный
наконечникъ замѣнилъ каменный или костяной и приспособленіе для
закрепленія веревки болѣе усовершенствовано. Если сравнить
основные приемы хотя бы русскаго крестьянина съ первобытными
способами добыванія рыбы, мы не замѣтимъ существенныхъ измѣне-
ній: тѣ же удочки, сѣти, заборы, вершни, багры мы встрѣтимъ и
здесь и тамъ. Но многіе приемы, менѣе практичныя, къ которымъ

дигарь былъ вынужденъ приобтгать, оставлены въ настоящее
ляне въ рыбу почти вышло изъ употребленія и сохраняется
качества переживанія, напримѣръ, въ Черногоріи, гдѣ въ ры
изъ пистолетовъ на мелкихъ мѣстахъ. Охота съ развитіемъ
падаетъ, и ея упадокъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ разнообра
ются способы добыванія себѣ пропитанія. Мысль человека
ботаетъ надъ усовершенствованіемъ приѣмовъ въ области
щей выдающагося значенія въ его экономической жизни.

До настоящаго времени дикари центральной Бразиліи свою пищу самымъ простымъ способомъ. Убитое животное и манная рыба не очищаются отъ кожи; ихъ целиком жарятъ на угли; обугленные покровы, шерсть, чешуя и проч., жевая, огонь и придаютъ приготовленной пище особый, мясной вкусъ. Эти обуглившіяся части служатъ имъ вместо овощей въ мѣстностяхъ, гдѣ дикари живутъ далеко отъ сѣверныхъ долготъ, имъ неизвѣстна. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести обычное у всѣхъ народностей приготовленіе пищи путемъ бросанія ея въ горячую золу. Быть можетъ, наблюдение, что шимпанзе посредствомъ прикосновенія огня часто уничтожаетъ вредныя для развитію способы жаренія на извѣстномъ разстояніи отъ огня, именно при помощи вертела или посредствомъ подвѣшиванія надъ огнемъ. Оба способа широко распространены у разныхъ племенъ и въ настоящее время сохраняются у племенъ, достигшихъ высокой культуры. Бразильскія народности, кромѣ жаренія на вертелѣ, употребляли еще слѣдующіе способы. Надъ огнемъ вбивались четыре столбика, на которыхъ была устроена рѣшетка изъ вѣтвей; на нее клалось мясо. Этимъ путемъ достигались двѣ цели: мясо не только жарилось, но и копчилось. Аналогичнымъ способомъ копченія, путемъ простого привѣшиванія пищи надъ огнемъ, весьма распространенъ среди русскихъ сѣверныхъ инородцевъ. Происхождение слѣдуетъ вѣроятно искать въ томъ, что низкіе дымоходы при топкѣ очага настолько наполняются дымомъ, что продукты горенья и сохраняющаяся впрокъ пища, часто и долго подвергаясь огню, прокапчивалась и безъ намѣренія жителей.

Стремленіе отдѣлить приготовляемую пищу отъ огня привело къ устройству деревянныхъ низкихъ рѣшетокъ, на которыя вносили пищу. Этотъ способъ жаренія былъ весьма распространенъ при центральной и южной Америкѣ, въ древнемъ Римѣ и современныхъ Европѣ. Наконецъ, въ восточномъ Суданѣ накладываютъ на разогретый огонь камни и, когда они накалятся, на нихъ жарятъ куски мяса. Такіе-же камни были найдены среди датскихъ *kenmödding'овъ* — они прототипы нашей сковороды. Если при жареніи на огнѣ привело къ развитію способовъ жаренія съ приспособленіями: вертеловъ, рѣшетокъ и т. п., а вносилъ въ огонь, то обычай зарывать пищу въ горячую золу или уголь, и печеніе пищи, привело къ устройству первобытныхъ печей. Послѣднія иногда устраиваются весьма оригинально. Напримѣръ, жители Андаманскихъ острововъ сохраняютъ тлѣющій огонь въ пустыхъ деревьяхъ.

нужно готовить себѣ пищу, они только счищаютъ плу. Въ южной Африкѣ нѣкоторыя народности, найдя большой инъ, убиваютъ муравьевъ, и, не разрушая самого муравейника до красна съ помощью огня его глиняныя стѣны, и пекутъ образомъ куски мяса. Указанные способы устройства подобныхъ «инныхъ» печей не могутъ считаться впрочемъ ни первобытно-общераспространенными. Устройство ихъ доказываетъ только, что примы народности умѣютъ хорошо пользоваться тѣми данными, имъ предоставляетъ природа. Обыкновенно же печи съ цѣлю печенія пищи (а не для отопленія) устраиваются въ Оуѣ широко распространены въ Полинезій, Австраліи и у Ожикъ Сѣверной Америки. Принципъ, лежащій въ основаніи устройства, заключается въ слѣдующемъ. Вырытая яма нагрѣтъ тѣмъ или инымъ способомъ и въ нее кладется приготовляюща. Наиболѣе простымъ способомъ устройства подобныхъ печей тѣ считать, повидимому, печи туземцевъ Канарскихъ островъ-вѣстныхъ, впрочемъ, не имъ однимъ: въ выкопанную яму я пища, и огонь разводится надъ ямой. Болѣе усовершенствовъ является способъ печенія въ Австраліи и Полинезій. Въ-ырытой въ землѣ и обложенной или необложенной камнями, или огонь; когда онъ потухалъ, золу сгребали къ стѣнкамъ и опускали въ согрѣтую яму завернутые въ банановые листья е продукты. Этимъ способомъ приготовляли цѣльныхъ живот-какъ напримѣръ—свиней, собакъ, равно и рыбъ, корни и Иногда этотъ способъ зарыванія въ золу или въ яму съ золой ялся еще тѣмъ, что, для достиженія большей быстроты въ при-еніи, животное разрѣзали и начиняли его накаленнымъ кам- (Патагонія, Полинезія). Наковецъ иногда для размягченія пищи аренія, ее обливаютъ время отъ времени водой, пары которой гъ пищу болѣе мягкой (Австралія).

Искусство жаренія играетъ весьма важную роль въ исторіи ія человѣчества не только съ точки зрѣнія фізіологическаго ія на организмъ жареной пищи, но и съ точки зрѣнія куль-і. Жареная и копченая пища сохраняется дольше, приу-некультурныя народности къ заготовленію запасовъ и даетъ такимъ образомъ возможность существовать, не заботясь евно о добываніи пропитанія. Охота не всегда одинаково а, и дикарь, имѣя запасы, можетъ свободно пережидать болѣе е для нея время. Бразильскіе дикари нерѣдко отправляются есколько дней на охоту, оставляя жепъ и дѣтей въ лагерѣ;

набивъ и нажаривъ достаточное количество рыбы, возвращаются въ лагерь, и такимъ образомъ обезпечиваютъ себѣ продолжительное время существованія на себѣ. Сѣверные дикари, какъ напримѣръ чукчи, эскимосы, сами благодаря запасамъ копченой и жареной пиши, могутъ большія пережовки.

Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что огонь не являлся единственнымъ средствомъ для предохраненія пиши отъ порчи. Туринскій человѣкъ пользуется съ этой цѣлью и естественными способами. Въ южныхъ странахъ развито преимущественно вяленіе, которое достигается или вывѣшиваніемъ ея на солнце, или кладываніемъ на накаленные солнцемъ камни. На сѣверѣ цѣль достигается замораживаніемъ пиши. Но очевидно, что эти способы далеко не совершенны, такъ какъ первое возможно только въ жаркое время года и не примѣнимо въ періодъ дождей, второе возможно исключительно въ холодное время года. Естественно, что сохраненіе пиши при помощи жаренія или замѣнило собой въ значительной степени болѣе первобытные естественные приемы сохраненія ея.

Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и сознательное употребленіе гнющей пиши. Вѣроятно къ этому человѣкъ былъ принужденъ необходимостью. Сохраняющіеся запасы портились, отсутствие мяса вынуждало употреблять гнющую пищу, при чемъ отъ наблюдательности человѣка не могло ускользнуть, что она дѣлалась болѣе мягкой и легко раздѣляемой. Нѣтъ конечно возможности опредѣлить, въ какое время могло пройти отъ момента такого наблюденія до возникновенія сознательнаго обычая: дать питательному продукту подгнинуть. Это нововведеніе сохраняется до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Чукчи, собравъ листья и отпрыски разныхъ растений, складываютъ ихъ въ мѣшки изъ тюленьихъ шкуръ; этой пищей въ теченіе лѣта закиснуть. «Зимою, по словамъ Петри, замороженная масса разрубается на кусочки и ѣстся вмѣстѣ съ мясомъ подобно тому какъ мы ѣдимъ хлѣбъ; иногда же изъ этихъ кусочковъ варится нѣчто вродѣ супа». Камчадалы подвергали рыбу гніенію, кладя ее въ ямы и засыпая землей. «Можно истину сказать, замѣчаетъ Крашенинниковъ, что сквернѣе дѣла бываетъ отъ упади, однако камчадаламъ кажется оный ароматъ». Якуты пользовались для этой же цѣли глубокими ямами, въ которые они наполняли рыбой, пересыпая послѣднюю золой, и покрывали листьями и землей.

Во многихъ мѣстахъ Австраліи убитое животное, а иногда и обертывають листьями и дожидаются гніенія. Только когда доходитъ до степени полного разложенія, начинаютъ употреблять такой запасный провіантъ въ пищу.

Чувство варки пищи появляется позже, чѣмъ умѣнье жарить, или печь. Правда, взгляды, что умѣнье варить появилось послѣ изобрѣтенія глиняной посуды, не основательны, такъ какъ варки мы находимъ еще у народностей, незнающихъ ихъ издѣлій. Но вѣтъ сомнѣнія, что развитіе этого способа варенія пищи относится уже къ періоду господства гончарства, единственнаго приспособленія, при которомъ кипяченіе достигается съ легкостью и быстрою.

Въ этотъ періодъ господствуетъ способъ кипяченія воды при бросаніи въ нее раскаленныхъ камней, — способъ, который сохраняется иногда и послѣ изобрѣтенія глиняной посуды. Кипяченіе воды при помощи камней извѣстно у цѣлой массы племенъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ Сѣверной Америкѣ индейскіе племена нутка до настоящаго времени знаютъ только деревянную посуду; они варятъ пищу, набрасывая горячіе камни въ котелъ, наполненный водою. Одно изъ племенъ Сѣверной Америки племя Тэйлора, получило отъ своихъ сосѣдей наименованіе ассиновъ, т. е. «кипящихъ камнями». Эти индейцы вырывали въ яму, брали часть сырой шкуры животнаго и вдавливали ее въ яму, такъ, чтобы она входила въ нее вполноту. Въ шкуру они наливали воды, затѣмъ, раскаливъ камни на кострѣ, разложенномъ около ямы, бросали ихъ въ воду, пока она не закипитъ. Этотъ способъ варки, чрезвычайно неудобный и медленный; поэтому, при знакомствѣ съ глиняной посудой, онъ вышелъ изъ употребленія. У родственнаго племени — сіу существуютъ преданія о кипяченіи воды такимъ способомъ. Тотъ же способъ былъ найденъ Кукомъ на островахъ Тихаго океана, въ частности на Таити и въ Новой Зеландіи. Томсонъ отмѣтилъ обыкновеніе нагревать воду въ котелѣ, наполненномъ раскаленными камнями, которые кладутся въ деревянные сосуды, наполненные водою; дѣлалось это туземцемъ для вскрытія кокоса. Наконецъ тотъ же способъ сохраняется въ XIX-мъ столѣтіи среди эскимосовъ; онъ же былъ весьма употребителенъ среди индейцевъ XVIII-го столѣтія. Въ настоящее время кипяченіе посредствомъ раскаленныхъ камней сохраняется въ качествѣ пережитка въ многихъ мѣстахъ Кареліи и Финляндіи. Глиняная посуда, которая давно уже извѣстна въ этихъ мѣстахъ, но деревянная и бере-

стяная не вышла еще из употребленія; поэтому, когда варить пищу въ берестяномъ сосудѣ, раскаляют ихъ саютъ ихъ въ воду. Способъ варки при помощи камней настолько затруднителенъ и неудобенъ, что онъ не ходитъ изъ употребленія съ появленіемъ глиняной или металлической посуды.

дн
че
по
ле
Сы
нев
и к
мо
рых
на
вах
нез
Гав
вен
год
мо
ат
эт
с
1

УИ. Первобытная посуда. Гончарное искусство.

Был бы весьма ошибочнымъ думать, что зачатки искусства глиняную посуду являются уже на первыхъ шагахъ человѣческаго развитія. Искусство это появляется сравнительно довольно поздно и многія народности, достигшія уже относительно высокой культуры, обходятся безъ глиняной посуды. Многія народности Южной Америки познакомились съ глиняной посудой отъ европейцевъ, а еще слѣдуетъ сказать и объ эскимосахъ Гренландіи, чукчахъ Камчатки и т. д. Въ настоящее время среди острововъ Меланезіи встрѣтить посуду туземнаго производства только въ нѣкоторыхъ частяхъ Новой Гвиней, въ Новой Каледоніи, на Гебридахъ и въ о-вахъ Вити. Отсутствие подходящей глины на другихъ островахъ не дало возможности развиться этому производству. Въ Полинезійской той же причинѣ нѣтъ гончарныхъ издѣлій. Правда, на некоторыхъ островахъ встрѣчается глина, но она настолько богата органическими веществами, что ее употребляютъ въ пищу и для обжиганія она не годится. Мѣстностей, гдѣ глиняная посуда и по сіе время не извѣстна, можно насчитать множество. Кромѣ отсутствія глины, причиной является то, что нѣкоторые племена еще не достигли для достаточнаго развитія.

Первобытный человѣкъ пользовался въ качествѣ первичной посуды естественными матеріалами, доставляемыми ему природой. Кромѣ первобытными сосудами слѣдуетъ признать тѣ, которые не требуютъ искусства для изготовленія ихъ. Таковыми были и по настоящее время скорлупы разбитыхъ кокосовыхъ ореховъ, раковины, щитъ черепахи, (въ Полинезійской, Австраліи и Бразиліи) или страусовыя яйца, какъ мы это видимъ у бушменовъ и т. д. Дальнѣйшее развитіе приводитъ къ усовершенствованію этой посуды. Она украшается рѣзьбой. Полинезійцы напримѣръ могутъ по справедливости гордиться своими, украшенными тонкимъ орнаментомъ,

кокосовыми сосудами. Къ числу близкихъ въ первоо-
 ссудовъ слѣдуетъ отнести и расколотые куски бамбу-
 мые жителями Зондскихъ острововъ для варки рѣ-
 ничтожнаго количества труда первобытнѣйшій дикарь для
 и изъ снятой шкуры животнаго: широко распростра-
 нѣха или бурдюки не вышли изъ употребленія у ми-
 ностей, достигшихъ сравнительно высокой культуры.
 бурдюковъ извѣстно въ древнемъ Римѣ и Греціи, въ
 Западной Европѣ и Россіи, а въ настоящее время и
 винодѣловъ, у якутовъ («симиръ, симирахъ») для пе-
 лока, сливокъ, масла у киргизовъ для кумыса и др.
 некультурный человѣкъ пользуется сосудами изъ ра-
 или животнаго царства, значительно выдѣлывая изъ
 корни разныхъ растений доставляютъ богатый матеріалъ
 бытнѣйшей посуды. Легко снимаемая древесная кора даетъ
 скрѣплять ее и образовывать цилиндрическіе, ковшеобразныя
 виды сосудовъ. Роль въ этомъ отношеніи березовой коры въ
 Россіи достаточно извѣстна. Кора служитъ иногда вмѣстѣ съ
 матеріалами для плетенія. Такъ многія племена красноречивѣй-
 верной Америки еще недавно дѣлали сосуды изъ корней, спл-
 настолько плотно, что въ изготовленныхъ этимъ способомъ
 можно было кипятить воду. Аналогичныя котлы употреб-
 древними остяками. Непропускающіе жидкости плетеные сосуды
 также многими африканскими племенами. Наконецъ, почти
 мѣстно, гдѣ обиліе лѣса доставляетъ матеріалъ въ достаточ-
 личествѣ, распространена и деревянная посуда. Широкое употре-
 въ качествѣ посуды имѣютъ и выдолбленныя тыквы, напримѣ-
 островахъ Тихаго океана, въ Бразиліи, на Кавказѣ и проч. Въ
 ностяхъ безлѣсныхъ преобладаютъ сосуды изъ кожи. Геродотъ
 рить, что скифы, въ то время уже впрочемъ хорошо знавшіе
 металлами и въ частности съ металлическими котлами (ту-
 производства), за неимѣніемъ подъ руками необходимаго
 варили мясо жертвеннаго животнаго, сложивъ его въ желудокъ
 животнаго. Объ этомъ же приѣмѣ рассказываетъ и Крашени-
 относительно оленьихъ коряковъ. О кожаныхъ котлахъ нѣтъ
 индѣйскихъ племенъ уже упомянуто выше. Въ настоящее время
 всѣ кочевыя народности Азіи употребляютъ и кожаную посуду
 нимъ хотя бы якутскіе «холлогосы» — круглыя чаны, изъ
 кожи, пропитанной масломъ или кобыльимъ жиромъ и сжиг-
 копченной въ дыму.

ребленіе человѣческаго черепа, которое иными относится къ «естественной посудѣ», тѣсно связано съ религіозными воззрѣніями народовъ. Въ настоящее время черепъ-чашу мы видимъ въ Полинезіи. Сосудъ готовится самымъ первобытнымъ образомъ: вычищаютъ нижнюю челюсть, вычищаютъ мозгъ, къ черепной же привязываютъ веревку для пошенія. Такіе сосуды дѣлаютъ обыкновенно изъ череповъ родителей и употребленіе ихъ связано съ культомъ предковъ. Въ прежнее время черепа въ каменныхъ сосудахъ употреблялись и въ Америкѣ; они отмѣчены у арауканцевъ, у абиноновъ въ Парагваѣ, равно и у другихъ племенъ. Въ Африкѣ служили здѣсь черепа убитыхъ враговъ. Джонъ Джексонъ, путешествуя по островамъ Фиджи, рассказываетъ, что еще сидѣлъ за столомъ, сдѣланнымъ изъ человѣческихъ костей, пилъ охмѣляющій напитокъ изъ человѣческаго черепа. Древнее намъ извѣстно изъ Тибета, по свидѣтельству Рубруквиса, пило изъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ череповъ предковъ, выражая этимъ предкамъ свое почитаніе. Когда черепа подвергались обдѣлкѣ: лакировались, оправлялись и проч. Относительно распространенности въ древности подобной обычаевъ въ Европѣ мы имѣемъ массу свидѣтельствъ. Геродотъ пишетъ объ исседонахъ, что они дѣлаютъ украшенные золотомъ чашы изъ череповъ предковъ; скифы, по его словамъ, обдѣлывали чашы изъ кожи или золото черепа своихъ враговъ, а также и родичей, съ которыми при жизни находились въ ссорѣ. Они дѣлали это бы изъ чувства мести. Очевидно, Геродотъ желалъ объяснить обдѣлку скифами вмѣсто чаши-черепа какъ враговъ, такъ и родичей. Когда консулъ Люцій Постумій палъ въ битвѣ съ боями (около 100 г. до Рожд. Хр.), послѣдніе, по словамъ Ливія, приготовили изъ его черепа богато украшенную чашу. Обычай дѣлать себѣ подобныя сосуда мы видимъ и у германцевъ (чаша лангобардскаго короля Альбоина, сдѣланная изъ черепа короля гепидовъ Кунимунда), у тюрокъ (отравленіе печенѣгами чаши изъ черепа Святослава), у болгаръ, которыхъ Крумъ сдѣлалъ чашу изъ черепа греческаго императора Никифора (811 г.). Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ черепа служили или трофеемъ, или предметомъ почитанія, такъ что сосуды изъ нихъ нельзя признать за первобытную посуду.

Нѣкоторымъ народностямъ извѣстны сосуды, не разрушающіеся отъ огня. Эскимосы, напримѣръ, употребляли въ качествѣ матеріала котловъ горчешный камень. Такъ какъ изготовленіе каменной посуды, даже изъ легко поддающихся обработкѣ породъ камней, сопряжено при несовершенствѣ орудій, съ большими затрудненіями, то

каменные сосуды не получили распространения. Мы в большомъ количествѣ, и то какъ предметы роскоши металловъ. Въ неметаллическій періодъ жизни человѣка на низкихъ ступеняхъ культуры мы или вовсе не встречаемъ упорныхъ (кромѣ глиняныхъ) сосудовъ, или встречаемъ таковыя, которые представляютъ соединеніе огнеупорнаго дна со стѣнками изъ другого материала. Такъ, одинъ изъ путешественниковъ начала XVII вѣка, Джеймсъ Голль, по словамъ Тэйлора, сообщаетъ о видѣнныхъ имъ Гренландіи сосудахъ, въ которыхъ они кипятили воду и состоявшихъ изъ каменнаго дна и боковъ, сдѣланныхъ изъ ластъ. Въ южной Индіи въ XVI-мъ в. были употреблены глиняные котлы, наружная часть которыхъ была обмазана известью, а внутренняя — глиной. Впрочемъ, эти свѣдѣнія стоятъ изолированно, и, пользуясь ими, мы должны придти къ выводу, что нѣкоторые народы доразвились до изобрѣтенія огнеупорныхъ сосудовъ безъ извѣстнаго искусства. Одинъ изъ авторовъ XVII-го в. Гюйгенсъ полагалъ, что человѣчество дошло до изобрѣтенія глиняной посуды слѣдующимъ образомъ, сначала люди обмазывали глиной сдѣланные изъ легко воспламеняющихся матеріаловъ, напримеръ дерева, для того, чтобы предохранить ихъ отъ огня, и наконецъ дошли до того, что удобнѣе дѣлать сосуды изъ одной глины.

Къ этой гипотезѣ примкнули Тэйлоръ, Липпертъ и другіе, пользуясь ея говорить слѣдующее доказательство, сдѣланное въ Новой Каледоніи, по словамъ Гюмона (Glaumont), при изготовленіи глиняной посуды женщины или кокосовый орѣхъ или тыкву, обмазываютъ ее глиной, а сверху небольшое отверстіе, затѣмъ сосудъ ставятъ на сильный огонь, отъ дѣйствія его орѣхъ или тыква обугливаются, уголь вытряхивается, и получается сосудъ¹⁾.

Уже на низшихъ ступеняхъ развитія глиняной посуды, орнаментирована, причемъ самый орнаментъ обнаруживаетъ въ большинстве случаевъ (въ вдавленномъ видѣ) подражаніе плетенымъ орнаментамъ, встречается иногда въ чрезвычайно развитомъ видѣ, именно у расъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи. Это обстоятельство наталкиваетъ на другую гипотезу о происхожденіи глиняной посуды. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ. У почти народовъ, при отсутствіи глиняной посуды, употребляютъ плетенныя корзины, или сосуды изъ легкихъ матеріаловъ, какъ нап.

¹⁾ Authrop, 1895, № 1, 42.

ство въ нѣсколькихъ пунктахъ къ этому изобрѣтенію. Суды уже получили большое распространение среди племенъ. Такъ, напримѣръ, некультурныя народности центральной Бразиліи почти все пользуются гончарными издѣліями, но многія умѣютъ ихъ выдѣлывать; остальные племена ихъ не имѣютъ. Гончарное производство въ центральной Бразиліи началось у народностей, принадлежащихъ къ группѣ ну-аруакъ, распространилось и на ихъ сосѣдей карибовъ и туалупъ. Основаніе полагать, что гончарное производство появилось при осѣданіи народности, и что оно изобрѣтено женщиною, предположеніе доказывается тѣмъ, что племена, вынужденныя къ кочевому образу жизни часто мѣняютъ мѣста жительства, а глина для гончарной посуды, такъ какъ она и тяжела и, вследствие неудобопереносима. Такъ ботокуды, бродячее охотничье племя Бразиліи, хотя и имѣютъ возможность вымѣнивать посуду у своихъ сосѣдей, все-таки не употребляютъ ее; кочевые инородцы Россіи и Сибири не пользуются глиняными издѣліями и предпочитаютъ металлические. Второе предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гончарное производство находится въ рукахъ женщинъ; мало того, мужчины Европы и Америки не умѣютъ выдѣлывать глиняную посуду. Это можно доказать среди бразильскихъ дикарей, въ Африкѣ и Новой Гвинее. Самый удивительный на первый взглядъ фактъ, что именно женщина является изобрѣтательницею гончарнаго производства, ставъ удивительно объяснимымъ, если вспомнить, что на женщинъ лежитъ обязанность изготовленія посуды, а потому естественно, что она и изобрѣтала ее, обмазывала глиной и могла первая натолкнуться на способъ изобрѣтеніе. Какъ бы то ни было, но именно женщины явились первоосновами этого искусства. Такъ, въ Бразиліи, при постоянныхъ контактахъ между племенами, послѣдствіемъ которыхъ является общенародное поголовное избіеніе мужчинъ и плѣненіе женщинъ, ну-аруакъ научили представительницъ другихъ племенъ гончарному производству. Вотъ почему все гончарныя произведенія центральной Бразиліи носятъ на себѣ поразительный отпечатокъ однообразія.

Глиняныя издѣлія были, какъ сказано, извѣстны еще до историческаго времени въ Европѣ. Въ культурныхъ центрахъ Азіи они были доведены до высшей степени совершенства. Китайцы, напримѣръ, умѣли выдѣлывать фарфоръ уже въ древности. Фарфоровое же производство въ Европѣ появилось лишь въ началѣ XVIII-го в. Что касается до другихъ частей свѣта, населенныхъ некультурными народностями,

посуда подчасъ изготовлена замѣчательно тонко и искусныя въ гончарномъ дѣлѣ женщины пользуются ей; на ихъ произведенія существуетъ усиленный спросъ, въ виду чего нѣкоторые ставятъ на посуду особые знаки (или клейма)—*igeri*, свидѣтельствующіе о выходѣ посуды изъ рукъ нѣкой мастерицы. Первобытное приспособленіе, встречаемое въ Новой Гвинее, мы видимъ въ болѣе развитой формѣ въ Египтѣ. Тамъ употреблялся деревянный дискъ, вращавшійся вокругъ собственной оси. Изъ него уже развился гончарный кругъ, который былъ хорошо извѣстенъ культурнымъ народностямъ Азии, Грекамъ и римлянамъ. Древнее населеніе средней части Южной Америки, хотя и выдѣляло подчасъ чрезвычайно изящную посуду, съ гончарнымъ кругомъ не было знакомо почти до извѣстныхъ временъ. А во многихъ мѣстахъ познакомились съ нимъ даже значительно раньше. Древнее населеніе современной Австраліи, по мнѣнію мѣстныхъ исследователей, стало выдѣлывать посуду съ помощью гончарнаго круга только послѣ заселенія края славянскимъ элементомъ, который привнесъ съ собою знаніе круга, съ которымъ славяне въ свою очередь познакомились быть можетъ черезъ посредство своихъ восточныхъ сосѣдей.

Что касается матеріала—то, вначалѣ, употребляется глина, которая находится подъ руками, безъ всякой примѣси. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это можно наблюдать во многихъ мѣстностяхъ Африки. Но стремленіе сдѣлать посуду болѣе прочною приводитъ очень часто къ усовершенствованію матеріала. Напримѣръ народности южной Африки употребляютъ часто для посуды глину гнѣздъ, такъ называемыхъ муравьевъ (термитовъ); эти гнѣзда устроены изъ чистой глины, удобной для приготовленія посуды. Обыкновенно же глину чертуютъ съ какой нибудь истолченной горной породой для ея твердости. Такъ, посуда европейскихъ и азіатскихъ народовъ смѣшана часто съ кусочками кварца; пануасы Новой Гвинее примѣшиваютъ песокъ и т. п. Вѣроятно наблюденіе, что нѣкоторые мѣси даютъ при обжигѣ глянecъ, привело къ изобрѣтенію глазированной посуды, которую мы, впрочемъ, лишь сравнительно рѣдко встречаемъ у некультурныхъ народностей. Развитіе этого искусства, по видимому, можно отнести уже къ періоду болѣе развитой гончарной техники. Зачатки его мы видимъ еще у некультурныхъ расъ. Обжигъ на низшихъ ступеняхъ культуры производится обыкновенно на волахъ, въ воздухѣ, путемъ обкладыванья посуды, подеушейной первоначально на солнцѣ, горючими матеріалами: травой, легкими кусками до

Зажигание длится недолго, минутъ пятнадцать. Иногда посуда во вторичному обжигу, для придачи ей большей крѣпости. В Каледоніи сосуды обжигаются слѣдующимъ образомъ: под на солнцѣ сосуды устанавливаются въ сараѣ, отстроенномъ изъ дерева, затѣмъ сарай зажигаютъ; огонь сначала дѣйствуетъ на солому, а потомъ солома, уголья и пр. падаютъ на посуду и за- обжигъ. Въ общемъ, первобытная посуда отличается хрупкостью. Обрѣтение гончарныхъ печей относится къ болѣе высокимъ степенямъ цивилизації.

Посуды заимствуются преимущественно изъ плетеныхъ сосудовъ. Обыкновенно бываютъ вдавленные. Часто посуда окрашивается, красящими веществами почти всѣ некультурныя племена. Съ развитіемъ гончарнаго производства орнаментъ посуды уменьшается. Мотивы его заимствуются и съ другихъ образцовъ; орнаментация посуды, вслѣдствіе трудности воспроизведенія оригинальных особенностей плетеныхъ издѣлій, сокращается; украшаются верхнія части сосуда, края его; иногда дѣлаются только намекающіе, такъ сказать, на орнаментъ, и подчасъ, при упрощеніи производства обыденныхъ сосудовъ и для удешевленія производства посуда вовсе ничѣмъ не украшается.

Видѣли, что нецивилизованныя народности, незнакомыя еще съ гонимымъ производствомъ, не могутъ считаться бѣдными посудой. Количественно, ни въ отношеніи разнообразія формъ. Этому способствуютъ многочисленные матеріалы, употребляемые для изготовления: раковины, плетенныя корзины, чешуя животныхъ, скорлупы орѣховъ и яицъ и пр. Переходя лишь постепенно къ глиняной посудѣ, народность сначала подражаетъ старымъ формамъ, развивая и видоизменяя ихъ сообразно съ матеріаломъ и потребностями. Эта тенденція проходитъ красной нитью черезъ всю исторію развитія материальной культуры. Глиняная посуда бразильскихъ дикарей часто имѣетъ форму плетеныхъ корзинъ или тыквенныхъ сосудовъ. Подражаніе мы встрѣчаемъ въ Африкѣ. Въ Новой Каледоніи воспроизводитъ форму тыквы и скорлупы кокосоваго орѣха; въ Египтѣ и въ Индіи мы узнаемъ въ сосудахъ подражательнымъ формамъ; на Новыхъ Гебридахъ—щитами черепахи

современныя съ подражательными формами идетъ развитіе и оригинальнаго творчества. Къ днищу придѣлывается плоскій кругъ, для возможности сосуду стоять; для болѣе портативности на поверхности выемки, за которыя удобнѣе схватить сосудъ

руками, или загибъ, изъ которыхъ въслѣдствіи изогнутой ручки посуды.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить черты удивительнаго тизма, характернаго вообще для человѣческихъ изобрѣтеній матеріальной культуры. Если возникновеніе новыхъ формъ заставляетъ человѣка вырабатывать новыхъ формъ, и если его не побуждаетъ и развитіе художественныхъ потребностей долгое время сохраняетъ прежнія типы. Проходя въ столѣтій типы начинаютъ существенно видоизмѣняться. Это можно наблюдать и на гончарномъ производствѣ, типы посуды, выработанные, сохраняются долгое время почти неизмѣнными. Металлическая и глиняная современная посуда Персія, Сирии и другихъ мѣстъ повторяетъ первобытные растительные въ городищахъ X-го вѣка Московской губерніи встрѣчаемую форму посуды, которая и до настоящаго времени употребляется нашими крестьянами; горшки, находимые въ бурганахъ, носятъ на себѣ тотъ-же волнообразный орнаментъ, и можно наблюдать на современныхъ намъ гончарныхъ издѣліяхъ Московской, Рязанской и другихъ центральныхъ губерній.

**Переходъ къ осѣдлости. Одомашненіе животныхъ. Скотоводство.
Земледѣліе.**

Экономическое развитіе человѣчества стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ способами добыванія себѣ пищи. Бродячій, охотничій и рыболов- ный слѣдуетъ поставить на одну линію, какъ наиболѣе примитивные способы добыванія пищи. Въ предѣлахъ этого быта можно наблюдать послѣдовательную цѣпь явленій, приводящихъ къ болѣе сложнымъ формамъ экономической жизни. Между охотникомъ-австра- лійцемъ, преслѣдующимъ съ каменнымъ копьемъ кенгуру въ теченіе нѣсколькихъ дней, и охотничьимъ промысломъ, развитымъ среди культурнаго населенія, конечно огромная разница, какъ и между этими двумя формами жизни. Въ развитыхъ формахъ, при болѣе высокомъ уровнѣ культуры, способъ добыванія пищи не налагаетъ существенныхъ особенностей на бытъ народности; онъ отражается, и то до известной степени, только на известной группѣ индивидовъ. Другое дѣло на- чать ступеняхъ цивилизаціи. Въ зависимости отъ способовъ добы- чки пищи, племя или имѣетъ тенденцію къ устойчивости, или, наоборотъ, отличается неустойчивостью. Въ общемъ, можно признать, что рыболовство приводитъ скорѣе къ осѣданію племени, нежели охота. Преслѣдуя дичь, охотникъ проходитъ большія пространства, останавливается на ночлегъ тамъ, гдѣ его застаетъ ночь, или тамъ, гдѣ ему удалось убить достаточно крупное животное. Когда изъ- вѣстна запасъ пищи, онъ долженъ снова бродить въ поискахъ добычи. Однако, бытъ охотника не исключительно бродячій. Если удачна и добычи предстоитъ много, первобытный дикарь можетъ оставаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока известная часть участка не обѣдѣетъ дичью. Бродячій образъ жизни не является органической потреб- ностью некультурнаго человѣка, а лишь слѣдствіемъ необходимости добывать себѣ пищу. Вотъ почему въ мѣстностяхъ, болѣе богатыхъ добы- чей, напримѣръ, въ тропическихъ лѣсахъ Бразиліи, туземецъ пере-

двигается *сравнительно* въ меньшемъ количествѣ и въ странства, чѣмъ въ плохоязвѣленной продуктами питания. Личные охотники тропической Африки, найдя мѣстность, печиваетъ ихъ существованіе на болѣе продолжительный периодъ жизни и проживаютъ долгое время (пока не истощатъ ея) совершенно осѣдло. Другое ограниченіе бродячаго охотничьяго вытекаетъ изъ междуплеменныхъ отношеній. Каждая племенная единица, снискивая себѣ пропитаніе, бродитъ исключительно въ определенныхъ мѣстахъ, избѣгая столкновеній съ сосѣдними группами, и ведетъ себя весьма къ враждебнымъ дѣйствіямъ. При столкновеніяхъ обыкновенно битвы, и побѣду одерживаетъ та сторона, которая имѣетъ численнѣе. Благодаря этимъ столкновеніямъ сосѣднихъ группъ между ними вырабатывается сначала фактическое, а потомъ и признанное право на владѣніе известной территоріей. Размѣры этой территории въ тѣсной связи съ количествомъ населенія, и такъ какъ оно не густо, то и территорія, которой владѣетъ каждая группа, относительно обширна. Границы ея всегда точно определены, и ихъ, какъ нарушенія *modus vivendi*, между чуждыми группами вызываютъ кровавыя столкновенія.

Что касается междуплеменныхъ отношеній, то они, уже на низшихъ ступеняхъ культуры, проходятъ съ ними рѣзкой чертой черезъ всю исторію экономической жизни племени. Обиліе же пищевыхъ матеріаловъ, при благоприятныхъ условіяхъ, приводитъ народность къ полному осѣданію, или по крайней мѣрѣ къ полуосѣдлости. Иногда осѣданіе группы происходитъ значительно подъ давленіемъ географическихъ условій. Такъ, въ Меланезіи, почти лишенныхъ крупной фауны, рыба служитъ достаточной пищей человѣку, благодаря незначительнымъ размѣрамъ, племена, тѣмъ или другимъ путемъ, или съ острововъ, вынуждены или эмигрировать, или заняться преимущественно рыболовствомъ. У нихъ нѣтъ возможности съ легкостью перенести болѣе удобныхъ условій жизни и они осѣдаютъ на небольшомъ пространствѣ своихъ острововъ. Материковое рыболовческое племя, благодаря обилію рыбы и морскихъ животныхъ, не имѣетъ основаній ходить далеко въ глубь страны. На пространствѣ береговой полосы оно правильно передвигается въ мѣстности, гдѣ въ известное время года можно надѣяться на болѣе богатую добычу. Постоянный выскочекъ у рыбы и морскихъ животныхъ больше, чѣмъ у представителей лѣсной фауны. Представители высшей морской фауны периодически появляются то въ одной, то въ другой мѣстности. Не

имѣрь, стаями приходятъ въ опредѣленное время года у къ устьямъ рѣчекъ. Мальки не сразу покидаютъ мѣста, вывелись. Киты, тюлени періодически появляются въ частяхъ берега и т. д. Чѣмъ бы ни объяснялось такое, хорошо извѣстное первобытному человѣку, появленіе и іе разныхъ объектовъ охоты,—это заставляетъ дикаря-рыболова, если онъ не знаетъ причину явленій, дѣлаться болѣе осяд-ль звѣроловъ. Рыболовъ намѣчаетъ мѣста, гдѣ въ разное время ается наибольшее количество добычи, и къ извѣстному переходить на насыщенные уже мѣста. Такихъ мѣстъ ыть въ зависимости отъ условій и два и четыре и болѣе—редѣлены, и къ нимъ дикарь двигается весной, лѣтомъ, и зимой. Напримѣръ, остяки и лопари до сихъ поръ пере-а опредѣленные мѣста такъ называемыхъ «весеннихъ, лѣт-проч.» промысловъ. Дикарь становится кочевникомъ, а если мѣстность, въ которой почти круглый годъ есть добыча, онъ почти совершенно осѣдлымъ, покидая свое мѣстожительство а исходъ добычи, что, впрочемъ, встрѣчается сравнительно благодаря хищническому способу ловли.

зависимости отъ условій жизни, племя можетъ перейти отъ аго или рыболовческаго быта къ скотоводческому или земле-ому. Въ прежнее время предполагалось, что *каждое* племя дѣльческаго быта проходить стадіи охотничьяго, рыболовче-кочевого быта. Но, какъ стадіи охотничья и рыболовческая исключительно отъ мѣстныхъ условій, и первая, слѣдовательно, на непременно предшествовать второй, такъ и скотоводческая жизнь въ исторіи племени не обязательна. Земледѣліе без-стоитъ на культурной лѣстницѣ выше скотоводства, но многія сти переходятъ къ земледѣлію непосредственно отъ охот-или рыболовческаго быта. Въ рыболовческомъ быту мы уже ить зачатки осѣдности, и народности, которыя живутъ въ немъ, ять часто непосредственно къ воздѣлыванью земли, если, , этому благоприятствуютъ условія. Такъ, въ Полинезій нѣтъ ности развиться обширному скотоводству, которое требуетъ хъ пространствъ и обильныхъ травъ. Поэтому полинезійцы, пій во многихъ мѣстностяхъ сравнительно высокой ступени ры, одновременно съ рыболовствомъ занимается и земледѣліемъ, ихъ же животныхъ у него нѣтъ, кромѣ свиней и собакъ, упо-емыхъ въ пищу. Въ Новой Зеландіи мы видимъ то же явле-ыболовческое население переходить непосредственно къ земле-

дѣлю и достигаетъ известнаго развитія въ этомъ какъ оно знакомо уже съ искусствомъ удобрения. Наконецъ, въ тропической Африкѣ и въ тропической Америки охотничьи народности непосредственно переходятъ отъ охотничьяго быта къ соединенію земледѣлѣ

Скотоводство коренится въ умѣнь приручать скотъ. На низшихъ ступеняхъ цивилизаціи заботы человѣка направлены не на полезныхъ животныхъ, а исключительнѣе на птицъ, служащихъ для забавы. Во всѣхъ мѣстностяхъ (въ тепломъ поясѣ) европейскіе путешественники встрѣчаютъ, жившія частью въ охотничьемъ, частью въ смѣшанномъ и земледѣльческомъ бытѣ и не имѣвшихъ другихъ животныхъ, кромѣ попугаевъ, обезьянъ и т. п., выведенныхъ для забавы. Вѣроятно голодъ привелъ человѣка къ употребленію прирученныхъ животныхъ можно употребить въ пищу. Оно имѣло стремленіе имѣть всегда подъ рукою животныхъ, которые могли-бы доставить, въ случаѣ нужды, пропитаніе. Орудіе оказывалось возможнымъ только при цѣломъ рядѣ условій. Переходившему съ мѣста на мѣсто, было неудобно брать съ собою прирученныхъ животныхъ, которыя къ тому же не давали пищи, а ея часто не достаетъ охотнику для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Къ тому же, животныхъ, полезныхъ для вѣка, совсѣмъ не много. Подобныя условія не благоприятствуютъ развитію не только скотоводства, но и увеличенію числа ручныхъ животныхъ.

Прежде держалось убѣжденіе, что европейскіи палеолитическіе люди были уже знакомы съ домашними животными, такъ какъ въ слояхъ, относимыхъ къ культурѣ Солютре, было найдено значительное количество лошадиныхъ костей, среди же остатковъ маделанъ—множество костей сѣвернаго оленя. Ближайшее общество съ фауной того времени и съ культурой палеолитиковъ, такъ какъ этотъ взглядъ слѣдуетъ считать ошибочнымъ. Обилие остатковъ оленей и сѣверныхъ оленей въ стоянкахъ дилувіальнаго періода въ Бельгіи доказываетъ только, что эти виды животныхъ составляли существенную пищу человѣка, но отнюдь не говоритъ въ пользу развитія его съ скотоводствомъ. Вся культура палеолитическаго вѣка Европы настолько носитъ на себѣ черты типичнаго охотничьяго быта, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы онъ былъ скотоводомъ.

Первымъ полезнымъ животнымъ, прирученнымъ человекомъ,

ченія крупныхъ животныхъ до появленія пр
Возможно, что, въ зависимости отъ условій и бу
совершался у разныхъ народностей или болѣе бл
ленно.

Вначалѣ приучались вѣроятно какъ травоя
ядиныя животныя. Но очевидно, что прирученіе в
рахъ могло имѣть мѣсто только въ отношеніи первыхъ
каниворы поддаются прирученію съ большимъ тру
для питанія мяса, которое доставать нелегко. Одна
крайней мѣрѣ въ ограниченномъ количествѣ (напримѣ
кошка), одомашнены уже давно.

Выборъ травояднаго животнаго для веденія ското
ляется физическими условіями и фауной. На сѣверѣ
выносящимъ климатъ полезнымъ животнымъ явля
ный олень. Хотя онъ давно одомашненъ, но способ
его не вполне совершененъ. Обитатель сѣвера одновре
водъ и рыболовъ; въ теплое время ему выгоднѣе за
ловствомъ, зимою же рыболовство даетъ плохіе резуль
вынужденъ жить охотой и продуктами скотоводства. По
гихъ мѣстностяхъ сѣвера зимою оленеводъ совершаетъ
чекки въ виду необходимости дать кормъ скоту. Ягель (о
видъ лишая) составляетъ любимое питаніе сѣвернаго оле
стадо уничтожить запасъ ягеля, оленеводъ гонитъ его въ дру
гдѣ олени находятъ себѣ достаточное пропитаніе, разбѣ
копытами. Лѣтомъ оленеводъ распускаетъ свое стадо на
заботится о немъ, самъ же уходитъ на рыбныя мѣста. За
олень значительно отвыкаетъ отъ человѣка. Осенью олени
группами подъ предводительствомъ самцовъ, эти
пользуется, чтобы загнать съ помощью собакъ оленей
поставленную изгородь. Въ немногихъ мѣстностяхъ оленев
чательно поглощаетъ человѣка, заставляя его совершать
и лѣтомъ. Такъ поступаетъ небольшая часть скандинавс
выхъ лопарей, которые, съ наступленіемъ теплаго времени
распускаютъ оленьихъ стадъ, а гонять ихъ къ морю, г
занимаются рыболовствомъ. Это объясняется тѣмъ, что
направляются къ морю, гдѣ они находятъ достаточное пита
годаря морскимъ вѣтрамъ, ограждены въ большей степе
довъ, комаровъ и мошекъ, которые мучаютъ ихъ, доводя
бѣшенства. Здѣсь, слѣдовательно, интересы оленя и чело
на встрѣчу другъ другу.

выми или полукочевыми народностями, а въ с
лѣтія населеніе ея почти исключительно состо
скотоводческихъ народностей. Земледѣліе внесено
Россіи путемъ колонизаціи русскимиъ элементами
части Европы скотоводческое хозяйство является и
Необходимость прокормить стада заставляетъ скотово
изъ одного мѣста въ другое. Въ болѣе отдаленное
падежей скота, вслѣдствіе суровыхъ зимъ или зимней
сравнительно легко поимкой и прирученіемъ дикихъ а
было много; еще путешественники XVIII-го в. гово
ваніи дикихъ лошадей въ волжскихъ губерніяхъ. И
пространствахъ Аравіи и Монголіи, кромѣ лошадей и а
чаютъ верблюда. Древніе арабы, по замѣчанію Ген
почти исключительно верблюдоводы и вытѣсненіе ко
шадми явленіе сравнительно позднее. Генъ отмѣчаетъ,
хомъ Завѣтъ пастушескія народности Аравійской ку
исключительно на верблюдахъ и ослахъ и, повидимому,
лошадей. Геродотъ, описывая войско Дарія и составленіе
говоритъ, что арабы ѣхали на верблюдахъ и что поэтому
отведено послѣднее мѣсто въ войскѣ, такъ какъ лошади
верблюдовъ. Страбонъ отмѣчаетъ, что лошадей въ Аравіи
Азіатское происхожденіе верблюда можетъ считаться доказан
своей первоначальной родины онъ распространился въ сѣвер
въ третьемъ столѣтіи нашей эры и былъ введенъ въ И
чевыми азіатскими ордами.

Другія домашнія животныя, какъ, напримѣръ, ослы,
широкое распространеніе. Въ настоящее время они встрѣ
дикомъ состояніи въ восточно-азиатскихъ степяхъ, а въ б
ленное время они попадались на пространствахъ отъ Египта,
Азію, сѣвернѣе Инда. Въ настоящее время кочевники не
осломъ какъ домашнимъ животнымъ. Эта роль выпала
среди осѣдлыхъ народностей южной Европы, въ Азіи
Здѣсь осель акклиматизировался, утративъ, впрочемъ, мн
характерныя для него на родинѣ. Въ древности онъ былъ
ненъ въ Месопотаміи и въ Египтѣ, гдѣ содержались стада в
сотъ головъ.

Въ числѣ ручныхъ животныхъ слѣдуетъ упомянуть
Прирученіе его среди народностей Индіи относится къ глу
ности. Слоны употреблялись преимущественно на войнѣ.
щее время искусство прирученія слоновъ сохранилось толь

Есть полное основание предполагать, что переход к скотному быту совершился преимущественно под влиянием мужчин. Только охотник, хорошо знающий привычки животных, мог научиться приручению. Мужчину, на которого с этой целью падает обязанность доставления мяса, можно считать первым заботившимся об обезпечивании себя и своей семьи. И при развитом кочевом хозяйстве не только мужчины ухаживают за стадом, даже доение, составляющее основную заботу, которую женщины почти не выполняют. Так, например, у кафрских народностей у вагумов, ванюров и др. забота о стадах лежит исключительно на мужчинах. У некоторых племен на последних стадиях развития даже тяжелое наказание, если они войдут в помещение, где скот содержится. Бечуаны начали заниматься земледелием, и часто эту обязанность выполняют мужчины, но только оттого, что по их воззрениям скот имеет право прикасаться к скоту, который везет плуг. Таким образом эгоистическое стремление мужчины освободиться от работ заставляет его передать и заботу о скотоводстве женщинам.

В искусстве приручения нельзя не видеть крупную ступень по пути культуры. Человек в борьбе с природой научился подчинять себя известным силам. Воспользовавшись этой силой, он дал развитию своего экономического быта могущественный толчок. Это в особенности ярко сказывается при наблюдении над хозяйством скотовода-кочевника. Он не только пользуется домашним скотом для своего пропитания, относительно добывания которого ему приходится мало заботиться сравнительно с охотником или рыбаком, но он получает и материал для одежды и посуды, изготовляемой преимущественно из кожи убитых животных. Наконец он пользуется шерстью животных (в безлесных местностях), так как в течение всего года — для согрева, а ежедневно — для приготовления пищи, он пользуется кизяком. У кочевника является уже *культура*, а это в свою очередь играет видную роль в истории экономического и правового развития народа. Скотоводческое хозяйство приводит человека на ряд изобретений. Он научается пользоваться домашним скотом как средством к передвижению; к ведению его приводит прежде всего необходимость оберегать свои стада; он научается пользоваться шерстью животных — искусству, которое приводит к умению валяния шерсти, — играющему видную роль в жизни кочевника; он научается пользоваться молоком

ской и монгольской племенных группамъ, низшая стадія перехода отъ вполне кочевого къ полукочевому (скотоводческо-кочевое хозяйство, представляя, сравнительно низшую ступень въ экономическомъ, является крупнымъ шагомъ впередъ передъ охотничьимъ бытомъ. Дальнейшимъ шагомъ по пути къ изобрѣтенію земледѣлія. Прирученіе животныхъ разводителю-кочевой бытъ только при наличности издѣленныхъ условій. Измѣненіе въ нихъ немѣлочно приводитъ къ измѣненію кочевого быта, а затѣмъ къ постепенному вынуждающему народность перейти къ осѣдлому земледѣльству. Нѣкоторыя народности переходятъ къ земледѣлію, иногда и непосредственно отъ охотничьяго-рыболовнаго, проходя черезъ стадію кочевую-скотоводческую. Въ изрѣдкахъ переходъ совершается также подъ вліяніемъ издѣльных условій. Онъ вынуждается стремленіемъ обезпечить себя впрокъ, какъ и при скотоводствѣ. Зародыши къ появленію земледѣлія коренятся въ томъ раздѣленіи труда, напридобываніе пищи, которое можно прослѣдить у всѣхъ изрѣдковъ народностей, начиная съ низшихъ ступеней.

Среди племенъ, живущихъ еще въ чисто охотничьемъ растительная пища, какъ сказано, играетъ видную роль. Охота является обязанностью мужчинъ, настолько собираніе растений падаетъ на женщинъ, которыя обыкновенно сопровождаютъ охотничью группу при ея передвиженіяхъ. Въ то время какъ мужчины выслѣживаютъ звѣря, ловятъ рыбу и проч., женщины острыми палками въ рукахъ бродятъ по лѣсу, съѣдобные корни, стручковые растенія, собирая тыквы, лавровыя для собиранія плодовъ, орѣховъ. Насколько хорошо знаютъ міръ животныхъ, настолько же женщины съ міромъ растений. Такъ какъ женщины вынуждены за мужчинами, которые отыскиваютъ исключительно богатѣйшія мѣстности, то поиски пищи женщиною, всегда болѣе или менѣе, часто приводятъ къ тому, что къ вечеру она возвращается съ пустыми руками. Женщинѣ поэтому приходится голодать чаще, чѣмъ мужчинѣ. При устройствѣ лагеря женщины жарятъ принесенное мужчинами мясо; первыми насыщаются мужчины, женщины же получаютъ лишь то, что остается отъ мужчинъ. Этотъ обычай, связанный съ общимъ угнетеннымъ положеніемъ женщины даже на болѣе высокихъ ступеняхъ культ

себѣ пропитаніе. и въ случаѣ неудачной охоты другую изъ своихъ женъ, изъ которыхъ каждая гдѣ нибудь въ чащѣ лѣса, прокармливали себя и съ небольшою, воздѣлываемою ею плантаціею. Лишь земледѣльческое хозяйство развилось настолько, что продукты плантацій обезпечиваютъ существованіе, уменьшеніе дичи сокращаетъ охотничій промыселъ, полное оскѣданіе племени и охота становится субсидіею къ питанію, переходя постепенно въ забаву.

При зачаткахъ земледѣлія, орудіями хозяйства служили острія палки или когти животныхъ, которыя для выгребанія корней при чисто охотническомъ бытѣ. Въ полянку, бразильскія женщины напримѣръ, острыми палками очищаютъ ее отъ сорныхъ травъ, разрыхляютъ и выкапываютъ корни или отростки. Когда наступаетъ періодъ, женщины когтями броненосца разгребаютъ землю и выкапываютъ корни. Въ Африкѣ женщины при воздѣлываніи употребляютъ палку съ крючкомъ—прототипъ кирки. Для работы ирокезы, напримѣръ, привязываютъ къ палкѣ острокость и т. п. Въ начальномъ періодѣ земледѣлія засѣваніе неизвѣстно. Оно появляется лишь впоследствии. Ознакомленіемъ съ искусствомъ засѣванія дало важный толчекъ въ развитіи земледѣлія, облегчивъ обработку большихъ участковъ земли, чѣмъ можно при исключительномъ засаживаніи полей. Это развитіе въ тѣсной связи съ усовершенствованіемъ орудій и употребленіемъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ рабочей силы. При усовершенствованіи средствъ обработки земли первобытная кирка дѣлается болѣе размѣровъ и передвигается по обрабатываемому участку. Это даетъ возможность получать борозды, облегчающія массовое засѣваніе. Въ тяжесть новаго орудія требовалась рабочая сила. Трудъ при веденіи бороздъ настолько утомителенъ, что оны не могли изводиться добровольно. Поэтому до ознакомленія съ рабочими употреблялась сила преимущественно рабовъ и женщинъ. Въ Перу, гдѣ часть населенія была обязана обрабатывать участки земли, работа производилась слѣдующимъ способомъ. Орудіе обработки состояло изъ большой кирки—прототипъ, именно изъ бревна, къ которому прикрѣпленъ былъ поперечный брусокъ. Это орудіе приводили въ движеніе 6 — 8 человекъ, тащили этотъ первобытный плугъ по полю, съ цѣлью вдавить въ землю, причемъ шедшій за плугомъ человекъ напиралъ

а усовершенствованный плугъ имѣлъ ручку, надавливанье облегчало работу (Египетъ). При знакомствѣ съ метал-
ле плуга дѣлается металлическимъ и къ сошнику при-
бавецъ (римляне). При дальнѣйшемъ развитіи, плугъ устана-
вивается на колеса (Римъ). У древнихъ грековъ плугъ былъ менѣе усо-
вершенъ, чѣмъ у римлянъ; они еще во времена Гезіода поль-
зовались деревяннымъ плугомъ. Для разрыхленія глыбъ земли за-
дача кто-нибудь, разрыхляя ихъ палкой, какъ то дѣлалось
з. Преимущественно въ теплое поясъ народности остано-
вившись или крѣкѣ; это объясняется отчасти типами воздѣлы-
растений, отчасти же и тѣмъ, что большинство этихъ на-
(Бразилія, Африка и проч.), хотя и ведетъ земледѣльческое
но послѣднее не играетъ исключительной роли въ ихъ эконо-
мической жизни. Нѣкоторыя народности, какъ напримѣръ племена цент-
Африки, хотя и занимаются преимущественно земледѣліемъ,
а почва и теплый климатъ гарантируютъ имъ и при перво-
способахъ обработки земли богатый урожай. Онъ удовлетво-
ряетъ отсутствіи сбыта, несложныя потребности некультурнаго
и не вызываетъ импульса къ пріисканію болѣе усовершен-
ныхъ пріемовъ.

рвичной рабочей силой при земледѣліи служили люди. Это
наблюдалось даже въ такомъ культурномъ государствѣ, какъ
Перу. Оно происходило оттого, что древніе перуанцы не были
съ упряжкой домашнихъ животныхъ, а ручныя ламы употре-
блялись какъ вьючныя животныя. Посредствомъ людей произво-
дилось обработка полей и въ Колумбіи. До настоящаго времени запря-
женціи для перевозки тяжести встрѣчается въ Китаѣ. У
германцевъ, а равно и у русскихъ инородцевъ, объ этомъ
вещей передается въ сказкахъ и легендахъ. Къ этому циклу
і можно отнести и разсказъ нашей лѣтописи объ обрахъ (ава-
которые, покоривъ славянъ, вырягали въ телѣги ихъ женщинъ
волово и лошадей, заставляя себя перевозить съ мѣста на

переходя къ развитію земледѣлія, на сколько оно касается исто-
рии челоѣка съ природой, слѣдуетъ въ общихъ чертахъ
въ слѣдующія его видовзмѣненія. Лѣсныя поляны, прежде ути-
лизовавшіяся для устройства посадокъ (первобытныхъ полей), съ
еніемъ земледѣлія становятся слишкомъ малыми. Челоѣкъ
ся къ ихъ расширенію, и лѣсъ, который въ охотничій періодъ
народа являлся его главнымъ кормильцемъ, дѣлается, по мѣрѣ

развитія земледѣлія, его врагомъ. Поэтому чело
уничтожить, при чемъ онъ пользуется огнемъ
лѣса. Съ этимъ способомъ мы встрѣчаемся въ Афр
ваньямуззовъ и др.) и Новой Зеландіи; онъ же набо
цѣлости и среди русскихъ крестьянъ, населяющихъ ва
ную область, ведущихъ такъ называемое «подсѣчног, ле

Въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ, землевладѣлецъ,
производительная сила земли истощается, переходя
участокъ, обрабатываетъ и засѣваетъ его до тѣхъ
онъ не начинаетъ терять своей производительной
способъ земельного хозяйства сохраняется въ Россіи ещ
рыхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе пустолежащихъ земель до
бодно переходить съ участка на участокъ и находить
количество *новымы, цѣлины*, не тронутой еще рукой чело
личеніе народонаселенія и вытекающее отсюда сокраше
ныхъ угодій приводитъ человека къ двумъ способамъ о
поднимать производительность почвы: къ удобренію и къ
нію правильного сѣвооборота. Въ ограниченныхъ земледѣ
районахъ эти способы появляются раньше и достигаютъ
развитія, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ эти районы значительны. Въ
какъ знакомые съ земледѣліемъ обитатели Новой Зеландіи
уже удобрять почву, устраиваютъ искусственное орошеніе, т
во многихъ мѣстностяхъ (въ черноземныхъ губерніяхъ
Сибири) это искусство, хотя и извѣстно, но не при
на практикѣ. Между тѣмъ, русскій крестьянинъ, не говоря
общемъ культурномъ уровнѣ, и въ отношеніи земледѣльческ
дій, снотоподстиа и проч. стоитъ неизмѣримо выше ново-
По указанное превосходство жителя Новой Зеландіи объ
тѣмъ, что онъ, занимаясь преимущественно рыболовствомъ, не
расширить своихъ плантацій. Рыболовство является для н
нымъ источникомъ пропитанія, а, вслѣдствіе скученности
на побережьяхъ и отсутствія рабочихъ рукъ, ему *необходима*
производительность земли. Поэтому онъ *прибѣгаетъ къ*
пользуясь при этомъ матеріаломъ, который *находится под*
морскими раковинами. Удобреніе почвы въ Россіи *производи*
въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе стѣснено землей, *какъ*
въ центральныхъ губерніяхъ.

Что касается правильного сѣвооборота, то въ началѣ
такъ называемая, переложная система. Истощенная почва о
на нѣсколько лѣтъ, пока, благодаря накопленію плодono

IX. Ж и л и щ а.

Весьма правдоподобнымъ представляется мнѣніе, что убежища должна была возникнуть у человека весьма рано въ виду необходимости защитить себя и свой отъ атмосферическихъ явленій. Однако мы не имѣемъ точныхъ данныхъ къ какимъ способамъ прибѣгалъ человѣкъ древнѣйшаго диллювіума. Теплый климатъ того времени даетъ поводъ нѣкоторымъ предполагать, что человѣкъ обходился безъ жилищъ. Но, такъ какъ и въ тропическихъ областяхъ устоявшихся въ культурномъ отношеніи народностей жилищъ, то отрицать существованіе ихъ у первичнаго человека не имѣется достаточныхъ основаній.

Несомнѣнные слѣды жилищъ мы встрѣчаемъ у человека въ Европу во вторую половину диллювіума, въ періодъ Маделанъ. Эти жилищъ могутъ быть подведены подъ двѣ категории: *шалаши* и *пещеры*. Существованіе перваго изъ этихъ типовъ жилищъ вѣроятно. Значительное количество очаговъ, найденныхъ другъ отъ друга, въ стоянкахъ, относящихся къ періоду Маделанъ, заставляютъ предполагать довольно обширныя селенія, и археологическія отбросы доказываютъ, что населеніе жило здѣсь. Допустить, что эти очаги ничѣмъ не были ограждены, трудно, такъ какъ въ этотъ періодъ климатическія условія были такъ благоприятны, какъ въ первую половину диллювіума, не могло быть вѣроятнѣе всего въ родѣ шалаши, такъ прочныя постройки оставили бы по себѣ какіе нибудь слѣды шалаши, сдѣланный изъ вѣтвей, листьевъ и т. п., могли бы остаться безслѣдно.

Человѣкъ, культура котораго выразилась въ предметныхъ для періода Маделанъ, одновременнаго періоду Сапери, преимущественно въ пещерахъ. Для этого онъ большей частью пользовался естественными пещерами и навѣсами, которые онъ

Бушмены, по свидетельству Фритча, часто селятся и в Новомъ Южномъ Валлисъ населеніе до сихъ поръ еще въ убежища, а до прибытія сюда европейцевъ, обычай селиться широко распространенъ во всей Австраліи. Пещеры сохранялись въ большомъ количествѣ и въ Крыму. Эти пользовались въ болѣе позднѣе время, и онѣ частью принадлежали рукой человѣка; однако не можетъ быть сомнѣнія, что возникновеніе слѣдуетъ отнести къ очень отдаленной эпохѣ. Онѣ служили жилищами уже въ христіанскій періодъ (напримѣръ, Инкерманъ, Тепе-Керменъ, Черкесъ-Керменъ). Многие изъ нихъ служили до настоящаго времени чернильницами въ Крымскихъ монастыряхъ. Подобныхъ же пещерныхъ жилищъ и на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, нѣредко около мѣстъ общиннаго селенія. Такъ, напримѣръ, около Мухета, въ 20-ти верстахъ отъ флиса, онѣ расположены высоко на скалистой, почти отвѣсно трудно доступной и до настоящаго времени мало изслѣдованной.

Естественная или искусственная пещера въ дальнѣйшемъ развитіи видоизмѣняется: устье ея прикрывается стѣной изъ дерева или камней. Такимъ образомъ получается жилище, и потолокъ котораго образуется сволой, а четвертая, представляющая изъ себя искусственную загородку. Въ послѣдней прорубается окно для свѣта или выхода дыма и дѣлается доброе устройство пещерныхъ жилищъ можно наблюдать въ Крымѣ и на Кавказѣ. Въ такихъ помѣщеніяхъ, напримѣръ, пыгане около Бахчисарая, татары въ дощатыхъ, расположенныхъ подъ скалами изъ нагнанныхъ или типъ встрѣчается и въ Осетіи и Чечні; онѣ наблюдались XVIII-го вѣка среди нѣкоторыхъ алтайскихъ тиргутовъ) и т. д.

Дальнѣйшій шагъ впередъ въ развитіи искусственнаго жилища заключается въ томъ, что естественныя боковыя стѣны искусственное продолженіе впередъ, при чемъ устраивается крыша. Такимъ образомъ, пещера получается удлинена искусственнымъ сооруженіемъ изъ камня или глины. Какъ равно и масса другихъ мѣстностей, представляютъ нѣтъ и новъ этого типа жилищъ. Если населеніе разрастается, и пещеръ не достаточно велико, дѣлаютъ искусственные и на покатости горы, въ землѣ, устраивается выемка, съ по наклону почвы сторонами; изъ выемки выдвигается и дѣлается передняя стѣна, а боковыя стѣны, поскользко эт

свободнымъ между землею и крышею пространствомъ, а камнями или другимъ матеріаломъ. Въ этихъ жилищахъ всѣ элементы для постройки вполнѣ подземныхъ, если нѣтъ подходящаго мѣста въ горномъ селеніи, или та выселяется на плоскость, она выстраиваетъ себѣ жилища, совершенно повторяющія пещерные типы. Эти типы весьма распространены въ горныхъ странахъ, въ частности у насъ въ горахъ Крыма и Кавказа. Они извѣстны подъ общимъ наименованіемъ *саклей*, исторію развитія которыхъ легко прослѣдить при наглядѣ различныхъ ихъ видахъ въ одной и той же деревнѣ. Конечники, крыши изъ нѣсколькихъ скатовъ, двухъ-этажныя жилища являются позднѣйшими усовершенствованіями пещернаго жилища, появляются частью самостоятельно въ связи съ развитіемъ культуры, частью подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ сосѣдей.

Самымъ эмбриономъ жилища является, какъ сказано, *шалашъ*. Шалашъ, благодаря извѣстнымъ условіямъ мѣстностей, у насъ въ большомъ количествѣ народностей. Весьма вѣроятно, что импульсомъ построения первоначальнаго шалаша служило стремленіе укрыть огонь отъ вѣтра или дождя. Въ различныхъ видахъ шалаша, какъ постоянное, или временное жилище, или же какъ средство переживания у цѣлой массы народностей. Какъ ни просто устройство шалаша, можно однако уже на низшихъ ступеняхъ культуры различать два типа его: *сферическій* и *коническій*. Причины, приводящія къ тому, что въ однихъ мѣстностяхъ господствуетъ одна форма, а въ другихъ вторая, слѣдуетъ искать въ окружающей средѣ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются деревья съ большими, широкими листьями, эти послѣднія употребляются въ качествѣ матеріала для постройки шалаша. Бразильскіе дикари, ведущіе исключительно охотническо-бродяческій образъ жизни, собираются къ вечеру на мѣсто стоянки и разводятъ огонь для приготовленія пищи. Они срѣзаютъ широкіе листья кокосовой пальмы и втыкаютъ концами въ землю вокругъ очага; при этомъ, листья, вслѣдствіе своей тяжести, склоняются другъ ко другу и образуютъ естественный сводъ. Аналогичные примитивные шалаши мы видимъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ растеній съ широкими, прочными листьями или гибкими эластичными вѣтвями не существуетъ, а для устройства жилища пользуется вѣтвями деревьевъ, или тому подобнымъ матеріаломъ. Обставляя вѣтви и жерди вокругъ очага, человѣку приходится давать имъ наклонное положеніе, изъ чего образуется конусъ, такъ какъ всѣ жерди сходятся на

верху, поддерживая другъ друга взаимными дугами. Шалашъ является болѣе распространеннымъ. Обычный круглый шалашъ распространенъ въ южной Африкѣ, гдѣ онъ является господствующимъ типомъ въ Бразиліи и вообще въ тропическихъ областяхъ. Область распространения конического шалаша и тѣмъ видѣ определяется въ общихъ чертахъ образомъ: Австралія, южная часть Южной Америки. Сѣверная Америка, полоса тундры и лѣсовъ и Европы.

Объ формы шалаша даютъ начало развитію типа Первоначальный шалашъ, какъ сферическій, такъ и изъ вѣтвей, коры и земли постепенно совершенствуясь, забота заключается въ выборѣ болѣе прочнаго матеріала и покрытія остова. Если бразильскіе охотничьи народы время остаются на одномъ мѣстѣ, то, для предохраненія которыхъ устроены шалашъ, отъ паденія изнутри, рають жердями; вмѣстѣ съ тѣмъ на старые листья настилаютъ ихъ покрываютъ хворостомъ. Бушмены тоже самое часто используютъ первоначальнымъ шалашемъ слѣдующаго устройства: изъ кустарника, срѣзаютъ лишніе сучья, а остальные сплетаютъ внутренней стороны и наклоняютъ внизъ къ землѣ. Иногда они устроиваютъ болѣе прочные шалашы: соединяютъ нѣсколько наклоненныхъ другъ отъ друга аршинъ на 6, и обкладываютъ ихъ хворостомъ, оставляя лишь ничтожное отверстіе для входа. Народности центральной Африки устраиваютъ шалашъ своимъ искусствомъ. Шалашы эти, полушарообразной формы въ 1—1,3 метра, состоятъ изъ остова, который устроенъ изъ тонкихъ, согнутыхъ и переплетенныхъ другъ съ другомъ прутьевъ. Остовъ покрывается широкими листьями (*Salicophrynium*), сплетенными вмѣстѣ рядами; эти ленты изъ располагаютъ довольно аккуратно такъ, что шалашъ имѣетъ чешуйчатый видъ; дверное отверстіе настолько мало, что можно проникнуть только ползкомъ. Нѣкоторые изъ такъ называемыхъ кафрскихъ народностей, жилище которыхъ сохраняетъ типичный сферическій шалашей, рядомъ съ низенькими хижинами, въ которыхъ едва можетъ стоять взрослый человѣкъ, умѣютъ строить и значительно большихъ размѣровъ. Въ послѣднемъ случае въ землю колья въ нѣсколько рядовъ; къ нимъ привязываютъ согнутыя въ дугу жерди, одинъ конецъ которыхъ втыкаютъ въ землю, а другой конецъ втыкаютъ въ землю.

ой привязывается мочалами къ столбу. Остовъ покрытъ и остальныя хижины, настилкой изъ камыша, которую тоже мочалами. Жилище такого рода напоминаетъ корзину; оконъ и дымового отверстія не дѣлается, дымъ режетъ дверь, которая, въ свою очередь, имѣетъ не больше высоты. Для облегченія выхода дыма очагъ располагается въ шалашѣ, а ближе къ двери. Жилище готтентотовъ введено въ томъ отношеніи, что согнутыя въ дугу жерди поперечными жердями; это даетъ, конечно, больше устойчивости. Кромѣ того, у нихъ шалаши покрываются рогами.

Такимъ образомъ, мы можемъ наблюдать значительный прогрессъ устройствъ сферическаго шалаша, безъ измѣненія существа постройки. Такъ, кафры достигли умѣнья строить шалаши по своимъ размѣрамъ жилища. Но сферическій шалашъ развился только тамъ, гдѣ флора доставляла человѣку необходимый матеріалъ. Стремясь замѣнить листья, которыми жители оставяють очагъ и подражая первичной формѣ жилища, становились на деревьяхъ и растеніяхъ, длинныя вѣтви которыхъ сгибались. Тамъ, гдѣ этого матеріала не было подъ рукою, прибѣгали къ устройству коническихъ шалашей, въ выборѣ болѣе прочнаго матеріала для остова и покрывающаго, избираются прямыя и ровныя, что даетъ возможность постройки болѣе правильныхъ. Первоначально прислоненныя другъ къ другу жерди держались исключительно собственной тяжестью, какъ и у современныхъ жителей Огненной Земли и у лопарей въ сѣверныхъ куваксахъ. Дальнѣйшее развитіе шалаша заключается въ томъ, что жерди связываются наверху; иногда, для болѣе устойчивости, жерди скрѣпляются поперечными кольцами (нѣкоторые алтайцы). Въ лѣсистыхъ областяхъ коническіе шалаши строятся изъ длинныхъ жердей, что позволяетъ дѣлать жилища сравнительно большихъ размѣровъ (нѣсколько сажень въ діаметрѣ). Такіе шалаши, конечно, не переносятся при передвиженіяхъ, такъ какъ лѣса всегда даетъ готовый матеріалъ для постройки. Въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ населеніе дорожитъ стройными жердями и переноситъ ихъ при передвиженіяхъ съ собою; здѣсь шалаши дѣлаются тонкими, портативными, какъ напримѣръ у американскихъ индейцевъ и т. д. Что касается наружнаго покрыва шалашей, то оно зависитъ отъ условій мѣстности и климата, частью отъ быта народности.

Первоначальное покрытие землей, хворостомъ, выходитъ изъ употребленія. Такъ, до послѣднѣйшихъ вѣковъ алтайскіе турки иногда засыпали зимы, но это дѣлалось и дѣлается не отъ нужды въ покрытіи, а для огражденія жилищъ шалаши покрываются древесной корой, притомъ куски которой для мягкости выварены и сшиты шалаши берестой въ теченіе лѣтняго времени и вѣно. Ею или рогожами покрываютъ свои конические кибитки въ Сѣверной Америкѣ. Въ Россіи кромѣ аляскинцевъ встрѣчаемъ этого рода покрытіе у вогуловъ, ёдовъ, карагасовъ, чукчей, якутовъ и т. д. Зимнее покрытіе недостаточно; поэтому шалаши или кибитки засыпаются землею и снѣгомъ, или покрываются шкурами. Такъ, племя сіу прикрываетъ свои шалаши шкурами бѣлыхъ оленей, кочующіе лопари, алтайскіе турки и другіе инородцы—шкурами сѣверныхъ оленей; карагасы—шкурами лося. Для тепла накладываютъ иногда два слоя: одинъ обращенный шерстью внутрь, а другой наружу.

При подходящихъ условіяхъ шалаши строятся и изъ досокъ, причемъ жилище въ такихъ случаяхъ дѣлается пирамидальнымъ, образуя въ боковой стѣнѣ низкую четырехгранную пирамиду. Типомъ подобнаго жилища можно считать напримѣръ вѣжу (кумбъ) русскихъ поморовъ. Такого рода шалаши строятся изъ наклонно поставленныхъ досокъ, закидываются землею, дерномъ и, конечно, не переносятся на мѣсто. Они могъ развиваться только у тѣхъ народностей, совершающихъ опредѣленные перекочевки, возвращаясь въ известное время на старое мѣсто, какъ напримѣръ кочевники, строятъ себѣ вѣжи на мѣстахъ весеннихъ, лѣтнихъ рыбныхъ промысловъ.

Дальнѣйшее развитіе шалаша идетъ по двумъ направлениямъ. Во первыхъ, крыша дѣлается отдѣльно отъ стѣнъ, и стѣнки шалаша выпрямляются и переходятъ постепенно въ угольную постройку. Первый случай въ исторіи развитія можно наблюдать одинаково какъ на сферическомъ, такъ и на коническомъ типахъ. Необходимость сдѣлать жилище болѣе удобнымъ привела бразильскихъ дикарей и нѣкоторыя народности Америки къ устройству изъ жердей или балоковъ отдѣль-

ее обкладывают листьями или соломой, а крыша, под-
я изнутри столбомъ или другимъ способомъ, настиляется
въ верхней части стѣны. Среди народностей центральной
Африки типъ жилища господствуетъ у племени динка.
Стѣны, составляющія основаніе жилища, возводятся изъ глины;
для крыши дѣлются изъ вѣтвей акацій и другихъ твер-
дыхъ деревьевъ. Съ цѣлю поддержать крышу въ центрѣ, устана-
вливаютъ вѣтвистый стволъ дерева. Крыша покрывается аккурат-
но слоями соломы. Народность бонго дѣлаетъ остои изъ
прямыхъ стволовъ, которые обмазываются глиной, взя-
тыми термитовъ, и обкладываются циновками, бамбукомъ.
Такие дома достигаютъ иногда 20 футовъ вышины и столько
метровъ. Входная низкая дверь закрывается циновкой; глиня-
—гладкій, ровный, утрамбованный женщинами при помощи
кусками коры по мокрой глинѣ. Племя нямъ-нямъ пошло
отъ хижинъ еще дальше. Круглая, сверху заостренная
рашечная иногда фигурнымъ шпиремъ, покрываетъ глиняную
крышу навѣсъ. Последний поддерживается столбами, отъ чего по-
вокругъ дома крытая веранда. Такой же ходъ вокругъ круглаго
строения и у бечуановъ; но здѣсь пространство между стол-
держивающими навѣсъ крыши, заполняется вѣтками изъ
которыхъ закидываются мокрой глиной; получается темное
помѣщеніе вокругъ шалаша, въ которомъ живутъ рабы и
животныя хозяина. Дальнѣйшее усовершенствованіе заклю-
чается въ увеличеніи размѣровъ хижины и въ улучшеніи устройства
крыши. Иногда, какъ напримѣръ у динковъ, вагандовъ, ваню-
евъ входомъ дѣлается пристройка, нѣчто въ видѣ стѣны.
Въ такихъ случаяхъ первобытный шалашъ доразвился до
дома, который постепенно начинаетъ служить исключи-
тельнымъ помѣщеніемъ. Большинство африканскихъ народно-
стей, которыхъ земледѣліе играетъ выдающуюся роль въ экono-
мической жизни, строятъ, для сохраненія продуктовъ, особые помѣ-
щенія амбары, повторяющіе всецѣло обыкновенныя жилища помѣ-
щенія, съ цѣлю огражденія отъ нападенія хищниковъ, на
и на искусно сдѣланныя подножія.

Скошенные основанія, лежащія въ усовершенствованіи сфериче-
скаго, доведеннаго нѣкоторыми африканскими народностями
изъ жилища, круглаго дома, единственнымъ недостаткомъ
является его непрочность, мы находимъ и въ исторіи раз-
личнаго шалаша. Неудобство скошенныхъ стѣнъ, желаніе

сдѣлать жилище болѣе помѣстительнымъ, застав-
лять выпрямленію стѣнъ. Это достигается различ-
ныя тюрки, напримѣръ, разставляли длинныя а-
а вертикально, надламывали верхніе концы изъ
отъ земли, сводили ихъ къ центру и получа-
шалахъ съ вертикальными стѣнами и коничес-
прочности верхнія жерди иногда не надламывались,
вязывались къ стойкамъ, образующимъ стѣну. Къ э-
сятся жилища древнихъ германцевъ, кельтовъ, др-
Италіи (судя по найденнымъ образцамъ погребаль-
видѣ жилищъ). Изъ этого типа, черезъ вѣскольбо
стадій, благодаря отсутствію дѣса, развились кибитки с-
ликовъ: монголовъ и тюрковъ. Эти кибитки (юрты)
подвижной рѣшетки, въ которой привязываются жерди,
верху въ особо приспособленный для этого кругъ (чан-
чи). Этотъ остовъ прежде покрывался циновками, звѣр-
рами и проч.; въ настоящее время, съ развитіемъ иску-
войлокъ—кошмы. овъ покрывается этими послѣдними, а
ное покрытіе циновками и шкурами сохранилось мѣстами
ствѣ переживания. Стенныя кибитки дѣлятся на два типа:
и калмыцкій. Существенное отличіе между обоими типамъ
чается въ томъ, что въ первомъ жерди, образующія крышу,
а во второмъ прямы; вслѣдствіе этого киргизскій типъ
имѣетъ куполообразный, а калмыцкій—конусообразный
вый типъ преимущественно, но не исключительно распр-
среди тюркскихъ, а второй—среди монгольскихъ. Народнос-
типа кибитокъ вполне приурочены къ кочевому быту и
чаино портативны.

Желаніе имѣть жилище болѣе прочное возникаетъ у
народности. Для постройки начинаетъ употребляться болѣе
матеріалъ. Въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ берется земля на
Киргизы, напримѣръ, устраиваютъ себѣ на зиму круганы
дерна, толстые куски котораго образуютъ стѣны; жерди
женныя на нихъ, образуютъ крышу. Это такъ называется
Аналогичныя постройки, но возводимыя уже изъ камня, ви-
димъ среди астраханскихъ калмыковъ. Дома, воспроизведенныя
шалаша—кибитки, мы видимъ на ассирійскихъ барельефахъ
блуждающихъ города. Для постройки, вѣроятно, служили
женныя, высушенные на солнцѣ, кирпичи, обыкновенно упо-
требляемые для построекъ въ безлѣсныхъ и лишенныхъ камня

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ народность, при переходѣ рочнымъ матеріаламъ, начинаетъ пользоваться бревнами, въ формѣ бревенчатыхъ жилищъ — прежней удобопереносимой кибиткѣ или шалашу. Дерево не пригодно для сплошной постройки; поэтому жилища становятся и полукруглыми шести или восьмигранными призмъ, на которыхъ крыша изъ жердей, покрытыхъ землей, дерномъ и т. п. Шестигранные срубчатые жилища мы встрѣчаемъ у алтайскихъ бурятъ и проч. Къ жилому помѣщенію иногда дѣлаются пристройки; внутри земля выстилается досками, прорубаются окна, чѣмъ получается типъ прочнаго дома, воспроизводящій типы кочевниковъ.

Шалашъ приводитъ къ типамъ прочнаго жилья и другимъ. Необходимость расширенія жилища, заставляя выпрямлять и отталкивать на мысль ставить прямо доски, которыя образуютъ четырехгранный шалашъ. Для этого употребляются тонкія жерди на крышу настилаютъ жерди горизонтально и прикрываютъ сверху сѣкоростомъ, сухими листьями и т. п. Вслѣдствіе неумѣнья ставить стойки вполнѣ прямо, онѣ устанавливаются нѣсколько наискось. Такимъ образомъ получается не прямоугольникъ, а трапезоподъ; изъ этого жилища можетъ служить якутская зимняя юрта. Для стѣн обмазываются навозомъ, глиной, закидываются иногда землей и проч. Лишь постепенно человѣкъ научается выпрямлять и закрѣплять стойки горизонтально лежащими бревнами, пригнанными одинъ къ другому. Шалашъ начинаетъ развѣиваться въ четырехугольный срубъ съ плоской крышей. Дальнѣйшее развитіе его заключается въ слѣдующемъ: во первыхъ, къ срубамъ пристройки, прежде всего пристройки сѣни. Иногда, по мѣрѣ развѣиванія семьи, къ срубамъ съ сѣнями пристраивается еще срубъ, и чѣмъ получается жилище въ двѣ комнаты, раздѣленное перегородкой, очень распространенный у земледѣльческихъ обитателей южной полосы Россіи, какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія (башкиры, финны). Во вторыхъ, плоскую крышу, въ степныхъ условіяхъ, начинаютъ дѣлать въ одинъ, два или три этажа; горбыли прикрываются землей, затѣмъ ихъ начинаютъ покрывать корой, досками — тесомъ, или соломой. Въ третьихъ, первоначально очень низкій, такъ что взрослый человѣкъ едва можетъ стоять въ немъ, при постепенномъ развитіи строительнаго искусства, дѣлается выше, вслѣдствіе чего постепенно появляются или лѣсныхъ матеріаловъ) двухэтажные дома; прекрасные

образцы ихъ можно наблюдать въ сѣверной по-
кой, Вологодской, Архангельской губерніяхъ,
и въ мѣстахъ.

Въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ въ распоря-
женіи только тальникъ, и его онъ утилизируетъ
для жилья. Вбивъ нѣсколько кольевъ, ихъ переплетя
такимъ образомъ возникаютъ плетневые жилища,
иногда огражденія отъ холода и дождя обмазываютъ
глиною. Это такъ называемыя мазанки; мы встрѣ-
чали ихъ и у другихъ народностей. Первоначально
имѣли трапеэидную форму, затѣмъ она выпрямляется,
замѣняется крышей со скатами и проч.; однимъ сл-
вомъ развитіе ея идетъ тѣми же путями, какъ и сруба.

Коническій шалашъ даетъ еще одинъ типъ про-
стои. Среди охотничьихъ бразильскихъ народностей, строю-
тъ изъ воткнутыхъ въ землю листьевъ кокосовой пальмы,
давая слѣдующее явленіе. Если бродячая группа, распо-
ложенная на ночь, сравнительно многочисленна, то листья устраи-
ваютъ въ кругъ, а по овалу или въ удлиненный прямоугольникъ,
слѣдовательно, изъ кругаго дѣлается удлиненнымъ. Не-
достаткомъ такой прочности такому жилищу приводитъ къ устройству
изъ легкихъ жердей. Этотъ типъ господствуетъ среди
дикарей Бразиліи, жилища которыхъ представляются
изъ жердей, покрытыхъ листьями или соломой. Къ этому же
типу причислить и описанный Липпертомъ шалашъ
XVIII-го вѣка (Сѣв. Америка). Последніе бивали
бревна и соединяли ихъ поперечными балками; промежутки
забивали вмѣсто досокъ липовой корой, которую прибивали
къ продольныхъ стѣнамъ они устанавливали покатую крышу,
вершины которой сходились своими вершинами и образовывали
со стороны поперечныхъ стѣнъ; крыша покрывалась
Среди остяковъ по Оби наблюдается аналогичный способъ
устройства шалаша. Въ землю воткнуты тонкія березовыя
колышки на известной высотѣ; надломанные части наклонены
другу и привязаны къ жерди, положенной на мѣстахъ
наклоненныхъ частей горизонтально; какъ нижняя часть,
стѣнной, такъ и верхняя часть остова, служащая крышей,
лежатъ поперечно жердямъ, привязанными прутьями
древесной коры на мѣстахъ пересѣченія ихъ съ вертикаль-
ными. Остовъ покрытъ кусками вываренной бересты и

прямоугольникъ, съ острой, двускатной крышей, и съ ятонами на узкихъ сторонахъ дома. Дальнѣйшее усовершенствованіе этого типа заключается въ томъ, что остовъ дѣлается изъ прочныхъ матеріаловъ, а прикрытіе изъ коры или циновками и т. п. замѣняется досками. Къ числу значительно усовершенствованныхъ типовъ жилищъ—шалашей, возникшихъ изъ первоначальнаго шалаша этимъ именно путемъ, слѣдуетъ отнести дома населенія кинелага, которые, благодаря оригинальной формѣ и украшеннымъ безъ помощи металлическихъ орудій, поражали путешественниковъ. Полинезійскіе дома обыкновенно прямоугольны и чаще всего прямоуглы; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Товарищества) бываетъ и пятиугольные дома. Домъ съ двускатной крышей, по своей формѣ напоминающей опрокинутую ладью, она опирается средней и боковыми сторонами на столбы, покрыты камышемъ или циновками. Въ Новой Зеландіи контуръ стѣнъ выгнутъ, такъ что овальная форма зданія выступаетъ въ сильной рѣзкости; иногда дома устанавливаются на каменныхъ столбахъ. Стороны крыши нерѣдко свѣшиваются до земли (Гавай). Стѣны никогда не бываютъ высокими, но въ длину достигаютъ значительныхъ размѣровъ: до нѣсколькихъ сотъ футовъ. Сообщаютъ, что обитатели Гавай, чтобы приютить гостя, прибѣгаютъ къ дому пристройку, что при легкости матеріала требуетъ большого труда (Ратцель).

Итакъ эмбрионъ, изъ котораго развилось жилище человѣка—землянка. Она возникла благодаря привычкѣ жить въ пещерахъ и, по переходѣ на плоскость, воспроизвести въ своихъ жилищахъ подземный типъ. Но пожалуй главную причину развитія землянки видѣть въ стремленіи искать защиту отъ холода путемъ углубленія себя въ землю. Поэтому неудивительно, что мы находимъ землянку господствующаго типа въ мѣстностяхъ съ суровымъ климатомъ, причемъ сами землянки служатъ преимущественно зимними жилищами, покидаемымъ на теплое время года для шалаша. Землянки были отмѣчены еще древними писателями. На изученіе типовъ жилищъ есть полное основаніе предполагать, что землянки, т. е. подземныя жилища, были извѣстны и славянамъ. Могильныхъ памятниковъ Франціи особенной извѣстностью пользуются дольмены. Тотъ типъ ихъ, который состоитъ изъ обставленнаго камнями и сверху покрытаго каменными-же плитами коридора и такой же камеры, небезосновательно считается естественнымъ воспроизведеніемъ жилыхъ подземныхъ помѣщеній,

употреблявшихся въ нескитическую эпоху Финны даже склонны видѣть въ этомъ типѣ дома послѣ смерти члена семьи жилища. Этотъ типъ распространенъ обычая оставлять домъ, въ которъ семья, некая считать входить невѣроятнымъ. Среди восточной Россіи обычай строить себѣ подземныя жилища распространенъ. Онъ сохранился отчасти въ качествѣ нѣкоторыхъ формахъ хозяйственныхъ построекъ, отчасти въ памятникахъ старины. Впрочемъ, не очень давно могъ констатировать слѣды подземныхъ жилищъ Финляндіи, сравнительно недавно населенныхъ домики крыши которыхъ были плоскія, находились очаги. Тамъ землянки были найдены и на мѣстахъ прежняго обитанія. Въ выкопанную четырехугольную яму вставлялся срубъ, для предупрежденія стѣнъ отъ паденія. Русское народное и хранило воспоминаніе о землянкахъ въ многочисленныхъ преданіяхъ, подъ именемъ которой скрываются обыкновенно финны съѣзера и съѣверо-востока Россіи. По этимъ преданіямъ, саясь отъ русскихъ, выкапывала ямы, прикрывала ихъ и столбахъ, уходила въ свои подземныя жилища со всѣмъ подрубаема столбы и гибла массаами подъ тяжестью падавшихъ. Въ глухихъ мѣстахъ Финляндіи землянки до сихъ поръ вышли изъ употребленія. Гейкель описалъ подобное жилище, входъ въ которое былъ возможенъ только черезъ крѣпостныхъ народностей Россіи мы встрѣчаемъ также слѣдующія или историческія свѣдѣнія о жизни въ землянкахъ отмѣчаетъ ихъ у камчадаловъ, зимовки устраивались слѣдующимъ образомъ. «Выкапываютъ землянку на два въ глубину, а въ длину и ширину смотря по числу жителей, почти на самой срединѣ, ставятъ четыре столба толщину отъ другого по сажени и далѣе. На столбы кладутъ толстыя доски, а на нихъ потолокъ накатываютъ, оставя почти четырехугольное отверстіе, которое и вмѣсто окна, и вмѣсто трубы служить». При помощи жердей, устанавливаютъ потолокъ, надъ землею образуется остова крыши покрываютъ землею, травой и т. п., такъ что снаружи жилища возвышаются на холмикъ. Войти въ землянку можно только черезъ отверстіе по лѣстницѣ стремянкѣ. Современное зимнее жилище представляетъ типичный образецъ землянки. Оно строится на поверхности земли, но носить всѣ черты подзем-

одящего по *общему* типу къ описаннымъ дольменамъ. Зимоса состоитъ изъ длиннаго коридора и камеры, сло-
тъ собранныхъ камней, засыпанныхъ и укрѣпленныхъ
рева, прибитыми моремъ къ берегу, землей, травой
это сооруженіе покрывается толстымъ слоемъ снѣга. Кори-
тъ выходу, обыкновенно къ морскому берегу; онъ-же служить
тъ проводникомъ свѣжаго воздуха, такъ какъ ни оконъ,
отверстія нѣтъ. Жилище эскимоса представляетъ собой
ніе типа подземнаго жилища, которое туземецъ не можетъ
затѣ вълѣдствіе каменистой почвы страны.

е землянки происходитъ вначалѣ подъ вліяніемъ необ-
риподнять крышу надъ землей для устройства себѣ болѣе
бмъ черезъ дымовое отверстіе, входа. Крыша подпирается
ревнами—въ лѣсистыхъ областяхъ, плетнемъ или кусками
ли—въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ. Благодаря этимъ спосо-
бка выходить на поверхность. Въ зависимости отъ того,
или крыша плоской или двух- и четырехскатной, чтобы
тъ слишкомъ сильно надавливать на крышу, землянка
ще съ плоской или съ остроконечной крышей. Процессъ
илянки на поверхность происходитъ, конечно, лишь мед-
какъ народность не сразу научается строить вполне под-
ищеніе. При изученіи типовъ жилищъ у разныхъ племенъ
ий, пользовавшихся землянками, не трудно видѣть, съ ка-
иностью этотъ процессъ совершался. Два-три положенныхъ
уга бревна поддерживаютъ крышу башкирской бани—нѣ-
вшей имъ жильемъ, тогда какъ остальное помѣщеніе на-
ь землей. Первобытная землянка киргизовъ поднимается
только настолько, чтобы можно было устроить низкую
ода. Оконъ еще нѣтъ; свѣтъ проникаетъ только черезъ
ерстіе или черезъ дверь.

ишъ надъ землей, землянка въ лѣсистыхъ областяхъ, гдѣ
анія крыши употреблялись бревна, даетъ срубчатое жи-
злѣсныхъ же—плетневую мазанку, или надземную глиняную
ую постройку. Этотъ послѣдній типъ надземнаго че-
го земляного или глинянаго дома особенно интересенъ
онъ приводитъ къ искусству устраивать каменные и кир-
иія. Степные киргизы, устраивающіе прочныя зимовки,
для этого къ дерну или къ глинѣ. Дернъ вырывается
льшими кусками и служитъ матеріаломъ для постройки.
тотъ матеріалъ крайне непроченъ, и стѣну можно возвести

только при условии, чтобы куски
держатъ вынимается кубами въ одинъ
со свойствами глины, болѣе плотной
ленію, заставляетъ большинство населе-
нныя ее. Она въ мокромъ видѣ на-
крывается ногами, кусками дерева и пр.
не выведена на достаточную высоту
жерди для плоской крыши, покрываемъ
потомъ слоемъ земли. Эти зимнія соору-
женія, что сравнительно часто случается
гизъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ есть небольшіе
пояные жилища бревнами. Ихъ бываетъ и
зимовки, иногда же, если это возможно, ими
до самой крыши, скрѣпляя бревна на подобіе
на глиняное жилье дѣлается какъ-бы деревян-
ннхъ этотъ процессъ можетъ привести, къ
лѣса срубомъ, какъ то дѣлается киргизами въ
области, гдѣ сохранились еще лѣса. Здѣсь зимов-
бревенъ, въ то время какъ киргизы степной
продолжаютъ обладывать и закрѣплять большимъ
личесствомъ бревенъ свои земляныя и глиняныя
искусства дѣлать на подобіе кусковъ дерна такіе-
было не трудно, такъ какъ человѣкъ при переходѣ
обыкновенно подражаетъ формамъ, выработаннымъ
матеріалъ. Съ развитіемъ архитектурныхъ способностей
строить дома болѣе правильно. Глинобитныя построй-
ряютъ этому стремленію. Естественная просушка
увеличивающая прочность глины, не могла ускольз-
дательности строящихъ; слѣдствіемъ этого явилась су-
сушка глыбъ на солнцѣ. Такимъ образомъ, появилась
такъ называемый, сырой или саманный кирпичъ. Его
примѣняютъ при постройкахъ киргизы нѣкоторыхъ мѣ-
распространенъ и среди другихъ народностей Азіи.
Египтъ сырой кирпичъ выдѣлывался не изъ глины, а изъ
стѣй составъ которой давалъ по высушкѣ значительну-
натуральнымъ кускамъ. Въ Месопотаміи, въ областяхъ,
камня и лѣса, сырой кирпичъ употреблялся въ качествѣ по-
чительнаго матеріала для построекъ. Геродотъ оставилъ въ
саніемъ построекъ древняго Вавилона и описаніе способа пр-

отъ способъ не разнится существенно отъ современнаго уменьшенія силы давленія, въ Вавилонѣ каждые тридцать кирпичей отдѣлялись другъ отъ друга настилкой изъ того же кирпича, что извѣстно впрочемъ и нѣкоторымъ народностямъ Си. При большихъ и высокихъ постройкахъ прочность достигалась увеличеніемъ ширины стѣнъ, отъ чего уменьшалась сила давленія. Въ этомъ отношеніи можно отмѣтить—какъ и въ древности—черту въ постройкахъ изъ сырого кирпича—значительную толщину стѣнъ, которая поражала Геродота въ постройкахъ древнихъ египтянъ.

А сушки, при помощи солнечныхъ лучей, искусственной, т. е. огня, привело къ обжиганію кирпичей, а потребность условія обжига съ одной стороны, и замѣченное свойство кирпича—обжигу получать большую крѣпость съ другой, привели къ изобрѣтенію размѣровъ кирпича.

Въ мѣстностяхъ каменистыхъ поднятіе жилища изъ подъ земли, т. е. отъ земли, привело къ пользованію камнемъ, какъ строительнымъ матеріаломъ, находящимся подъ руками строителя. Мы видѣли, что при устройствѣ своихъ жилищъ пользуются камнями, изъ которыхъ строятъ валы. На островѣ Эзелѣ (Лифляндской губ.) почва даетъ возможность возводить первобытный коническій, на каменномъ фундаментѣ, сложенномъ изъ негладкихъ камней и плитъ; имъ эстонецъ пользуется въ качествѣ фундамента, какъ же мы видимъ и у древнихъ галловъ. Для постройки жилищъ камни безъ искусственной обдѣлки, ничѣмъ не скрѣплены между собой. Такова, напримѣръ, постройка дольменовъ, держатся исключительно собственной тяжестью; этимъ же пользуются до настоящаго времени каменные изгороди, стѣны вѣнскихъ построекъ въ мѣстностяхъ, изобилующихъ камнями. Для достиженія къ прочности приводятъ къ искусству скрѣплять камни различными веществами, но преимущественно землей, смѣшанной с глиною или глиною. Кладку на извести мы встрѣчаемъ только въ позднѣе и лишь среди культурныхъ народностей. Постройки изъ мелкаго камня или размельченныхъ на небольшіе куски глыбъ на земляной или глиняной кладкѣ встрѣчаемъ только въ горныхъ частяхъ Крыма и Кавказа. Архитектура жилищъ долгое время остается на этой ступени развитія, къ ней не научится обтесывать камни для постройки. Это зародыши котораго можно видѣть въ отбѣлкѣ отъ каменныхъ портативныхъ кусковъ камня, необходимыхъ для постройки,

черезъ нѣсколько промежуточныхъ ступеней
вашю, а затѣмъ и въ полировку камня.

Съ усовершенствованіемъ способовъ постро-
женіе сдѣлать жилище не только болѣе прочнымъ
Въ числѣ усовершенствованій въ этомъ направле-
объ устройствѣ отверстій для свѣта. Первыми
Въ Бразиліи, Африкѣ, среди краснокожихъ ста-
ныхъ инородцевъ Россіи, кочевниковъ степной
и т. д., гдѣ встрѣчается еще шалашъ въ томъ
не имѣетъ отверстія для свѣта, кромѣ двери,
челюстниковъ—и дымового отверстія. То же самое
какъ и пещерахъ: въ первыхъ, дымовое отвер-
дверью и окномъ, во вторыхъ, дверь является
и служить для свѣта.

Въ мѣстностяхъ съ теплымъ климатомъ
въ устройствѣ оконъ не чувствуется; поэтому
окна имѣетъ свое начало въ областяхъ съ суро-
оно появляется первоначально въ зимнихъ жили-
щенія продолжаютъ еще долгое время оставать-
ваніе предполагать, что многія народности на-
наверху, рядомъ съ дымовымъ отверстіемъ. И
ихъ прежде всего сѣжные заносы. Дымовое
только во время топки, послѣ чего оно наглухо
проникалъ черезъ отверстіе, устроенное рядо
прикрытое чѣмъ нибудь прозрачнымъ. Матеріалъ
могъ быть различнымъ. Въ настоящее время по-
ныя въ потолокъ, можно наблюдать еще и
у алтайскихъ тюрковъ; въ XVIII-мъ в. они бы-
татаръ западной Сибири. Оконное отверстіе при-
линой, или рыбьимъ пузыремъ или наконецъ
случаяхъ, когда народность доразвилась до
или вплоть надземныя высокія зданія прежде, чѣмъ
ства дѣлать окна,—климатическія условія вынуж-
небольшую щель для дыма. Она въ послѣдствіи
изъ которой развились въ однихъ мѣстностяхъ
волоковыя окна. Последнія недавно еще были го-
единственнымъ, типомъ окна среди бѣдныхъ слоевъ
и далеко не перевелись и въ настоящее время
на Кавказѣ, въ Крыму и другихъ мѣстностяхъ
кимъ климатомъ преобладаетъ типъ домовъ, въ

ючь или въ холодное время года ставнями. До настоящаго окна съ брюшиной, пузыремъ или льдиной можно называть окна киргизовъ, якутовъ и многихъ другихъ народовъ. Въ время сильныхъ холодовъ, въ особенности по ночамъ, когда очагъ нельзя поддерживать съ той равномерностью, какъ она закрываются ставнями. По усовершенствованіи оконъ заняты мѣстами въ цѣляхъ предосторожности отъ нападенія же исключительно какъ переживание, являясь наружнымъ жилища. Необходимость соединить нескладки пузыря или брюшины для окна приводитъ къ скрѣпленію, напримѣръ, прутьями, дранками, а затѣмъ къ устройству рамъ. Впрочемъ, до этого искусства доразвились сравнительно немногія народности. Зародыши рамы изъ прутьевъ я у алтайскихъ тюрковъ, у якутовъ, въ болѣе развитомъ киргизовъ; но многія народности еще совершенно не дошли до устройства ихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія съ сосѣдями позволяютъ пользоваться стекломъ.

вообще вліяніе природы на культуру человѣка велико, то и въ чемъ это вліяніе не выражается такъ длительно, какъ жилища. Съ развитіемъ культуры человѣкъ въ значительной степени освобождается отъ непосредственнаго вліянія природы, но вліяніе къ постройкамъ вліяніе сказывается еще долго, даже при достиженіи человѣкомъ высокой цивилизаціи. Развитие архитектуры находится въ ближайшей зависимости отъ матеріала, достаточна отмѣтить, что такіе оригинальные, своеобразныя архитектурныя мотивы стили, дающіе подчасъ новыя формы, какъ, напримѣръ, скандинавскій, русскій, индійскіе и другіе, могли возникнуть и развиваться только въ мѣстности, гдѣ обиліе лѣса давало возможность строить зданія исключительно изъ дерева. Этотъ матеріалъ легко поддавался рѣзбѣ и подъ вліяніемъ творческой силы строителя, безъ особой помощи со стороны, своеобразныя, художественныя формы. Глины привели древнихъ строителей Месопотаміи къ важному архитектурному приему—свода, неизвѣстнаго ни древнимъ, ни Греціи, гдѣ матеріаломъ для строеній служилъ преимущественно камень; весьма рано замѣнившій собою дерево:

Въ дополнение къ сказанному о жилищахъ: 1) жилища на деревьяхъ и 2) свайнаго типа не могутъ быть введены въ общую эволюцію, такъ какъ они не характеризуютъ стадій развитія человека, а только являются подъ вліяніемъ особенностей мѣстныхъ условий.

Народности, устраивающія жилища помѣщающихся въ нихъ, известны преимущественно на Суматрѣ, въ Африкѣ и Америки, а равно въ южномъ полушаріи. Исследователи полагаютъ, что, при дифференціи племенъ, первичные люди ютились на деревьяхъ, а только въ позднѣйшее время перешли на землю, строя долгое время свайныя жилища. Обычай жить на деревьяхъ, а равно и постройки, считались воспоминаніемъ о первобытнѣйшей жизни, сохранявшаго будто бы нѣкоторые привѣ�и древности. Но свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ обоихъ типахъ, не оправдываютъ этого мнѣнія.

Жилища баттаковъ Суматры, по описанію Юнга, устанавливаются на стволѣ дерева, верхушка котораго срублена, а вѣтви оставлены. На это дерево поднимаются по лестницѣ 25—30 футовъ высоты. Такія же жилища извѣстны и въ Индіи. Нѣмецкій путешественникъ по Африкѣ Нахтигаль описываетъ жилища на деревьяхъ въ Кимре, въ Вагире. Они устроены на деревѣ—*Eriodendron*, вышина котораго, при помощи вѣтвей дѣлаютъ его особенно пригоднымъ для этой цѣли. Вѣтви остаются незанятыми; на слѣдующемъ этажѣ при помощи жердей помостъ, устланный соломой; на немъ находится маленькая хижина, въ которой хранятся съѣстные продукты и животныя: собаки, козы, куры. Въ слѣдующемъ этажѣ находится еще одна хижина, въ которой могутъ помѣститься 1—2 человека; въ ней хранится оружіе, и въ нее входятъ во время нападенія и бросаютъ въ нападающихъ и въ случаѣ нужды изобрѣтены на нижній этажъ, выходящее оружіемъ въ рукахъ. На такія древесныя жилища поднимаются по лестницѣ или по вѣтвямъ растенія. Ночью, когда наступаетъ опасность, обитатели спускаются съ деревьевъ и по ночамъ живутъ на землѣ. Преданія о былой жизни на деревьяхъ сохранялись среди другихъ африканскихъ племенъ, напримѣръ, среди дари. Что въ указанныхъ случаяхъ мы не должны видѣть въ исторіи развитія жилища, служатъ доказательствомъ соображенія. Во первыхъ, факты устройства жилищъ

редки и не могут быть прослѣжены даже на основаніи ежеиваніи у большинства народностей. Во вторыхъ, плекующія указанный способъ устройства жилища, достигли высокой степени культуры: они земледѣльцы, знаютъ животныхъ и въ частности, какъ указанныя африканскія знакомы съ металлами. Къ тому же, у племенъ, наиболѣе ихъ на культурной лѣстницѣ, не находится слѣдовъ этого третьихъ, въ случаяхъ, когда обычай этотъ встрѣчается, не его всегда объясняется практическими соображеніями: самосохраненіи—будь то отъ людей, будь то отъ вредныхъ, ядовитыхъ змѣй и т. п. Въ Кимре, напримѣръ, по словамъ жилища на деревьяхъ утилизировались исключительно въ емя, и населеніе пользовалось ими какъ крѣпостями. Въ отно- аковъ Суматры слѣдуетъ имѣть въ виду, что у нихъ жилища на столбахъ, размѣры которыхъ колеблутся отъ 1—6 Вдѣсь, слѣдовательно, дерево идентично съ искусственными и жилище на немъ является лишь разновидностью типа, такъ сь, свайныхъ построекъ.

касается свайныхъ поселеній (ихъ принято также называть и, отъ итальянскаго слова palafitti), то онѣ впервые открыты в при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Зима 1853—54 г. в особеннымъ холодомъ и сухостью, и уровень водъ въ швей- озерахъ значительно понизился. Вслѣдствіе этого, обнаружи- ды свай на Цюрихскомъ озерѣ, въ Мейленѣ, недалеко отъ го- слѣдованія привели къ заключенію, что сваи представляютъ еленія, построеннаго на озерѣ, занятаго нѣкогда жите- знакомыми съ металлами. Келлеръ, изслѣдовавшій свайныя и Цюрихскаго озера, приступилъ, вмѣстѣ съ другими археоло- дальнѣйшимъ изысканіямъ въ различныхъ швейцарскихъ

Къ 1879 г. количество свайныхъ селеній превысило 150. распространенія ихъ захватываетъ Савойю, департаментъ Юры, ою, Вюртембергъ, Баварію, Австрію, сѣверъ Италіи и сѣверо-Босніи. Значительная часть свайныхъ построекъ принадлежит камъ, но часть ихъ была населена племенемъ, знакомымъ уже съ ми. Реставрировать способъ постройки свайныхъ жилищъ указан- асти можно приблизительно слѣдующимъ образомъ. На мелкомъ недалеко отъ берега, вбивались сваи, на нихъ настилался помостъ, ромъ строились хижины. Селеніе этого рода было соединено съ ь мостикомъ, который въ случаѣ нужды снимался. Свайныя ки практиковались на сравнительно ограниченномъ простран-

— 214 —

ство Европы. Для этого были подходящие палатки. Только не все население строило себе палатки. Часть селений того периода была найдена и на скаях жилища. В них следует видеть явление благодаря благоприятным условиям съ одной стороны защиты от врагов или диких зверей съ другой стороны. Диких огромных животных палеонтологических обитателей Европы в начале мет с аналогичными постройками въ других частях с твердость это мнение.

Скаяя постройка —

Свайная постройка были открыты и в области Африки, среди малайцев. Зондских островов и в Южной Америке. Область расселения народов малайско-полинезийской группы может быть названа страной свайных жилищ. Так, у малайцев, никобарцев, яванцев, Суматры, дайвов и тагалов и у негритосов во Малайском архипелаге везде дома построены на сваях. Формы дома, в устройстве крыш и пр. имеют характер жилищных строений в указанных местах. В господствующем устройстве жилья на столбах, высота в зависимости от местных условий подвержена колебанию. Колонизаторы Малайского архипелага переняли местные постройки. Бандакермассинг, например, не без основания носит название Венеции Борнео, а город Падембанг—Венеция Суматры. При устройстве жилищ на сваях, малайцы старались сделать их в меньшей степени доступными для атак пиратов. Венецула получила свое имя в честь венецианцев, которые в 1512 году открыли ее. При устройстве жилищ на сваях, малайцы старались сделать их в меньшей степени доступными для атак пиратов. Венецула получила свое имя в честь венецианцев, которые в 1512 году открыли ее. При устройстве жилищ на сваях, малайцы старались сделать их в меньшей степени доступными для атак пиратов. Венецула получила свое имя в честь венецианцев, которые в 1512 году открыли ее.

Въ Африкѣ свѣтлыя постройки, служащія жилищемъ, бы-
ли возведены на одномъ изъ озеръ въ верхнемъ теченіи ре-
ки Замбези на высокихъ скалахъ были построены низенькіе чет-
вертные павильоны, жители занимались рыболовствомъ и земледѣ-
ліемъ.

Въ качествѣ переживанія можно наблюдать черемисовъ, финновъ, Финляндцевъ, въ Скандинавскаго населенія Сибири и пр.

Факты, что свайныя постройки были въ периодъ незнакомства ея населенія съ металломъ въ весьма отдаленную отъ нашего времени встрѣчаются у некультурныхъ народностей Африки, архипелага и, наконецъ, что кладовыя на стѣлахъ у наименѣе культурныхъ народностей Финляндии и вогуловъ—все это доказываетъ, что такого способа самозащиты было доступно людямъ въ весьма низкихъ степеняхъ цивилизации, когда его еще не позволяли ему ограждать себя въ достаточной мѣрѣ и животными, или когда человѣкъ еще не развился до зоваться болѣе прочнымъ матеріаломъ для того, чтобы кладовыя безопасными отъ нападенія хищниковъ.

Возникновеніе жилья обязано, какъ было указано выше, самосохраненію и стремленію оградить и сохранить огонь. Печь является настолько существенной принадлежностью жилища, что общій обзоръ исторіи его развитія не можетъ быть здѣсь.

Именно потому, что очагъ служитъ орудіемъ борьбы, развитіе его происходитъ не въ теплыхъ странахъ, гдѣ суровыя зимы заставляютъ человѣка обратить вниманіе на его усовершенствованіе.

Австралиецъ и огнеземелецъ, какъ мы видѣли, мѣстится первобытнымъ шалашомъ, *передъ* которымъ онъ ставитъ очагъ. Необходимость прикрыть его приводитъ къ родности, такъ и другія, стоящая на низкомъ уровнѣ развитія, ренесенію очага внутрь помѣщенія. Огонь раскладывается на землѣ, а дымъ выходитъ или черезъ дверь, или черезъ отверстие или искусственно образуемое въ вершинѣ шалаша скрѣпленія жердей, вѣтокъ, листьевъ и проч. Въ теплыхъ странахъ обыкновенно не представляется необходимости постоянно держать огонь, не было импульса стремиться къ усовершенствованію отопления, для большаго облегченія выхода дыма. Очагъ мѣстами устраивается не въ центрѣ жилого помѣщенія, а въ двери, мѣстами же его отдѣляютъ отъ жилья, выстраивая

для насыщенных, ничѣмъ не скрѣпленныхъ, а
разжижаются, а такъ какъ камни насыщены
тонкѣ огонь прибивается наружу; дымъ не
или окно. Потребность придать печи болѣе
необходимость прекратить выбиваніе огня, выну
плотнымъ веществомъ. Эти приемы приводятъ къ
глину, которую скрѣпляютъ въ каменныхъ или
ископечъ цѣликомъ. Эти приемы приводятъ къ
плотнымъ сложеннымъ изъ камней, или глинобит
обыкновенно господствуютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ
получаютъ свое развитіе въ постройки ли народны
нѣдствие легкости постройки переходить къ способу
Въ зависимости отъ того, печь развиваются въ ду
пущи надъ огнемъ или переходить къ способу
установки сосуда въ огонь, печи сохраняютъ свою
нѣхъ. Въ первомъ случаѣ печь сохраняетъ свою
форму и въ нее вмазывается котель; во второмъ
дѣлается выше, печное отверстіе больше. Первый типъ
можетъ развиваться, такъ называемая, плита—является
въ Россіи для турецкихъ народностей; второй—предста
такъ называемой, русской печи.

Дальнѣйшее совершенствованіе печи заключается въ
материала для кладки и въ устройствѣ приспособленій
дыма. Глинобитная печь уступаетъ мѣсто
кирпича. Что касается трубы, то въ пер
ленной изъ кирпича, безтрубной печи продѣлывается въ
черной курной, безтрубной печи (противоположной устью)
отверстіе на известной высотѣ. Трубное от
которое дымъ выходитъ по сплетенной изъ прутьевъ или
или досокъ трубъ въ сѣни или прямо наружу. а въ стѣнѣ дома
мѣняется такимъ образомъ не на крышѣ, а въ стѣнѣ дома
тонки тщательно закрывается тряпками и т. п. Устройство
до настоящего времени курная печь весьма часто
среди русского и инородческаго населенія Россіи, въ особ
сѣверѣ, хотя умѣнье дѣлать трубныя печи уже известно
Въ прежнемъ времени черныя печи были господствующимъ типомъ
всего русскаго крестьянскаго населенія, а въ XVI-мъ и XVII-
онѣ были не рѣдкою и въ самой Москвѣ.
При существованіи простаго дымового отверстія дымъ от
расходится по всему помещенію, наполняетъ его и затѣмъ

идеть через отверстие. Для ускорения выхода дыма надъ известной высотѣ отъ него, въ дымовое отверстие встав- съ расширеннымъ нижнимъ концомъ. Эта первобыт- иливаетъ тягу. Во избѣжаніе воспламененія корзины, гъ огнеупорнымъ веществомъ, преимущественно глиной. чи является первоначальнымъ каминомъ. Такъ какъ очагъ среди жилья, то и труба помѣщается въ срединѣ зда- ода очагъ встрѣчался еще въ XVIII-мъ в. среди якутовъ, ихъ помѣщеніяхъ. Трудность прикрѣпленія трубы въ сре- а почти всѣ народности перенести очагъ въ уголь или ѣ прикрѣпленіе трубы облегчалось и гдѣ очагъ зани- мѣста. Первобытнѣйшій каминъ, извѣстный въ русской кой литературѣ подъ названіемъ *чуваль*, состоитъ изъ и, сплетенной изъ прутьевъ, или сколоченной изъ досокъ глиной или другимъ огнеупорнымъ веществомъ. Иногда я лишь съ трехъ сторонъ, четвертой же стороной слу- Чуваль-каминъ распространенъ среди якутовъ, алтай- вѣ, остяковъ, башкиръ, лопарей и другихъ сѣверныхъ гъ ихъ зимовкахъ. На основаніи изученія переживаній, з утверждать, что онъ встрѣчался прежде и среди дру- къ и тюркскихъ народностей, перешедшихъ уже къ болѣе з способамъ отопленія. Чувалы, освобождая помѣщеніе представляютъ то неудобство, что, нагрѣвая помѣщеніе ки, не держатъ тепла. Этимъ слѣдуетъ объяснить, по- сти, живущія въ областяхъ съ болѣе суровымъ кли- нающія только чувалы, охотно перенимаютъ курныя ихъ сосѣдей. Такъ, эти печи перешли къ волжско-кам- тійскимъ финнамъ, переходятъ къ остякамъ, вогуламъ, гюркамъ, якутамъ, башкирамъ и проч. камины сохра- единственный способъ отопленія, въ теплыхъ мѣстно- мѣръ: въ Средней Азій, Персій, на Балканскомъ полу- ѣрымъ, на Кавказѣ и проч., гдѣ населеніе, хотя и зна- оиствомъ печей, но приспособило ихъ только для при- ищи, не имѣя серьезнаго импульса къ развитію печи въ ованный способъ отопленія. Въ южныхъ культурныхъ адной Европы каминъ до настоящаго времени продол- ить почти единственнымъ средствомъ отопленія и полу- аибольшее развитіе.

1. О л е ж д а .

лащъ, который въ разныхъ видоизмѣненіяхъ можно
у малокультурныхъ народностей какъ на югѣ, такъ
углой прототипъ одежды появляется подъ вліяніемъ
защитить какъ спину, такъ и грудь. Для этого на
двѣ шкуры. Отъ этого способа прикрытія развивается
ая съ мѣстными варіаціями широко распространена.
ности отъ условій жизни оба типа одежды видоизмѣ-
уя мѣстами одновременно, иногда же вытѣсня другъ
или другой типъ всегда встрѣчается какъ эмбрионъ
племени. Прикрытіе рукъ и ногъ появляется позже.
материала, то онъ зависитъ отъ окружающей обстановки
селенія. Народности, живущія охотой и рыболовствомъ,
пользуются для одежды шкурами убитой ими добычи.
енной Земли, по свидѣтельству путешественниковъ
прикрывало свое тѣло необработанной шкурой ламы или
гонцы сшивали нѣсколько ламовыхъ шкуръ посред-
вей тетивы или кожаныхъ ремней въ одинъ большой
связывали эту широкую одежду поясомъ. «Сравни-
суровый климатъ южной Австраліи, говоритъ Гель-
уждаетъ туземцевъ защищать себя отъ холода; съ
они.... надѣваютъ родъ шубы, собранной изъ мѣховъ
поссума. Такая шуба состоитъ изъ 70—80 шкуръ, не-
мягка и тепла, сѣровато-бѣлаго или красновато-желтаго
красотѣ и практичности вошла даже въ употребленіе
аттерами (европейскими колонистами, занимающимися раз-
скота).» Шуба эта только до извѣстной степени покрываетъ
а, который вообще, несмотря на всѣ попытки европейцевъ,
привыкнуть носить одежду, которая своей нескромностью
ювала бы европейскихъ колонизаторовъ и миссіонеровъ.
племени нутка въ сѣверо-западной части Сѣверной Америки,
ющіе рыболовствомъ и охотой, продолжаютъ носить шкуры,
накомы съ другими способами приготовленія себѣ одежды:
дичное и военное, т. е. обрядовое, одѣяніе состоитъ изъ шкуры
медвѣдя. Ее надѣваютъ, пропуская подъ лѣвую руку на
печо, гдѣ она связывается двумя ремешками; такимъ образомъ,
остаются свободными, причѣмъ шкура плотно облегаетъ лѣ-
тъ тѣла, оставляя правую нѣсколько открытой; затѣмъ эту, до-
до колѣнъ, одежду подносяваютъ поясомъ. Въмѣсто шкуръ,
нутки иногда украшаютъ опушкой изъ болѣе дорогого мѣха,
требають совершенно такого же покроя кусокъ древесной

кору известнаго хвойнаго дерева, украшенный опушкой, а по нижнему бахромой кисточки накидываетъ на спину въ видѣ плаща.

Насколько первобытный человѣкъ умѣетъ одѣваться данными окружающей его фауны можно видѣть на алеутахъ. Они, занимаясь преимущественно охотой, носятъ одежду, изготовленную изъ матерій ихъ промысловъ. «Главную и необходимую вещь» о. Вениаминовъ (впоследствии митрополитъ) составляетъ парка, родъ длинной рубашки, опушенной по краямъ, со стоячимъ воротникомъ и съ широкими рукавами, дѣлаются изъ птичьихъ шкуръ, преимущественно изъ ласточьихъ (морскихъ попугаевъ), а иногда изъ лисьихъ. Парка для алеутовъ незаменимая вещь: на ней и спать и одѣло и съ нею они не боятся холода. Другая не менѣе необходимая одежда алеутовъ — это также родъ длинной рубашки, имѣющей вмѣсто воротника и рукавовъ, который въ случаѣ надобности надѣвается на голову и стягивается шнуркомъ; также и у рукавовъ, на концы которыхъ нашиваются шнурки, чтобы ихъ стягивать. Камлейки дѣлаются изъ шкуръ преимущественно сивучьихъ, а также медвѣжьихъ и китовыхъ. Обувь — родъ бродячей — издѣлывается изъ этого же матеріала; голенища ихъ состоятъ изъ шкуръ снятыхъ съ саломъ) или горла сивучьихъ. Подошвы дѣлаются изъ китовыхъ и сивучьихъ ластовъ.

Необходимость оберегать себя отъ холода привела къ тому, что люди начали покрывать руки и ноги, съ первыми предметами, которыми они встречались уже на низшихъ ступеняхъ культуры. Первые люди, жившіе на земляхъ, обвѣсивали вокругъ ногъ шкуры животныхъ; итакъ вали ноги шкурами. Въ этомъ покрытіи слѣдуетъ видѣть начало сапоговъ и штановъ. Съ развитіемъ одежды шкуры сшиваются, образуя или высокіе, доходящіе иногда выше коленъ сапоги или длинные штаны. Последніе развиваются, какъ и первые, путемъ. Среди массы народностей, живущихъ въ первобытнѣйшей и не употребляющихъ одежды, господствуетъ обычай сплести на поясѣ кусокъ жоры, траву, листья и пр. С усовершенствованіемъ матеріала это украшеніе — оно употребляется какъ таковое, а не изъ чувства стыдливости — часто въ длинный передникъ, который для удобства обвѣшивается вокругъ тѣла. Среди одеждъ древняго Египта можно

одну видную роль въ числѣ матеріаловъ въѣзды, а въ прежнее время пользовавшихся въѣздомъ. Съ переходомъ народности отъ божества во многихъ мѣстахъ продолжается какъ, напримеръ, кавказская бурка.

Среди охотничьихъ, рыболовческихъ и восточныхъ сферъ мы видимъ большее развитіе охоты, достигнувъ болѣе высокой ступени развѣдыванія и развитіе болѣе совершенныхъ охотничьихъ. Украшенія южанъ развиваются подъ чуждыми условіями въ прочую, часто довольно сложную значительной доли искусства для изготовления орудій некультурнаго человека. Эта ода преимущественно изъ шкуръ, обдѣланныхъ съ большою искусствомъ, вѣроятно—изъ продуктовъ отъ стадъ, потому что почти не даетъ сѣверянину матеріа. Онъ озабоченъ гонимъ и мало обращаетъ вниманія на себя легкой одежды, такъ какъ теплое (относительно) продолжается недолго, зимой же ему не приходится даже дома, въ виду того, что легкие шалаша достаются землянкахъ и первобытныхъ срубкахъ, гдѣ иногда сѣверянцы живутъ совершенно раздѣтыми.

Стремленіе къ украшенію гдѣ заставляетъ южанъ матеріалу, добываемому изъ растительныхъ продуктовъ эти сначала служатъ для хозяйственныхъ цѣлей, въ значительную усовершенствованномъ употребленіи въ качествѣ одежды. Древесная кора употребляется некультурными народностями при хозяйствѣ и въ качествѣ украшеній. Человѣкъ замѣтилъ свойства деревьевъ подѣ влияніемъ различныхъ прѣдѣловъ въ значительной степени свою твердость. Замѣченное мѣстами въ *выдѣлать* матеріи изъ коры. Это проявленіе совершенства въ центральной Африкѣ, степей, достигнувъ болѣе высокой культуры и не для своей одежды сырыми матеріалами, доставляемыми природой. Населеніе Уганды выдѣлываетъ кору слѣдующимъ образомъ. Съ встрѣчей болѣе изобиліи дерева *Ficus indica* снимаютъ растягиваютъ ее на деревянной доскѣ и начинаютъ с ней особыми молотками, вѣдѣніемъ чего кора растяги-

тально совершенства. Въ некоторыхъ мѣсто при изготовленіи рогожекъ, служащихъ одея низкихъ приспособленій. Стоя на колыняхъ, челнока, ткачъ туземецъ проводитъ утокъ отдельно. Работа подвигается въ высшей степени дотѣ въ недѣлю успѣваетъ сдѣлать наиболѣе с

Усовершенствованіе способовъ плетенія прив танкому станку. Бразильскіе дикари ¹⁾ упот первообытный ткацкій станокъ. Два столбика, съ в ставлены другъ отъ друга на извѣстномъ разс накладываютъ хлопковъ, а нить проводятъ съ . Сучить нити бразильцы умѣютъ не только изъ : изъ мочала отъ пальмъ и изъ жилокъ ананасовъ Мексикѣ ²⁾ приспособленіе для тканья состоитъ изъ деревянныхъ палокъ, въ которыхъ горизонтально пр палочки, имѣющія отверстія посрединѣ, такъ, что въ видѣ рѣшетки. Самъ станокъ до крайности пр станокъ въ его простѣйшемъ видѣ мы встрѣчаемъ в постьяхъ Америки: въ древнемъ Перу, Чили, Мексикѣ, въ Гуйянгъ и проч. Онъ извѣстенъ и малайцамъ, а раи другихъ мѣстахъ. Особенное распространеніе онъ получ грекамъ и римлянамъ онъ былъ извѣстенъ съ древнѣй

Незнаніе или неумѣніе подъ руками подходящихъ вляетъ замѣнять грубыя ткани изъ древесныхъ волок ными и теплыми изъ шерсти. Народности, знакомыя шерсти, скоро узнаютъ и сученіе нитокъ. Сначала идутъ только на веревки, арканы и проч., а впо нияютъ собой растительныя вещества при плетен . Употребленіе тканей изъ шерсти у кочевниковъ и с рѣдко предшествуетъ употребленію ихъ изъ льна, . Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что съ очень многія народности, развитыя искусство тка были знакомы съ полотномъ и тому подобными и: другой стороны тѣмъ, что ленъ въ настоящее время распространенный, появился въ Европѣ сравнитель

1) Ткань употребляется ими не для одежды, которой они не ковь, которые являются необходимой домашней принадлежностью. нихъ, спасаясь отъ вредныхъ наѣдомыхъ и змѣй, часто заплотзающиз

2) Globus, 1896, № 1.

3) Весьма интересно, что описанное приспособленіе повторяет въ Финляндіи.

XI. Способы и средства передвижения

Крупная победа человека надъ окружающимъ заключается и въ способности преодолевать препятствія способами перевозки тяжестей. Человекъ стремится сдѣлать себя доступной какъ сушу, такъ стремленія возникаютъ рядъ приспособленій. Вода ставала первобытному человеку при передвиженіи онымъ могъ передвигаться свободнѣе. Поэтому онъ при изысканіи средствъ для преодоленія водныхъ препятствій передвиженія имѣетъ свою исторію, которая конюмѣрность ихъ постепеннаго усовершенствованія.

Многія народности до настоящаго времени не имѣли потребности лодокъ, и каждая болѣе или менѣе значительная рѣка служитъ препятствіемъ для нихъ. Некоторые бразильскія народности, какъ ~~напримѣръ~~, ~~бо~~ не знаютъ лодокъ. Если имъ на пути встрѣчается широкая рѣка, они устраиваютъ мостъ, который состоитъ изъ лѣнъ, перекинутыхъ черезъ рѣку, одна ~~лѣна~~ ~~и~~ переходятъ по одной лѣнѣ, держась руками за другія части остальныхъ народностей центральной Бразиліи лодками. Для изготовленія ихъ выбираютъ подходящий кусокъ снятую кору раскладываютъ на низкія подпорки и разжигаютъ. Отъ дѣйствія огня кора дѣлается болѣе мягкой и изгибаются кверху. Тогда кусокъ коры спереди заостряютъ, а концы его загибаютъ назадъ. Для придачи такому челноку чинности внутри устраиваютъ поперечины, изъ которыхъ развиваются скамьи для гребцовъ. Лодки этого рода достигаютъ 8 метровъ и больше длины. Для управленія принимаютъ форму листьевъ; каждый гребецъ у

вооруженнаго двинимъ вѣсломъ. Кожаная прикрѣпляется къ борту, идущему вокругъ безъ и каятъ составляютъ нѣчто цѣльное. для воды лодкахъ эскимось не боится вы за 15—20 миль. Онъ управляетъ каякомъ съ Такъ, опрокинувшись съ нимъ вмѣстѣ въ во можетъ снова подняться. Тотъ же типъ лодки Въ XVIII-мъ вѣкѣ Крашенинниковъ описалъ во вались китовыми усами) у сѣверныхъ камчадковъ и чукчей. Наибольшее развитіе кожаныхъ ясиается вѣроятно главнымъ образомъ тѣмъ, чувствовали наибольшей недостатокъ въ лѣсѣ. вѣка на примѣръ, живя въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣ морскимъ теченіемъ изъ Японіи, Америки и строятъ, въ виду большей прочности, лодки изъ д несовершенствъ орудій, изготовленіе лодокъ треб труда, что многие предпочитали сохранять св Основной типъ деревянной лодки изготовляется из Такия лодки либо выдалбливаются какими-нибудь с товляются силой огня. Впрочемъ, во многихъ мѣс выдалбливаніемъ при помощи огня и способъ прос болѣе распространенъ. Съ появленіемъ металличес дѣлается господствующимъ.

Выдалбливаніе дерева огнемъ обыкновенно прои щимъ образомъ. Дерево постепенно выжигается, а у аются. Такъ поступали, на примѣръ, сѣверо-американ верной Америки, которая выскребывали уголь рогови выдалбливаніи, какъ сказано, подвигается медленно. К говоритъ, что на изготовленіе лодки требовалось три мѣ мѣчаетъ, что сѣверо-американскій индѣецъ употребляет боту нѣсколько мѣсяцевъ, и что хорошая лодка нн Лодки, выдолбленныя изъ одного куска дерева, до нас мени въ большомъ употребленіи въ Россіи. Ихъ можно среди русскаго и среди инородческаго населенія. Они чаются не только въ глухихъ мѣстностяхъ, но и въ Олонедкой, Архангельской губерніяхъ и въ Сибирѣ, въ ностяхъ, лежащихъ недалеко отъ крупныхъ центровъ: въ Черниговской губерніи. Этотъ типъ лодокъ является господн у обскихъ остояковъ. Ихъ лодки не отличаются большими и въ нихъ могутъ помѣститься лишь 1—2 человека; снѣж

но, вследствие чего управление ими для непривычнаго представляет не мало трудностей. Сереры (въ сѣверо-западной части) составляютъ себѣ лодки изъ выдолбленнаго древеснаго бревна съ боковъ пришиваютъ къ нему борты изъ досокъ; пришивные борты дѣлаются изъ кусковъ коры. Многія строятъ себѣ лодки изъ выдолбленныхъ деревьевъ сравнительно большаго размѣровъ. Сѣверо-западные американскіе краснокожіе до 12-ти метровъ длины, въ которыхъ могутъ помѣститься 20-и человекъ. Подобныя же большія, до 15-и метровъ длины, выдолбленныя изъ кедровъ лодки видѣли мы у береговъ Кубы, Флориды, Юкатана; на подобныхъ возятся товары до 1,800 фунтовъ. До ста человекъ вмѣстѣ негровъ на устьѣ Нигера (въ Бонни), управляемые прямо-арусомъ.

Большее развитіе лодки заключается въ томъ, что она дѣлается изъ несколькихъ кусковъ дерева. До этого искусства поднялись архипелаговъ Тихаго океана: поли-и меланезійцы, а также и население Малайскаго архипелага. Имъ знакомо употребленіе дерева существеннаго открытія для исторіи кораблестроенія. Въ этой области, благодаря вышнимъ условіямъ, населеніе развитости достигло высокой ступени развитія, въ особен-припомнить, что ихъ лодки изготовлялись при помощи орудій или топоровъ съ лезвіями изъ раковинъ, щитовъ т. п. Развитіе судостроительства, конечно, не во всѣхъ названной области одинаково. Въ нѣкоторыхъ частяхъ сохраняются выдолбленныя лодки и плоты, даже лодки изъ коры. Эти типы не подходятъ для дальнихъ плаваній, часто предпринимаются обитателями Тихоокеанскихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ судоходство сильнѣе развито, напри-ровахъ Тонга, Фиджи, Самоа и пр., мы видимъ наиболѣе совершенное кораблестроеніе. Жители Таити строятъ свои лодки изъ несколькихъ древесныхъ стволовъ; маори Новой Зеландіи выдалбливаютъ себѣ лодки, такъ какъ у нихъ есть сосны, дающей длинныя правильныя стволы; населеніе Новой Зеландіи выдалбливаетъ лодки до 20 метровъ длины. И набо-ямеъ (Williams) отмѣчаетъ на Фиджи корабль, состоящій изъ несколькихъ стволъ съ помощью огня древесныхъ стволовъ и длин-метровъ; Кукъ описываетъ, состоящій изъ трехъ стволъ на Новой-Зеландіи въ 20 метровъ длины и 1½ метра ширинъ д'Юрвилль (Dumont d'Urville) видѣлъ корабль въ

24 метра длины, 2—ширины и больше вмещать 80—100 человек, и при этом до 7 узлов в часъ.

Соответственно увеличенію размеровъ весель. На островахъ Палау встрѣчаются. На островахъ Тихаго океана, впрочемъ, кронезіи, можно видѣть оригинальный типъ корабельной лодки, которая состоитъ изъ двухъ кадокъ помостомъ. Этимъ способомъ увеличивается она легче выдерживаетъ напоръ волнъ. Въ этихъ лодкахъ для большей устойчивости и приспособленія. Сбоку судна, въ серединѣ его жердяхъ или бревнахъ, прибитыхъ къ куляриныхъ къ нему, длиной въ 1—2 метра, прибитый стволъ, лежащій на водѣ, параллельно съ лодкою, характерное для типа лодокъ на островахъ Тихаго океана по различнымъ мѣстностямъ. Фиджіицы знаютъ устройство такихъ лодокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ извѣстна и то, что собственно навело человека на мысль устраивать лодки неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, наиболее первое слѣдуетъ видѣть въ четырехугольномъ кускѣ рога, на которомъ къ двумъ палкамъ, и установленнымъ на бортахъ лапоть, напримѣръ, новозеландцы. Со временемъ чепурусъ начинаетъ прикрѣпляться къ мачтѣ на палкѣ, и хранится и тогда, когда народность начинаетъ дѣлать русины. Такъ, напримѣръ, эсты совершаютъ дальнія морскія своихъ тяжелыхъ лапбахъ, управляемыхъ четырехугольнымъ. Населенію Тихаго океана извѣстна больше уснѣхъ трехугольный парусъ, который дѣлается изъ рога.

Среди населенія малайскаго архипелага мы такъ съ рядомъ различныхъ типовъ лодокъ. Населеніе полуострова Малакки, острововъ Люциона, Борнео и др. знакомо съ лодками, между тѣмъ какъ многіе рыбаки морскихъ береговъ этихъ же мѣстностей употребляютъ изъ дерева лодки, снабженныя матой, т. е. тростникомъ изъ тростника. Лодка имѣетъ и крытое//мон народности на Суматрѣ, Борнео и проч. устраиваютъ рабли съ высокими бортами, приподнятыми носовой и тѣми, съ двумя мачтами и парусами. Этотъ типъ, общій названіемъ прау, на которомъ совершались...

ково у всехъ народностей. До настояща некультурныя племена знаютъ лишь пера австралийцевъ, бразильскихъ дикарей, вер и пр. прорѣзана тропинками, идущими иногда едва замѣтными глазу европейца.) пользуются обыкновенно женской рабочей а съ прирученіемъ животныхъ является возможна домашнего скота для перѣздовъ и для провоза снмости отъ того, какое животное въ данной главнмъ изъ числа прирученныхъ и какое удовл степени стремленію человека къ облегченію труд рѣзду—мы видимъ большое разнообразіе въ вы указанныхъ цѣлей. Въ общемъ можно признать, что воинаго въ качествѣ вьючнаго и для верховой їа пользованію имъ для упряжи. Это объясняется тѣ было нетрудно, перегоняя свой домашній скотъ, а чить свою вошу, взыалиши часть ея на животное самому сѣсть на него. Въ качествѣ исключительно ид ныхъ, или въ качествѣ упряжныхъ употребляются са животные. Среди народностей южной Африки, также і требителн снособъ їзды верхомъ на быкахъ, которые медленнѣ лошадей, но довольно выносливы. Упряжи экипажи, въ настоящее время вышедшая у многихъ нар употребленія, прежде была очень распространена. Веры упряжнмъ животнымъ, пользовались татары; переконскіе кочевые татары сохраняли этотъ обычай до конца . Въ настоящее время среди степныхъ восточныхъ г были вѣдены удачныя опыты упряжки верблюдовъ для сельскихъ работъ.

Первоначальная верховая їзда не знаетъ ни сѣдла, ни седла; появленіе первыхъ предшествуетъ вторымъ. С неизвѣстны, напримѣръ, древнему классическому міру, равно какъ и усовершенствованныхъ сѣделъ, повидим некая въ Азіи, въ срединѣ части ея, т. е. среди степ ковь древности. Степныя народности, благодаря переко встали то въ мирныя, то въ враждебныя отноше сѣдлами и многое воспринимали отъ нихъ, съ тѣмъ сѣдлѣмъ передать замѣтованія другимъ народностямъ приносить распространеніе стремлять въ Европѣ. І какъ въ археологическихъ изысканіяхъ на Алтаѣ і

Степныя народности

Ирм, Зависимость, Кармать, а разнотъ въ
глаголахъ мѣстностяхъ собственно Россіи.
мѣстныхъ тѣхъ рѣки, чаще—оливковыхъ
иногда (особенно въ Саваннѣ и въ Египтѣ)
такъ называемая риги; она состоитъ изъ д
ствуютъ, соединенныхъ двумя перекладинами
иногда или дубовой кузовъ для клада». Ав
близко и въ Олонцкой губерніи, гдѣ
почва и пр. препятствуютъ сообщенію лѣтомъ
ихъ мѣстахъ Новгородской губерніи по тѣмъ
ваются такъ называемая «смычки». Это дв
торыхъ привагуются къ лошади, подобно оглоб
днѣ жердей укрѣпляются дощечки, на котор
газъ: путники садятся на лошадь. Подобны
блжаются и въ Вологодской, Пермской и Вятской
1895. № 2. стр. 183).

На основаніи данныхъ языка и фактовъ и
считать установленнымъ, что сани произошли изъ
шинства народовъ, не занимавшихся непосред
ствѣннѣе совершеннаго типа саней. Въ волокуш
лѣ тонкія части жердей привязаны къ упряжному зв
лѣ толстая тащется по землѣ, мы имѣемъ прогон
нѣйшее усовершенствованіе заключается въ томъ, что
лѣются отъ волочащейся части и привязываются къ
этому, по мнѣнію Анучина, человекъ могъ быть прива
При плохихъ дорогахъ жерди могли часто ломаться, и въ
заставляла ихъ связывать. Неудобство прямыхъ полозьевъ
талкивающихъ на неровности пути, должно было прив
гибанію полозьевъ вверхъ, а необходимость увеличить пох
клада—къ удлинению саней. Желаніе облегчить передвиженіе
деніе, что нижняя часть полозьевъ отъ употребленія с
привели къ устройству плоскихъ полозьевъ. «Простѣйш
настоящихъ саней были, повидному, дровни, салазки, и бол
томъ въ своемъ развитіи дали и болѣе совершенныя особ
тины (напримѣръ, возки и пр.). Сани наиболѣе употребленіе
гдѣ климатическія условія дѣлаютъ ихъ употребленіе особ
обходимымъ. Развитіе саней среди сѣверныхъ народовъ ш
виднѣе тѣмъ же путемъ, какъ и въ болѣе южныхъ област
именно климатическими условіями слѣдуетъ объяснить, что
общемъ низкомъ уровнѣ культуры сѣверныхъ инородцевъ, сани

однимъ преданіемъ малоруссовъ изобрѣтены черныя
ломоноу или ан. Петромъ и Павломъ и т. д.

Сани мы встрѣчаемъ и въ древности, въ
скихъ барельефахъ. Въ качествѣ переживана, сани
что сани предшествовали колеснымъ повозкамъ, въ
обрѣдахъ разныхъ народностей, напримѣръ, среди древнихъ
Погребальный ритуалъ предписывалъ перевозить покойника
на санихъ: «на полозья, говоритъ Анучинъ, стланнымъ
мѣй и въ немъ ее везли къ алтарю, гдѣ проводили
Этотъ ящикъ ставился на лодку, а эта послѣдняя шло
торимъ при помощи кольца прикрѣплялась упряжь. Это
лигиозномъ ритуалѣ, сохраняющемъ всегда слѣды быта
быта народности, удерживается весьма часто обычай
койника *непрерывно* въ санихъ. Этотъ обычай можно
древней Россіи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. По
кова обычай перевезенія покойника въ санихъ, напри
росіи не вывелся и въ настоящее время (Anthrop. *и*
стр. 486).

Если сани, указываетъ Анучинъ, послѣ появленія
зокъ переходятъ въ однихъ мѣстностяхъ въ разрядъ ритуаль
жой, то въ другихъ они переходятъ въ разрядъ орудій, въ част
требуемыхъ для молотбы. Въ качествѣ молотилки мы встрѣ
въ древнемъ Египтѣ: къ нимъ прикрѣплялся кузовъ отъ
тую клали грузъ и гдѣ помѣщались погонщики. Эти сани
разбросаннымъ пучкамъ колосѣвъ, причемъ зерно отдѣ
даря давленію; иногда, для облегченія отдѣленія зерна, въ
часть полозьевъ вставлялись кремни или острые осколки
описанію Варрона, обычай употреблять для молотбы сани
и въ древней Италиі, въ глухихъ мѣстностяхъ которой сани
лись до настоящаго времени. То же самое встрѣчается въ
Египтѣ, въ некоторыхъ мѣстностяхъ Испаніи и Португаліи,
верной Африкѣ, на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, на
въ Сиріи, Малой Азій, Персіи и вообще на востокѣ. Мо
добнаго рода мы встрѣчаемъ у болгаръ (табъ называемый
въ Румыніи, Закавказьѣ и пр.

Зарожденіе колеснаго экипажа слѣдуетъ искать въ
мѣстностяхъ. Намѣтимъ здѣсь лишь выдающіеся моменты
витія. Колесная повозка имѣетъ свою длинную исторію
и, по справедливому замѣчанію Тэйлора, принадлежитъ

ь машинъ, когда либо изобрѣтенныхъ человекомъ». зученіе типовъ колесныхъ повозокъ приводитъ къ за- во-первыхъ, первоначальный типъ ея имѣлъ не четыре, о-вторыхъ, колеса не имѣли спиць, а были сплошныя— ось была подвижная, т. е. вращалась вмѣстѣ съ ко-

ящаго времени типъ первобытной повозки сохранился ребительной въ Абхазіи, гдѣ она, по словамъ Анучина, нныя толстыя колеса съ забитою въ нихъ на глухо осью, ается вмѣстѣ съ колесами». Тэйлоръ отмѣтилъ, что ли деревенская телѣга древняго міра въ ея самой грубой вмѣсто колесъ два массивныхъ деревянныхъ круга, почти циною, сдѣланныхъ изъ поперечно-перерѣзаннаго ствола. Чемъ эти круги или колеса не вращались на оси, но были насажены на ней; ось удерживалась на мѣстѣ посред- ственныхъ деревянныхъ задержекъ или планокъ, или прохо- кольца на днѣ телѣги и вращалась вмѣстѣ со своею па- , какъ это дѣлается на дѣтскихъ игрушечныхъ повоз- .тѣ типъ далъ Тэйлору основаніе объяснить происхож- есной повозки. «Сначала, пишетъ онъ, употреблялись катки, на которыхъ катили каменную глыбу или другую тяжесть. Представимъ себѣ, что подобный катокъ, сдѣ- ть гладкаго древеснаго ствола или бревна, усовершенствованъ акъ, что средняя часть его обтесана и сдѣлана тоньше, слѣ- онъ превратился въ ось съ двумя широкими кругами по затѣмъ такъ, что ось помѣщена подъ какимъ нибудь гру- остовомъ изъ брусевъ и вращается подъ нимъ; мы полу- простѣйшую мыслимую повозку на колесахъ. Разъ появилось первое понятіе о повозкѣ, вѣроятно, что колеса стали впо- дѣлать отдѣльно, прикрѣплять ихъ къ *подвижнымъ* осямъ ть шинами. Затѣмъ, при легкихъ колесахъ и гладкой почвѣ, сообщили вращеніе на неподвижныхъ осяхъ. Конечно, все ючаетъ Тэйлоръ, не болѣе какъ предположеніе, но во всякомъ во вполнѣ уясняетъ нашему уму, чѣмъ была повозка по своей

отеза Тэйлора имѣетъ за собой большую долю вѣроятности, тѣе, что кромѣ указанной арбы абхазцевъ и древне-римской ны встречаемъ часто типы, которые могутъ объяснить если исхожденіе, то во всякомъ случаѣ развитіе колесной повозки. Португаліи двухколесная телѣга отличается отъ описанныхъ

— 240 —
только темъ, что въ толщѣ колесъ
рѣза—это зародившейся колеса со спицами
веиной губернии встречаются телеги,
цилиндрическихъ обрубковъ ствола, съ
занимаемая последними, значительно мень-
шею спицами. Въ Костромѣ
соотвѣствующихъ колесамъ и иногда съ вер-
такъ называемая колесики и вертятся на
сохъ, на двухъ колесикахъ и вертятся на
Тверской и Исковской губерний вертятся на
глухо заколочена въ ступицы и вертятся на
колесная арба была широко распространена. В
шее время встрѣчается часто у нихъ и
ностахъ.

Колесная повозка уже давно достигла
Достаточно вспомнить боевые колесницы древнего
димъ колеса со спицами, снабженныя крѣпкой ши-
чеками и проч. Боевые колесницы древности и
представляются, поскольку они дошли до насъ в
меньше усовершенствованными. Другія народности,
точности въ развитіи техники, долгое время про-
вѣсь болѣе первобытными повозками. Такъ, на
кочевники Азіи, переходившіе громадные простран-
Монголіи до береговъ Адриатическаго моря, имѣли ли-
повозки. Они знали и двух-и четырехколесныя телеги
изошли вслѣдствіе стремленія удлинить размѣры второ-
либо передней части кузова могла подставляться вторая
колесъ. Первобытный типъ четырехколесной телеги мо-
во многихъ мѣстностяхъ. Такъ, на примѣръ, въ Крыму
крѣпится сзади вторая же пара колесъ, соединенныхъ
толстыми, кривыми деревянными брусками, призываемымъ
къ передней части. Кочевья народности приспособили свои
перевозки цѣлаго дома. Легкая, сдѣланная изъ тонкаго лѣса
и покрытая войлокомъ палатка ставилась на арбу, и кочев-
не разбирая своего дома, совершать большія путешествія. Та-
воили своихъ женъ и дѣтей писатели XIII-го в., посѣтившіе татарскіе
палаткахъ говорятъ писатели XIII-го в., посѣтившіе татарскіе
Поло, Плано Карпини и Рубрукъ. Последний отмѣчаетъ, что
достигаютъ у нихъ до 30-ти футовъ длины; я нѣсколько разъ ви-
одинъ, который имѣлъ отъ одного колеса до другого 20 футовъ. И
лось 22 вола, чтобы свезти такую юрту. Подвижныя юрты

имъ стенимъ татарамъ и въ послѣдующіе вѣка: отъ
-го вв. Въ XVIII-мъ столѣтіи обычай перевозить ки-
юлесной арбѣ встрѣчался и у астраханскихъ татаръ,
время онъ сохранился въ качествѣ переживанія у
на предкавказской плоскости. Они ставятъ свои легкія
Зываемыя *отовы* на двухколесныя арбы, причемъ часть
Зя подъ основаніемъ юрты.

■ стаеть русскихъ уже знакомыми съ колесными эки-
Зимому, древнѣйшимъ типомъ была у насъ *кола*, кото-
Та (судя по рисунку, находящемуся въ Сильвестровскомъ
Я о Борисѣ и Глѣбѣ) телѣгу на четырехъ колесахъ
Гчины. Хотя упомянутый рисунокъ относится къ XVI-му в.,
Олы встрѣчается еще въ нашей начальной лѣтописи
О *кола*, какъ говоритъ Анучинъ, иногда замѣняется въ
Званіемъ телѣги, словомъ заимствованнымъ у сосѣдей-
Зчалѣ слово *телыга*, повидимому, употребляется для озна-
Сныхъ повозокъ кочевниковъ; такъ, на примѣръ, въ Словѣ
Эвѣ говорится о половцахъ: «крычатъ тѣлѣгы полу-
Збеди роспужени». Впослѣдствіи слово *телыга* вытѣсняется
гія слово *кола*. Позднѣе, уже въ царскій періодъ истори-
Россіи, мало по малу появились другіе типы колесныхъ
ачала—*колымага*, затѣмъ «*корьта*», «*колыска*» и др.

XII. О р у ж і е.

Первобытному человеку приходится отстаивать себя от влияния климата, не только заботиться о добывании пищи, но и о присканіи защиты от диких зверей, но онъ вынужденъ еще свое существованіе и съ себѣ подобными. Одновременно съ группою, которой принадлежит тотъ или иной индивидъ, существуютъ рядъ такихъ же группъ, преслѣдующихъ одинаковыя цели, каждое стремленіе каждой группы обезпечить свое существованіе, вліять ее ревниво оберегать свои интересы и даже входить въ сферу интересовъ сосѣдей. Поэтому на низшихъ ступеняхъ жизни отдѣльныя группы находятся, если такъ можно выразить, въ хроническомъ враждебномъ отношеніи другъ къ другу. Отношенія строятся постоянными обидами, убійствами при взаимныхъ новеніяхъ, которыя, въ свою очередь, вызываютъ мести: убійства, грабежи и пр. Военное состояніе является характернымъ некультурнаго быта. Выраженіе Гоббса—*bellum omnium contra omnes* ошибочно лишь въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ человека изолированнымъ и находящимся внѣ групповой органи-

Война ведется на низшихъ ступеняхъ развитія тѣми способами, какъ и охота. Дикарь во время войны, какъ и при охотѣ, старается выслѣдить врага, какъ онъ выслѣживаетъ дичь, устрѣляетъ, употребить хитрость и пр. На низшихъ ступеняхъ жизни не можетъ существовать рѣзкаго различія между оружіемъ и орудіемъ. Некультурный человекъ пользуется каменнымъ молотомъ для выдалбливанія лодки, такъ и при охотѣ и при войнѣ стрѣлы служатъ ему на войнѣ, на охотѣ, рыбной ловлѣ. Дифференціація происходитъ при болѣе развитомъ бытѣ, потребности послѣ знакомства съ металлами, выдѣлка которыхъ позволяетъ совершенствовать формы въ большей степени, чѣмъ

другого матеріала, а также приспособлять орудія для определенных цѣлей.

Бы ни казались, съ перваго взгляда, схожими лукъ и стрѣлы, орудія различныхъ народностей въ разные эпохи, сравнительное изученіе ихъ даетъ возможность не только группировать по типамъ, прослѣдить исторію ихъ развитія, но даже предѣлѣть вліяніе одной народности на другую въ сферѣ во-

Копье, лукъ, стрѣла и пр. имѣютъ свою исторію, какъ е одежда и другіе продукты матеріальнаго развитія человѣка.

Оруженіе удобнѣе всего раздѣлить на двѣ группы: оружіе для и оружіе для защиты—*наступательное и оборонительное*.

Группа дѣлится, въ свою очередь, на двѣ категоріи въ зависимости того, дѣйствуетъ ли оружіе на объектъ непосредственно, а зстояніи. Оборонительное оружіе раздѣляется на группы въ сти отъ того, какая часть тѣла защищается: голова, грудь, пр.

Ступательное оружіе появляется раньше оборонительнаго, при- дѣйствующее непосредственно предшествуетъ дѣйствующему на ии. Изъ непосредственно дѣйствующаго оружія, повидимому, е первобытнымъ слѣдуетъ считать топоръ. Въ первой половинѣ ма каменный топоръ оказывается единственнымъ оружіемъ че-

Среди некультурныхъ расъ современности мы не встрѣчаемъ сти, незнакомой съ топоромъ, хотя такія, которыя не знаютъ и другихъ видовъ оружія, встрѣчаются нерѣдко. Первобытнѣйшій топоръ, прикрѣпленный къ древку, давалъ первобытное извѣстное такъ же какъ и топоръ почти всѣмъ народностямъ. съ прототипомъ копья является заостренная палка, которая бляется и для хозяйственныхъ цѣлей, для выгребанія корней: гла навести человѣка на мысль устроить себѣ первое колющее . Наконечники копій мы видимъ уже во второй половинѣ дн- знаго періода, въ большихъ каменныхъ наконечникахъ эпохи юэ, хотя можетъ быть, что и каменные топоры первой половины періода насаживались на древки. Въ настоящее время копья упо- ютъ почти всѣ некультурныя народности, а нѣкоторыя, какъ, гѣръ, инья племена центральной Бразиліи, не пользующіяся ъ, употребляли его еще въ сравнительно недавнее время и ли его благодаря тому, что лукъ оказаяся болѣе цѣлесообраз- оружіемъ. Палица-дубина, одно изъ наиболѣе распространенныхъ ; обыкновенно выходитъ изъ употребленія съ появленіемъ болѣ енныхъ типовъ. Бразильцы оставили ее какъ оружіе и сохра-

наютъ ее только для игръ. Наибольшее же
Меланезіи, гдѣ она украшается то-
хожа скорѣе предметъ роскоши чѣмъ
первобытнѣе. Въ периодъ незнакомства съ ме-
народностей. Въ периодъ незнакомства съ ме-
изъ раковинъ, тростника, изъ камней. Послѣ
пространены среди доисторическихъ жителей
въ качествѣ переживания ножа приводитъ къ у-
Иудей. Усовершенствованіе ножа приводитъ къ у-
послѣ перехода къ издѣлію металлическаго оружія,
ваются кинжалъ, палашъ, мечъ, сабля и пр.
оружія, дѣйствующаго непосредственно, можно с-
всего человѣчества. Совершенствованіе ихъ обусловли-
причинами, но главнымъ образомъ развитіемъ техн-
металловъ.

Что касается до метательнаго оружія, то хотя п-
(копья, топора или даже камня) и встрѣчается у всѣхъ
виды *спеціально* метательнаго оружія развиваются у
ково. Лукъ и стрѣлы, кажушіеся первобытнѣе оружі-
далеко не всѣмъ племенамъ. Такъ, напримѣръ, полинезійцы
ними; въ Меланезіи лукъ и стрѣлы встрѣчаются только в
неѣ, на Саломоновыхъ и Ново-Гибридскихъ островахъ. Въ д-
ностяхъ Меланезіи главнымъ оружіемъ служатъ палица. В-
является, пожалуй, наиболѣе распространеннымъ
оружія. Предположеніе, къ которому склоняется *и Тайлоръ*,
и стрѣлы развились изъ болѣе простаго снаряда, а именно
навливаемой въ лѣсахъ особой западни, состоящей въ при-
дотика къ упругой вѣтви, которая укрѣпляется такъ, что при-
мимо животное спускаетъ ее, и дротикъ летитъ ему вслѣ-
требуется подтвержденія. Во всякомъ случаѣ, происхожденіе лука
неизвѣстно. Типы лука сильно варьируютъ по мѣстностямъ и
ностямъ. Лукъ дѣлается то изъ одного куска согнутаго дере-
изъ нѣсколькихъ, скрѣпленныхъ различными способами. Раз-
лука сильно колеблются; варьируетъ и самый способъ его упр-
ленія. Однѣ народности при стрѣльбѣ держатъ его горизонт-
другія вертикально; однѣ стрѣляютъ стоя, другія опускаются на
лѣбно и пр. Варьируютъ и стрѣлы, въ особенности ихъ наконеч-
Стрѣлы у нѣкоторыхъ племенъ иногда состоятъ изъ простой заост-
ной палки (Бразилія), но чаще устраивается наконечникъ изъ
камня и т. д. Форма наконечниковъ можетъ быть, напримѣръ, лан-
цетовидная, копьевидная, шаровидная, и т. д.

съ бородками, въ количествѣ одной, двухъ, трехъ и болѣе. Слѣбъ насаживанья представляетъ рядъ разновидностей: на-
оставляется въ расщепъ древка стрѣлы, или привязывается
что приводитъ къ развитію втулки.

Гдѣ бы способомъ ни возникъ лукъ, нельзя не замѣтить, что
яется лишь уменьшеннымъ, приспособленнымъ къ метанію
— копьемъ. Мѣстами, впрочемъ на довольно ограниченномъ
эски пространствѣ, развился такъ называемый *выдувальнѣй*
извѣстный также подъ даннымъ этому оружію однимъ изъ
путешественниковъ La Condamine ¹⁾ названіемъ *сарба-*
приспособленіе иногда замѣняетъ лукъ и извѣстно у дикарей,
по р. Амазонкѣ, Ориноко, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ
Южной Америки, равно какъ и у малайцевъ и въ
частяхъ тихоокеанскихъ архипелаговъ. Сарбаканъ состоитъ
на тростника, въ который вкладываютъ небольшія стрѣлы,
на тупомъ концѣ кусокъ хлопка или другого легкаго ве-
заставляющаго стрѣлу войти плотно въ стволъ. Стрѣлу вы-
и она летитъ на сравнительно большое разстояніе, причиняя, не
на свои небольшіе размѣры, въ виду того, что она отравлена,
смерть раненому. Въ сарбаканѣ, какъ и въ лукѣ, мы видимъ усо-
твованные способы метанія копій, хотя и ничтожныхъ размѣ-
ю и простое копье служить для метанія. Для этой цѣли его
болѣе легкимъ и меньшихъ размѣровъ. Метательное копье,
ое подъ названіемъ дротику, имѣетъ весьма широкое рас-
неніе у нецивилизованныхъ народностей и, какъ извѣстно,
немаловажную роль въ вооруженіи воиновъ классическаго міра.
ытному человѣку было легко перейти отъ копья къ дротику,
акъ онъ, не имѣя возможности ударить добычу или врага непо-
енно, вѣроятно инстинктивно бросалъ своимъ копьемъ. Нѣкото-
родности, незнакомыя ни съ лукомъ, ни съ сарбаканомъ, ко-
слѣдуетъ отнести къ высшимъ типамъ примѣненія способовъ
и копья, знаютъ дротики и дошли даже до изобрѣтенія нѣко-
приспособленій, увеличивающихъ быстроту полета и силу
Такъ, австралійцы кромѣ дротиковъ, бросаемыхъ отъ руки,
бляютъ метательное древко, называемое nga - wa - onk (вом-

¹⁾ Изъ многочисленныхъ путешествій Ла-Кондамина особенно извѣстно десяти-
путешествіе по Южной Америкѣ. Изъ оставленныхъ имъ сочиненій, на француз-
и англійскомъ языкахъ, наиболѣе важно: «Voyage dans l'intérieur de l'Amérique
nale, 1745». Journal du voyage fait par ordre du roi á l'équateur, 1751.

мара, вомаара, вамера). Это оружие обыкновенно состоит из куска твердого дерева, несколько расширенного посредине и выдолбленного внутри: длина его $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ метра. На одном концѣ оно, говоритъ Гельвальдъ, постепенно суживается и оканчивается остриемъ; на другомъ концѣ находится крючокъ, въ который вставляется кусокъ камеди или пучекъ шерсти опосредствомъ этой суженной части, чтобы вамера не могла вылезти изъ рукъ метателя. Крючокъ—обыкновенно зубъ кенгуру—находится на нижнемъ концѣ копья. При метаніи копья метательное древко поднимаютъ до уровня глаза. Съ австралийскихъ береговъ—австралийцы попадаютъ въ цѣль на разстояніи 50—60 миль. Во время битвы, когда австралиецъ выпустилъ въ копье, ему начинаетъ служить сама вамера, острые края которой наносятъ тяжелыя раны. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что вамера не встрѣчается въ Австраліи и въ другихъ частяхъ свѣта не встрѣчается. Въ Новой Каледоніи въ XVIII-мъ в. увеличивало силу удара копья при полета копья при помощи короткой веревки съ петлею на концѣ. Римскіе солдаты пользовались для этой же цѣли особымъ древкомъ (amentum), который прикрѣплялся въ срединѣ древка дротика. Селеніе древней Мексики сохранило, впрочемъ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при обрядахъ, деревянный копьеметатель. Въ общемъ способности для метанія дротиковъ мало развились и сравнительно при развитіи оружія, выходятъ изъ употребленія.

Метательнымъ оружіемъ служить и топорь. Топорь, у
мыи какъ оружіе для рубки и для метанія, сохранился въ
немъ *томагава*, среди нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ С.
Америки и послѣ перехода ихъ къ желѣзу. Искусство, съ
краснокожіе метають свой томагавкъ, давно получило широкую
ность. Аналогичное, но значительно болѣе примитивное оружіе
тина, мы встрѣчаемъ въ Австраліи, население которой употре-
такъ называемое *боммерана* (*бумерангъ*). «Не смотря на пр-
простоту этого оружія, говорить Гельвальдъ, оно становится
опаснымъ въ рукахъ туземца.» Оно распространено за нѣско-
исключеніями у всѣхъ племенъ Австраліи. «Бумерангъ состои-
тонкаго, плоскаго куска дерева, согнутаго въ видѣ полу-
длина его отъ одного конца до другого доходитъ до 40 цент., а
почти до 5 цент. Австралійцы изготовляютъ его изъ сучьевъ и
вей *Acacia pendula* или изъ какого нибудь другаго вида того
мѣста, такъ какъ его естественный изгибъ долженъ бытъ
угломъ отъ 100—130 градусовъ. Если бросить бумерангъ острі-

в вѣтра, то онъ летитъ, описывая вокругъ себя круги, впередъ извѣстное пространство, возвращается обратно куда онъ былъ брошенъ. . . . Человѣкъ, умѣющій вла- нгомъ, можетъ дать ему какое угодно направленіе; для ра его бросаютъ планія на землю, отъ которой онъ и подымается на значительную высоту». Бумерангомъ ь цѣль иногда на разстояніи 200 шаговъ. «На войнѣ это ино опасно въ томъ отношеніи, что въ моментъ, когда о воздуху, почти невозможно разсчитать, какое направле- етъ и гдѣ упадетъ». Аналогичное оружіе представляет ѣй *трумбаишъ*, который дѣлается часто изъ желѣза и у нямъ-нямъ, у нѣкоторыхъ народностей бассейна озера Чадъ мѣстахъ. Трумбаишемъ называется деревянное, употребле- ими африканскими народностями, плоское и рѣжущее ору- ь бумеранга. При развитіи въ Африкѣ металлической лиѣ естественно, что это орудіе дѣлается уже изъ же- тельно усовершенствовано, сравнительно съ деревяннымъ. умбаишъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ *кульдеба*, со- уюкоти и плоскаго, остраго лезвія разнообразной формы, щей однако явственно родство трумбаиша съ топоромъ. лу первобытныхъ метательныхъ орудій слѣдуетъ, нако- и пращу. Принципъ ея устройства заключается въ томъ, о помощи извѣстнаго приспособленія увеличивать силу удара мпня и разстояніе, которое онъ можетъ пролетѣть. Праща, ованное орудіе среди нецивилизованныхъ расъ, имѣла въ ия еще большее распространеніе (Римъ, Азія и пр.). о для пращи употребляются гладкіе и ровные камни, е прорѣзаютъ воздухъ. Но мѣстами мы встрѣчаемъ и обдѣ- и для пращи. Въ Новой Каледоніи такіе камни принад- илучше изготовленнымъ предметамъ. Метательные камни кже изъ раскопокъ въ разныхъ мѣстностяхъ Западной сящихся къ неолитическому періоду; особенно ихъ много Балтійскаго моря. Части этихъ камней грубо оббиты; живають тщательность обдѣлки: они круглы и плоски. были находимы обыкновенно сложенными въ кучки, и, отреблялись въ большемъ количествѣ. Это обстоятель- такъ и слѣды тщательной обдѣлки, послужили поводомъ енію мнѣнія датскаго археолога Стеенструпа, который ихъ камняхъ грузила для сѣтей.

метельное оружіе служить преимущественно для при-

крытія отдѣльных частей тѣла. Блестящее вооруженіе мы знаемъ изъ находокъ и описаній авторовъ классической литературы), а равно давнее прекрасные образцы вооруженія и доспеховъ, — имѣетъ свои прототипы въ вооруженіи и доспехахъ (Оборонительное вооруженіе, вышедшее послѣ усовершенствованія стрѣльнаго оружія и перемѣны самихъ способовъ примѣненія, играло весьма важную роль въ то время, когда преимущество было рукопашная. Человѣкъ особенно старался уберечь отъ ударовъ свою голову и грудь. Для этой цѣли употреблялись разнообразные матеріалы. Есть народности, и ихъ очень много, на низкомъ уровнѣ культуры, имѣющія сравнительно примитивное оружіе и не знающія, или, по крайней мѣрѣ, не имѣющія оборонительнаго оружія. Такъ, на примѣръ, дикари Бразиліи, промѣнявшіе на лукъ и стрѣлы болѣе архаичныя оружія, не имѣютъ совсѣмъ оружія оборонительнаго. Къ туземцамъ стоятъ близко многіе краснокожіе Америки, данной карликовыя народности Африки, островитяне Тихаго океана. Очевидно, что человѣкъ напрягалъ больше умственной деятельности и изысканіе способовъ погубить врага, чѣмъ на то, чтобы уберечь себя отъ его ударовъ. Это станетъ вполне понятнымъ, если вспомнить вѣчные способы войны, которые состоятъ преимущественно въ стремленіи перехитрить врага, т. е. съ одной стороны — не дать ему врасплохъ, а съ другой — избѣгнуть дѣйствія его оружія, прячась за деревья, вѣтви и пр. Когда весь запасъ силъ съ обѣихъ сторонъ исчерпанъ, враждующія партіи бросаются на друга; завязывается рукопашная схватка, въ которой сами себя не помнятъ и часто за отсутствіемъ другого оружія скажутъ въ ходъ зубы и ногти. Этотъ способъ войны характеренъ для низшихъ расъ. Война, состоящая изъ поединковъ, представляетъ дальнѣйшій фазисъ въ исторіи враждебныхъ столкновений. Въ этомъ фазисѣ, быть можетъ, начинаютъ появляться зародки оборонительнаго. Дѣйствительно, среди австралийцевъ, у которыхъ несмотря на общій низкій уровень культуры, обычное рукопашное войнѣ довольно развито и гдѣ битвы состоятъ изъ ряда поединковъ, встречаемся съ зачатками оборонительнаго оружія: простая палка, служащая въ серединѣ 4 дюйма ширины; ею отбиваются отъ коня. Несмотря на несовершенство этого оружія, туземцы пользуются имъ съ чрезвычайной ловкостью. Есть полное основаніе предполагать, что подобная отбойная палка послужила прототипомъ для щита, главное назначе-

ижных ступеняхъ культуры заключалось въ отбиваніи щитовъ. Что щитъ является первымъ оборонительнымъ оружіемъ изъ того, что многія народности, по крайней мѣрѣ знаютъ его употребленіе, но не знакомы съ другими видами обороны тѣла. Какъ форма щитовъ, такъ и матеріалъ, изъ которыхъ изготовляются, чрезвычайно разнообразны. Въ Африкѣ, особенно распространены плетеные изъ растительныхъ щиты. Желаніе сдѣлать щиты болѣе плотными заставляетъ изъ досокъ и обтягивать кожей. Этотъ видъ щитовъ былъ известенъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ и у насъ въ древніе щиты въ Словѣ о полку Игоревѣ). Съ развитіемъ металлургіи металловъ, щиты часто дѣлаются исключительно метал-

касается брони, то по общему мнѣнію она произошла изъ шкуръ животныхъ. Дикарь, отправляясь на битву, украшаетъ себя, желая при этомъ устрашить врага. Если народности существуетъ обычай окрашиванья тѣла, воинъ этой тщательностью покрываетъ себя краской; онъ надѣваетъ свои трофеи и украшенія, въ томъ числѣ шкуру убитаго животного. Быть можетъ, опытъ показалъ дикарю теплыхъ животныхъ сохранительное значеніе кожи животныхъ и навелъ его на дѣлать себѣ нагрудники. Но именно вслѣдствіе того, что въ странахъ одежда часто вовсе не употребляется, что кожа закрываетъ лишь ничтожную часть тѣла, наконецъ, что лишняя тяжесть затрудняла воина — броня въ южныхъ странахъ получила лишь крайне ограниченное распространеніе. Восточныхъ расъ мы ее въ большинствѣ случаевъ не встрѣчаемъ, но ее довольно развитой среди населенія Малайскаго архипелага, на Суматрѣ буги (бугисы) дѣлаютъ нагрудникъ изъ дерева, напивая на нее черепицеобразно чешуйки муравья, бывающія имъ во время линянія. У даяковъ чешуи нашиваются на подбитую густо хлопкомъ; броню составляютъ также куртки, плетенныя изъ кокосовыхъ стружекъ. Интересна форма нагрудниковъ употребляемыхъ въ Полинезій: это широкій ошейникъ, свѣсившійся на грудь и состоящій изъ перьевъ и раковинъ или изъ до 18 дюймовъ въ діаметрѣ, кости рыбы. Описанный нагрудникъ повсемѣстно въ Полинезій въ качествѣ *преимущества* военного украшенія, которое бѣдные замѣняютъ небольшою палицей или кускомъ легкаго дерева, вырѣзаннаго неширокимъ полукругомъ. Аналогичные нагрудники встрѣчаются мѣстами и въ восточ-

ной Африкѣ. Броня малайцевъ и полинезийцевъ представляется, какъ бы сказать, одиоочнымъ явленіемъ среди некультурнаго племени, которое можетъ, заимствовавъ отъ сѣверныхъ болѣе культурныхъ племенъ, касается описанныхъ нагрудниковъ, то они состоятъ изъ дѣлающаго типъ военного украшенія съ предметомъ этнографическаго вооруженія. Развитие брони слѣдуетъ искать преимущественно въ народностяхъ, которыя употребляютъ постоянную броню почти болѣе высокой ступени культуры. Повидимому, первоначальной дѣлалась изъ кожи. Римскій панцирь представлялъ латы, покрытыя металломъ, со свѣшивающеюся вѣнцомъ изъ узкихъ ремней. Эти латы являются усовершенствованной Рурцельской кожи, которая для удобства при ходьбѣ имѣетъ видѣ полосокъ. Названіе кирасы, близкое къ слову кираса. Это подтверждаетъ это предположеніе для нѣкоторыхъ народностей. Латы покрывались сплошнымъ кускомъ металла или кусками его, въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Въ чемъ и отъ того, употребляли ли данный народъ до сих поръ металлами латы изъ цѣльнаго куска кожи или изъ вынимаемыхъ для ударовъ куски какого нибудь твердаго материала на одежду. Напримеръ, малайцы или древніе сарматы защищающею на платьѣ пластинки изъ лошадиныхъ копытъ. Прототиповъ развиваются панцири съ нашитыми бляхами, какъ въ Востокѣ и въ Россіи. Вѣроятно изъ обычая надѣвать панцирь для прикрытія тѣла рубашки изъ плотныхъ тканей развилась распространенная на Западѣ и Востокѣ — кольчуга. Съ развитиемъ оборонительнаго вооруженія появляются наплечники, наручники, и различные способы защиты ногъ и пр.

Развитіе способовъ защиты головы идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и развитие латъ. Шлемовъ мы почти не находимъ среди низшихъ племенъ. Военные головные уборы у нихъ служатъ украшеніемъ, либо для устрашенія враговъ. Для этихъ цѣлей служатъ, напримеръ, богатые уборы изъ перьевъ у населенія Сѣверной и Южной Америки. Зулусы надѣваютъ обрамляющій лицо уборъ, состоящій изъ перьевъ, ленты, украшенной страусовыми перьями, и кончающійся на макушкѣ султаномъ изъ длинныхъ, обыкновенно бѣлыхъ, пѣтушиныхъ перьевъ. Войны масаи носятъ подобный же уборъ: вокругъ кожаной шапки торчатъ стоймя окрашенные краснымъ волоса изъ гривы зебры, а на макушкѣ возвышается огромный султанъ изъ страусовыхъ или журавлиныхъ перьевъ. Другая народность Африки, вакамба, надѣваетъ на голову шкуру павіана и т. д. Головные уборы, соединяющіе цѣли

дится къ известнымъ прототипамъ, встрѣчаемымъ у насъ въ высшихъ ступеняхъ культуры, рѣшавъ проблему безконечности, придавалъ вооруженію отпечатокъ изобрѣтенія. Некоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и Тэйлоръ, находятъ первоначальное оборонительное оружіе, въ частности фальксъ, въ стремленіи человѣка подражать естественной формѣ. Однако, если бы человѣкъ дошелъ до изобрѣтенія или примѣръ, наблюденій, что шкура убиваемаго имъ животного, чѣмъ человеческая кожа, тогда, конечно, изобрѣтеніе было бы развито еще среди охотничьихъ народностей. Въ истинности не видимъ. Житель Суматры, наблюдая муравья, не подражаетъ послѣднему, а доставляемый ему природой готовый твердый матеріалъ панцирь сарматовъ, равнымъ образомъ, не явился подражаніемъ естественному вооруженію животныхъ, какъ то думаютъ. Онъ лишь утилизируя матеріалъ, дошли до наиболее цѣлесообразнаго его расположенія—чешуйками. Употребленіе панциря крокодиловой кожи у древнихъ египтянъ происходило не отъ подражанія крокодилу, а вслѣдствіе стремленія воспользоваться твердой кожей, свойство которой было замѣчено древними. Человѣкъ, сравнительно часто вынужденнымъ убивать одного изъ злѣйшихъ враговъ. Человѣкъ выступаетъ въ исторіи культуры кимъ существомъ, ничего не знающимъ и вынужденнымъ бороться съ животными и птицами. Онъ составляетъ послѣднее, а также и высшее звено въ цѣпи развитія органическаго міра. Благодаря онъ можетъ съ первыхъ шаговъ своей культурной жизни момента, когда человѣкъ дѣлается человекомъ, вступать въ борьбу съ природой и подчинять послѣднюю себѣ. Этого онъ достигаетъ только уничтоженіемъ вредныхъ для его существованія элементовъ, также утилизаціей того, что ему даетъ окружающая природа. Какъ до мысли о жилищахъ, такъ и до мысли о латахъ доходилъ путемъ медленнаго самостоятельнаго развитія и путёмъ опыта. Съ развитіемъ техническихъ знаній и съ замѣчаніемъ новыхъ матеріаловъ человѣкъ подражаетъ прежнимъ типамъ оборонительнаго оружія, появившимся въ эпоху, когда онъ пользовался для его изготовленія кожей животныхъ и т. п.

вые и желѣзные предметы, причѣмъ и оставляють ее только для украшенія. Распространеніе развитія знакомства человѣка съ металлами было указано въ началѣ XIX-го столѣтія мѣстными ученымъ Фридрихомъ Лисомъ (Lisch), а за нимъ разработано и формулировано датскими археологами Ворзаа. Наблюденія ихъ касались лишь ограниченной области Скандинавіи, но заключенія ихъ обратили на себя вниманіе европейскаго ученаго міра, и изученія древностей въ странахъ какъ Европы, такъ и Азии, а равно и Америки, подтвердили ихъ. Съ этого времени начинается систематическое изученіе древностей металлической эпохи въ разныхъ странахъ. Въ виду обширности задачъ этой области изученія и въ слѣдствіе краткости срока, прошедшаго отъ времени начала изученія въ древностямъ до нашихъ дней, матеріаломъ, подлежащимъ изученію—многіе вопросы остаются еще освѣщенными и часто спорными.

Исслѣдованія показали, что многія народности въ каменную эпоху непосредственно къ желѣзу, но вмѣстѣ съ тѣмъ установлено, что подобный переходъ совершался болѣе культурныхъ, живущихъ уже въ стадіи развитія. Подобно тому какъ въ недавнее время полинезійцы, жители тихоокеанскихъ архипелаговъ, жители Австраліи, комилась съ металлами, благодаря европейцамъ, приносили желѣзные издѣлія,—и въ древности были народности, которые переходили прямо отъ орудій изъ камня, рога, кости и т. п. къ желѣзу. Такъ, на примѣръ, жители Балтійскаго моря, а равно наши сѣверные инородцы, не знали бронзы, перейдя отъ камня, кости и т. п. прямо къ желѣзу. Только въ южной Россіи, для южныхъ же нашихъ племенъ, вопросъ не рѣшенъ пока окончательно въ утвердительномъ смыслѣ.

Естественно возникаетъ вопросъ, почему первыми металломъ, которымъ пользовался человѣкъ, была мѣдь? ¹⁾ Это являлось

¹⁾ Бронза состоитъ въ періодъ господства бронзы изъ 90% мѣди и 10% олова. Съ давняго времени, когда въ Европѣ предметы изъ мѣди безъ примѣси, сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримеръ въ Мадридѣ, привела въ скорѣ къ искусству давать издѣліямъ изъ мѣди примѣсь олова. Въ виду весьма давняго открытія этого искусства преимущественно издѣлія изъ бронзы, отъ которой и самый періодъ

что именно мѣдь, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по-
встрѣчается въ видѣ самородковъ, кусками, иногда
ми на землѣ. Способъ, которымъ человѣкъ дошелъ до
мѣдью, какъ металломъ, освѣщается изученіемъ аме-
реканцевъ. Въ древнихъ могилахъ Сѣверной Америки
встрѣчается мѣдь въ видѣ необдѣланныхъ кусковъ или
лѣй (наконечниковъ копій и стрѣлъ). Последнія, повто-
ренія предметовъ изъ камня, были изготовлены путемъ оббивки.

Верхняго озера и далѣе на сѣверъ мѣдь выходитъ
встрѣчается кусками на поверхности земли. Очевидно, перво-
начальнѣе пользовался находимой мѣдью, какъ простымъ
средствомъ перехода отъ пользованія камнями (въ томъ числѣ
пользованію мѣдью, какъ металломъ по всѣмъ вѣроя-
нностямъ и тѣ народы, которые открыли въ Старомъ свѣтѣ
доказали искусство обработки ея на Западѣ. Сравни-
въ обработку мѣди, ея плавкость, блескъ и другія свой-

ности, можно было дать ей широкое распространеніе, а нахожденіе ея
на поверхности земли въ недостаточномъ количествѣ далѣе начало
у, съ цѣлью отысканія мѣди въ недрахъ земли. Въ этомъ
сдѣланныя находки. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ естествен-
ныхъ характеристикъ почвы заставилъ Кнаппа (Knapp) предположить
наличие засыпанныхъ ямъ. Исслѣдованіе почвы вскорѣ привело къ
нахожденію жилы, причемъ найдены были каменные орудія, которыми
добывали мѣдь. Подобныхъ первобытныхъ рудниковъ въ Сѣверной Аме-
рике открыто довольно много; они же извѣстны и у насъ на Алтаѣ,
гдѣ рудокопныя ямы тоже содержатъ каменные орудія. Очевидно,
первобытный человѣкъ, истративъ находившійся на поверхности земли
мѣдь, слѣдилъ за исчезающей жилой, шелъ по ея слѣдамъ и
искалъ ее изъ подъ земли. Первобытные рудники углубляются въ
землю до 25—30. Долго-ли употреблялась мѣдь, какъ камень—
Сѣверо-американскіе краснокожіе во многихъ мѣстахъ, пови-
дѣли до прихода европейцевъ плавку металловъ, культур-
народности Центральной Америки умѣли уже выдѣлывать
изъ свинца и олова искусство плавки мѣди могло случайное
открытіе, такъ какъ мѣдь металлъ легкоплавкій и, какъ пока-
зываетъ, хорошо горящаго очага достаточно, чтобы расплавить

Очевидно, что бронза должна была предшествовать выработкѣ мѣди, какъ
необходимое въ матеріальной культурѣ человѣка предшествуетъ болѣе слож-

самородки мѣди. Искусство литья, т. е. при-
 появилось въро- тно скоро послѣ открытія процес-
 Въ Европѣ мы почти всюду находимъ мѣ-
 оловомъ (бронзу), т. е. технику уже болѣе развиту
 ной Америкѣ. До настоящаго времени не рѣшились
 гдѣ находятся родина европейской бронзовой кул-
 издѣлія, встрѣчающіяся въ Европѣ, дѣлятся геогра-
 крупныя группы: южно-европейскую и средне-евро-
 при сравнительно маломъ развитіи изученія древности
 не раздѣлялись, а стремленіе выводить все типы въ
 центровъ создало теорію, что бронзовые издѣлія были
 никіянами изъ Египта и Месопотаміи въ Грецію и Ита-
 ную благодаря этрускамъ. Дальнѣйшія изысканія под-
 предположеніе, но значительно сгузили географическія при-
 турнаго вліянія Финикій на Европу. Новѣйшія раскоп-
 нятыя Шлиманомъ на предполагаемомъ мѣстѣ древней Ти-
 кенахъ, на Кипрѣ и другихъ мѣстахъ, обнаружили типы
 предметовъ, носящихъ чрезвычайно опредѣленный отпеча-
 ныхъ и египетскихъ издѣлій. Но эта культура, благода-
 страны, лежащая на берегахъ Средиземнаго моря, поздне-
 металлами, не заходила такъ далеко, какъ думали, въ
 среднюю Европу, гдѣ бронзовая культура отличается отъ
 морской, бронза, повидимому, первоначально проникла инди-
 Собравный матеріалъ прежде всего показалъ большое сход-
 бронзовой культуры въ различныхъ мѣстностяхъ средней и
 Европы. Сравненіе бронзовыхъ мечей и другихъ предметовъ
 мыхъ въ могилахъ Франціи, въ Австріи, въ Ганноверѣ, Мек-
 Даніи, Ирландіи, отчасти въ Швеціи, и среди остатковъ
 построекъ въ Швейцаріи и проч., наводило на мысль о суще-
 въ отдаленныя времена самостоятельной культуры, возникшей
 называемыхъ классическихъ вліяній. Высокое развитіе этой ку-
 не позволяло видѣть зачатки ея въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ
 вила свои, пожалуй наиболѣе разработанные, образцы, и вынудило
 ихъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ то время, какъ нѣкоторые
 (Ворзаа—въ Даніи, Гильдебрандъ—въ Швеціи) объясняли про-
 деніе ея иммиграціей изъ Азіи индо-европейцевъ, другіе указыва-
 бронзовая культура, развившійся гдѣ нибудь на востокѣ, была за-
 торговыми сношеніями въ Европу. Мнѣніе, что честь за-
 бронзы должна быть приписана индо-европейцамъ, слѣдуетъ при-
 мало вѣроятнымъ. Вопросъ о расселеніи ихъ изъ Азіи въ востокъ

есть много противниковъ, мнѣніе о происхожденіи индоевропейской культуры въ Европѣ пріобрѣтаетъ все большую вѣроятность. Лингвистическія изслѣдованія показали, что индоевропейскіе народы не имѣли никакого общаго языка. О ихъ раздѣленіи на группы хотя и знали мѣдъ, но не знали еще до искусства ея выдѣлки. Была-ли бронза введена въ Европу свѣта благодаря нашествію чуждаго племени, или она пришла мирнымъ путемъ, рѣшить невозможно. По всей Европѣ проникала въ одні мѣстности однимъ, въ другія другимъ путемъ. Интереснымъ является тотъ фактъ, что поборники обоихъ взглядовъ родину бронзового производства на востокъ. Ленорманъ склоненъ видѣть, если не мѣсто зарожденія бронзового производства, то главный очагъ его развитія на Кавказѣ. Тотъ-же дѣлаетъ и французскій ученый Бертранъ (Alex. Bertrand). Викингъ, писалъ онъ еще въ 1873 г., помимо Греціи и Малой Азіи древности существовали значительные центры цивилизации въ обширныхъ странахъ, во главѣ которыхъ стоитъ Кавказъ. Если бросимъ взглядъ на карту странъ, знакомыхъ древности, прослѣдимъ себя, гдѣ проходитъ самая короткая, самая естественная дорога изъ странъ халибовъ или отъ горъ Фригіи (мѣстности горъ по преданіямъ классическихъ народовъ впервые появились обрабатывать металлы)—къ берегамъ Балтійскаго моря до низины Альпъ. Мы увидимъ безъ труда, что это—долина Рейна, одной стороны, долины Дуныя и Вислы съ другой. По этимъ путямъ направлялись, по убѣжденію Бертрана, племена, которые дали начало и слѣдовательно и металлическое производство. Это теченіе несомнѣнно самостоятельнымъ, хотя и параллельнымъ тому, которое занесло бронзу въ средиземноморскія страны. Позднѣйшія изысканія доказали существованіе культуры этими странами и средней Европой. Изъ болѣе культурныхъ юга заносились на сѣверъ бронзовые предметы, слѣдовательно для подражанія. Поэтому отрицать вліяніе этой культуры на бронзовый вѣкъ невозможно. Указанныя теченія безусловно существуютъ, хотя мѣстами переплетались и сталкивались. Изслѣдованія по времени могильниковъ Кавказа показали, что Кавказъ не можетъ быть родиной бронзового производства. Знаменитый Кобанскій могильникъ Осетіи, дающій для изученія бронзового производства на Кавказѣ массу интересныхъ данныхъ, и аналогичные съ нимъ могильники не даютъ чрезвычайно развитую культуру. Въ нихъ встрѣчаются предметы бронзового производства. Хотя эти могильники и могутъ быть датированы къ глубокой древности (Кобанскій, по мнѣнію Шантра, относится къ 1500 лѣтъ до Рождества Христова), тѣмъ не менѣе

исходный пункт бронзового производства нужно было найти. Некоторые были склонны искать его родни в вери-могильники обнаруживают чрезвычайно богатую бронзовую культуру. Но против этого мнѣнія говорить прежде всего въ Алтай, какъ и на Кавказѣ, нѣтъ олова, и что алтайская культура, повидимому, менѣе древняго происхожденія, чѣмъ европейская. Алтайю, однако, отводится крупное мѣсто въ исторіи металлическаго производства. Бронзовыя издѣлія встрѣчаются далеко на западъ; они встрѣчаются на югѣ Россіи въ мѣстахъ, находящихся по крайней мѣрѣ за два вѣка до Рождества Христова. Многие ученые небезосновательно считаютъ этапомъ въ исторіи культуры, который двигалась бронзовая культура, гдѣ она оставила развилась, прежде чѣмъ передать нѣкоторые типы издѣлій на западъ. Кавказъ и Алтай являются, очевидно, лучами одного центра, лежащаго гдѣ-то въ Азій. На послѣднюю, какъ и на бронзовую культуру, указываютъ всѣ изслѣдователи. Морталъ, Батальяръ и другіе предполагаютъ родину бронзового производства въ Южной Индіи; Софусъ Мюллеръ, Вирховъ, Ранке считали въ Среднюю Азію; Гёрнесъ, Томашекъ надѣются найти родину сопотаміи и проч. Но гдѣ-бы дальнѣйшія изысканія ни привели, родину бронзовой культуры, искусство добывать и обрабатывать металлы лучами разошлось по остальнымъ областямъ Азіи, Европы, гдѣ оно блестяще расцвѣло. Неопредѣленность рѣшенія о мѣстѣ происхожденія бронзового производства объясняется тѣмъ, что мѣстности, считающіяся родиной бронзовой культуры, отдѣляющія ихъ отъ культурныхъ очаговъ—Кавказа и Алтая—и промежуточные территоріи между Алтаемъ и Кавказомъ и этикой и Западной Европой, сравнительно еще мало изучены. Отъ выясняется та важная роль, которую представляетъ изученіе древности въ рѣшеніи вопроса, какими путями проникало бронзовое производство на западъ. Только детальное изученіе областей, лежащихъ между этими пунктами, можетъ выяснитъ спорные вопросы. Въ этомъ направле-ніи мало уже сдѣлано. Но сложность дѣла и огромныя разстоянія, помѣ-изученію, замедляютъ рѣшеніе вопроса. Конечно, потребуется не мало мени и силъ, прежде чѣмъ работы русскихъ изслѣдователей о спорные вопросы съ достаточной ясностью и полнотою и позволятъ дальше простыхъ догадокъ. Если нельзя отрицать въ Европѣ зачатокъ самостоятельнаго искусства обрабатывать мѣдь, то во всякомъ случаѣ положительнымъ результатомъ является фактъ, что населеніе Европы доразвилось самостоятельно до изобрѣтенія бронзы и что оно полу-

вѣроятнѣе всего двумя главными путями: южнымъ и севернымъ. Появившись въ Европѣ, бронза изготовлялась и само-
улучшалась путемъ. Хотя всѣ предметы могутъ быть сведены къ
нѣсколькимъ группамъ прототиповъ, тѣмъ не менѣе каждая область въ
развивала и варіировала ихъ самобытно. Это даетъ воз-
можность говорить о бронзовомъ вѣкѣ Италіи, отлично отъ бронзового
вѣка Швейцаріи, Скандинавіи и проч. «Какъ каждая страна
имѣетъ собственную исторію, говоритъ австрійскій археологъ Гёр-
нессъ, она имѣетъ и типичный для нея доисторическій періодъ». Различія культуръ съ развитіемъ народностей выступаютъ съ
силкой, и если отличія по мѣстностямъ сказываются еще въ
каменномъ-металлическомъ, то, съ появленіемъ металловъ, эти разли-
чія рельефнѣе.

Если этнографія, конечно, не входитъ обзоръ бронзовыхъ
Европы, такъ какъ изученіе ихъ относится къ археологіи.
Графическіе интересны вопросы, выясняющіе исторію развитія и
измѣненія извѣстнаго производства. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ
замѣтить, что бронзовое производство развилось не вездѣ съ оди-
наковой интенсивностью, и что періодъ незнакомства съ желѣзомъ
повсюду одинаково. При затруднительности на низшихъ
культурахъ международнаго обмѣна, протекали столѣтія, прежде
чѣмъ извѣстная область знакоилась съ металломъ. Поэтому,
длительному замѣчанію Гёрнесса, весьма характерно то обстоя-
тельство, что всѣ мѣстности, которыя развили въ наибольшей степени
свое индивидуальное бронзовое производство, принадлежатъ къ
темъ, которыя стояли вѣдѣ древнихъ торговыхъ путей и подчасъ
низкой ступени цивилизаціи. Къ нимъ принадлежитъ Скан-
динавія, Великобританія, вслѣдствіе своей отдаленности, и Венгрія и
Польша, вслѣдствіе горныхъ хребтовъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ
ихъ центровъ юга. Определить съ точностью, когда появи-
лась бронза въ Европѣ, едва ли возможно. Предположеніе Монте-
мори, что бронза впервые появляется въ Скандинавіи приблизи-
тельно 1500 лѣтъ до Рождества Христова, должно быть при-
нято съ большою осторожностью, равно какъ мнѣніе его, что
бронза въ Европѣ началась и кончилась повсемѣстно почти
одновременно. Первое появленіе желѣза въ южной Австріи начи-
нается такъ называемаго гальштаттскаго періода, начало котораго
датыруется за десять до Рождества Христова; на югѣ же Россіи
еще, едва ли есть возможность пока говорить о существованіи
выраженнаго бронзоваго вѣка. Первое появленіе металловъ въ

Бельгии относится Comhaire'омъ къ VII-му вѣку до Р. Х., причемъ одновременно появляются и бронза и желѣзо. Въ Скандинавіи, по Undset (Undset), начало знакомства съ желѣзомъ приходится на половину V-го вѣка до Р. Х., а по Ворзаз оно совпадаетъ приблизительно съ началомъ христіанскаго лѣтосчисленія. Наконецъ, финны во время Тацита еще не знали металловъ. Положеніе той или другой страны относительно культурныхъ центровъ, богатство ея желѣзными рудой и прочія условія опредѣляли продолжительность господства бронзового производства. Что касается до самаго способа обработки, то Мортилье дѣлитъ бронзовый вѣкъ на двѣ эпохи: Моржскій (Morgienne) по мѣстонахожденію свайнаго поселенія Morges на Женевскомъ озерѣ и Ларнодскій (Lagnaudienne) по кладу ¹⁾ Lagnaud, найденному въ деп. Юры. Въ первый періодъ обработка совершалась путемъ отлива расплавленного и смѣшаннаго изъ мѣди и олова металла въ готовые формы, во второмъ—бронза обрабатывалась посредствомъковки. Первый способъ слѣдуетъ считать древнѣе второго. Но признавать это дѣленіе правильнымъ для всѣхъ мѣстностей, гдѣ мы встрѣчаемъ бронзовую культуру, нѣтъ основанія. Болѣе развитые типы производства мы видимъ, однако, только при ковкѣ металла: молотокъ придавалъ болышую изящность предметамъ.

Что касается желѣза, то оно было незнакомо древнимъ обитателямъ Америки, если не считать одну народность, жившую при устьѣ р. Ла-Платы и употреблявшую желѣзные наконечники стрѣлъ. Мексика переживала въ періодъ ея открытія европейцами полное господство бронзового вѣка. Не безынтересно отмѣтить, что типы древне-мексиканскихъ топоровъ имѣютъ сходство съ европейскими. Въ Перу въ эпоху завоеванія европейцевъ не вполне исчезъ каменный вѣкъ,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были сдѣланы археологическія находки, заключающія преимущественно множество издѣлій изъ бронзы, причемъ предметы представляли по большей части одинъ и тотъ же типъ. Такія находки объяснялись различнымъ образомъ. Нѣкоторые ученые предполагали, что въ этихъ мѣстахъ нѣкогда приносились жертвы богамъ; другіе думали, что въ подобной находкѣ надо видѣть кладъ, зарытый преднамѣренно при наступленіи военныхъ или другихъ тяжелыхъ временъ. Наконецъ, существуетъ предположеніе, что странствующие торговцы, развивавшіе бронзовые издѣлія по разнымъ мѣстностямъ, иногда зарывали часть своего товара въ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ онъ и оставался въ случаѣ неожиданной кончины владѣльца. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ находокъ, извѣстныхъ подъ именемъ *кладовъ, складовъ* (dépôts, cachettes de fondeurs) были найдены и каменные формы, говорящія о томъ, что торговцы бронзой, вѣроятно, сами умѣли отливать нужные предметы.

гигишій здѣсь высокої степени развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на-
ше Перу было уже знакомо съ металлами, въ частности съ
изой, изъ которой дѣлались орудія и оружія. Доразвились-ли
занные центры до выдѣлыванія бронзы самостоятельно или нѣтъ—
ается неизвѣстнымъ. Предположеніе нѣкоторыхъ, что Центральная
ерика и Перу познакомились съ бронзой, благодаря сношеніямъ съ
ей, требуетъ доказательствъ. Прослѣдить культурную связь между
рикканскими очагами цивилизаціи до настоящаго времени не уда-
ь. Рѣшеніе этихъ вопросовъ предстоить будущимъ изслѣдователямъ.

Въ Европу желѣзо начинаетъ проникать въ разное время: въ
оторыхъ частяхъ оно появляется раньше, въ другихъ позже. Пер-
ачальное знакомство съ желѣзомъ, быть можетъ, началось до по-
енія бронзы, но трудность его добыванія и большая твердость
вели къ длительному господству бронзы, какъ металла для изго-
ленія орудій и оружія. Преимущество желѣзныхъ издѣлій было
гчево, и поэтому желѣзо вытѣснило бронзу сравнительно быстро
странахъ, не лежавшихъ вдали отъ торговыхъ путей древняго міра.
стность, гдѣ впервые появилась въ широкихъ размѣрахъ выдѣлка
лѣза, намъ точно неизвѣстна; но предположеніе французскаго уче-
ю Моргана, производившаго раскопки въ Закавказьѣ, что желѣзо
рвые стало разрабатываться въ области современной русской Арме-
і, довольно правдоподобно. Въ раскрытыхъ имъ могилахъ, относя-
ся къ періоду до заселенія армянами этой области и до начала
янія на нее ассиро-вавилонской культуры, онъ нашелъ одновремен-
е существованіе бронзы съ желѣзомъ; произведенія даннаго періода
ражаютъ формамъ, извѣстнымъ изъ эпохи господства бронзы на
южномъ склонѣ Кавказа. Изъ Закавказья желѣзо двинулось сначала
югъ, благодаря завоеванію страны ассиріянами, а затѣмъ различными
ями оно было занесено въ Европу. Въ южную Россію желѣзо
ло, повидимому, занесено съ весьма давнихъ временъ кочевавшими
гъ народностями, вѣроятно, благодаря сношеніямъ ихъ съ Закав-
ьемъ или съ Средней Азіей. Въ такъ называемыхъ скиескихъ мо-
гахъ, одновременно съ бронзовыми котлами и наконечниками стрѣлъ,
находимъ также мѣстныя издѣлія изъ желѣза. Культурная роль
евниковъ была велика тѣмъ, что они, мало создавая самобытнаго,
еносили культурныя изобрѣтенія на огромныя пространства и знако-
ли съ ними своихъ сосѣдей.

Греки эпохи, описанной въ поэмахъ Гомера, знали уже желѣзо, но
, повидимому, еще не было широко распространено, такъ какъ упомин-
не о желѣзномъ оружій встрѣчается рѣже, чѣмъ о бронзовомъ.

Бельгии относится Comhaire'омъ къ временному появлению и бронза и сету (Undset), начало знакомства съ V-го вѣка до Р. Х., а по Ворзау началомъ христіанскаго лѣтосчислѣнія. Тацитъ еще не зналъ металловъ страны относительно культурнаго рудой и прочія условія опредѣленія зоваго производства. Что касается Мортилье дѣлать бронзовыя по мѣстонахожденію свайнаго и Ларнодскій (Larnaudienne) Юры. Въ первый періодъ расплавленного и смѣшаннаго формы, во второмъ—бронзовый способъ слѣдуетъ дѣленіе правильнымъ бронзовую культуру. мы видимъ, однако, большую изящность ..

Что касается Америки, если въ р. Ла-Платы и уперевживала въ бронзовомъ вѣкѣ. канскихъ то въ эпоху за...

1) Въ нѣкоторыхъ частяхъ прену по большей части зомъ. Нѣкоторые жертвы богамъ преднамѣренны существуютъ по различнымъ гдѣ онѣ такихъ. fondes роя...

что /ихъ уд греческихъ желѣза пзвѣтъ мѣсто жите. го на сѣверъ, то на лнитесь «скпское». пользовалось желѣзомъ ра ежду прочимъ слѣдующими нхъ временъ у римлянъ сущес выдѣлывающаго желѣзо—faber сохранили для него болѣе древнее —мѣдь; 2) римляне считали ли часть Италіи, за народъ греческаго еще въ историческое время упот. Первенство Италіи въ отношеніи вѣка объясняется, быть можетъ, тѣмъ желѣза находилось на островѣ предположеніе, что эти залежи был , отъ которыхъ населеніе Италіи знымъ оружіемъ. Воспоминаніе объ упо оружія сохранилось въ нѣкоторыхъ обл слѣдующемъ: flamen dialis могъ подрѣза: ножомъ.

финикянъ и ихъ наслѣдниковъ—грековъ и притомъ сравнительно рано, по современной Франціи. Кельты при своихъ Европѣ, повидимому, распространили знаком своихъ сородичей, жившихъ внѣ торговыхъ племенъ. Тацитъ говоритъ, что у гер рѣдко; познакомились они съ нимъ, въ кельтовъ. Судя по лингвистическимъ даннымъ германское населеніе сѣверной Европы имѣ название желѣза. Тацитъ упоминаетъ о к архидотіи, жившихъ въ Карпатахъ и разрабаты

Первое высоко цѣнится, его сохраняють въ сѣдѣ желѣза выставляется въ качествѣ приза на поминкахъ Патрокла и т. д. Отсутствие же вынуждаетъ ея древнихъ обитателей получать торговыхъ сношеній. Этимъ объясняется VI-го вѣка ковка желѣза была мало известна между прочимъ разсказомъ Геродотомъ объ дѣлѣ желѣза въ аркадской кузницахъ сохранились воспоминанія о немъ славилъ за искусство ковки кузнецовъ которыхъ помѣщалось на Черномъ морѣ отъ Кавказа; желѣзу придается ин-

Древнее население Италии шире, чем Греция. Это доказывается обстоятельствами: 1) с древнейшим особым названием для кузнеца, *kuh-ni-gius*, в то время, как греки с названием *χαλκός*, от *χαλκός* — населявших северо-западную часть Италии, так как они в бронзовую эпоху, а не в железную, как в Греции, делали бронзовые наконечники копий. В Италии культура железная в то время, когда в Греции еще бронзовая. Даже в Италии в то время, когда в Греции еще бронзовая, в Италии уже было большое количество залов. Очень вероятным кажется, что в Италии уже тогда разработаны финикийские инструменты, которые в Греции еще не появились. В Греции же в то время, когда в Италии уже было большое количество залов, в Греции еще не было залов. В Греции же в то время, когда в Италии уже было большое количество залов, в Греции еще не было залов.

Вероятно отъ ~~_____~~ на своихъ близи
перешло къ кельтамъ ~~_____~~ цивилизации менши
мѣрь въ предѣлахъ ~~_____~~
ціяхъ по средней ~~_____~~
жельзомъ и средъ ~~_____~~
и среди чуждыхъ ~~_____~~ Африки переи
жельзо встрѣча ~~_____~~ и ~~_____~~. Ни у одного
при посредствѣ ~~_____~~
часть Гёрнесъ ~~_____~~ изображенные кра
кельтовъ зап ~~_____~~ съ XIII-ой династіи.
кельтской ~~_____~~ ~~_____~~.

и среди чуждых ~~железо~~ Африки пере-
железо встречает ~~железо~~. Ни у одного
при посредств ~~железо~~
часть Гёрнест ~~железо~~, изображенные кра-
кельтовъ запущ ~~железо~~ с XVIII-ой династии.
кельтской ~~железо~~.

железо.—искусство, которое, в
часть нашей эры.

Въ то время, какъ въ
вають уже знакомство съ
только какъ украшеніе
центръ, которому Евро
развитіемъ—Египетъ,
Періодъ господства
достигли почти совс
бѣдный металлами
основаніи хроно
представителей
«красный»
бронза была
Х. Железо
приблизительно
железо
въ брон
моги.
приб
ор
не

съ иску
до основ
металловъ
дѣла
дѣла. Слѣдуетъ
держивали торгов
волью далеко въ
мѣрь, время арабское
хъ народностей. Орудія
негровъ носятъ на себѣ
амитивна, хотя у однихъ встр
менѣе усовершенствованные типъ
челоткомъ неграмъ служить
—кусокъ гранита или гнейса; да
стая стамеска и щипцы изъ расще
развились до устройства мѣховъ
ихъ изъ дубленой кожи, или сши
туры п приводятъ ихъ въ движеніе
ми. Въ тѣхъ мѣстностяхъ восточно
влияніе арабовъ, молотокъ и щипцы
сти умѣють при помощи своихъ перво
локу, которой они украшаютъ оружіе.
украшенія петры проявляютъ такъ много
хъ оружіе и украшения легко отличить отъ
другихъ народовъ.
развилось въ Африкѣ, повидимому, пре
многочисленнымъ передвиженіямъ тузем
дрожность малемба по нижнему Замбези пре
железо и при постоянномъ передвиженіи пере
мѣста на мѣсто. Въ окрестностяхъ бухты
сое (H. Junod) ¹⁾ искусство ковки железа, въ
ицимъ населеніемъ, ба-ронгами, вытѣснив
ицихъ насельниковъ. Эти передвиженія являются
дукочеваго образа жизни, отчасти войскъ. Отсут
неграмъ развить кузнечное производство. За
удобствъ при передвиженіяхъ, а потому тамъ,
необходимъ состояніи. они употребляютъ лишь
находится у нихъ подъ руками, тогда какъ
жизни они разборчивы въ выборъ матеріала.

...сдѣлались господствующими при данномъ уровнѣ жизни. Въ это время продолжаютъ существовать наравѣ со старыми. Последние въ настоящее время существуютъ и приносятъ службу матеріалу, занимающему первое мѣсто въ качествѣ металловъ съ теченіемъ времени мѣдныя извѣстна только смѣсь мѣди съ оловомъ. Торговыхъ сношеній Рима съ средними (другими путями) и на сѣверъ не существовало. Бронза, состоящая изъ мѣди и олова, и другихъ металловъ. Эта бронза, въ эпоху республикы и извѣстная подъ именемъ *aes grave*, была знакома древнимъ египтянамъ и въ нѣ-

которые древнихъ орудій (изъ отжившихъ временъ) въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ употреблялись многими народами. Что лишь при строгомъ исполненіи ритуала божество можетъ принять участие въ процессіи, способность входить въ общеніе съ богами. — характерная черта всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. И такъ какъ эти ритуальные предметы часто еще до знакомства съ желѣзомъ или бронзой изъ заброшеннаго матеріала продолжаютъ на-долго послѣ того, какъ народъ научился

пользоваться металломъ, то и въ воспоминаніе о бывшихъ нѣкогда въ употребленіи орудіяхъ изъ металловъ, въ настоящее время въ нихъ сохраняется та же форма, которая заставляетъ народъ думать о ихъ чудотворномъ происхожденіи; поэтому эти орудія считаются предметами, обладающими чудотворными свойствами. Такъ, въ Африкѣ и въ сѣвероамериканскихъ народностяхъ, равно и въ бушманскихъ, каменныхъ орудій. Одни приписываютъ имъ магическую силу, другие считаютъ ихъ живыми существами, болѣе сильными, чѣмъ настоящее, и т. д. Объясняютъ ихъ происхожденіе наданіемъ съ неба, или считаютъ ихъ свойствами исцѣлять болѣзни. Совершенно

ное же отношеніе къ каменнымъ орудіямъ мы находимъ среди малокультурныхъ слоевъ населенія Германіи, Франціи и другихъ странъ Западной Европы. Въ Россіи происхожденіе каменныхъ наконечниковъ стрѣлъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *громоулы стрѣлокъ*, къ которому народъ причисляетъ и белемниты (окаменѣлыя твердыя части шершыхъ головоногихъ слизняковъ), такъ называемые *чертовы пальцы*, объясняется метаньемъ Плъю прооркомъ стрѣлъ въ нечистую силу; къ приписываютъ целебную силу, ихъ употребляютъ при леченіи въ разныхъ болѣзней: отъ колотыя, отъ зубной боли (восточная юмьрь). Подобное же почитаніе мы встрѣчаемъ и въ отношеніи бронзовыхъ стрѣлокъ, гдѣ таковыя, какъ, на примѣръ, въ восточной Сибири, находятъ часто. Это суевѣріе русскихъ крестьянъ раздѣляется и бурятами: они считаютъ каменные, бронзовые и даже ставшія желѣзные стрѣлки орудіями, которыми небесный владыка *ил-хур-мусто* стрѣляетъ во время грозы въ злыхъ духовъ; стрѣлы (кто бы заготовлялся на небѣ особыми мастерами; небесная стрѣла, ющенная на землю, глубоко вѣдряется въ нее и выходитъ на поверхность только черезъ три года. Найденная «громовая стрѣла» считается дѣлами священной и, по общему мнѣнію, приноситъ счастье.

Что касается знакомства человека съ благородными металлами, оно началось, повидимому, очень давно. Золото, добываемое изъ речныхъ росыпей, появляется на Востокѣ, въ Египтѣ и Европѣ съ памятныхъ временъ. Богатыя золотоносныя мѣстности хорошо извѣстны классическимъ скупамъ: золото подвергалось художественной работѣ въ Центральной Америкѣ и Перу, во времена открытія этихъ странъ европейцами. Въ періодъ господства бронзы золото встрѣчается не въ большомъ количествѣ въ издѣліяхъ и украшеніяхъ того времени. Въ каменномъ вѣкѣ оно неизвѣстно. Существуетъ предположеніе, что золото, находимое въ крупинкахъ, было первымъ металломъ, которое на Востокѣ подверглось плавкѣ, и что, быть можетъ, искусство плавки золота и примѣси къ нему для крѣпости лигатуры вело на мысль плавить мѣдь и изготовлять бронзу. Небезынтересенъ фактъ, что негры западной Африки издавна вели торговлю золотомъ, но не умѣли и не умѣютъ его обрабатывать. Ихъ украшенія: браслеты, цѣпи, шейные обручи и проч., которыми они въ изобиліи украшаютъ себя, дѣлаются исключительно изъ желѣза и отчасти изъ мѣди.

Что касается серебра, то оно, повидимому, появляется въ Старомъ Свѣтѣ лишь послѣ болѣе или менѣе широкаго знакомства съ мѣзомъ. Въ могилахъ типичнаго бронзоваго вѣка серебро не встрѣ-

— 30 —

...и становится темъ, что серебро никогда
...но иногда попадаетъ въ
...оно появляется позже знакомс
...
...вызываемыхъ, благородныхъ мет
...культурныхъ народовъ, какъ ни вел
...единицы обмена, но на низшихъ с
...роль второстепенную, служа лишь
...для украшений.

—

XIV. Украшенія.

Обычай украшать себя распространенъ рѣшительно у всѣхъ народовъ какъ цивилизованныхъ, такъ и тѣхъ, которые стоятъ на нѣкой ступени культуры. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ изслѣдователей по этому вопросу Э. Гроссе замѣчаетъ, что украшения не шутя пустымъ, не имѣющимъ значенія, хвастовствомъ; напротивъ того, они служатъ могучимъ и весьма дѣйствительнымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе. Этимъ значеніемъ украшеній и объясняется, что даже наименѣе цивилизованныя народности, при нѣсколько совершенномъ производствѣ орудій и другихъ необходимыхъ для существованія предметовъ, развили уже сложныя формы украшеній. Обыкновенно онѣ преслѣдуютъ двѣ цѣли: или устрашить противника, или привлечь вниманіе лицъ другого пола. Конечно, не всякое украшеніе преслѣдуетъ непосредственно ту или другую цѣль. Весьма часто, даже въ большинствѣ случаевъ, предметомъ украшенія человѣкъ считаетъ достиженіе обѣихъ указанныхъ цѣлей. Если австралиецъ, замѣчаетъ Гроссе, надѣваетъ сшитую изъ трехсотъ хвостиковъ кроликовъ одежду, то возбуждаетъ уваженіе, а слѣдовательно страхъ въ мужчинахъ, какъ сильный и мѣткій охотникъ, а съ другой—онъ привлекаетъ вниманіе женщинъ, выдается изъ толпы своихъ единоплеменниковъ и легче можетъ завербовать себѣ дѣвушку. На низшихъ ступеняхъ развитія украшеніями пользуются почти исключительно мужчины, а не женщины. Это объясняется тѣмъ, что преимущественно половые инстинкты укажутъ низшія расы прибѣгать къ украшеніямъ. Среди низшихъ расъ, пишетъ по этому поводу Гроссе, нѣтъ старыхъ дѣвушекъ; каждая дѣвушка уверена, что ей найдется мужъ. Мужчины находясь въ другомъ положеніи. Количество ихъ въ группѣ обыкновенно больше, чѣмъ женщинъ; похищеніе послѣднихъ изъ чужой группы связано съ опасностями и мужчины прибѣгаютъ къ этому средству лишь въ крайнихъ случаяхъ. Недостатокъ въ женщинахъ за-

... другъ съ другомъ, чтобы попри-
... случається, что старшіе, бол-
... наибольшимъ успѣхомъ у женщинъ
... или менѣе сильнымъ соплеменникамъ
... . Благодаря этому, многіе долгое время
... . прибѣгаютъ къ похищенію.
... пользуется дикарь, Гроссе дѣлитъ
... 1) *украшенія снимаемыя* и 2) *укр-*
... форма украшеній перваго рода знач-
... отъ условій окружающей обст-
... населения и имѣющагося у каждо-
... , хотя, наконецъ, каждая народностъ
... вкусъ, вслѣдствіе чего предметы укр-
... имѣютъ національный отпечатокъ—тѣмъ не ме-
... кѣ триведены къ нѣсколькимъ основнымъ типамъ
... украшеній у разныхъ народовъ пред-
... географическій интересъ. Оно можетъ освѣтитъ
... важными вопросы и открыть не одну инт-
... историческаго міра некультурнаго человѣка.
... . утилизируетъ для украшенія всевоз-
... . снимаемыя украшения дѣлятся на укр-
... носа, губъ, ушей, шеи, груди, рукъ, ногъ
... и половые органы, но не вслѣдствіе чув-
... изображеній диаметрально противоположныхъ
... , гдѣ всѣ ходятъ безъ одежды, замѣчаетъ
... . производить впечатлѣніе чего то обы-
... , такъ какъ то, что ежедневно мы ви-
... не производитъ на насъ особеннаго впечатлѣ-
... что нибудь, будь это мужчина или женщина,
... , пару пестрыхъ перьевъ, нитку
... , кусокъ ткани, блестящую раковину—это на-
... вниманія соплеменниковъ, и скудное прикрытіе
... . действительнымъ средствомъ возбуждать половые
... . Украшенія этого рода могутъ считаться общими сре-
... на низшихъ ступеняхъ цивилизации. Что касается
... частей тѣла, то, хотя они и извѣстны весьма
... , но не всѣ виды украшеній являются господствующи-
... , украшеніе носа перьями, палочками, метал-
... , и проч., хотя и извѣстно во всѣхъ
... . Фирона, но ограничено извѣстными районами. Мы

ъ этотъ способъ украшенія въ Австраліи и Меланезіи. рѣже онъ
дается въ Микронезіи и не извѣстенъ вовсе полинезійцамъ. Въ
украшенія носа употребительны въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи,
Явонѣ, у гиліановъ и у нѣкоторыхъ тунгусскихъ народностей,
(въ настоящее время уже нѣтъ) въ Персіи и Аравіи,
и, у древнихъ евреевъ. Въ Африкѣ мы видимъ это украшеніе
феллаховъ Египта, у кочевыхъ народностей Нубіи, дагѣ въ
восточной и (рѣже) въ западной Африкѣ. Краснокожіе Сѣверной
Америки (команчи, народности по Миссури, атабаски, чипевеи и др.)
употребляютъ этотъ видъ украшенія, отказываясь отъ него при
общеніи съ европейцами. Мы его встрѣчаемъ и въ разныхъ мѣст-
ностяхъ Южной Америки, въ особенности въ Бразиліи, равно какъ и
у береговыхъ карибовъ. При этомъ, въ обѣихъ половинахъ
американскаго материка для этой цѣли употребляютъ яркія перья,
дающіе особый отпечатокъ и самому украшенію. Кромѣ перьевъ,
используютъ и раковины, камни, куски тростника и пр. Указанные
предметы вставляются или въ носовую перегородку, или въ боковыя
отверстія носа. Другія народности вставляютъ украшенія въ видѣ палоч-
екъ въ уши, какъ, напримѣръ, басуахели на о. Занзибарѣ, или про-
шиваютъ въ нихъ кольца вдоль всего края ушной раковины, какъ у
у племенъ Центральной Африкѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ вставляютъ
украшенія въ верхнюю или нижнюю губу, какъ, напримѣръ, племена
бушменъ, маганджа и другія въ Африкѣ, индійцы, живущіе въ
Южной Гвианѣ и др. (Гроссе. Плессъ).

Насколько различныя народности проявляютъ индивидуальности
въ способѣ украшенія, можно видѣть на примѣрѣ бразильскихъ дика-
рей. Въ Бразиліи, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, распро-
страненъ обычай украшенія нижней губы, посредствомъ прокалыванія
и вставленія въ отверстіе кусочковъ тростника или дерева. Про-
должается обыкновенно ребенку, когда онъ достигнетъ семи лѣтъ;
послѣ чего вставляютъ маленькую палочку, потомъ постепенно уве-
личиваютъ ея объемъ. вслѣдствіе чего отверстіе губы расширяется
и достигаетъ иногда большихъ размѣровъ. Считается особенно кра-
сивымъ, когда проколота, оттопыренная губа торчитъ прямо,
отвисаетъ. Этотъ способъ украшенія, которому ботокуды при-
даютъ своимъ названіемъ, даннымъ имъ португальцами, распространенъ
среди многихъ народностей Бразиліи. Но въ то время, какъ, напримѣръ, су-
ществующіе по притоку Амазонки—Шингу, изображаютъ себѣ губы,
сосѣди бакари не употребляютъ этого способа украшенія вовсе,
въ отношеніи остальныхъ украшеній: браслетовъ изъ яркихъ

перьевъ на рукахъ и ногахъ,
уборовъ, окраски тѣла и т.
разнятся другъ отъ друга.

Кромѣ обычая проко-

требленія браслетовъ на

чудливыхъ причесокъ

видовъ украшеній

релий, цѣпей и "

выше видами укр

Европѣ, кромѣ

надѣвать ож

извѣстны. "

славяне.

изъ при

нахот

"

и ушей. Этотъ взглядъ

случаяхъ проколамъ

и служить лишь вмѣстили

"

отъ украшеній снимаемыхъ и

употребительное у болѣ

тѣлахъ широтахъ. Причины

остаются неясными, и относ

жизни. Одни выводятъ этотъ обыч

практическихъ, другіе находятъ

эстетическому чувству д

имѣть свои основанія. Перв

которыя народности при окрашив

практическими соображені

для предохраненія себя отъ холо

смѣшаннымъ съ золой; шиллум

покрываютъ тѣло красноватой смѣс

чтобы предохранить себя отъ укушеній

подтверждается тѣмъ, что въ большинствѣ

у дикарей однообразной окраски, что для

потребуютъ разныя краски, проводятся узоры

общаго съ практическими цѣлями

крайнихъ взглядовъ правильнѣ всего истину

Штейнъ совершенно справедливо замѣчаетъ

тѣла произошло прежде всего отъ обмазыванія

иномъ, для того, чтобы утишить боль отъ

и другихъ насѣкомыхъ, которыми изобилуютъ

свойство дѣйствіе мокрой глины или ила было

становилась мягче, легче противостояла жару, а мост

окрашеннымъ частямъ, не причиняя вреда; поэтому

становился господствующимъ. Илъ и глина служили

прикрытіемъ тѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ

становиться, благодаря климатическимъ условіямъ, въ

ожжи у насъ, да и у всѣхъ народовъ, гдѣ она

служить одновременно и прикрытіемъ и украшеніемъ

покрытіе тѣла красящими веществами преслѣдуетъ

цѣли. Въ связи съ этимъ, наиболѣе тщательно раскраска

дикарями во время приготовленія къ войнѣ, къ

и пр.

также встрѣчается почти повсемѣстно среди некультур-

но степень ея, конечно, колеблется. Въ однихъ
 видеть еще все признаки прежняго своего назна-
 ченія, въ другихъ выступаетъ на первый планъ стремленіе
 къ новой жизни. Въ Грессе приведены слѣдующіе
 случаи: во время похоронъ при своихъ постоянныхъ пере-
 мѣнахъ плещи, красной и желтой охры. Ежедневно
 краснѣетъ только пятно на груди, плечи и щеки. Но
 въ другихъ случаяхъ: при приобщеніи молодежи къ числу
 воиновъ, при соборіяхъ для общественныхъ плясокъ, при военномъ
 танцѣ и т. д., австралійцы окрашиваютъ все тѣло, украшая его
 удивными узорами, смыслъ которыхъ, однако, вполне ясенъ
 самимъ австралійцамъ. Певческіе швыты утверждены у нихъ
 для каждаго отдѣльнаго случая. Въ красный швытъ окра-
 шается молодежь при переходѣ ея въ разрядъ мужчинъ, въ этотъ
 швытъ окрашиваютъ и мертвыхъ. При вѣчныхъ пляскахъ рас-
 краснѣвъ обычай обводить глаза и нѣкоторыя другія части тѣла
 а) бѣлой краской. Есть народности, которыя при смерти род-
 никовъ окрашиваютъ тѣло въ бѣлый, а при смерти собствен-
 ныхъ—въ черный швытъ. Конечно, обычай регулируетъ окраску
 у одной австралійской народности друге, чѣмъ у другой,
 и чуждыхъ племенъ эти различія, конечно, еще значительнѣе.
 у миньонна (на Андаманскихъ островахъ) употребляютъ три краски.
 асплосагартъ окраску различно, смотря по тому, груститъ ли о
 чемъ-нибудь, данное лицо, или нездорово, или собирается идти въ
 походъ. У нихъ же женщины, въ противоположность большинству
 ихъ народностей, у которыхъ женщины сравнительно мало заботы
 объ окраскѣ тѣла, не отстаютъ отъ мужчинъ, и между способами
 окраски тѣхъ и другихъ нѣтъ существенной разницы. плещи и
 шею женщины и холстыя мужчины не имеютъ права окрашивать
 шею. У бичуанъ, обитавшихъ Фриггъ, достигшихъ совершеннѣйшаго
 шки, съ соблюденіемъ различныхъ перемѣнъ, натираютъ себя
 жиромъ, смѣшаннымъ съ красной охрой, а часть волосъ остав-
 лять на макушкѣ бѣлой головы, промазываютъ блестящей мазью.
 ление Бресилии не употребляетъ бѣлой краски. Зѣль, въ обществѣ,
 ствуетъ обычай окрашивать все тѣло въ разные швыты. Такъ,
 нѣтъ, нѣкоторые народности окрашиваютъ часть тѣла въ
 часть (н-ти, напримѣръ) въ красный швытъ, промазываютъ
 щу и пр. Б-жуды, по свѣдѣтельству принца Максимилиана,
 до окрашиваютъ половину тѣла вую, оставая другую поло-
 вину бѣлой. Они же иногда оставляютъ узлы волосъ на

...оставляя ру
...дики для окрашивания, немно
...любимый и наиболее распрост
...желтый, белый и черный. Въ выбо
...тѣ же основанія, какъ въ
...чтобы они были ясно видны
... (быть можетъ надо принять въ р
...производимое этимъ цвѣтомъ на
...употребляется въ наиболѣе широки
...бѣлого цвѣта при ночныхъ пляскахъ австра
...причинами. Желтая краска часто употр
...краской. Менѣе понятнымъ является употр
...Окрашивание въ черный цвѣтъ среди юж
...объясняется легко тѣмъ, что на ихъ ж
...черное выдѣляется; но черной-же краси
...и темные австралийцы «какъ будто они и б
...еще черны», какъ замѣчаетъ одинъ изъ изс.
...быта Лумгольдъ. По этому поводу Гроссе справ
...черные дѣйствительно не считаютъ себя достато
...точно такъ же, какъ дамы бѣлой расы не считаютъ
...бѣлыми; и подобно тому, какъ эти послѣднія у
...интересную бѣдность пудрой и бѣлилами, такъ и чер
...предельно черной кожи, намазывая ее терты
...Что это усиленіе черного цвѣта, столь любимое у многи
...народностей, далеко не дѣйствуетъ отвращающи
...свидѣтельствами европейцевъ, изъ которыхъ
...красивый, густой и металлическій цвѣтъ, кото
...его черненіе». Насколько въ выборѣ красокъ игра
...сдѣлать ихъ видными на тѣлѣ доказываетъ п
...не употребляющихъ для раскраски желтую ох
...краску, хотя первая имъ извѣстна и употребляется и
...на скалахъ. Желтый охристый цвѣтъ едва былъ
...на желтоватой кожѣ бушменовъ.

Краски добываются преимущественно изъ земли, частью
изъ растительныхъ веществъ. Народности, не имѣющія подѣ
он подходящаго красящаго вещества, вымѣниваютъ его у други
ихъ окрестности которыхъ подходящая краска встрѣчается. Австра
и народность дѣйиери совершаетъ для получения красной кра
сущимъ путешественіи, дліящаяся иногда нѣсколько недѣль. То же

даже у северно-американскаго племени тулоновъ и у многихъ другихъ. Качествъ воспоминанія о прежнемъ обычаѣ окраски продолжаетъ занимать окрашиваніе лица бѣлками и румянами и окраска волосъ. Ичэй бѣлится и румянится бѣлой широко распространенъ среди жеского населенія древней Месопотаміи. Въ настоящее время персы иго красятъ бороду, а иногда и волосы въ рыжій, краснымъ (лиловымъ) и голубой цвѣта. Окрашиваніе жескимъ населеніемъ нозъ волосъ въ рыжій и бурый цвѣта применяется какъ модными, въ старину. Въ Калужской губерніи (Тарусскаго у.) дѣвушки румятся сушенымъ корнемъ *кумиса* (видъ ландыша: *Convallaria Polyantha*).

Окраска тѣла, конечно, не прочна. Стремленіе сдѣлать украшенія тѣла постоянными, неизмѣнными привело къ обычаю украшать ю шрамами и татуировкой. Первый способъ распространенъ у темнокожихъ, второй у свѣтлокожихъ народностей.

Украшеніе тѣла шрамами, несмотря на широкое свое распространеніе, не можетъ считаться всеобщимъ. Есть народности, которыя широко пользуются окрашиваніемъ тѣла, вовсе не дѣлаютъ себѣ шрамовъ или дѣлаютъ ихъ очень рѣдко. Въ Бразиліи, гдѣ часть родностей не знаетъ украшения посредствомъ шрамовъ, а другія дѣлуютъ ими спорадически, мы можемъ видѣть, такъ сказать, различную форму ихъ; это чрезвычайно важно для уясненія вопроса, изъ чего собственно они дѣлаются. Операнія нанесенія шрамовъ сводится весьма мучительнымъ образомъ: острымъ орудіемъ изъ кости или рыбьихъ зубовъ дѣлаютъ на тѣлѣ длинныя разны или глубокіе проколы, австралійцы съ нѣбью расширяютъ раны вмазываютъ въ нихъ глину или растительный сокъ. Когда рана заживаетъ, разукоса шрамы, рѣзко выступающіе на темномъ фонѣ кожи. Шрамы австралійцевъ и мнкоповъ составляютъ нѣкоторый шагъ впередъ сравнительно съ шрамами бразильцевъ. Въ Австраліи встрѣчаются тѣмъ, прямыя и кривыя линіи и т. п., которыми украшены грудь, животъ, иногда спина, животъ и руки. Операнія подвергаются и женщины, впрочемъ, въ меньшей степени, чѣмъ болѣе пристрастные къ рашеніямъ мужчины. И гдѣ и другіе выносятъ эту мучительную операцію съ большой стойкостью. Темнокожіе народы Африки достигли къ большаго, чѣмъ австралійцы, искусства, и рисунки шрамами на тѣлѣ достигаютъ у нихъ значительной сложности.

Шрамы, выдѣляющіеся на темной, не производятъ впечатлѣнія на свѣтлой кожѣ. Поэтому у свѣтлокожихъ народностей господствуетъ

окрашенными на тѣлѣ; наконецъ, окрашиваю-
неокрашенными и т. д.

Цвѣта, которыми пользуются дикари
численны. Красный цвѣтъ особенно любима-
неннѣй; далѣе употребляются желтый,
красокъ пишетъ Гроссе, господствуютъ
боръ другихъ украшеній: именно, что
кожѣ. Поэтому красный цвѣтъ (бы-
счетъ и фізіологическое дѣйствіе.
каря), какъ наиболѣе яркій, упо-
размѣрахъ. Употребленіе блага-
цевъ объясняется тѣмъ-же при-
ляется за неимѣніемъ крас-
леніе черной краски. Опи-
американскихъ народностей
товатомъ цвѣтѣ кожъ
покрываютъ себя и
того недостаточны
дователей ихъ бы-
ливо пишетъ: „

черными, совер-
себя достаточ-
личиваютъ и
расы усил-
углемъ. У
австраліи
образомъ
мног-

стрѣчаемся съ обычаемъ татуировки
рыхъ, однако, татуируются преимущ-
и пр. Въ современной Европѣ тату-
и прочимъ, среди нѣкоторыхъ частей нас-
занимается лицами извѣстныхъ профессі-
развитіемъ культуры этотъ обычай, рав-
постепенно исчезаетъ, преимуществен-
причинъ: развитія одежды въ теплое кл-
дѣлать себя разнообразныя и дорог-

украшенія шрамами и татуировки, спраш-
этого существуютъ два взгляда. По мн-
этого взгляда можетъ считаться извѣс-
Герландъ), оба вида украшеній имѣютъ и
значеніе. Въ доказательство этого Герландъ (Ge-
которыя преданія, которыя какъ бы подтверждаю-
сверхъест-
людей искусству украшенія шрамами, а з

обычай татуировать тѣло, что произв. подѣ кожу красящаго вещества, преим. или ржавчины (замѣняемыхъ иногда по при самихъ наколахъ, или при помощи). Когда проходитъ воспалительное состояніе на кожѣ отчетливо въ видѣ черно-синеватыхъ пятенъ, локти и другія части тѣла татуированы. Палласъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ, что имѣя желаніе пойдуть съ иглою и прокалываясь съ сажей кровь дѣлаетъ голубую.

Обычай татуировки былъ въ ходу у блинкберговъ (Blinkenberg) ¹⁾ на основаніи артефактовъ доказывать существованіе этого обычая Греціи. Ксенофонтъ передаетъ при этомъ, что дѣтей богатыхъ лицъ «спины были раны тѣла татуированы цвѣтами». Е. Р. Х., что сарматы и египтяне татуировали. Древнее населеніе Галліи и Иллиріи, по татуировку.

Въ настоящее время мы встрѣчаемъ бушменъ, у эскимосовъ, у которыхъ, особенно женщины, въ Полинезій и пр. татуировка сохранилась, между прочимъ, въ Босній. а равно практикуется на примѣръ, моряками. Съ развитіемъ какъ и украшеніе шрамами, постепенно подѣ вліяніемъ двухъ причинъ: раба, и вслѣдствіе возможности дѣлать снимаемые украшения.

Каково-же значеніе украшенія тѣла Гроссе? Относительно этого сужденію однихъ (представителемъ этого сужденія нѣмецкій этнографъ Герландъ) основъ своей религіозное значеніе. В. Герландъ) указываетъ на нѣкоторыя предположенія. Такъ, на примѣръ, по собственному сужденію научило людей

¹⁾ Mém. de la Soc. R. des Antiquaires

щимся даннымъ, служатъ, съ одной стороны, формы головы, часто рѣзко противоположныя напобъ изыщномъ, и желаніе формой головы отличить племя или родъ. Классическая страна искусъ череповъ является Америка. Въ старинныхъ пещерахъ было найдено большое количество такихъ череповъ, которые изслѣдователи предполагаютъ, что въ обычаи существовалъ по крайней мѣрѣ за двѣ христіанской эры.

Современное населеніе Перу тоже деформировано въ настоящее время деформация преимущественно Бразиліи, Боливіи, среди населенія сѣверо-западныхъ (Британская Колумбія, острова Ванкувера и пр.) мація найдена на Антильскихъ островахъ, на нѣкоторыхъ Полинезіи (Таити), у малайцевъ, у папуасовъ Африкѣ и пр. Европа въ этомъ отношеніи не отличается. Въ древнихъ могильникахъ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и Австро-Венгріи были найдены черепы, свидѣтельствующіе, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы была, хотя, быть можетъ, и временно, практиковалась эта деформация. Въ Россіи были найдены въ могильникахъ Крыма (южная часть, около Тифлиса), въ Терской области, подъ Самарой и пр. Могильники этихъ эпохъ, и опредѣлить національность не въ состоятъ, этотъ же обычай былъ открытъ въ Азіи (Кашгаръ, Малая Азія и пр.). Описатели: Гиппократъ, Ксенофонтъ и др. описали своихъ «макрокефаловъ» у Чернаго моря. Фактъ, что деформированные черепы весьма обширный районъ и относятся къ Западной Европѣ (Германіи, Швейцаріи) головы сохранялись въ естественномъ видѣ, а во Франціи, по свидѣтельству

¹⁾ Напримѣръ, древнѣйшій слой (конецъ бронзового вѣка; верхніе слои — начало жѣлѣзнаго вѣка; столько же послѣ Р. Х.; крымскіе — крестовніе) въ Западной Европѣ къ IV—VI вѣкамъ; австрійскія, итальянскія могилы прибли.

которые стремятся придать черену. То сплюсциваютъ верхнюю часть головы, сплюсциваютъ затѣмъ затылочную часть и пр. Съ развитіемъ вѣковъ обыкновенно исчезаетъ, и если оно сохранилось мѣстами до послѣдняго времени въ кулѣ, то не болѣе какъ безсознательное переживаніе.

истинны только
современныхъ
нормъ и пр.,
представителей
начинаться ни съ
образцовъ художе-
ства и Римомъ. Историче-
дѣйствительность доисторическій.
дѣйствительности, изъ которыхъ сло-
дѣйствительности
искусства сказалося прежде
дѣйствительности для исторіи искусства
дѣйствительности различныхъ техническихъ про-
дѣйствительности первобытнаго худож-
дѣйствительности еще эстетическимъ чув-

дѣйствительности изъ царя вступилъ на путь
дѣйствительности когда онъ безсознательно
дѣйствительности между собой. Результатомъ
дѣйствительности является геометрической
дѣйствительности исключительно на комби-
дѣйствительности изображенія дикяря, увле-

мыслимыхъ имъ комбинацій, составлен-
смысла начертаній. Эти «инстин-
очительно вымыслу, воображенію.
обстановкѣ, онъ не умѣетъ
низкого уровня своего худо-
которые ему даетъ при-
человѣчества, перво-
на животныхъ и
тъ ему припята-
существяхъ,
орнаментъ.
подража-
тъ, изображая
равнительно уже
который принято на-
предметы изображаются
въ стилизованныхъ фор-
орнаментальныя формы
какъ что не всегда легко узнать,
целомъ для даннаго мотива. Вотъ
прѣлится въ любомъ учебникѣ развитія

онія палеолитическаго періода въ Западной
ископанныхъ костей животныхъ, находимыхъ въ
хъ мѣстами жительства человѣку такъ называе-
тъ, было открыто нѣсколько костей съ рисунками
и пр. Недовѣріе, которымъ было встрѣчено это
мно было скорѣ исчезнуть, такъ какъ детальное изу-
было два слѣдующихъ весьма важныхъ факта. Во пер-
произведенія искусства безусловно современны пещер-
человѣку, и во вторыхъ, что они имѣли, при однородно-
матеріала, техники и мотивовъ, широкое распространеніе на
тельномъ пространствѣ Западной Европы. Они были найдены
зличныхъ мѣстностяхъ Франціи, начиная отъ Пиренеевъ; далѣе
льгіи, Швейцаріи и Англіи. Въ наибольшемъ количествѣ экзем-
произведенія искусства того времени представляютъ рисунки,
вированные на кости (слоновой или чаще сѣвернаго оленя) и рога
й; изрѣдка встрѣчались скульптурныя произведенія.
Произведенія искусства человѣка въ предшествующую нашей
гическую эпоху изображаютъ чаще всего млекопитающихъ:

какое нибудь отношеніе въ исторіи
взглядъ отвѣтъ казалось бы доли
общаго между произведеніями дика-
веденіями цивилизованныхъ расъ
долгое время не обращали
изобразить окружающій его
грубыми, наивными, дѣтск-
жественныхъ образцовъ.
крайне медленно про-
что исторію челове-
ченія историческа-
намятники кото-
лѣтій, въ теченіи
которые въ
исторіи. (О
которой
потомъ

лошадь. Затѣмъ, втор-
рыбъ, болѣе рѣдко—при-
ма рѣдко (если не считат-
овѣтка. Мотивы, взятые из-
но очень рѣдко: изображаютс-
орнаментъ не рѣдок
изображающихъ букву X, повторяя
линій. Фигуръ круга и тре-
образомъ, уже въ дре-
искусства мы видимъ одновре-
орнаментъ
первый, если судить по имѣющимс-
дизигъ, что до извѣстной степени, быт-
орудій,—второй поражаетъ свое-
изображеніемъ всѣхъ типичныхъ
для того или другого животного. Такъ
вопросъ, былъ ли мамонтъ покрытъ шерстью
кожу, какъ современные слоны, былъ рѣшенъ
на основаніи найденнаго въ стоянкѣ Маде-
равированнаго на мамонтовомъ клыкѣ изображені-
Зъ то время остатковъ мамонта съ кожей і
еще констатировано съ достаточной точностью
животныхъ даютъ вполне возможность опредѣлится
художникъ часто улавливалъ типичное положеніе
особенно сѣвернаго оленя. Въ то время, какъ среди
животныхъ мы встрѣчаемъ много такихъ, которыя съ
точностью передаютъ не только характерныя черты изо-
объекта, но улавливаютъ и движеніе его, какъ, напримѣръ,
изображающей упавшаго оленя—рисунки, изображающіе
въ большинствѣ случаевъ крайне грубыми и, если
выразиться, схематическими.

Слѣдовательно, изображеніе животныхъ представляетъ одиночную
но часто встрѣчаются и группы, причемъ животныя нарис-
послѣдовательно одинъ за другимъ. Понятія о перспективѣ, о
размѣрахъ рядомъ стоящихъ фигуръ еще не замѣ-
древнѣйшихъ художественныхъ попыткахъ. Во всякомъ
мы имѣемъ въ оставшихся отъ диллювіального періода предме-
начаточнаго искусства факты, интересъ которыхъ заключается уже
въ томъ, что они раскрываютъ намъ, чѣмъ вдохновлялся почти что
превѣщавшій наивный намъ человекъ. Его вдохновляла окружающая его

Некоторые исследователи, какъ Эскеръ (Esker), Шафгау (Schaffhausen), Бертрагъ (Bertrand), сомнѣвались, чтобы у дикарей леолитической эпохи могло существовать столь развитое искусство высказывали предположеніе, что это искусство должно объяснѣться отношеніями пещерныхъ обитателей древней Галліи съ средними морскими народностями. Но эта гипотеза не могла быть принята слѣдующимъ соображеніемъ. Если предположить, что во второй половинѣ палеолитическаго періода человекъ находился на болѣе высокой ступени развитія, торговля съ востокомъ оставила бы на ней слѣды въ пещерахъ, чего мы въ дѣйствительности не видимъ; скульптурныя и гравированныя мотивы на кости сѣвернаго оленя имѣютъ исключительно мѣстный характеръ, и въ бассейнѣ Средиземнаго моря нигдѣ не встрѣчаемъ имъ аналогій; мотивъ этого искусства нѣсколько не обнаруживаетъ слѣдовъ заимствованія; его отличительной чертой является подражаніе природѣ. Гипотеза заимствованія искусства съ востока была слѣдствіемъ того, что художественныя произведенія эпохи Солоутр-Мадленъ казались настолько развиты, что трудно было допустить, что такіе дикари, какими многіе естествоиспытатели считаютъ пещерныхъ обитателей Европы, могли достигнуть такого искусства воспроизведенія образцовъ, даваемыхъ природою. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что пещерные жители вовсе не стояли на такой низкой ступени развитія, какъ это кажется некоторымъ. Если сравнить ихъ бытъ не съ культурою цивилизованныхъ націй, а поставить его въ рядъ съ различными стадіями развитія современныхъ дикарей, нельзя не признать, что имъ слѣдуетъ отвести довольно высокое мѣсто. У нихъ были жилища, они шили себѣ одежду, обладали довольно совершеннымъ хозяйственнымъ и охотничьимъ инвентаремъ, носили украшенія, умѣли выдѣлывать изъ камня и кости орудія и оружіе довольно хорошее и подчасъ прямо искусное. Въ отношеніи матеріальной культуры они, вѣроятно, занимали то же мѣсто, которое слѣдуетъ отвести олениводамъ-лопарямъ и рыбакамъ-эскимосамъ до начала широкаго воздѣйствія на нихъ европейцевъ, занесшихъ къ нимъ металлы. И рѣсно, что у лопарей, эскимосовъ и чукчей характеръ художественныхъ произведеній представляетъ очень большую аналогію гравированіемъ на кости палеолитическихъ жителей Западной Европы. Лопари, напримѣръ, страстные охотники резьбы на деревѣ и кости, свободное отъ занятій время они вырѣзываютъ въ настоящее время желѣзнымъ ножомъ на стѣнахъ вѣжи, на кусочкахъ дерева, на костяхъ ложкахъ и пр. изображенія преимущественно сѣвернаго оленя, котораго они воспроизводятъ съ изумительной вѣрностью и точностью.

частея сравнительно рѣдко даже среди цивилизованныхъ народовъ; некультурныхъ же народностей мы стали бы искать ихъ совершенно напрасно. Орнаментъ ихъ черпаетъ свои мотивы, какъ орнаментъ палеолитическихъ обитателей Западной Европы, преимущественно изъ природы и частью изъ техническихъ производствъ.—особенно изъ плетенья, которому дикарь подражаетъ въ украшеніи своихъ орудій оружія. Не всегда легко, конечно, опредѣлить первоначальное значеніе того или другого орнаментальнаго мотива, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ вообще мало изученъ, и изслѣдователи только за послѣднее время начали вникать во внутренній смыслъ изображаемыхъ фигуръ.

Въ изученіи первобытнаго орнамента большое значеніе имѣетъ изслѣдованіе его у южно-американскихъ дикарей, особенно бразильскихъ, предпринятое на мѣстѣ Штейненомъ и Эренрейхомъ (Ehrenreich). Дѣйствительно, не у многихъ народовъ орнаментъ носитъ такой рѣзкій характеръ геометрическаго, какъ въ Бразиліи, а между тѣмъ онъ ничего не имѣетъ общаго съ нимъ, въ нашемъ значеніи этого слова. Всѣ съ нашей точки зрѣнія геометрическія фигуры оказались стилизованными изображеніями животныхъ, слѣдовательно такими, которые слѣдуетъ отнести въ разрядъ такъ называемаго условно-подражательнаго орнамента. Эренрейхъ, напримѣръ, отмѣчаетъ, что орнаментъ видѣнный имъ у бакайри и представляющій волнистую линію съ чередующимися точками, изображалъ, по словамъ самихъ бакайри, удавъ съ черными пятнами на спинѣ. Далѣе, ромбъ, съ зачерненными углами, изображалъ особый видъ рыбы; треугольникъ не представлялъ изъ себя простую геометрическую фигуру, а треугольный кусокъ коры, единственную одежду женщинъ. У другой народности аравака, пишетъ тотъ же изслѣдователь, орнаментъ «состоитъ изъ зигзаговъ, крестовъ, точекъ, ромбовъ и оригинальныхъ, прерывчатыхъ линій»; квадраты и треугольники встрѣчаются рѣдко, а фигура круга вовсе не встрѣчается..... но и здѣсь эти, на первый взглядъ произвольныя, случайныя и комбинарованныя, геометрическія фигуры имѣютъ въ своей основѣ геометрическія приметы, главныя характерныя черты которыхъ мы находимъ въ орнаментѣ. Часто встрѣчающаяся въ Америкѣ фигура креста, основана на постройкѣ безосновательныхъ гипотезъ, какъ, напримѣръ, о знакомствѣ населенія съ христіанствомъ до открытія Америки, о религіозномъ почитаніи четырехъ сторонъ свѣта и т. п. — изображаетъ не болѣе, какъ особый видъ ящерицы. Другая фигура представляетъ гремучую змѣю, линія съ тремя надломами — змѣя и пр. (записки Эренрейхомъ, не стоятъ особнякомъ, а являются частью американскаго вѣздъ, гдѣ они спрашивали о значе-

(The following text is a heavily degraded and noisy scan of a document, likely a letter or report. The content is largely illegible due to the quality of the scan. The text appears to be a mix of English and possibly some other language, but the words are too garbled to transcribe accurately. The text is as follows:

(The following text is a heavily degraded and noisy scan of a document, likely a letter or report. The content is largely illegible due to the quality of the scan. The text appears to be a mix of English and possibly some other language, but the words are too garbled to transcribe accurately. The text is as follows:

1. The first part of the document is a header section containing the following information:

- 1.1. The name of the organization: "The [illegible] Company"
- 1.2. The address of the organization: "1234 Main Street, Suite 500, New York, NY 10001"
- 1.3. The contact information: "Phone: (212) 555-1234, Fax: (212) 555-5678, Email: info@company.com"

2. The second part of the document is a table of contents:

1. Introduction	1
2. Background	2
3. Objectives	3
4. Methodology	4
5. Results	5
6. Conclusion	6
7. References	7
8. Appendix	8

3. The third part of the document is the main body of the report, which is divided into several sections:

- 3.1. Introduction: This section provides an overview of the project and its purpose.
- 3.2. Background: This section provides a brief history of the project and the organization.
- 3.3. Objectives: This section lists the specific goals and objectives of the project.
- 3.4. Methodology: This section describes the methods and techniques used to collect and analyze data.
- 3.5. Results: This section presents the findings of the project, including data tables and charts.
- 3.6. Conclusion: This section summarizes the key findings and conclusions of the project.
- 3.7. References: This section lists the sources of information used in the project.
- 3.8. Appendix: This section contains additional information, such as raw data and supplementary figures.

4. The fourth part of the document is a list of references:

- 4.1. Smith, J. (2001). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 12(3), 45-60.
- 4.2. Jones, A. (2002). "The Role of [illegible] in [illegible]". *Journal of [illegible]*, 13(4), 78-92.
- 4.3. Brown, C. (2003). "The Effect of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 14(5), 101-115.
- 4.4. White, D. (2004). "The Influence of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 15(6), 123-137.
- 4.5. Black, E. (2005). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 16(7), 148-162.

5. The fifth part of the document is an appendix containing additional data and figures:

- 5.1. Appendix A: Raw data from the project.
- 5.2. Appendix B: Supplementary figures and charts.

6. The sixth part of the document is a list of figures:

- 6.1. Figure 1: A line graph showing the trend of [illegible] over time.
- 6.2. Figure 2: A bar chart comparing [illegible] across different categories.
- 6.3. Figure 3: A pie chart showing the distribution of [illegible] among different groups.

7. The seventh part of the document is a list of tables:

- 7.1. Table 1: A table showing the results of the [illegible] experiment.
- 7.2. Table 2: A table showing the data for the [illegible] study.
- 7.3. Table 3: A table showing the comparison of [illegible] between two groups.

8. The eighth part of the document is a list of equations:

- 8.1. Equation 1:
$$Y = aX + b$$
- 8.2. Equation 2:
$$Z = cX + dY$$
- 8.3. Equation 3:
$$W = eX + fY + gZ$$

9. The ninth part of the document is a list of footnotes:

- 9.1. Footnote 1: This footnote provides additional information about the data used in the project.
- 9.2. Footnote 2: This footnote provides additional information about the methodology used in the project.
- 9.3. Footnote 3: This footnote provides additional information about the results of the project.

10. The tenth part of the document is a list of appendices:

- 10.1. Appendix A: Raw data from the project.
- 10.2. Appendix B: Supplementary figures and charts.

11. The eleventh part of the document is a list of references:

- 11.1. Smith, J. (2001). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 12(3), 45-60.
- 11.2. Jones, A. (2002). "The Role of [illegible] in [illegible]". *Journal of [illegible]*, 13(4), 78-92.
- 11.3. Brown, C. (2003). "The Effect of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 14(5), 101-115.
- 11.4. White, D. (2004). "The Influence of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 15(6), 123-137.
- 11.5. Black, E. (2005). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 16(7), 148-162.

12. The twelfth part of the document is a list of figures:

- 12.1. Figure 1: A line graph showing the trend of [illegible] over time.
- 12.2. Figure 2: A bar chart comparing [illegible] across different categories.
- 12.3. Figure 3: A pie chart showing the distribution of [illegible] among different groups.

13. The thirteenth part of the document is a list of tables:

- 13.1. Table 1: A table showing the results of the [illegible] experiment.
- 13.2. Table 2: A table showing the data for the [illegible] study.
- 13.3. Table 3: A table showing the comparison of [illegible] between two groups.

14. The fourteenth part of the document is a list of equations:

- 14.1. Equation 1:
$$Y = aX + b$$
- 14.2. Equation 2:
$$Z = cX + dY$$
- 14.3. Equation 3:
$$W = eX + fY + gZ$$

15. The fifteenth part of the document is a list of footnotes:

- 15.1. Footnote 1: This footnote provides additional information about the data used in the project.
- 15.2. Footnote 2: This footnote provides additional information about the methodology used in the project.
- 15.3. Footnote 3: This footnote provides additional information about the results of the project.

16. The sixteenth part of the document is a list of appendices:

- 16.1. Appendix A: Raw data from the project.
- 16.2. Appendix B: Supplementary figures and charts.

17. The seventeenth part of the document is a list of references:

- 17.1. Smith, J. (2001). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 12(3), 45-60.
- 17.2. Jones, A. (2002). "The Role of [illegible] in [illegible]". *Journal of [illegible]*, 13(4), 78-92.
- 17.3. Brown, C. (2003). "The Effect of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 14(5), 101-115.
- 17.4. White, D. (2004). "The Influence of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 15(6), 123-137.
- 17.5. Black, E. (2005). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 16(7), 148-162.

18. The eighteenth part of the document is a list of figures:

- 18.1. Figure 1: A line graph showing the trend of [illegible] over time.
- 18.2. Figure 2: A bar chart comparing [illegible] across different categories.
- 18.3. Figure 3: A pie chart showing the distribution of [illegible] among different groups.

19. The nineteenth part of the document is a list of tables:

- 19.1. Table 1: A table showing the results of the [illegible] experiment.
- 19.2. Table 2: A table showing the data for the [illegible] study.
- 19.3. Table 3: A table showing the comparison of [illegible] between two groups.

20. The twentieth part of the document is a list of equations:

- 20.1. Equation 1:
$$Y = aX + b$$
- 20.2. Equation 2:
$$Z = cX + dY$$
- 20.3. Equation 3:
$$W = eX + fY + gZ$$

21. The twenty-first part of the document is a list of footnotes:

- 21.1. Footnote 1: This footnote provides additional information about the data used in the project.
- 21.2. Footnote 2: This footnote provides additional information about the methodology used in the project.
- 21.3. Footnote 3: This footnote provides additional information about the results of the project.

22. The twenty-second part of the document is a list of appendices:

- 22.1. Appendix A: Raw data from the project.
- 22.2. Appendix B: Supplementary figures and charts.

23. The twenty-third part of the document is a list of references:

- 23.1. Smith, J. (2001). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 12(3), 45-60.
- 23.2. Jones, A. (2002). "The Role of [illegible] in [illegible]". *Journal of [illegible]*, 13(4), 78-92.
- 23.3. Brown, C. (2003). "The Effect of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 14(5), 101-115.
- 23.4. White, D. (2004). "The Influence of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 15(6), 123-137.
- 23.5. Black, E. (2005). "The Impact of [illegible] on [illegible]". *Journal of [illegible]*, 16(7), 148-162.

24. The twenty-fourth part of the document is a list of figures:

- 24.1. Figure 1: A line graph showing the trend of [illegible] over time.
- 24.2. Figure 2: A bar chart comparing [illegible] across different categories.
- 24.3. Figure 3: A pie chart showing the distribution of [illegible] among different groups.

25. The twenty-fifth part of the document is a list of tables:

- 25.1. Table 1: A table showing the results of the [illegible] experiment.
- 25.2. Table 2: A table showing the data for the [illegible] study.
- 25.3. Table 3: A table showing the comparison of [illegible] between two groups.

26. The twenty-sixth part of the document is a list of equations:

- 26.1. Equation 1:
$$Y = aX + b$$
- 26.2. Equation 2:
$$Z = cX + dY$$
- 26.3. Equation 3:
$$W = eX + fY + gZ$$

2

частея сравнительно рѣдко даже среди цивили-
некультурныхъ же народностей мы стали бы
напрасно. Орнаментъ ихъ черпаетъ свои мот-
литическихъ обитателей Западной Евр-
природы и частью изъ техническихъ
илетеня, которому дикарь подражаетъ
оружія. Не всегда легко, конечно, оп-
того или другого орнаментальнаго
онъ вообще мало изученъ, и изслѣ-
начали вникать во внутренній см

чинства
лько,
га

Въ изученіи первобытнаго
изслѣдованіе его у южно-американ-
предпринятое на мѣстѣ Штот-
ствительно, не у многихъ
характеръ геометрическаго
ничего не имѣетъ общаго

Всѣ съ нашей точки зрѣ-
зованными изображеніями

слѣдуетъ отнести въ
наго орнамента. Эрен

видѣнный имъ у

редующимися точ-

съ черными паз-

углами, изобра-

ставляя изъ

кусокъ коры.

карайа. инд-

заговъ. в-

меандръ.

во все

выборъ

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и, что
на болѣе вы-
до болѣе услов-
выше, чѣмъ бразильцы,
дуги и проч., которые не
животныхъ. Развитіе орна-
данныхъ, должно было идти
низшихъ ступеняхъ культуры), чѣмъ
подражательный орнаментъ предшество-
и геометрическому, т. е. такому,
фигуръ уже утратилось изъ народной
и вѣрность образцамъ, которые поражали
искусства диллювіальнаго человѣка и
гипотезы о заимствованіи этого искусства
признаны именно низшей ступенью въ раз-
начальной формой, которая до настоящаго вре-
многихъ народовъ, преимущественно аркти-
сдѣляется еще болѣе очевиднымъ при знаком-
искусства дикарей, именно съ рисо-
скульптурой.

и самый узоръ наиболѣе подходящимъ названіемъ или стрем-
видимой природы, изученіе орнамента русскаго и инород-
матеріалъ для изученія орнамента вообще.

съ зооіологіей орнамента, слѣдуетъ указать
его—на плетеніе. Плетеніе, изъ котораго вы-
ходило тканья, извѣстно, какъ уже указано, на
Дикарь, отыскивая мотивы для орна-
мента, что болѣе всего привлекаетъ его
глаза. Значеніе плетовъ, роговъ
очень весьма велико. На сѣверѣ, гдѣ
оленіи роги, распространено искус-
ство шкуръ, служащихъ
для одежды и изъ этихъ образовъ
составляются—искусства, которыми
пользуются въ религіозной цѣли, зна-
менитости, всегда въ свободное
время, когда въ рукахъ изобиліе пищи.
Занятіе рисованьемъ, орнамен-
томъ изображать хорошо знако-
мо быту, звѣрей, или рисунокъ на пле-
ти, видятъ передъ собой, бусы и проч.
Этотъ первоисточникомъ техническія производ-
ства отличается отъ условно-подражательнаго зооморф-
наго, обыкновенно ясно обнаруживаетъ свое происхо-
жденіе, и инстинктомъ видѣ легко объясняется при сравненіи съ про-
стымъ видѣ орнамента является также геометрическимъ, по-
летеніе, плетѣ, перевязи и проч., служащая ему образами,
натурой самой работы даютъ геометрическія фигуры. Но орнаментъ
нельзя назвать геометрическимъ въ нашемъ смыслѣ слова, т. е. та-
кой, при которомъ стараются достичь красоты путемъ комбиниро-
ванія геометрическихъ фигуръ. И этотъ орнаментъ слѣдуетъ назвать
подражательнымъ, такъ какъ разница между нимъ и зооморфнымъ за-
ключается лишь въ объектѣ подражанія. Подражательный орнаментъ
этого порядка встрѣчается у многихъ народовъ; но даже въ тѣхъ
странахъ, гдѣ онъ болѣе всего привился, какъ, напримѣръ, въ
Египтѣ и у эскимосовъ, онъ не достигъ высокаго развитія. Мотивы,
заимствуемые изъ техническихъ произведеній, слишкомъ бѣдны и одно-
образны, чтобы дать богатые формы орнамента. Сравненіе подражательнаго
орнамента эскимосовъ и чукчей съ такъ называемымъ геометрическимъ
орнаментомъ пещернаго человѣка Западной Европы обнаруживаетъ такое
близкое сходство въ основѣ, какъ и зооморфный. Зная источникъ
подражательнаго геометрическаго орнамента артистовъ, можно выска-
зать предположеніе, что и пещерный человѣкъ культуры Мадленъ

Къ аналогичнымъ выводамъ мы придемъ и
 орнаментальныхъ мотивовъ среди некуль-
 конечно, эти мотивы не заимствованы изъ
 (Haddon), вышедшая не далѣе какъ нѣсколь-
 ментъ среди папуасовъ Новой Гвиней
 ные выводы. Будучи зоологомъ, онъ
 животныхъ и въ обширномъ собраніи
 постепенную стилизацію ихъ изъ
 взглядъ европейца) орнамента. Ус-
 ставляетъ естественно болѣе
 ментъ просто подражательный
 второй предшествовалъ пер-
 стей, гдѣ мы встрѣчаемъ
 вотныхъ, мы должны
 менты стремились вос-
 въ изображеніяхъ кото-
 большіе мастера. Съ
 въ отношеніи орна-
 сокой ступени раз-
 ныхъ формъ, а
 а эти послѣд-
 поднялись въ
 мента, на
 другимъ
 это
 въ

чниковъ, какъ
 простое под-
 стей.
 родовъ мы
 орнаментъ—
 ритмичные
 въ куль-
 на искус-
 обрахъ
 рдчасть
 орнаго
 до. Зоо-
 лизованный, по-
 развитіемъ металлургіи:
 называемую эпоху Гальштатта,
 вны (на югѣ), мы снова встрѣчаемъ
 благодаря существовавшимъ въ то
 отношеніямъ. Въ третій разъ стилизован-
 корни тоже гдѣ-то на востокъ и давній
 въ бронзовыхъ издѣліяхъ и на югѣ Рос-
 переходить въ Европу вмѣстѣ съ великимъ
 преимущественно благодаря готамъ, которые
 стиль въ Итацію, Испанію, Францію,
 западнѣе. Варіируя по мѣстностямъ и принимая
 такъ называемый, готскій или меровингскій
 на западъ до VI—VII в. по Р. Х., а въ
 культурнаго движенія Скандинавіи даже значи-
 XI в.

и рѣзба, какъ сказано, являются первоначаль-
 художественнаго творчества у некультурныхъ расъ.
 большое количество данныхъ, свидѣтельствующихъ
 рисунка у бразильскихъ дикарей. Они охотно
 которымъ они, впрочемъ, владѣли плохо, ри-
 которую имъ давалъ Штейненъ; они-же вырѣзы-
 острой раковинной человѣческія фигуры и изо-
 животныхъ. Первые имъ удавались, какъ и всѣмъ дика-
 плохо, вторымъ же они умѣли придать характерныя
 и форму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Штейненъ нашелъ у бразиль-
 искусство вырѣзывать (тѣми-же некультурными орудіями изъ
 деревянные скамейки, которымъ придавалась форма жи-

честивно ягуара. Въ виду несовершенства орудій изображенія должны быть признаны за доказательства естественныхъ способностей у бразильскихъ дикарей. Наука располагаетъ о рисункахъ бразильцевъ намъ ихъ натуралистами, желающими извѣстить представителей мѣстной фауны.

XIX-го в. Г. Грей (G. Grey) описываетъ рисунки австралійцевъ въ издѣлѣ въ веро-подобѣ Австраліи. Одинъ изъ рисунковъ изображаетъ человѣческую поясную фигуру: голова была окружена черными линиями, изображавшими, повидимому, волосы. Лицо на немъ было обозначено черными линиями, отсутствовать (какъ и у другихъ людей изъ этой пещеры); лицо было окрашено въ бѣлый цветъ, а волосы въ черный, причемъ они были окружены красными и синими линиями; руки были свѣшаны внизъ, а пальцы отмѣчены черными линиями. Рисунки, которыми покрыто тѣло фигуры, вѣроятно изображали украшенія шрамами. На потолокъ пещеры была нарисована эллиптическая фигура желтаго цвѣта, съ красными линиями, а на этомъ фонѣ краснаго цвѣта конгуру, съ фигурами на подобіе наконечниковъ копій. Если сравнить описанныя изображенія человѣка и конгуру, слѣдуетъ, съ точки зрѣнія вѣрности передачи очертаній, отдать предпочтеніе послѣднему. Одновременно съ рисунками, изображающими бѣлыхъ свиней, австралійцы умѣли выскребывать на поверхности скалъ и рельефныя фигуры. Такъ, Стоксъ (Stokes) открылъ на одномъ маленькомъ островѣ пѣлую галлерею рельефовъ слѣдующихъ изображеній. «При вырисовываніи контуровъ фигуръ была употреблена красная, твердая поверхность скалы, такъ что рисунки выступали зеленаго цвѣта (природнаго цвѣта камня). Многія изъ изображеній обнаруживали значительную долю искусства и ихъ значеніе было вполне очевидно». Большинство рельефовъ изображало представителей фауны: акулы, собаки, крокодилы, конгуру и т. д.; всѣ они изображены только схематически, но съ такимъ искусствомъ, что опредѣлить ихъ не трудно. Были изображены и человѣческія фигуры, но значительно менѣе искусно. Количество рисунковъ, замѣчасть Стоксъ, было такъ велико, что не подлежало сомнѣнію, что дикари дѣлали ихъ въ теченіе весьма долгаго времени. «Въ то время, какъ я разсматривалъ, говорить о нихъ, различныя изображенія людей, животныхъ, птицъ, рыбъ и орудій, сны изъ жизни дикарей, я невольно думалъ, что изумитель-

номъ направленіи духа, которое этихъ грубыхъ людей приводитъ къ этой одинокій галлерей рисунковъ въ опредѣленные сроки, чтобы удивляться на художественное творчество своихъ предковъ и увеличивать ихъ рисунки» (Гроссе). Безъ сомнѣнія, дикари употребили на произведенія своего искусства массу терпѣнія, работы и воодушевленія. Вообще рисунковъ австралійцевъ въ настоящее время извѣстно большое количество, какъ на скалахъ и въ пещерахъ, такъ и на древесной корѣ, которую австралійцы чернятъ и покрываютъ рисунками. Если подвести итогъ художественному творчеству австралійцевъ, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) рисунки преобладаютъ надъ рельефами; 2) они часто не окрашиваются вовсе, или окрашиваются въ одинъ цвѣтъ; нѣсколько цвѣтовъ для одного рисунка австраліецъ употребляетъ лишь рѣдко. Окрашиваются рисунки обыкновенно въ желтый, красный и бѣлый цвѣта, которые добываются изъ минераловъ; черный цвѣтъ получается изъ древеснаго угля. Краски смѣшиваются съ жиромъ; рисунки покрываются крѣпкимъ, смолистымъ и прозрачнымъ веществомъ. 3) Всѣ рисунки окрашиваются въ одинъ тонъ, или тѣней; изображенія состоятъ изъ контуровъ, причемъ предметъ рисуется обыкновенно въ профиль. 4) Австралійцы незнакомы съ понятіями о перспективѣ; вслѣдствіе этого они прибѣгаютъ къ тѣмъ же приемамъ, какъ и древніе египтяне, помѣщая болѣе отдаленные предметы непосредственно надъ ближайшимъ изображеніемъ. 5) По содержанию рисунки не поднимаются выше простого подражанія; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда австраліецъ изображаетъ сцену, онъ довольствуется по возможности вѣрной и точной передачей характерныхъ положеній и не вноситъ въ картину воображенія; онъ и здѣсь остается художникомъ—натуралистомъ.

Оставивъ въ сторонѣ болѣе культурныя народности Африки, слѣдуетъ указать здѣсь лишь на бушменовъ, общій уровень цивилизаціи которыхъ крайне низокъ. Рисунки и скульптурныя произведенія на скалахъ въ южной Африкѣ встрѣчаются въ огромномъ количествѣ. Французъ замѣчаетъ, что онъ встрѣчалъ ихъ тысячами, и нерѣдко по двадцати рисунковъ помѣщалось на одномъ плоскомъ камнѣ. Въ отношеніи техники бушмены мало отличаются отъ австралійцевъ. Фигуры частью изображаются въ пещерныхъ плитахъ, частью на темномъ фонѣ скалы, вследствие чего кажутся свѣтлѣе; иногда онѣ раскрашиваются въ красный, коричневый, желтый и черный цвѣта (иногда и зеленый), причемъ краски, добываемыя изъ земли бушменами, смѣшиваются съ жиромъ и наносятся при помощи пера. Изображаемые предметы принадлежатъ бушменамъ, какъ и другими некультурными племенами,

в окружающей обстановки, преимущественно в чьей-то фауне. Больше изображаются и люди. Больше богатая, чѣмъ въ Австраліи, фауна Южной Африки дѣлаетъ рисунки бушменовъ болѣе разнообразными, чѣмъ австралійскіе. Встрѣчаются изображенія слоновъ, носороговъ, жирафовъ, различныхъ видовъ антилопъ, страуса, гнѣвъ, обезьянъ, различныхъ животныхъ и пр. Въ изображеніяхъ животныхъ бушмены достигли большого искусства и не стоятъ ниже остальныхъ первобытныхъ народовъ. Какъ и у австралійцевъ, большинство фигуръ рисованы другъ около друга и не стоятъ во взаимной связи. Но и у бушменовъ встрѣчаются, такъ сказать, цѣлыя картины, изображающія преимущественно ихъ битвы съ кафрами: маленькіе ростомъ бушмены угоняютъ, напрямѣръ, стадо рогатого скота у кафровъ, отличающихся высокимъ ростомъ; послѣдніе гонятся за ними, бушмены раздѣлились на двѣ партіи: въ то время какъ одна, при помощи маленькихъ луковъ, старается отразить нападающихъ, другая стремится отнять стадо подальше. Въ этой и аналогичныхъ имъ бушменскихъ картинахъ поражаетъ вѣрность, съ которой схвачена вся сцена, ея живость и движеніе. Но у бушменовъ, какъ и у австралійцевъ, въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ перспектива. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что нѣкоторые, наиболѣе хорошіе бушменскіе рисовальщики, уже знакомы съ зачатками ея. По словамъ Бютнера (Büttner), лучшіе рисовальщики, при изображеніи фигуръ различныхъ группъ, рисуютъ болѣе отдаленныя меньшихъ размѣровъ, чѣмъ болѣе близкія. Для примѣра онъ приводитъ изображеніе охоты бушменовъ на козловъ, представляющее какъ охотники, стоящіе кругомъ, загоняютъ животныхъ со всѣхъ сторонъ, причѣмъ, болѣе отдаленныя фигуры охотниковъ и животныхъ представлены значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ близъ стоящіе (Фриггъ, Гроссе).

Тѣ же типичныя черты, которыя отмѣчены для рисунковъ австралійцевъ и бушменовъ, мы встрѣчаемъ и у краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, среди земледѣльческихъ, болѣе высоко стоящихъ въ культурномъ отношеніи, народовъ средней Африки, у малайцевъ и проч. Совершенно такіе же рисунки можно наблюдать и у насъ въ Россіи, на такъ называемыхъ «писаницахъ», т. е. на покрытыхъ рисунками камняхъ и скѣлахъ, которыхъ довольно много встрѣчается въ верхнемъ теченіи р. Камы, равно и въ западной и восточной Сибири. Съ теченіемъ времени и развитіемъ культуры богатство мотивовъ увеличивается, съ совершенствованіемъ орудій рисунокъ можетъ быть сдѣланъ болѣе тонко, но нѣкоторыя черты, характерныя для рисунковъ первобытныхъ народовъ, продолжаютъ еще долго сохраняться

и среди культурных народностей. Такъ, древнее населеніе Египта и Месопотаміи, достигшее высокой ступени развитія, не на много сравнительно съ первобытными народами ушло дальше въ развитіи перспективъ и въ умѣнь изображать положеніе тѣла человека въ профиль; даже самые мотивы рисунковъ, если оставить въ сторонѣ сюжеты, заимствованные изъ міеологіи, преимущественно изображаютъ сцены изъ жизни и не обнаруживаютъ творческой фантазій. Окраска, какъ и у некультурныхъ расъ, бѣдна и однообразна.

У арктическихъ народностей, эскимосовъ, чукчей и другихъ мы видимъ большое количество рѣзныхъ и скульптурныхъ произведеній, общій характеръ которыхъ совершенно тотъ же, что у вышеописанныхъ народовъ юга. Разница между арктическимъ художникомъ и австралійскимъ или бушменскимъ заключается прежде всего въ томъ, что отсутствіе подходящихъ скалъ и камней заставляетъ арктика вырѣзывать или красить свои рисунки на кости или деревѣ; сами фигуры миниатюрны. Арктикъ окрашиваетъ свои изображенія охрой или тертымъ углемъ, смѣшивая краску съ масломъ; кистью ему служить кусокъ моржевой кожи. Характеръ жизни, а главное окружающая фауна налагаетъ особый отпечатокъ на его произведенія. Эскимось, чукча и т. д., какъ и южные дикари, ограничивается точнымъ воспроизведеніемъ животныхъ, на которыхъ ему приходится охотиться, и сценъ охоты или обыденной жизни. На эскимосскихъ рисункахъ «можно постоянно видѣть ихъ зимнія жилища, покрытыя шкурами, лѣтніе шалаши, моржей, медвѣдей и проч., на которыхъ онъ охотится, кидая свою гарпуну, людей, приближающихся въ лодкахъ къ берегу» и т. д. «У чукчей, наравнѣ съ этими рисунками, весьма часто изображаются и сѣверные олени», играющіе выдающуюся роль въ ихъ экономической жизни. Представлены, напримѣръ, перекочевки въ саняхъ и прочее. Алеуты раскрашиваютъ между прочимъ части одежды фигурами охотниковъ, гребущихъ и бросающихъ гарпуны въ китовъ и рыбъ. Въ способахъ изображенія у арктиковъ мы встрѣчаемъ ту же точность въ воспроизведеніи фигуръ, то же отсутствіе перспективы и однотонность раскраски (Леббокъ, Босъ, Гроссе).

Кромѣ рисунка, у арктическихъ народностей весьма развита и скульптура. Это какъ бы рѣзко отличаетъ ихъ отъ бушменовъ и австралійцевъ, у которыхъ скульптурныхъ произведеній мы не встрѣчаемъ. Отсутствіе у названныхъ народностей скульптуры было бы, однако, ошибочно объяснять тѣмъ, что скульптура появляется послѣ рисунка. У палеолитиковъ Западной Европы оба искусства выступаютъ одновременно. Отсутствіе скульптурныхъ произведеній у буш-

и австралийцевъ слѣдуетъ вѣроятно всего объяснить отсутствіемъ подходящаго мягкаго матеріала—кости. Камень поддавался обработкѣ съ большимъ трудомъ, благодаря грубости орудій. Деревянныя же произведенія могутъ развиваться лишь тамъ, гдѣ населенію не приходится постоянно вести бродячую жизнь, при которой переноска деревянныхъ предметовъ, напримеръ, рѣзныхъ скамеекъ и т. п., затрудняетъ передвиженіе. Мы встречаемъ, однако, скульптурныя произведенія у бразильскихъ дикарей, образъ жизни которыхъ, при всей некультурности ихъ, въ томъ смыслѣ можетъ считаться осѣдлымъ, что они имѣютъ деревни, въ которыхъ живутъ ихъ жены и ухаживаютъ за послѣдними мандюки. Между тѣмъ какъ мужчины въ нихъ пребываютъ лишь временно, пока не истощится запасъ охотничьей добычи. У арктиковъ, пребываніе которыхъ на мѣстахъ кочевокъ длится болѣе длинный срокъ, скульптура должна была развиваться, какъ и у бразильскихъ дикарей, причѣмъ развитіе ея облегчалось имѣніемъ подъ руками, а отсутствіемъ дерева, — кости. Легко сравнительно поддающейся первобытному рѣзцу. Ихъ небольшія скульптурныя произведенія представляютъ преимущественно, такъ же какъ и рисунки, животныхъ и людей. Последнія изображенія не могутъ быть названы особенно удачными, тогда какъ первыя съ сравнительно большою точностью изображаютъ тюленей, моржей, медвѣдей, собакъ, лисецъ, рыбъ, птицъ—однимъ словомъ, всѣхъ представителей фауны, съ которыми арктику приходится сталкиваться. Эскимось или алеутъ умѣетъ и въ скульптурныхъ произведеніяхъ выразить характерныя черты даннаго животного, типичную для него позу и проч.

Развитіе скульптурныхъ и рѣзныхъ произведеній происходитъ преимущественно послѣ осѣданія народа. Рѣзные изображенія изъ дерева характерны для Африки, такъ же какъ и для остяковъ. Сравненіе ихъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что въ искусствѣ, какъ и въ другихъ сферахъ матеріальной культуры, развитіе человечества на низшихъ ступеняхъ идетъ одинаковымъ путемъ.

Какъ сказано, объектами изображеній первобытнымъ дикарямъ служатъ почти исключительно фауна и люди, а мотивы, взятые изъ растительнаго царства, почти совершенно отсутствуютъ. О причинахъ этого явленія можно дѣлать только догадки. Дикарь, охотникъ и рыбакъ, избираетъ мотивомъ для изображенія то, что онъ видитъ часто, что ему бросается въ глаза. Предположить, что онъ не замѣчаетъ форм листьевъ, деревьевъ и проч. нѣтъ никакой возможности, такъ какъ именно первобытнѣйшій дикарь отличается особенной наблюдательностью. Очевидно, что причина лежитъ въ другомъ. Наиболее вѣроятной кажется гипотеза,

своей жизни. Между тем женщины занимаются повсюду у низших племен мужчины. Женщины заняты целый день заготовкой растительную пищу, но и приготавливают ее, а также и одежду мужчин, ставят жилище и заботятся о нем и проч. Мужчина имеет досуг: вернувшись из охоты, он отдыхает и ничего больше не делает, пока есть время. Мужчины в значительной степени употребляют резьбу и проч. Если женщина изготовит какой-нибудь сосуд, мужчина окрашивает его; он вырезает из корявых частей своего шалаша, покрывает их, точит дерево и кость. Естественно, что он должен изображать только то, чем занята его мысль; это и есть предмет всего объекта его — фауна, затем человек. Лишь с развитием материальной культуры, с развитием умственных способностей, человек начинает ближе приглядываться к окружающей его обстановке, не играющей роли в его повседневной жизни; тогда он обращает внимание на растения и начинает воспроизводить их. С прекращением охотничьего быта выступает и женщина на арену первобытного художественного творчества. Когда народность переходит к земледелию, то развитию растительного орнамента значительно способствует и то, что охота отодвигается на второй план; фауна начинает занимать меньше места в воображении человека, и он чаще и охотнее ищет удовлетворения своему эстетическому чувству в формах растений, которые он копирует, а затем развивает, как и в зооморфном орнаменте, в стилизованные, условно подражательные формы.

Такимъ образомъ, дикарь вдохновляется формами окружающей его обстановки. Представители фауны, сцены обыденной жизни, охота, война и т. п. занимаютъ преимущественно его вниманіе; это-то онъ и старается перенести на рисунокъ, удовлетворяющій его эстетическому чувству. Дикарь реалистъ по своему направленію. Свои рисунки онъ стилизуетъ, дѣлаетъ изъ нихъ орнаментъ условно-подражательный. Дальнѣйшая же стилизація приводитъ къ орнаменту геоме-

ическому, который, въ противоположность ходячимъ воззрѣніямъ, не можетъ признать развившимся сравнительно поздно.

Возможность проверить это положеніе наблюденіями надъ искусствомъ различныхъ народностей дастъ ему значеніе научнаго закона, послужить лучшимъ доказательствомъ, что даже въ такомъ спеціальному вопросу, какъ вопросъ объ исторіи искусства, изслѣдователю не слѣдуетъ обращаться къ живому источнику изученія быта современныхъ некультурныхъ народовъ.

Первой чертой искусства на низшихъ ступеняхъ развитія является то, что оно, такъ сказать, составляетъ общее достояніе, а не достояніе только отдельныхъ избранныхъ лицъ. Конечно, и между дикарей есть лица, работы которыхъ лучше чѣмъ другихъ, то-есть и среди дикарей встрѣчаются болѣе или менѣе талантливые художники, но рисовать умѣютъ безусловно всѣ. Явленіе это объясняется какъ бы тѣмъ, что рисунки дикарей просты и съ нашей точки зрѣнія наивны. Невольно напрашивается аналогія между этими рисунками и произведеніями дѣтей. Всѣ дѣти могутъ рисовать контуры знакомыхъ имъ предметовъ. Но все-таки это объясненіе не должно считаться удовлетворительнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. 1) Искусство рисованія и скульптуры развито у охотничьихъ и рыболовецкихъ народностей, весьма часто падаетъ среди народностей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, но живущихъ уже въ скотоводческомъ бытѣ. 2) Рисунки охотниковъ и рыболововъ-дикарей стоятъ неизмѣримо выше рисунковъ дѣтей: они обнаруживаютъ вѣрность взгляда, умѣнье передать точно контуры живаго, твердой рукой высоблить въ скалѣ каменнымъ орудіемъ фигуры и сцены. Эти качества необходимы при рисованіи, встрѣчающіяся у болѣе цивилизованныхъ народностей какъ болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе—являются общими всѣмъ дикарямъ. Они даютъ ему возможность вести удачно борьбу съ природою и бороться успешно за свое существованіе; они у него развиваются въ силу всего его быта—безъ нихъ дикарь не могъ бы прогрессировать, и человечество замерло бы на первыхъ же шагахъ своей жизни. Итѣность глаза и твердость руки, вмѣстѣ съ развитой наблюдательностью, о которой представители цивилизованныхъ народовъ не имѣютъ представленія, даютъ дикарю возможность вести удачно охоту и тѣ же качества позволяютъ ему твердо и правильно воспроизводить на камнѣ, кости, бортѣ. Дѣтскіе и въ извѣстной степени знакомыя ему формы животныхъ и сцены быта—неизбѣжны для него. Это обстоятельство объясняетъ также, почему съ возрастающей культурою или земледѣльческому или ремесленному быту народность теряетъ способность къ рисованію и скульптурѣ.

туръ, и оа искусства становятся удѣломъ отдѣльныхъ личностей, хотя сами произведенія и стоятъ часто значительно ниже произведеній охотниковъ, какъ по выразительности, такъ и по технике исполненія. Такъ, изиримѣрь, произведенія кафровъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ, достигшихъ государственнаго развитія, стоятъ значительно ниже рисунковъ ихъ сосѣдей бродячихъ-охотниковъ бушменовъ. Дѣйствительно, ни скотоводу, ни земледѣльцу не требуется вѣрности взгляда, твердости руки и наблюдательности въ той же мѣрѣ, какъ охотнику; первые могутъ существовать и безъ нихъ, второй при ихъ отсутствіи погибъ-бы. Общія всѣмъ охотникамъ качества постепенно атрофируются при изысканіи другихъ способовъ существованія—и искусство, прежде общее всѣмъ, не смотря на свой временный упадокъ, становится удѣломъ немногихъ, болѣе талантливыхъ лицъ, которыя развиваютъ его самостоятельно, безъ непосредственнаго участія всей народности, придаютъ своимъ произведеніямъ индивидуальный отпечатокъ и доходятъ наконецъ въ своихъ произведеніяхъ до искусства въ высокомъ значеніи этого слова.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Указатель источниковъ

(составленъ В. Харузиной).

- Lafiteau.**—Moeurs des sauvages américains, comparés aux mœurs des premiers temps, 2 v. Paris, 1724.
- Крашенинниковъ.**—Описание земли Камчатки. С.-П.-Б., 1786.
- Палласъ.**—Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Спб. 1773—1788. I ч. 2-мъ изд. 1809 (Pallas, Reisen in versch. Provinzen des russischen Reichs).
- Klemm.**—Allgemeine Cultur-Geschichte der Menschheit. B. I—X. Leipzig, 1843—52.
- Hartwig.**—Der hohe Norden, Wiesbaden. 1858.
- Kuhn.**—Die Herabkunft des Feuers u des Göttertranks, Berlin. 1859.
- Waitz и Gerland.**—Anthropologie der Naturvölker. Leipzig, 1859—64; 1867—71. Т. I. вып. I, пер. по русски А. Федченко.
- Mouat, Fr.**—Adventures a. Researches among the Andamans Islanders. Lond. Hurst a. Blucket, 1863.
- Мюллеръ, М.**—Лекціи по наукѣ о языкѣ, чит. въ 1861. С.-П.-Б., 1863.
- Muller.**—Lectures on the Science of language. L. 1861. Нов. серія—1864: новая переработка—1891.
- Bleek.**—Reynard the Fox in south Africa or Hottentot Fables and Tales. London, Trübner, 1864.
- Тэйлоръ (Тайлоръ), Э.**—Доисторическій бытъ человечества и начало цивилизаціи. Пер. Валицкаго. М. 1868.
- Fritsch.**—Die Eingeborenen Süd-Afrikas. Breslau, Hirt, 1872.
- Gubernatis.**—Mythologie zoologique (Пер. фр. Regnaud, P. 1874).
- Grimm, J.**—Deutsche Mythologie. 4 Aufl. Berlin, 1875—78.
- Ahlquist.**—Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen, Helsingfors, 1875. (Извл. А. Н. Майкова съ дополненіемъ: «о древней культурѣ западн. финновъ по даннымъ языка». Журн. Мин. Нар. Пр., 1877 г.).
- Дэббоксъ.**—Доисторическія времена или первобытная эпоха человечества. Пер. съ 3 анг. изд. подъ ред. Анучина. Изд. ред. «Природа». М. 1876.
- Catlin, G.**—Illustrations of the Manners, Customs a. Condition of the North American Indians. Lond. 1876.

- Morgan, L.**—Ancient Society, Lond. 1877. (нем. пер. Morgan, die Urgesellschaft, Stuttg. Dietz, 1891). (Рус. пер. Румянцева подъ ред. Кудрявскаго: «Морганъ—первобытное общество». С.-П.-Б., 1900 г.).
- Hehn.**—Kulturpflanzen u. Haustiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland u. Italien, so wie in das übrige Europa. Historisch-linguistische Studien. 3 Aufl. Berlin, Borntraeger, 1877.
- Andree, B.**—Ethnographische Parallelen u. Vergleiche. Stuttg. Maier, 1878.
- Brough Smyth.**—The Aborigines of Victoria. London, 1878.
- Müller, Fr.**—Allgemeine Ethnographie. Wien. Hölder, 1879.
- Страбонъ.**—Географія. Пер. Мищенко. М. изд. Солдатенкова, 1879.
- Nachtigal.**—Sahara und Sudan. Berlin, 1879—1881.
- Топинаръ.**—Антропология. Изд. Пантелѣева. С.-П.-Б., 1880.
- Уваровъ, гр. А.**—Археология Россіи. М. 1881.
- Тейлоръ, Э.**—Антропология. (Введение къ изученію челоѣка и цивилизаціи.) С.-П.-Б. 1882. (Изд. Билибина, изд. 2-е испр. по 2-му англ. изд. С.-П.-Б., 1898).
- Иностранцевъ, А.**—Доисторическій челоѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. С.-П.-Б., 1882.
- Réville, A.**—Religions des peuples non civilisés, Paris, 1883.
- Hartmann.**—Abyssinien u. die übrigen Gebiete der Ostküste Afrikas. Leipz. Freitag & Pray, Tempsky. 1883.
- Radlow.**—Aus Sibirien. Leipz. 1884.
- Ploss.**—Das Kind in Brauch u. Sitte der Völker. Anthropol. Studien, 2 Auf. Leipzig Grieben, 1884 (русск. пер. Пlossъ, «Ребенокъ отъ колыбели до перваго шага». С.-П.-Б.).
- Покровский, Е.**—Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущ. Россіи. М. 1884.
- Turner, G.**—Samoa a hundred years ago and long before. London, Macmillan, 1884.
- Mortillet, G. de.**—Le préhistorique. 2 éd. Paris, Reinwald. 1885.
- Харузинъ, Ник.**—Очеркъ исторіи жилищъ у финновъ. М. 1885.
- Геродотъ.**—Пер. Мищенко. М. 1885. Изд. Кузнецова.
- Wamberg.**—Das Türkenvolk. Leip. 1885.
- Krause.**—Die Tlinkit-Indianer. Iena, Costenoble, 1885.
- Ratzel.**—Völkerkunde. B. I и II. Leipzig, 1885—86.
- Гельвальдъ.**—Естественная исторія племенъ и народовъ. Изд. Суворина. С.-П.-Б. 1886.
- Steinen, K. von den.**—Durch Central-Brasilien, Leip. Brockhaus, 1886.
- Зеландъ.**—О Гилякахъ. Изв. И. О. Л. Ест. Антр. и Этн. Т. XLIX, в. 3, М. 1887.
- Анучинъ, Д.**—О деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Россіи. Изв. И. О. Л. Е. Антр. и Э. XLIX. М. 1887.
- Andree.**—Das Zeichnen bei den Naturvölkern. (Mitth. d. Anthr. G. in Wien, XVIII 1887).
- Quatrefages.**—Histoire générale des races humaines, 1887—89.
- Starcke.**—Die Primitive Familie in ihrer Entstehung u. Entwicklung. Leip. Brockhaus. 1888.
- Heikel, Ax.**—Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten u. Finnen. Helsingfors, 1888.
- Boas, Fr.**—The Central Eskimo Sixt Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1884—85. Washington, 1888.
- Achelis, Th.**—Die Entwicklung der modernen Ethnologie. Berlin, Mittler, 1889.
- Reinach, Sal.**—Antiquités nationales. Description raisonnée du Musée de St. Germain-en-Laye. Paris, Firmin Didot. 1889.

- Novelaeque, A.**—Les Nègres de l'Afrique sus-équatoriale. Paris, Lecrosnier et Babé, 1889.
- Kropf.**—Das Volk der Xosa-Kaffern. Berlin, 1889.
- Харузинъ, Ал.**—Киргизы Букеевской орды. т. I и II. М. 1889—1891 гг.
- Оборинъ** свидѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Подъ ред. Н. Харузина. В. I и II. М. 1889, 1890.
- Толстой, гр. и Кондаковъ.**—Русскія древности въ памятникахъ искусства. С.-П.-Б. 1889—1899. В. I. Классич. древности Ю. Россіи. В. 2. Древности скифо-сарматскія.
- Feschel, O.**—Völkervunde, Leipzig, Duncker u. Humblot, 1885. (русс. пер. подъ ред. Э. Ю. Петри, С.-П.-Б., Суворинъ, 1890.).
- Петри, Э.**—Антропология. Основы антропологии. С.-П.-Б., Изд. Ильина, 1890.
- Пыпинъ, А.**—Исторія русской этнографіи. Т. I. С.-П.-Б. Изд. Стасюлевича, 1890.
- Харузинъ, Ник.**—Русскіе Лопари. М. 1890.
- Алутинъ, Д.**—Сани, лады и кони, какъ принадлежность похороннаго обряда.—Древности. Изд. Моск. Арх. Об. Т. XIV. М. Гербекъ, 1890.
- Латышевъ, В.**—Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. С.-П.-Б. 1890.
- Naarhoff.**—Die Bantu-Stämme Süd-Afrikas. Leipz. Fock. 1890.
- Ling Roth.**—The Aborigines of Tasmania, Lond. 1890.
- Иванецкій, Н.**—Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи. Изв. Им. Об. Люб. Ест. Авт. и Этн. Т. LXIX. Тр. Этн. Отд. Т. XI, в. I. М. 1890.
- Ядринцевъ.**—Сибирскіе инородцы. С.-П.Б. 1891.
- Codrington.**—The Melanésians. Studies in their Anthropology a. Folk-lore. Oxford, 1891.
- Hoernes.**—Die Urgeschichte des Menschen. Wien, Pest, Leipz. 1892.
- Reichard.**—Deutsch Ostafrika. Leipz. 1892.
- Вербицкій, о.**—Алтайскіе инородцы. М. 1893.
- Maydell. Bar.**—Reisen u. Forschungen in Jakutischen Gebiete. (1861—1871). С.-П.Б. 1893.
- Штернбергъ, Л.**—Сахалинскіе Гиліаки. Этн. Об. 1893, кн. 2.
- Finsch O.**—Ethnologische Erfahrungen u. Belegstücke aus der Südsee. Beschreibender Katalog einer Sammlung im K.—K. Naturhistorischen Hofmuseum in Wien. Wien, Nölder, 1893.
- Житовскій.**—Очерки быта астраханскихъ Калмыковъ. М. 1893.
- Линпертъ.**—Исторія культуры. Пер. А. Острогорскаго и Струве. С.-П.Б., 1897. Изд. Павленкова.
- Baye, Bar. de.**—Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkoff dans la Sibérie Orientale, Paris, Nilsson, 1894.
- Hildebrand.**—Ueber das Problem einer allgemeinen Entwicklungsgeschichte des Rechts u. der Sitte. Inaugurationsrede, Graz, Leuschner u. Lubensky. 1894.
- Grosse, Ern.**—Die Anfänge der Kunst. Freib. u. Leipz. 1894. Пер. А. Е. Грузинскаго, Происхождение искусства. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1899.
- Préville, A. de.**—Les sociétés africaines Paris, F. Didot, 1894.
- Steinen, K. von den.**—Unter den Naturvölkern Zentral - Brasiliens. Berlin, Reimer, 1894.
- Харузинъ, Ник.**—Къ вопросу объ ассимиляціонной способности русскаго народа. Этн. Об. 1894, № 4.
- Schurtz.**—Katechismus der Völkervunde. Leipzig, Weber, 1893. (Шурцъ—Краткое народовѣдѣніе. Пер. Коропчевскаго. С.-П.Б. Ледерле, 1895).
- Лесбюкъ.**—Начало цивилизація. С.-П.Б., Ледерле. 1895.
- Sievers.**—Asien. Eine allgemeine Landeskunde. Leipz. u. Wien, 1895.

*буриаты, вогулы, тилляки, даяки, индусы, кай-
тессы, киргизы, китайцы, коряки, малайцы,
персы, самоды, семиты, телеуты, тунгусы,
чукчи, якуты).*

Азоры: (остр.): сани при молотьбѣ—238.

Акмолинская обл.: зимовка—208.

алгонкины: конические шалаши ихъ—200.

алеуты: способъ добыванія огня—131; сказаніе—
155; одежда—222; лодка—230; искусство—

Алжиръ: пещерные жители—195.

аллювиальный періодъ: см. неолитическій періодъ.

Алтай: стремени—234, 235; первобытные
стилизованный орнаментъ—298 (см.

алтайскіе инородцы: родовой бытъ—61; о

196; шалашъ—199, 202; покрытіе

окно въ зимовкахъ—210; первобыт-

каминъ—219 (см. также: *Алтай*).

алтайскіе турки: см. алтайскіе инородцы.

алтайцы: см. алтайскіе инородцы.

амаксосы: выжиганіе лѣса—190.

амбаръ: общій типъ съ домомъ—201.

Америка: кухонные остатки—105; к

130, 135; перенесеніе огня—1

комство съ глиняной посудой

производство—171; переходъ

ники—181; кочевой бытъ и

жилища на деревьяхъ—212

жиганіе лодки—230; сар-

знакомство съ металлами

235; желѣзное и бронзовое

деформация черепа—284

Колумбія, Мексика, Па-

аруаканцы, аттабаски

делавары, ирокезы, и

канцы, ну-аруакъ, и

эскимосы, юкатеки.

Англія: браки въ Маѣ—32

133; деформация чере-

Андаманскіе острова: к

огня—160; значеніе

Антильскіе острова: де-

Антоновичъ: изслѣд-

антропидъ: дифферен-

антропология: ея опр-

фіи—37.

антропитекъ: па-

Анучинъ: мѣтніе

Апрѣль: (мѣсяць):

арабы: значеніе

ковод-

говья

молотьбѣ—238.

лодка—232 (см. также: *даяки*,

—280.

лодокъ—228; украшеніе губы—273;

хота, рыболовство и собираніе растений—

пища—81; незнаніе металловъ—115; камен-

норованіе камня—125; способъ добыванія огня—

—155, 156; жареніе и вообще приготовленіе пищи—

бынная посуда—165; починка посуды глиной—169;

форма глиняной посуды—173; одомашненіе живот-

ный элементъ—187; воздѣлываніе земли—188;

кочевный шалашъ—197, 198; круглый шалашъ—198;

развитіе конического шалаша—204; шалашъ безъ

одежда—220; ткацкій станокъ—226; мочала—226;

жестъ—228; весла—228; украшеніе веселъ—233; тро-

—234; дубина-палица—243; стрѣлы—244; сарбаканъ—

—248; украшеніе носа—273; окрашиваніе тѣла—277;

значеніе шрамовъ—282; деформация черепа—284; орна-

и резьба—297; скульптурныя произведенія—303. (см.

аруакъ, амаксосы, карибы, карайя, ну-аруакъ, суйя, тунгусы).

—97; у неолитиковъ—106 (см. также: *украшенія*).

эпохы—254, 257; составъ—254; мѣста находенія брон-
зы б. производства—258—259; дѣленіе б. въ—260
263; въ Египтѣ—264; римская б. (въ составъ и
срѣзь—269.

латы, кирасы)—250; происхож-

ерода—98.

— 100

го челоѣка—84 и 85.

б. бродячая народности—58; условія быта—60;
б. къ типу дикавильнаго челоѣка—67; орудія—
первобытная посуда—165; жизнь въ пещерахъ—190;
оборонительное оружіе—248; почитаніе каменныхъ
древнѣйшія—275; окрашиваніе тѣла—278; татуировка—280;
—300.
б. да верховъ—236.
огненные, земледѣльч., кочевой б., охоты, скотоводство,

куда также губ. Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская,
это для этнографовъ—24; мнѣніе о нѣмъ кожи первобытнаго челоѣ-

нечетъ—204; способъ постройки—209.

мнѣніе—261

мнѣніе о преобладающей расѣ—40.

мнѣніе о кочевомъ какъ признаке мужичности—184.

мнѣніе: предѣлы этнографическія—3; классификація челоѣковъ—68.

камбачиленъ военный головной уборъ—250.

мера какъ оружіе—245 246.

и-Динцова земля съ тѣми же.

нѣкоторыя этнографическія какъ признаки мужичности—184; жилища—261

нѣкоторыя этнографическія тѣла—190.

римская губ. мнѣніе о челоѣкѣ—245

ско-де-Гана съ мнѣніемъ для этнографовъ—16.

нѣкоторыя съ мнѣніемъ о челоѣкѣ—184

нѣкоторыя съ мнѣніемъ

нѣкоторыя предѣлы въ челоѣкѣ—246 (см. также статьи)

нѣкоторыя предѣлы челоѣковъ—60.

нѣкоторыя предѣлы челоѣковъ—26.

нѣкоторыя предѣлы челоѣковъ въ предѣлахъ и одиозности—182; предѣлы въ—246

нѣкоторыя предѣлы челоѣковъ—160.

нѣкоторыя предѣлы челоѣковъ—2; мнѣніе въ этнографическія—3

нѣкоторыя предѣлы челоѣковъ—160.

питека—77.

глиняной посуды—168.

чуждость—50; быть—62; забота о
жиромъ—276.

—143; употребление бурдюка—
подъ—211; ткацкий станокъ—226;
знакомство съ желѣзомъ—261; тату-

иры).

ни—28.

на классификацію человечества—56; класси-

фическое происхожденіе—273.

каменных орудій—120; жилища на деревьяхъ—212; кузнечное
263.

платки (Kjökkenmöddinger)—100.

на происхожденіе человека—80; о происхожденіи человека—84.

отношеніе о продолжительности диллювialнаго періода—98.

постройки—214; броня—249; (см. также: *Бармен*).

пещера—204.

о классификаціи человечества—47.

о взгляды на питекантропоза—95.

о мнѣніи о цвѣтѣ кожи первобытнаго человека—80.

окари: взгляды на нихъ въ XVIII-мъ в.—20—23; какъ первобытные народы—53; отли-
чительныя черты—54; орудія—70; приспособленіе къ средѣ—83; д. не знающіе
металловъ—115; оружіе—119, 120; характеръ д.—128; пища—148; ихъ искус-
ство—287, 305 (см. также: *австралійцы, бразильцы, краснокожіе, диллювialный*
пер., неолитическій пер. и т. п.).

диллювialный періодъ: 69; южная флора—72; фауна—73; появленіе человека—75;
древнѣйшіе слѣды д. человека—79; изученіе д. человека—83; мѣста его нахожде-
нія—85; классификація д. человека—86; орудія, охота и одежда—88; искус-
ство, украшенія—89, 97, 289, 292; бытъ д. человека—90; д. человекъ въ Рос-
сиі—90—92; типъ д. человека—93—97; продолжительность д. періода—98; отно-
шеніе къ неолитическому періоду—100; полированіе камня—124; одомашненіе
животныхъ—90, 178; скотоводство—178; орнаментъ—297.

динго: см. собака.

динка: жилище—201.

дійери: добываніе краски—278 (см. также: *австралійцы*).

долото: въ Австраліи, Полинеи и Меланезіи—119; изъ нефрита—124.

долмены: у неолитиковъ—107; какъ подражаніе жилищу—205; сходство съ жи-
лищемъ гренландцевъ—207; способъ постройки—209.

домашнія животныя: въ диллювialномъ періодѣ—90, 178; собака у неолитика—101, 106,
108; свинья и собака у полинезійцевъ—177; попугай и обезьяны—178; одомаш-

14. типы ж.—195; первобытное ж. въ Крыму и на Кав-
казахъ—199, 197, 198, 199; жилищы въ Африкѣ—201;
чаша—201; шести- и восьмигранныя ж.—203; ма-
шинъ—205; подземное ж.—205; въ пережива-
нимова—208; постройки изъ камня—209.
211; вліяніе природы на ж.—211; ж. на
чашки, кирпичи, окно, печь,

жени при молоты—238; же-

я о полученіи огня—140; охота съ
фарфоровое производство—170; гон-
медалье—191; древніе щиты—249; почита-

ль—155.

дворъ—59; какъ основаніе классификаціи—60; у нео-
литическіе его развитіи—177; переходъ отъ охотничьяго быта
отношеніе з. русскими—182; отношеніе къ з. женщины—184;
битомъ—185; з. у краснокожихъ—187; первобытныя орудія
з.—189; виды з.—190; роль з.—191; вліяніе на скотоводство и
з. 305 (см. также: *законъ, молотилки, яму, табакъ, удобрение*).
жилища—193; возникновеніе з.—205; у разныхъ народностей—
переживаніе—206; развитіе з.—207; отсутствіе дымового отверстія—210.
жилище.

литниковъ—106.

въ Египтѣ—264; знакомство съ з. и употребленіе его—269.

острова: какъ остатки Лемурии—80; первобытная посуда—166; свайныя по-
стройки—214 (см. также: *Борнео, Суматра, Ява*).

з. рыбы какъ орудіе—69, 118, 119; з. какъ оружіе въ борьбѣ—248; какъ украше-
ніе—274.

усы: способъ употребленія молока—185; племъ (военный головной уборъ)—250.

яше: обрушеніе—52.

новъ день: добываніе огня—133.

а: въ дилувіальномъ періодѣ—90; у неолитиковъ—106; у лопарей и саамовъ—
114; и. изъ терновой колючки—120; у эскимосовъ и камчадаловъ—121.

ы (дѣтскія): какъ носители переживаній—34; добываніе огня—133, 134.

ирія: татуировка—280 (см. также: *Боснія*).

дія: каменные орудія—113; способъ добыванія огня—130, 131; сказаніе о полученіи
огня—142; празднованіе добыванія огня—143; почитаніе Агни—144; охота съ пти-
цами—154; деревянные котлы—168; форма глиняной посуды—173; одомашненіе
слюна—182; одомашненіе зебу и буйвола—183; жилища на деревьяхъ—212; брон-
зовая культура—258; украшеніе носа—273 (см. также: *индусы*).

е-саронейцы: знакомство съ мѣдью и бронзой—257.

е-Китай: каменные орудія—113.

естанъ: см. Индія.

усы: длинноголовость—49 (см. также: *Линоя*).

тайцы: см. краснокожіе.

рудны русскіе: см. Россія.

- нение собаки—179; развитие одомашнения животных—
и кошка—180; лошадь, оселъ, овца, верблюды и слонъ
одомашнение ж.—192; влияние одомашнения животн
ния—234 (см. также: *буйволъ, быкъ, верблюды,*
обезьяна, овца, олень стверный, орелъ, оселъ, п
бака, соколъ, ястребъ).
- домовой: отогнание его отъ скота—133; отогнание отъ
домъ: развитие изъ шалаша—201; д. въ видѣ шала
полинезийцевъ—205; пятиугольный д.—205 (с
Донская обл.: деформация черепа—284.
- дровня: см. сани.
- дротикъ: въ Австраліи, Поли- и Меланезіи—11
стрѣлы—244—245 (см. также: *копье*).
- дубина: какъ орудіе диллювialнаго человѣка—
дымовое отверстие: см. труба.
- дѣтскія игры: см. игры дѣтскія.
- евреи: длинноголовость—49; происхожденіе
украшеніе носа—273.
- Европа: какъ прародина человѣка—8
101; распространение вербл
лашъ—198; распространение
234; знакомство съ металл
ная культура—258, 259; же
269; меровингскій орнамен
ры, *Балканскій полуостр*
Германія, Греція, Данія
Пиренейскій полуостр., Г
роль, Франція, Швеція
германцы, юты, гре
мыны, русскіе, сар
руски).
- Египетъ: неолитическій
131; почитаніе
распространен
211; штаны—
саяхъ—238
диловой ко
—120; к. орудія у эскимосовъ и камчадаловъ—12
знакомств
—124; пату-пату—126;
феллахи.
—128; сверленіе к.
—163; котлы изъ горчеч
—202, 209; кремль въ молотилкѣ—238; к.
—260; каменный въ
—266; почитаніе к. орудій—268 26
—266; см. также: *нефритъ, ядеитъ*).
- железо: незна
комст
Егип
женщина:
—121; изготовленіе лодки каменнымъ орудіемъ—127; с
—130; сбереженіе орудій для добыванія огня—148; гное
—163; знакомство съ глиняной посудой—165; зе
—230.
—161; пещерные жители—195; сани п

тво.

первобытного человека—80.
200.

(пурить)—236.

ть въ вышиваніи—205.

теніе нога—273 (см. также: быкаври .

ость—56; нѣзъ бытъ—60; незнаніе метал-
тъ—194; оборонительное оружіе—247

одинокъ человека—80; мнѣ-
о человекѣ во время на-
литическихъ находкахъ Пире-

1; одомашненіе быка—183; ското-
плазашъ—198; цвѣтъ украшеній—275;
ачуины, зулусы).

длинноголовость—49; жилище—202; знакомство съ
маллы).

каменнаго вѣка—91.

при—139, 141.

не.

ия.

пріобрѣтеніе бурдюка—166; кибитка—202; землянка—207; зимовка—208;
съ пузыремъ—211; оконная рама—211; очагъ—217.

первобытная—188; какъ прототипъ плуга—188.

нчъ: необожженный—202; первобытный—208.

й: каменные орудія—113; пелкъ—227 (см. также: китайцы).

йцы: по классификаціи Линнея—46; прогнатизмъ и длинноголовость—49; сказа-
ніе о полученіи огня—140; фарфоровое производство—170; запряганіе жен-
щинъ—189; знакомство съ металлами—263.

ская губ.: стоянки каменнаго вѣка—91.

классификація: человечества и этнографическихъ явленій—45; к. диллювіальнаго чело-
вѣка—86.

ж: к. какъ орудіе—69; к. броненосца какъ орудіе—117; к. ястреба какъ крючки для
рыбной ловли—156; к. животныхъ для воздѣлыванія земли—188.

а: рыба к. какъ пила—118; дубленіе—223; выдѣлка матерій—224; для выдѣлыванія
лодки—229; к. на щитѣ—249; панцырь изъ кожи—250, 252.

исовый орѣхъ: см. орѣхъ кокосовый.

и: см. повозка.

исо: см. повозка.

иши: сказаніе о полученіи огня—139.

умбіл: обработка полей при помощи людей—189.

ишага: см. повозка.

- 34, 143; дилувіального човічка—90; у неолітиків—107, 108;
— 119; у лідійців—120; изъ горнаго хрустала—121; изъ
— 154; какъ метательное оружіе—245; приспособленіе
— 246 см. также: *дротикъ*).
- 166; какъ покрытіе жилища—200; при утрамбовываніи
— 201; липовая к. какъ прикрытіе шалаша—204; береста какъ
— 204; какъ одежда—222; для дубленія кожи—223; роль к. у
— 224; одежда изъ к.—225; к. для изготовленія лодки—
— 249; пришитые борты лодокъ изъ к.—231; к. для рисо-
- 231, 232; кораблестроеніе—233 (см. также: *доголо, лодка*).
- 69, 118.
- 166; лодка—230.
- 240.
- 69; орудія изъ кости у лопарей и самоѣдовъ—114; к. обезьянъ какъ
— 117; к. у дыкарей—120; орудія изъ к. у самоѣдовъ и камчадаловъ—121;
— 126; изготовленіе лодки к. топоромъ—128; въ бронѣ—249.
- 176—178. въ Африкѣ, Азій,
— 181; к. б. въ Америкѣ и лошади—183; переходъ къ охѣд-
— 185; к. б. турковъ и монголовъ—186.
- 180.
- 173 (см. также: *украшеніи*).
- 124; способъ добыванія огня—131; сказаніе о полу-
— 140; способы охоты—151; ловля рыбы—155; первобытная печь—161;
— 166; воздѣлываніе земли—187; шалашъ—210; лодка—
— 230; выжиганіе лодки—230; выдалбливаніе большихъ лодокъ—231; украшеніе
— 233; волокуши—235; томагавкъ—246; оборонительное оружіе—248;
— 255; украшеніе носа—273; рисованіе—301 (см. также: *аби-
— 1, табаски, алгонкины, алеуты, аруканцы, бакари, бороро, ботокуды,
— 1, хуаны, делавары, ирокезы, карайя, карибы, колоши, команчи,
— 1, ну-арукъ, нутки, онгеземельцы, патагонцы, сіу, суйя, тули, чиппе-
— 1, юкатеки*).
- 46.
- 98.
- 108; неолитическій періодъ—112; пещерные жи-
— 190; первобытное жилище—196; сакля—197; постройки изъ необдѣлан-
— 200; ставни—210; каминъ—219; четырехколесная телега—240; окра-
— 279; деформация черепа—284, 285.
- 108.

- линька:** отношение къ к. у негровъ, въ Абиссиніи, у германцевъ и русскихъ—267.
- лирба:** см. трубаща.
- лихъ предковъ:** у неолитиковъ—107; употребленіе черепа-чаши—167.
- лихъ:** у неолитиковъ—107.
- лихные остатки:** значеніе ихъ и характеръ—100; содержаніе ихъ—103; к. о. въ Европѣ—104; въ Америкѣ и Азіи—105, въ Россіи—107; жареная пища—160.
- лихъ:** классификація человѣчества—48; взглядъ на появленіе человѣка—84.
- лихъ:** см. лодка.
- лихъ:** см. лодка.
- лихъ одомашненіе:**—183; какъ выхотное животное—189.
- лихбарды:** употребленіе черепа-чаши—167.
- лихъ:** см. олень.
- лихбарды:** классификація человѣчества—46.
- лихъ:** см. арканъ.
- лихъ:** см. брома.
- лихъ:** короткоголовость—49.
- лихъ:** значеніе его для этнографіи—19; взглядъ на дикарей—20.
- лихъ:** классификація этнографическихъ явленій—67.
- лихъ:** см. дилувіальный періодъ.
- лихъ:** какъ прародина человѣка—30 (см. также: *Зондскіе острова, Маданаскара*).
- лихъ:** мифіе о распространеніи бронзоваго производства въ Европѣ—257.
- лихъ:** распространеніе въ Европѣ—226.
- лихъ:** о культѣ огня—144.
- лихъ:** пещерные жители—195.
- лихъ:** ихъ оружіе—120.
- лихъ:** счетъ родства по матери—9.
- лихъ:** отношеніе ея къ этнографіи—40, 41.
- лихъ:** значеніе его для этнографіи—24; классификація человѣчества—15.
- лихъ:** мифіе объ изобрѣтеніи сверленія камня—125; гипотеза объ изобрѣтеніи глиняной посуды—168.
- лихъ:** въ сказаніяхъ—139.
- лихъ:** шалашъ—209 (см. также: *Эдель остр.*).
- лихъ:** въ постройкѣ мостовъ—228.
- лихъ:** сооруженіе л. въ Бразиліи—116; изготовленіе каменнымъ орудіемъ—128; незна-
ніе л.—228; л. изъ коры—228; развитіе л.—229, 231; каяки и уміаки—229; л. изъ
цѣльнаго дерева—230; большія лодки—231; л. Тихаго океана—232; лодка эстон-
ца—232; украшеніе л.—233; галера—233; какъ прототипъ саней—237 (см. также:
осло, корабль, ярусъ, ялота).
- лихъ:** орудія изъ рога, камня и кости—114; растительная пища—150; сырая пища—
159; характеръ кочевковъ—177; оленеводство—180; знакомство съ молокомъ—185;
шалашъ—199; покрытіе шалашей—200; подземное жилище—206; свайныя по-
стройки—215; очагъ—217; чувагъ-каминъ—219; одежда—223; сани—237; пере-
движеніе на сѣверъ—233; деформация черепа—285; рѣзьба на деревѣ и кости—
292, 293.
- лихъ:** родина л.—153; дикія л. и одомашненіе ихъ—182; распространеніе въ Аме-
рику—183.
- лихъ:** въ дѣтскихъ играхъ—34; у лопарей и самоѣдовъ—114; при добываніи огня—
131; въ западнѣ на охотѣ—152; при ловлѣ рыбы—155; распространеніе, форма и
употребленіе—244 (см. также: *стрѣла*).
- лихъ (остр.):** лодка—232.
- лихъ:** классификація человѣчества—48.

металловъ—267—268 (см. также: бронза, железо, золото, серебро).

меч: лезвие—232; оборонительное оружие—245; украшение нося—273 (см. также: микронезійцы, полинезийцы).

меланезійцы, микронезійцы, полинезийцы, чамские острова).

мельница—107, 108 (см. также: мельница).

мельница: употребление у зулу.

мельничный в Африке—120; мельничный в Африке—266.

мельница).

мельница: быту—186; мельница—202 (см. мельница, Меланезия).

мельница—192; ручная мельница—193; орна-

мельница—54; классификация этнографических явлений—теория о появлении железа в Закавказье—261.

мельница: появления человека—76; классификация диллювиального человека—стоянок каменного века в Воронежской губ.—91; мифы о диллювиальном периоде—98; диллювиальный бронзовый век—266.

мельница: человека—47.

мельница: форма посуды и орнамент—174.

мельница—228.

мельница: влияние на переход к скотоводству—184; отдельный от женщин обед—87; отношение к искусству—304.

мельница: период диллювия—86.

мельница: в сказаниях—140.

мельница: см. медь.

мельница: медный нож у римлян—35; знакомство с м.—60; м. в Африке—119; примесь олова—254; предметы чистой м.—254; знакомство с м.—255; самородки м.—255; первобытные медные рудники—255; распространение в Европе—257, 258; м. в Египте—264; м. в Африке—265.

мельница: см. бурдюк.

мельница (Л.): мифы о прародине человека—80.

мельница (М.): определения положения науки об языке—1.

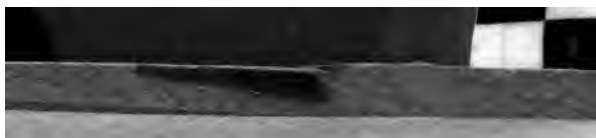
мельница (Ф.): взгляд его на этнологию и этнографию—5; классификация человечества—50.

мельница: как синоним этнографии—5 (см. также: этнография).

мельница-ва-онк: см. вамера.

мельница: череп: его тип и значение—93.

мельница: похищение—31; в детской игре—34.

- мелуисы, Анда.
—234; зна
туземное мастерст
орудий—268;
длина, мади).
—99; отношение к
—104; погребение—1
и т. п.—106; дольмен
—171; материалъ посуды—1
каменные камни—247; шейны
в Австралиі—124; пату-пат
—173.
роль женщины въ изготовленіи г
—171; лукъ и стрѣлы—244; деформаци
изъ стекла—123; полированіе каме
огня—132; сказаніе о полученіи огня
кипяченіе воды—163; выжиганіе д
—203; лодка—231; корабль—231; пар
—62; мѣстная посуда—165; способъ изг
посуды—173; форма глиняной посуды—
—216; камни для пращи—247 (см. также:
—226).
«живого» огня—134; волокуши (скрипки)—2
Новые.
в пещерахъ—196.
—32; какъ оружіе въ борьбѣ—248.
—117.
и въ Мексикѣ—35; первобытныи н.—69; у
—117; у ботокудовъ—117; изъ тростника—
—121; изъ стекла—124; н. какъ оружіе—244; брон
—202.
—170.
—273.
—163; одежда—221; плащъ изъ коры—225.
—201; одежда—220; трумбашъ—247.
животное—178.
—143.
—106; одомашненіе—182.
и условия его—64; употребленіе стекла—123; вы
—149; способы ловли рыбы—155; шалашъ—198, 19
—222; лодка—229.
въ дѣтскихъ играхъ—34, 133, 134; въ диллювіальн
для человека—129, 145; способы добыванія о.—1

33; добывание - животного, - древесного. С. — 133:

16. ЗНАКОМСТВО СЪ О.—137; -ПОЛУЧЕНИЕ- О.—

" 0 — 143: обоснование 0 — 144; п. 30-

147: сбереженіе орудія для дощ-

88 А. ИГОЛНИКОВЪ—106; НА КЛѢ И СЛОВО—226;

платье—220; плащ и рубашка—221; материал—221

222: обувь и штаны—222; о. стверить—223. 243: укю-

И. 1 коры—225; глубокъ мочала, плетенье въ 6.—225.

1. Жил в о.—226; из кроличьих хвостов—271; о. из

ЛХЪ: М. ДОМАШНЯ ЖИВОТНЫЯ.

Число человек—97; у неслиптиков—106; о. изъ едн. разн. и

.... Микр- и Полюне .я.

въ шалашѣ—210; безобитное с.—210; с. съ пучкомъ вьдѣнъ—

. . . Md - 211.

Первый: как домашнее животное — 189; значение 0. — 191.

... ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ МѢДН—254; на Кавказъ—255.

...кая губ.: выгонъ скота въ Юрь-въ день—32; двухэтажные дома—204; селъ-

каменка—217; видзубливаніе лодки—230; волокуши—236; телега—237; ко-

Леса—240. Замечать въ вышесказанном—295.

предъ: на охотъ—1.16

ПРИМОНТЫ: на к.б. — СВЯТАГО СУДАРИ—166; значение о. на глиняной посуде—168 173;

многообразный: на посуду—174 и на одежду в Америке—225. Характер с. у

двухарей—299; симметрический с.—290, 297; подражательный с.—290; сталь раз-

ВНЕШ. — 293. 296 а. у бразильцев — 294; б. у австралийцев — 295; в. русских

ВЫШЕВАНЕ — 29. Плетение как образец для 0.—297. распространение стеблей

Э. ВАМНАГО ЖЕЗ. ВЕНТОКАГО С.—29.

ВУДЫ: ДЕРЕВЯННЫЕ — 59, ДЯКОУВАЛЬНАГО ПЕРІОДА — 88, «9 ПОЛІСЬКАННІЯ — 99, 9. ПОС-

АЛТАЙСКОЕ—100; 107. О. КАМЕННЫЕ ВЪ ЕДИНЦЕ—112; СОДЕРЖАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ

—114. ДЕРЕВЯННЫЕ МЕТАЛЛЫ—115; 6. БРАЗИЛЬСКИЙ—116; 6. БОЛИ-

периодъ—11%; 6. Шпенсера—11%; 9. Изъ камня въ Лондонѣ—12%; 9.

ЗЕМНОСТЬ И КАЧЕСТВА — 121; ОДНОБРАЗИЕ КАМЕННЫХ 9. — 122, 9. ИЗ ПОДЛИН-

[illegible]

54121 87—121 6 54121 87—242 ПОСЛАНІЕ МАШИНИСТЪ НАЗЪ УЧЕБНОГО ПОЕЗДА

— 275 —

[illegible]

NAME: _____

[illegible]

242: 243: 244: 245: 246: 247: 248: 249: 250: 251: 252: 253: 254: 255: 256: 257: 258: 259: 260: 261: 262: 263: 264: 265: 266: 267: 268: 269: 270: 271: 272: 273: 274: 275: 276: 277: 278: 279: 280: 281: 282: 283: 284: 285: 286: 287: 288: 289: 290: 291: 292: 293: 294: 295: 296: 297: 298: 299: 300: 301: 302: 303: 304: 305: 306: 307: 308: 309: 310: 311: 312: 313: 314: 315: 316: 317: 318: 319: 320: 321: 322: 323: 324: 325: 326: 327: 328: 329: 330: 331: 332: 333: 334: 335: 336: 337: 338: 339: 340: 341: 342: 343: 344: 345: 346: 347: 348: 349: 350: 351: 352: 353: 354: 355: 356: 357: 358: 359: 360: 361: 362: 363: 364: 365: 366: 367: 368: 369: 370: 371: 372: 373: 374: 375: 376: 377: 378: 379: 380: 381: 382: 383: 384: 385: 386: 387: 388: 389: 390: 391: 392: 393: 394: 395: 396: 397: 398: 399: 400: 401: 402: 403: 404: 405: 406: 407: 408: 409: 410: 411: 412: 413: 414: 415: 416: 417: 418: 419: 420: 421: 422: 423: 424: 425: 426: 427: 428: 429: 430: 431: 432: 433: 434: 435: 436: 437: 438: 439: 440: 441: 442: 443: 444: 445: 446: 447: 448: 449: 450: 451: 452: 453: 454: 455: 456: 457: 458: 459: 460: 461: 462: 463: 464: 465: 466: 467: 468: 469: 470: 471: 472: 473: 474: 475: 476: 477: 478: 479: 480: 481: 482: 483: 484: 485: 486: 487: 488: 489: 490: 491: 492: 493: 494: 495: 496: 497: 498: 499: 500: 501: 502: 503: 504: 505: 506: 507: 508: 509: 510: 511: 512: 513: 514: 515: 516: 517: 518: 519: 520: 521: 522: 523: 524: 525: 526: 527: 528: 529: 530: 531: 532: 533: 534: 535: 536: 537: 538: 539: 540: 541: 542: 543: 544: 545: 546: 547: 548: 549: 550: 551: 552: 553: 554: 555: 556: 557: 558: 559: 560: 561: 562: 563: 564: 565: 566: 567: 568: 569: 570: 571: 572: 573: 574: 575: 576: 577: 578: 579: 580: 581: 582: 583: 584: 585: 586: 587: 588: 589: 590: 591: 592: 593: 594: 595: 596: 597: 598: 599: 600: 601: 602: 603: 604: 605: 606: 607: 608: 609: 610: 611: 612: 613: 614: 615: 616: 617: 618: 619: 620: 621: 622: 623: 624: 625: 626: 627: 628: 629: 630: 631: 632: 633: 634: 635: 636: 637: 638: 639: 640: 641: 642: 643: 644: 645: 646: 647: 648: 649: 650: 651: 652: 653: 654: 655: 656: 657: 658: 659: 660: 661: 662: 663: 664: 665: 666: 667: 668: 669: 670: 671: 672: 673: 674: 675: 676: 677: 678: 679: 680: 681: 682: 683: 684: 685: 686: 687: 688: 689: 690: 691: 692: 693: 694: 695: 696: 697: 698: 699: 700: 701: 702: 703: 704: 705: 706: 707: 708: 709: 710: 711: 712: 713: 714: 715: 716: 717: 718: 719: 720: 721: 722: 723: 724: 725: 726: 727: 728: 729: 730: 731: 732: 733: 734: 735: 736: 737: 738: 739: 740: 741: 742: 743: 744: 745: 746: 747: 748: 749: 750: 751: 752: 753: 754: 755: 756: 757: 758: 759: 760: 761: 762: 763: 764: 765: 766: 767: 768: 769: 770: 771: 772: 773: 774: 775: 776: 777: 778: 779: 780: 781: 782: 783: 784: 785: 786: 787: 788: 789: 790: 791: 792: 793: 794: 795: 796: 797: 798: 799: 800: 801: 802: 803: 804: 805: 806: 807: 808: 809: 810: 811: 812: 813: 814: 815: 816: 817: 818: 819: 820: 821: 822: 823: 824: 825: 826: 827: 828: 829: 830: 831: 832: 833: 834: 835: 836: 837: 838: 839: 840: 841: 842: 843: 844: 845: 846: 847: 848: 849: 850: 851: 852: 853: 854: 855: 856: 857: 858: 859: 860: 861: 862: 863: 864: 865: 866: 867: 868: 869: 870: 871: 872: 873: 874: 875: 876: 877: 878: 879: 880: 881: 882: 883: 884: 885: 886: 887: 888: 889: 890: 891: 892: 893: 894: 895: 896: 897: 898: 899: 900: 901: 902: 903: 904: 905: 906: 907: 908: 909: 910: 911: 912: 913: 914: 915: 916: 917: 918: 919: 920: 921: 922: 923: 924: 925: 926: 927: 928: 929: 930: 931: 932: 933: 934: 935: 936: 937: 938: 939: 940: 941: 942: 943: 944: 945: 946: 947: 948: 949: 950: 951: 952: 953: 954: 955: 956: 957: 958: 959: 960: 961: 962: 963: 964: 965: 966: 967: 968: 969: 970: 971: 972: 973: 974: 975: 976: 977: 978: 979: 980: 981: 982: 983: 984: 985: 986: 987: 988: 989: 990: 991: 992: 993: 994: 995: 996: 997: 998: 999: 1000: 1001: 1002: 1003: 1004: 1005: 1006: 1007: 1008: 1009: 1010: 1011: 1012: 1013: 1014: 1015: 1016: 1017: 1018: 1019: 1020: 1021: 1022: 1023: 1024: 1025: 1026: 1027: 1028: 1029: 1030: 1031: 1032: 1033: 1034: 1035: 1036: 1037: 1038: 1039: 1040: 1041: 1042: 1043: 1044: 1045: 1046: 1047: 1048: 1049: 1050

244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

$\Delta H_{\text{ср}} = \frac{\Delta H_1 + \Delta H_2}{2} = \frac{200 + 200}{2} = 200$, $\Delta H_{\text{ср}} = 200$, $\Delta H_{\text{ср}} = 200$

[illegible]

... 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

[illegible]

[Faint handwritten notes at the bottom of the page]

[illegible][illegible]

При этом $\Delta \text{ЭП} = 10\%$, при этом $\Delta \text{ЭП} = 10\%$.

附註：1. 第二部地址以郵局代辦所，一、一、四、五。

5: M 0035

THE A. L. JOURNAL

• **•**

~~SECRET~~ ~~CONFIDENTIAL~~

SECRET

~~НАКАЗЪ~~ — ~~ПОДРОБНОСТИ~~ ~~ПРЕДЪСТАВЛЕНА~~ ~~ТАКЪ~~—~~ПАТУ~~)—126; какъ оръжіе вообще—243; п. у поли-и ме

— 88; какъ орудіе у бразильцевъ—117; олі
— 142; для воздѣлыванія земли—188; п. какъ прототі
— 243; п. какъ стрѣла—244; п. какъ обс
— 248.

[illegible]

[illegible]

тип каменных орудий—122; пещерные :

... для посуды—172; деформация черепа—2

100-443887-1

у белых—232; у негров—231.

— 46; способ добывания огня—132; охота съ — 181; одежда—221; штаны—222.

SECRET - 15. UNCLASSIFIED

...и политический периоды—100.

... 163; водное жилище как п. — 206; постро-
... 216; сон в доме — 222; попыетатель в Мексике — 246

100-443887-100 (see page 100)

100-441100-100 (100)

... — 134; орен. жук — 174; вечерные жители — 195;
... — 233; украшение носа — 273

100-443887-100

... ламы—183; обі

... рабочая сила — 1

характеръ земледѣлія—191; ткацкій станокъ—226; ткацкое искусство—227; каменный вѣкъ—260; бронзовое производство—261; знакомство съ золотомъ—269; украшеніе носа—273; деформация черепа—284, 285

индуанцы: см. Перу.

Икс: взглядъ на питекантропоса—93.

Икс: взглядъ на классификацію члвччества—33.

инки: употребленіе черепа-чашы—167.

иш: первобытная п. андамандецъ—160; п. въ муравейникѣ—161; первобытная печь для приготовленія пищи—161; гончарная п.—173; камешка—217; развитіе первобытной п.—218; каминъ и чужаль—219.

ишера: въ диллювiallyномъ періодѣ—88; неолитиковъ—107, 109; какъ типъ жилища—194; жизнь въ п.—195; отсутствіе дымового отверстія—219.

ишерыи челоуакъ: см. пещера, диллювiallyный и неолитическій періоды.

иш: у неолитиковъ—106; изъ рыбьей кожи—118.

Ирландскій полуостровъ: неолитическія находки—105 (см. также: *Испанія, Португалія, баски*).

итекантропосъ: находка на о. Явъ—94.

иш: разнохарактерность ея—81; молоко—82, 184; въ диллювiallyномъ періодѣ—90; у неолитиковъ—104; растительная п.—150; первобытный способъ употребленія п.—159; жаренье п.—159; приготовленіе п. у бразильцевъ—160; разн. способы приготовленія пищи—160, 161; вареніе и гноеніе пищи—162; варка пищи—163; кипяченіе воды—163; варка пищи у скивовъ и коряковъ—166; связь п. съ образомъ жизни—176, 178; саяны и собаки какъ п. полинезийцевъ—177; собраніе полезныхъ растений—186; вліяніе земледѣлія на п.—192 (см. также: *молоко, ош*).

Иванъ Карпинъ: см. Карпинъ.

иш: см. одежда.

иш: у неолитиковъ—106; плетеная посуда—166; п. для одежды—225; п. изъ шерсти—226; какъ образецъ для орнамента—297.

иш: первобытный—229.

иш: первобытный—184; типы плуга—149.

иш: тѣлѣга и одноколка—236; первобытная п.—236; въ Олонецкой губ. и Бухарѣ—237; первобытное колесо—239, 240; подвижная ось—239; арба—239; колѣшки—240; четырехколесная тѣлѣга—240; кола и тѣлѣга древ. Россіи—241; колѣмага—241.

иш: бросаніе монетъ—31; переживанія—35; у неолитиковъ—105; въ Бретани—105; у неолитиковъ въ Россіи—109; въ лодкѣ и на саняхъ—235 (см. также: *ош, куриш, мош, шриш, ури*).

Иодольская губ.: стоянка каменнаго вѣка—91.

иш: какъ теорія—47.

иш: прогнатизмъ и короткоголовость—49; первобытное оружіе—69; орудія—118; полированіе камня—124; способъ добыванія огня—132; сказаніе о полученіи огня—138; ишъ о солнцѣ—141; перевесеніе огня—147; первобытная печь—161; кипяченіе воды—163; гончарная посуда—165; украшеніе коксовой посуды—165—166; развитіе земледѣлія—177; домашнія животныя—177, 179; жилище—205; свайныя постройки—214; одежда изъ коры—225; лодка съ парусомъ—231; типы лодокъ—232; украшеніе лодокъ—233; палица, лукъ и стрѣлы—244; обривительное оружіе—248; броня—249; военный головной уборъ (шлемъ)—251; украшеніе носа—273; татуировка—280; деформация черепа—284 (см. также: *иш, маори, Гавай, Нов. Зеландія, Тавити, Товарищества острова*).

иш: см. Гавай, Нов. Зеландія, Тавити, Товарищества остро., малайцы, маори, полинезийцы.

иш: значеніе его для этнографіи—11.

поляки: деформация черепа—285.

Полтавская губ.: стоянки каменного века—91.

попугай: какъ домашнее животное—178.

Португалия: третичный человекъ—76; дилювиальный человекъ—85; кухонные остатки—104; сани при молотьбе—238; двухколесная телега—239.

посуда: въ дилювиальномъ періодѣ—90; среди кухонныхъ остатковъ—104; у неолитиковъ—106, 109; деревянная для кипяченія воды—163; отсутствіе глиняной п.—165; первобытная п.—165; разные виды первобытной п. и кожанная п.—166; человеческій черепъ какъ п.—167; п. изъ горчешнаго камня—167; деревянные котлы въ Индіи—168; гипотезы объ изобрѣтеніи глиняной п.—168; починка плетеной посуды глиной—169; первобытная глиняная посуда—169; гончарное производство—170; гончарный кругъ—171; матеріалъ для п.—172; глазированная п.—172; обжигъ п.—172, 173; украшеніе п.—173; подражаніе старымъ формамъ—173; консерватизмъ въ гончарномъ производствѣ—174 (см. также *бурдюкъ*).

похороны: см. погребеніе.

Прамаитха: отношеніе къ Агни—142.

праща: какъ оружіе—247.

Прибалтійскія губ.: см. Балтійскія губ.

прирученіе животныхъ: см. домашнія животныя.

Прискъ: значеніе его для этнографіи—10.

Причардъ: классификація человѣчества—46; мнѣніе о цвѣтѣ кожи первобытнаго человека—80.

Прокопій: значеніе его для этнографіи—10.

Псковская губ.: колышка—240.

пума: какъ домашнее животное—180.

Пыпинъ: взглядъ на этнографію—19.

Радловъ: мнѣніе о каменномъ векѣ въ Сибири—112.

раковина: какъ орудіе—69; въ дилювиальномъ періодѣ—88; какъ украшеніе—89, 273, 274; среди кухонныхъ остатковъ—100; р. какъ ножъ—117; р. какъ рубанокъ—117; р. у полинезийцевъ—118; у австралійцевъ и меланезійцевъ—119; крышки изъ р. для рыбной ловли—156; какъ посуда—165; какъ матеріалъ для удобренія—178, 190; инкрустація р. лодокъ—233; въ бронѣ—249.

рама: см. окно.

Рамъ: взглядъ на третичнаго человека—76.

Ратцель: классификація человѣчества—53.

Реве: изслѣдованія каменнаго века въ Архангельской губ.—110.

религія: взгляды Вольтера и Форстера на ея возникновеніе—22, 23.

Ренакъ: мнѣніе о третичномъ человекѣ—78; мнѣніе о человекѣ во время наступленія аллювиальнаго періода—101.

Ретціусъ: классификація человѣчества—48.

римляне: браки въ Маѣ—32; колдовство на скорлупѣ яйца—33; употребленіе мѣднаго ножа—35; длинноголовость—49; «родовой» огонь—136; поддержаніе огня въ очагѣ—143; жареніе пищи—160; употребленіе бурдюка—166; гончарный кругъ—172; плугъ—189; ткацкій станокъ—226; льняное производство и шелкъ—227; повозка—239; копьебросъ—246; праща—247; панцырь—250; бронзовый обрядовый ножъ—262; римская бронза—268.

рогъ(а): орудія изъ р. у лопарей и самоедовъ—114; копье изъ р.—120; р. для ловли рыбы—120; какъ орудіе для рыбной ловли—155; какъ украшеніе—233.

родство: счетъ его по материнской линіи—9, 62; у готтентотовъ и крокетовъ—62.

Рони: опредѣленіе этнографіи—2; отношеніе къ антропологіи—3; классификація человѣчества—53.

Азія: роль ея въ изученіи Азіи и Африки—17; добываніе огня въ дѣтскихъ играхъ—34; взаимное воздѣйствіе народностей—52; диллювіальный человѣкъ—85; диллювіальный періодъ—90—91; неолитическій періодъ—102; кухонные остатки и свайныя постройки—107; стоянки каменнаго вѣка—108; добываніе живого, -древеснаго- огня—133; сказанія о полученіи огня—140; способы охоты—152; поимка лошадей—153; охота съ птицами—154; отравленіе рыбы—156; употребленіе бурдюка—166; посуда у кочевниковъ—170; вочевники—181; дикія лошади—182; характеръ земледѣлія—190, 191; ручныя мельницы—193; курная печь—218; выдалбливаніе лодки—230; упряжка верблюда—234; волокуши—236, 237; погребеніе въ лодкѣ—238; древніе щиты—249; древ. кольчуга—250; древ. забрало—251; отсутствіе чистаго бронзоваго вѣка въ центральной Р.—254; бронзовая культура—258, 259; желѣзное производство—261; деформация черепа—285; меронингскій орнаментъ—298; писаницы—301 (см. также: 1) *Алтай, Абхазія, Бухара, Закавказье, Кавказъ, Киргизія, Крымъ, Осетія, Сибирь, Средняя Азія, Эвель (остр.)*; 2) *убернии и области: Акмолинская, Архангельская, Балтійскія, Виршаевскія, Витебскія, Владимірскія, Вологодскія, Воронежскія, Вятскія, Донскія, Казанскія, Калужскія, Кіевскія, Костромскія, Либіанскія, Минскія, Мовилевскія, Московскія, Новгородскія, Олонекскія, Пермскія, Подольскія, Полтавскія, Псковскія, Рязанскія, Смоленскія, Тамбовскія, Терскія, Тверскія, Фимлянскія, Черниговскія, Эстляндскія*; 3) *народности: алтайскіе инородцы, бишкеры, буряты, вепсы, ильменцы, калмыки, камчадалы, карачасы, карачаевцы, карелы, киргизы, коряки, латыши, лопари, монголы, мордва, остяки, пермяки, печенѣги, поляки, русскіе, сажинцы, сарматы, скифы, славяне, татары, телеуты, тунгузы, турки, финны, цыгане, черемисы, чеченцы, чуваше, чукчи, эстонцы, якуты*).

рубашка: изъ раковины—117, 118.

рубашка: см. одежда.

Рубрукъ: значеніе его для этнографіи—11.

рудики: первобытныя—255.

румыны: сани при молотѣхъ—238 (см. также: *румыны*).

румыны: браки въ Мат.—32.

руски: описаніе ихъ арабами—11; отношеніе къ городищамъ—31; монеты при погребеніи—31; выгонъ скота въ Юрьевъ день—32; убійство стариковъ—34; слияніе съ чеченцами и якутами—52; р. какъ -дикари—53; пища крестьянъ—81; сказанія о полученіи огня—140; родовой очагъ—143; способы охоты—152; приемы рыболовства—157; распространеніе земледѣлія—182; отдѣльный обѣдъ женщинъ—187; выжиганіе лѣса—190; вліяніе на финновъ—191, 192; жилище—203; оконное отверстіе—210; свайныя постройки—215; печь-каменка—217; курная печь—218; лапти и бродня—225; кола и телега—241; отношеніе къ кузнецамъ и мельникамъ—267; орнаментъ вышиваній—295 (см. также: *Россія*).

Руссо: взглядъ его на дикарей—21; значеніе его для этнографіи—21, 22.

рыбная ловля: см. рыболовство.

рыболовство: диллювіальнаго человѣка—90; у неолитиковъ—104; рыболовные крючки у неолитиковъ—106, 109, 110; р. какъ видъ охоты—149; распространеніе р.—149; сходство съ охотой—154; битье рыбы копьемъ—154; способы рыбной ловли у раз. народовъ—155—156; приемы р.—157; стрѣланіе рыбы въ Черногоріи—158; вліяніе на осѣдлую жизнь—175 (см. также: *сѣти, убоочки*).

Рязанская губ.: орнаментъ посуды—174; орнаментъ въ вышиваніи—295.

сабля: см. оружіе.

Савенковъ: изслѣдованіе каменнаго вѣка—91.

сакля: см. жилище.

салазки: см. сани.

Саломоновы сстр.: лукъ и стрѣлы—244.

- самострѣль:** у глыбовъ—153.
- самыя:** пища—81; орудія изъ камня, рога и кости—114; сырая пища—159; запасы пищи—162; шалашъ—199; покрытие шалашей—200; очагъ—217; одежда—223; сани—237; передвиженіе на сѣверъ—283.
- санитарный остр.:** см. Гавай.
- сани:** развитіе с.—235; происхожденіе с. изъ волокушъ—236; дровни и салазки—236; с. у остяговъ, самоѣдовъ и лопарей (жережи)—237; какъ переживаніе—238; въ погребальныхъ ритуалахъ—238; какъ молотилка—238.
- сарбалахъ:** какъ оружіе—245.
- сардинскіе:** кухонные остатки—104.
- сарты:** пастырь изъ лошадиныхъ коньтъ—250; татуировка—280.
- свадебный обрядъ:** см. свадьбы.
- свадьбы:** бракъ вохищенія невесты—31.
- свадебныя постройки:** у неолитиковъ—105; въ Россіи—107; область распространенія неолитическихъ с. п.—213; современные с. п.—214—216.
- сваракъ:** у Брэмъцевъ—116.
- свары:** изъ бронзы—368.
- свары:** у ваннэзійцевъ—177.
- свагъ:** переходъ къ охотному быту—185 (см. также: *арабы, евреи*).
- свары:** изъ Египта—264; знакомство съ с.—269.
- свары:** изъ выдолбленнаго дерева—231.
- свары:** гнетимый человекъ—78; дилувіальный человекъ—91; каменные орудія—113; типъ каменныхъ молотковъ—122; удобрение почвы—190; ручныя мельницы—193; изувратные дома—204; оконное отверстіе—210; печь-каменка—217; выдалбливаніе лодки—230; почитаніе каменныхъ и бронзовыхъ стрѣлъ—269; писаницы—301 (см. также: *Алтай, Томская губ., алтайскіе инородцы, буряты, вогулы, тилъки, тилъкицы, киргизы, каракасы, коряки, остяки, монголы, самоѣды, татары, турки, телеуты, тунгузы, чукчи, чувашы, якуты*).
- свары:** см. бурдюкъ.
- свары:** см. бурдюкъ.
- свары:** дилувіальный человекъ—90; типъ каменныхъ орудій—122; сани при мотыль—238.
- свары:** способъ добытія огня—131; способъ кипяченія воды—163; покрытие шалашей—200.
- свары:** постройки на столбахъ—216; судостроеніе—233; бронзовая культура—259; знакомство съ желѣзомъ—260; мервингскій орнаментъ—298.
- свары:** описаніе изъ Геродотомъ—9; варка пищи—166; употребленіе черепа-чаши—197; жизнь въ пещерахъ—195; передвижныя палатки—240; знакомство съ металлами—261; знакомство съ золотомъ—269.
- свары:** его значеніе въ культуру—59; с. какъ основаніе классификаціи человекъ—91; домашнее с.—178; развитіе с.—179, 181; оленеводство—180; переходъ къ с. отъ охотничьего быта—181; верблюдоводство и коневодство—182; овцы, козы и свины—182; вліяніе мужчины на возникновеніе с.—184; вліяніе на культуру и искусство—184, 305; роль с. при земледѣліи—192 (см. также: *домашнія животные, жита*).
- свары:** жидкая въ Киръевъ день—32; очищеніе дымомъ—133; вьючный и упряжной с.—192 (см. также: *домашнія животныя, скотоводство*).
- свары:** домашний с.—69, 88; у неолитиковъ—109, для выдѣлки шкуръ—223.
- свары:** домашний с. быта Прокопѣемъ и импер. Маврикіемъ—10; убійство стариковъ—10; гонимые—49; гончарный кругъ—172; запряганіе плѣнныхъ с. авасовъ—197; типы жилищъ—205; судостроеніе—233; знакомство съ желѣзомъ—260; домашнее с.—274 (см. также: *болгары, поляки, русскіе, черногорцы, сарматы, славянскій полуостровъ, Россія*).

- язык: одомашнивание с.—162, 163
 языки: губ.: отравление рыбы—156.
 язык: у неолитов—101, 103; у неол. племен—102; у неол. племен—103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

топак: изъ камня—118.

Тибетъ: употребленіе черепа - чаши—167; пещерные жители—195; желѣзная культа—263.

Тиралъ: добываніе огня въ дѣтскихъ играхъ—34; добываніе огня въ старину—133.

Тихоокеанскіе острова: см. Мело-Микро-и Полинезія.

тканій отанекъ: у неолитиковъ—106; примитивный—226.

Товарищества острова: пятиугольный домъ—205 (см. также: *Таити*);

томагавкъ: см. топоръ, оружіе.

Томская губ.: находки каменнаго вѣка—92.

Тонинаръ: классификація человѣчества—48; взглядъ на питекантропоса—95.

топоръ: изъ естественнаго матеріала—69; въ диллювіальномъ періодѣ—88; у неолитиковъ—106, 107, 109, 111; каменные т. въ Бразиліи—116; способы прикрѣпленія каменныхъ т.—116; у полинезійцевъ—118; у эскимосовъ и камчадаловъ—121; изъ стекла—124; топоры-молотки изъ просверленнаго камня—126; изготовленіе лопки каменнымъ и костянымъ т.—128; т. какъ оружіе—243; томагавкъ—246; у древнихъ мексиканцевъ—260; т. изъ золота и серебра въ Египтѣ—264.

третичный періодъ: появленіе человѣка—75; мнѣнія о существованіи человѣка—76; изслѣдованія т. періода—78; вопросъ о т. человѣкѣ—79.

тризна: какъ переживаніе—35.

Трениль дѣнь: бросаніе вѣнковъ—31.

труба: дымовое отверстіе—210; первобытная труба—218.

трумбанъ: какъ оружіе—247.

тулгузы: украшеніе носа—273.

Тунисъ: пещерные жители—195.

туны: гончарное производство—170.

тыква: какъ посуда—166; при изготовленіи глиняной посуды—168.

турки: короткогодовость и прогнатизмъ—49; употребленіе черепа-чаши—167; переходъ къ осѣдлому быту—186; отдѣльный обѣдъ женщинъ—187; земледѣліе—191; первобытное жилище—196; кибитка—202; землянка—206; чуваль - камень—219; выдѣлка кожи, валяныя шерсти—223 (см. также: *алтайскіе чинородцы, башкиры, киргизы, каракасы, каранайцы, печенги, татары, телеуты, тунгузы, якуты*).

Тэйлоръ: опредѣленіе антропологіи—3; значеніе его для этнографіи—30; мнѣніе о дѣтскихъ играхъ—34; гипотеза объ изобрѣтеніи глиняной посуды—168; мнѣніе о происхожденіи стрѣлы—244; мнѣніе о происхожденіи брони—252.

Уваровъ гр.: изслѣдованія каменнаго вѣка въ Россіи—91, 108; взглядъ на жилище неолитиковъ—109.

Уганда: ножъ изъ тростника—118; одомашненіе слона—183; выдѣлка матерій изъ древесной коры—224.

удобреніе: раковинами—178; у. при земледѣліи—190.

удочки: у неолитиковъ—106, 109; у эскимосовъ и камчадаловъ—121; у некультурныхъ народовъ—155; изъ раковинъ и когтей ястреба—156.

украшенія: въ диллювіальномъ періодѣ—89, 97; у неолитиковъ—106, 109; на посудѣ полинезійцевъ—166; у. одежды—224; на веслахъ и лодкахъ—233; на пальцѣ—244; у. на оружіи у негровъ—266; значеніе у.—271; снимаемая у.—272; украшеніи носа—272, 273; украшенія губы и шеи—273, 274; цѣпъ у.—275; неснимаемая у.—275; смазываніе и окрашиваніе тѣла—276; окрашиваніе волосъ—279; нанесеніе шрамовъ—279; татуировка—280; у. на платьѣ—282; у. цыговъ у амстрійцевъ—295 (см. также: *браслетъ, искусство, кольцо, ожерелье, орнаменты*).

REMARKS: CR. JUNE.

第 15 頁 共 20 頁

Внешнеторговое положение: в Экспорт и Импорт—170.

УКАЗАНИЕ: УКАЗАНИЕ НОСА—273.

ДЛЯ ВИВЧЕННЯ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ДЕЛОВИДНОГО ПЕРИОДА—94

(остр.): употребление черепа-таши—167; мораль—31; тик: язык—221

COMMUNICABLE DISEASES: cat. Jv post.

— морем — 233; роль въ распространѣніи бр. козовъ — 234 —
— съ жидовъ — 235

железные губы: характеры каминных орудий—111; каменные вены—163. Пыльные и
железные—200; постройки на столбах—216; ледяной стволы—224; кам-
ковые—230, 237 (см. также: Бирма, Фанан).

морскоголовство—49; заселение России—111; итине : происхождение о — 112; одомашнивание животных—179; переходъ къ осклаону быту—183. итланий обрядъ иещианъ—187; земледѣіе—191; иланине—203, 204. истребленіе изъ стомахъ—216; чужды-камни—219. знакомство съ металлами—244 245. и. талики: союзы, зыряне, карелы, дошпир, мордов. остатки черемисъ чуръ, итосовыя, Балтийскія. Финляндскія, Западная Сибирь, Земля (остр.).

Фигура: изглед на диканей и религио—22, 23.

Браслеты: браслет из Мат.—32; сусальное о скорлупе яйца—32; сусальное о браслете из Мат.—32; пережитки жертвоприношений—34; третий человек—75; кухонные остатки—104; добывание священного огня—133; юламены—205; распространение желтого цвета—202; почитание каменных орудий—209; до-
рожные черепа—230. См. также Браслеты, Бисер, Матери.

Отг: почитание въ Египтъ—166

NUMBER: CM. 21152

EXHIBIT: CH. 100-11

Центральная Америка: м. Амстердам.

STAKE YOURS!—!

REMARKS: CAL. 10114.

ВАРИАНТЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ СГО КОЖИ—80 СМ. ТАКЖЕ: ОУДЛОМ.

Число обоченое—52; с/заяв медьницы—193; постройки на столбах—216.

УЧЕБНИК: ПЯТЬ Ч. ЗАДАЮЩИЕ—40; ПЯТЬ Ч. ЗАДАЮЩИЕ—100.

Средняя величина $\bar{x} = 167$ и дисперсия $\sigma^2 = 243$.

Чернышевская губ.: выд. 16 января 1918 г. — 231).

температура: вода в реке — 13,4.

ЧЕРТОВЪ НАМЪКЪ. 30-48-24. 7. 1. — 2019.

ТЕЖЕ БОДИНЪЪ М. 3-3:

ВНЕШНЕЕ СОВЕТСКОЕ СОЮЗНОЕ — 32.

THE READER MAY ASK—WHY?

Среднее значение для α — 56, вариация — 27,5.

THREATS TO PUBLIC SAFETY.

TYPE: CL. 125.

STATE ARK. 1922-23. 1923-24. 1924-25. 1925-26. 1926-27. 1927-28. 1928-29. 1929-30. 1930-31. 1931-32. 1932-33. 1933-34. 1934-35. 1935-36. 1936-37. 1937-38. 1938-39. 1939-40. 1940-41. 1941-42. 1942-43. 1943-44. 1944-45. 1945-46. 1946-47. 1947-48. 1948-49. 1949-50. 1950-51. 1951-52. 1952-53. 1953-54. 1954-55. 1955-56. 1956-57. 1957-58. 1958-59. 1959-60. 1960-61. 1961-62. 1962-63. 1963-64. 1964-65. 1965-66. 1966-67. 1967-68. 1968-69. 1969-70. 1970-71. 1971-72. 1972-73. 1973-74. 1974-75. 1975-76. 1976-77. 1977-78. 1978-79. 1979-80. 1980-81. 1981-82. 1982-83. 1983-84. 1984-85. 1985-86. 1986-87. 1987-88. 1988-89. 1989-90. 1990-91. 1991-92. 1992-93. 1993-94. 1994-95. 1995-96. 1996-97. 1997-98. 1998-99. 1999-00. 2000-01. 2001-02. 2002-03. 2003-04. 2004-05. 2005-06. 2006-07. 2007-08. 2008-09. 2009-10. 2010-11. 2011-12. 2012-13. 2013-14. 2014-15. 2015-16. 2016-17. 2017-18. 2018-19. 2019-20. 2020-21. 2021-22. 2022-23. 2023-24. 2024-25. 2025-26. 2026-27. 2027-28. 2028-29. 2029-30. 2030-31. 2031-32. 2032-33. 2033-34. 2034-35. 2035-36. 2036-37. 2037-38. 2038-39. 2039-40. 2040-41. 2041-42. 2042-43. 2043-44. 2044-45. 2045-46. 2046-47. 2047-48. 2048-49. 2049-50. 2050-51. 2051-52. 2052-53. 2053-54. 2054-55. 2055-56. 2056-57. 2057-58. 2058-59. 2059-60. 2060-61. 2061-62. 2062-63. 2063-64. 2064-65. 2065-66. 2066-67. 2067-68. 2068-69. 2069-70. 2070-71. 2071-72. 2072-73. 2073-74. 2074-75. 2075-76. 2076-77. 2077-78. 2078-79. 2079-80. 2080-81. 2081-82. 2082-83. 2083-84. 2084-85. 2085-86. 2086-87. 2087-88. 2088-89. 2089-90. 2090-91. 2091-92. 2092-93. 2093-94. 2094-95. 2095-96. 2096-97. 2097-98. 2098-99. 2099-00. 2100-01. 2101-02. 2102-03. 2103-04. 2104-05. 2105-06. 2106-07. 2107-08. 2108-09. 2109-10. 2110-11. 2111-12. 2112-13. 2113-14. 2114-15. 2115-16. 2116-17. 2117-18. 2118-19. 2119-20. 2120-21. 2121-22. 2122-23. 2123-24. 2124-25. 2125-26. 2126-27. 2127-28. 2128-29. 2129-30. 2130-31. 2131-32. 2132-33. 2133-34. 2134-35. 2135-36. 2136-37. 2137-38. 2138-39. 2139-40. 2140-41. 2141-42. 2142-43. 2143-44. 2144-45. 2145-46. 2146-47. 2147-48. 2148-49. 2149-50. 2150-51. 2151-52. 2152-53. 2153-54. 2154-55. 2155-56. 2156-57. 2157-58. 2158-59. 2159-60. 2160-61. 2161-62. 2162-63. 2163-64. 2164-65. 2165-66. 2166-67. 2167-68. 2168-69. 2169-70. 2170-71. 2171-72. 2172-73. 2173-74. 2174-75. 2175-76. 2176-77. 2177-78. 2178-79. 2179-80. 2180-81. 2181-82. 2182-83. 2183-84. 2184-85. 2185-86. 2186-87. 2187-88. 2188-89. 2189-90. 2190-91. 2191-92. 2192-93. 2193-94. 2194-95. 2195-96. 2196-97. 2197-98. 2198-99. 2199-00. 2200-01. 2201-02. 2202-03. 2203-04. 2204-05. 2205-06. 2206-07. 2207-08. 2208-09. 2209-10. 2210-11. 2211-12. 2212-13. 2213-14. 2214-15. 2215-16. 2216-17. 2217-18. 2218-19. 2219-20. 2220-21. 2221-22. 2222-23. 2223-24. 2224-25. 2225-26. 2226-27. 2227-28. 2228-29. 2229-30. 2230-31. 2231-32. 2232-33. 2233-34. 2234-35. 2235-36. 2236-37. 2237-38. 2238-39. 2239-40. 2240-41. 2241-42. 2242-43. 2243-44. 2244-45. 2245-46. 2246-47. 2247-48. 2248-49. 2249-50. 2250-51. 2251-52. 2252-53. 2253-54. 2254-55. 2255-56. 2256-57. 2257-58. 2258-59. 2259-60. 2260-61. 2261-62. 2262-63. 2263-64. 2264-65. 2265-66. 2266-67. 2267-68. 2268-69. 2269-70. 2270-71. 2271-72. 2272-73. 2273-74. 2274-75. 2275-76. 2276-77. 2277-78. 2278-79. 2279-80. 2280-81. 2281-82. 2282-83. 2283-84. 2284-85. 2285-86. 2286-87. 2287-88. 2288-89. 2289-90. 2290-91. 2291-92. 2292-93. 2293-94. 2294-95. 2295-96. 2296-97. 2297-98. 2298-99. 2299-00. 2300-01. 2301-02. 2302-03. 2303-04. 2304-05. 2305-06. 2306-07. 2307-08. 2308-09. 2309-10. 2310-11. 2311-12. 2312-13. 2313-14. 2314-15. 2315-16. 2316-17. 2317-18. 2318-19. 2319-20. 2320-21. 2321-22. 2322-23. 2323-24. 2324-25. 2325-26. 2326-27. 2327-28. 2328-29. 2329-30. 2330-31. 2331-32. 2332-33. 2333-34. 2334-35. 2335-36. 2336-37. 2337-38. 2338-39. 2339-40. 2340-41. 2341-42. 2342-43. 2343-44. 2344-45. 2345-46. 2346-47. 2347-48. 2348-49. 2349-50. 2350-51. 2351-52. 2352-53. 2353-54. 2354-55. 2355-56. 2356-57. 2357-58. 2358-59. 2359-60. 2360-61. 2361-62. 2362-63. 2363-64. 2364-65. 2365-66. 2366-67. 2367-68. 2368-69. 2369-70. 2370-71. 2371-72. 2372-73. 2373-74. 2374-75. 2375-76. 237

NY 100-374149-296

[illegible]

пищи—162; знакомство съ глиняной посудой—165; покрытие шалашей—200; лодка—230; искусство—293, 302.

шалашъ: у неолитиковъ—109, 110; какъ типъ жилища—194; типы ш. 197, 198, 199; покрытие ш.—199, 200; ш. изъ досокъ—200; развитие ш.—200; развитие ш. въ домъ—201, 202; кибитка, юрта—202; многогранный ш.—203; развитие конического ш.—204; ш. на о. Эзель—209; окна и дымовое отверстіе—210; перевозныя палатки, кибитки и юрты—240; отовы карангайцевъ—241.

Швейцарія: добываніе огня въ дѣтскихъ играхъ—34; сверленіе камней—131; свайныя постройки—213.

шелкъ: распространеніе—227.

Шелль: періодъ дилuvia—86.

шиллуки: смазываніе тѣла—276.

шило: первобытное ш.—69; въ дилувіальномъ періодѣ—90.

шкура: въ дилувіальномъ періодѣ—88; на охотѣ—152; для изготовленія посуды—166; какъ покрытие шалашей—200; какъ одежда—220, 221; выдѣлка ш.—223; для изготовленія лодки—229; ш. какъ броня—249; какъ военный уборъ—251.

Шлегель: классификація человѣчества—46.

шлемъ: распространеніе и виды ш.—250, 251; военные головные уборы—251; забрало—251.

Шотландія: кухонные остатки—104.

штаны: см. одежда.

Штарке: мнѣніе о значеніи огня для человѣка—129.

Штейнень: изслѣдованіе Бразиліи—116; гипотеза о знакомствѣ человѣка съ огнемъ—146.

щитъ: прототипъ щ.—248; форма и матеріалъ щ.—249; украшеніе щ. у австралийцевъ—295.

Эзель (островъ): шалашъ—209.

экипажъ: см. повозка.

Эль: въ сказаніяхъ алеутовъ и колошей—139, 141.

эскимосы: игры дѣтей—34; прогнатизмъ и длинноголовость—49; условія быта—60, 121; пища—81; орудія—121; способъ добыванія огня—130, 131; способы охоты—155; запасы пищи—162; кипяченіе воды—163; знакомство съ глиняной посудой—165; котлы изъ горчешнаго камня—167; жилище—207; способъ постройки—209; лодка—229; украшеніе губы нефритомъ—275; татуировка—280, 282; искусство—293, 302, 303; орнаментъ—297.

Эстляндская губ.: стоянка каменнаго вѣка—110.

эстонцы: шалашъ—209; лайба (лодка)—232.

эсты: см. эстонцы.

этнографическіе музеи: возникновеніе ихъ—13.

этнографія: современное ея состояніе среди научныхъ системъ—1; опредѣленіе ея Рони и Веррье—2; отношеніе ея къ этнологіи—4—5; какъ синонимъ народовѣдѣнія—5; отношеніе къ этимологіи слова «этнографія»—4, 6; исторія накопленія матеріаловъ—8; значеніе Геродота—8; «эмпирическій» періодъ—9, 27; значеніе Тацита и Страбона—9; значеніе Приска, Прокопія и импер. Маврикія—10; значеніе Марко Поло, Плано Карпини и Рубруквиса—11; значеніе эпохи великихъ открытій—12, 15; значеніе Васко-де-Гама и Бартема—14; значеніе миссіонеровъ—15; значеніе Кука, Палласа, Брюса, Парка и др.—16; взглядъ на э. Пыпина—19; значеніе Латито—19; значеніе Гоббса—20; значеніе Руссо—21; значеніе Вольтера—22;

значение Форстера—22; значение Ливнея и Бюффона—24; история развития э. какъ науки—24; единение э. съ естественными науками—25; возникновение этнографии—25; значение Blumenbach и Кюппера—25; связь э. съ антропологіею—25; связь э. съ социологіею—25, 27, 29; значение Грасса—25; индуктивный и сравнительно-историческій методы—29; значение Тейлора—30; методъ изученія фактовъ переживания—30, 31; примѣры фактовъ переживания—31—35; опредѣленіе цѣлей э. предѣловъ и объекта—37; отношеніе къ антропологін—37; отношеніе къ археологін—38; отношеніе къ лингвистикѣ, исторіи и географіи—40; система—41; классификація этнографическихкихъ явленій—45; значение для э. вопроса о типѣ доисторическихкихъ культуръ—96; значение э. для исторіи искусствъ—287 (см. также: *этнологія*).

этнологія: отношеніе ея къ этнографіи—4; какъ синонимъ этнографіи—5; какъ наука Грасса на ея значеніе—56 (см. также: *этнографія*).

этруски: роль въ распространеніи бронзовыхъ издѣлій—256.

эвюпы: ихъ оружіе—120; пещера какъ жилище—195.

Южная Америка: см. Америка.

юкатеки: письмо—54.

юрта: см. шалашъ.

Юрьевъ день: выгонъ скота—32.

Ява: находженіе питекантропоса—94; свайныя постройки—114.

ядентъ: у неолитиковъ—106.

языковѣдѣніе сравнительное: см. лингвистика.

ядро: суевѣріе о скорлупѣ—32; я. страуса какъ посуда—165.

якуты: примѣсь русскихъ—52; растительная пища—150; охотничья пища—151; какъ посуда—166; знакомство съ молокомъ—183; охотничья пища—184; охотничья пища—203; овна съ пузырькомъ и льдиной—211; охотничья пища—212; одежда—223; ѣзда на быкѣ—234.

яма: какъ жилище неолитиковъ—109, 110; какъ печь—161; для охотничьей пища—162; для кипяченія воды—163; какъ прототипъ домашнего очага—217; древн. рудокопная я.—238.

янтарь: у неолитиковъ—106.

Японія: кухонные остатки—105.

ястребъ: на охотѣ—154; когти я. какъ крючки для рыболовства—154.

Иностранныя фамилии:

d'Arcelin: см. Д'Арселенъ.

Bartema Lodovico: см. Бартема.

Bastian: см. Бастьянъ.

Bory de-Saint-Vincent: см. Бори.

Boucher-de-Perthes: см. Буше-де-Перть.

Boulay: см. Була.

Boule: см. Буль.

Croll: см. Крёлль.

Deniker: см. Деникеръ.

Desmoulins: см. Демуленъ.

Dubois: см. Дюбуа.

Ferry: см. Ферри.

Gognet: см. Гогне.

Grimm: см. Гриммъ.

Grosse: см. Гроссе.

Haackel: см. Геккель.

Hildebrand: см. Гильдебрандъ.

Novelacque: см. Говелакъ.

Lacépède: см. Ласепедъ.

Latham: см. Лэтамъ.
Lafiteau: см. Лафито.
Lefèvre: см. Лефевръ.
Lenormand: см. Ленорманъ.
Morgan: см. Морганъ.
Mortillet: см. Мортилье.
Morton: см. Мортонъ.
Mungo Park: см. Паркъ.
Petit: см. Пети.
Prichard: см. Причардъ.

Quatrefages: см. Катреажъ.
Rames: см. Рамъ.
Ratzel: см. Ратцель.
Reinach: см. Ренакъ.
Rosny: см. Рони.
Starcke: см. Штарке.
Steinen v. den: см. Штейненъ.
Virey: см. Вирей.
Verrier: см. Веррье.
Worsaae: см. Ворсаэ.

III.

Списокъ трудовъ Н. Н. Харузина.

А. Труды, касающіеся этнографіи:

1) *По юрамъ сѣвернаго Кавказа.* («Вѣстн. Европы», 1888 г., кн. X и XI).

2) *Замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей.* (Сборн. матер. по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнограф. музеѣ. Вып. III, стр. 115—142. 1888 г.).

3) *Сказки, записанныя въ ингушскомъ аулѣ Цори.* (Тамъ же, стр. 149—154).

4) *О лопарской бивальщине и пѣснь.* (Тамъ же, стр. 1—13).

5) *Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда Олонецкой губерніи.* (Сборн. свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, 1889 г. Перепечатано въ «Олонецкомъ сборникѣ». Вып. III. Петрозаводскъ. 1894 г.).

6) *О пойдихъ у древнихъ и современныхъ лопарей.* («Этнограф. Обзорніе», 1889 г.).

7) *Русскіе лопари.—Очерки прошлаго и современнаго быта.* (Труды Этнографическаго Отдѣла Им. Об. Люб. Ест. Антр. и Этн., томъ X. Москва, 1890 г., стр. II+472 in 4°. Удостоено золотой медали Общества).

8) *Къ вопросу о религіозныхъ воззрѣніяхъ крестьянъ Калужской губерніи.* («Этн. Обзор.», 1892 г., № 2—3).

9) *Къ вопросу объ ассимиляціонной способности русскаго народа.* («Этн. Обзор.», 1894 г., № 4).

151 стр., Ревель, 1894 г. (и «Временникъ»
1893 г., кн. I).
Музей. («Археол. Изв. и Замѣтки»

и среди французскихъ археоло-

говъ Эстляндской губерніи.
Труды Имп. Московск.

и исторіи:

и Осколь. («Курскія Губ. Вѣд.»,

относящихся къ исторіи Балтійскаго
Московскихъ Архивахъ Мин. Иностр. Дѣлъ
и Эстл. губ.), 1894 г., кн. II).

города Герцке въ Ливоніи. (Археол. Изв. и
№ 2—3).

ическое извѣстіе о городской службѣ строителя го-
рода столяника и воеводы Давида Семеновича Яков-
левича. Губ. Вѣдом., 1895 г., №№ 16 и 17. По поводу
г. Коротояка).

О некоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена. На
основаніи документовъ, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи.
Археол. Изв. и Замѣтки, 1896 г. №№ 5—6).

6) Къ исторіи соборнаго храма въ Коротоякѣ. («Ворон.
Епарх. Вѣдом.», 1896 г.).

7) Къ вопросу о борьбѣ московскаго правительства съ народ-
ными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII-го в.
 («Этн. Обзор.», 1897 г., кн. XXXII).

8) Псковъ и его пригороды передъ 2-ю польскою войною при
царѣ Михаилѣ. (Труды Археогр. Коммисіи Им. Моск. Археол. Общ.
Москва. 1898 г., т. I).

9) Взялъ Langlois на архивное дѣло. (Тамъ же, 1898 г.,
т. I).

10) Къ исторіи Коккенхузена. Періодъ господства русскихъ въ

— 342 —

~~Православный восток при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ~~
~~и царицѣ Маріи Александровнѣ.~~

Груда, состоящая изъ другихъ предметовъ:

- 1) *Къ вопросу о сурьѣ ипсатъ лопарей.* («Дневникъ Антроп. т. 1. Изв. Об. Люб. Ест., Ант. и Этн. 1890 г. вып. IV).
- 2) *Etudes sur les anciennes églises aux toits en forme de tente.* Меш. de la Société nation. des antiquaires de France. Paris. 1893 г. т. LIII).
- 3) *Къ вопросу о древне-русскихъ некалендарныхъ именахъ.* Этн. (Обозр.), 1893 г., кн. XVI).
- 4) *Къ вопросу объ употребленіи некалендарныхъ именъ въ допетровской Руси.* («Сборн. Истор.-филолог. Общества при Институтѣ кн. Бекетовыхъ», Нѣжинъ. 1898 г., т. II).
- 5) *Очерки дѣятельности европейцевъ на Востокъ.* («Русская Мысль», 1899 г., кн. I—IV).
- 6) Некрологъ Э. Ю. Петри («Этн. Обзоръ», 1900, кн. I).

С т а т ь и:

а) въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»:

Русская торговля въ малоазіатскомъ Черноморьѣ. 1899 г., № 299.— Положеніе русской торговли въ Персіи, № 322.—Интересна ли для насъ восточная печать? № 349.—Переселенческое движеніе въ Сиріи. 1900 г., № 13.—Къ вопросу о русской торговлѣ въ Малой Азіи, № 15.—Къ вопросу о русско-турецкой торговлѣ, № 55.—Назрѣвшій вопросъ (недостатокъ подготовленныхъ дѣятелей на нашихъ восточныхъ окраинахъ), № 79.

б) въ «Курьеръ»:

Новый «восточный вопросъ». 1899 г., № 34.—Оманскій вопросъ, № 48.—«Кормчіе» Китайской имперіи, № 61.—«Морское завоеваніе» Малой Азіи, № 75.—Условія паломничества въ Мекку, № 90.—Первые шаги дѣятельности нѣмцевъ въ Кіаочау, № 104.—Успѣхи гер-

восточной философии въ Японіи. № 119. — Приморская область и ея промышленность. № 131. — Будущность Турціи съ точки зрѣнія текущихъ интересовъ. № 157. — Интересы Россіи въ южной Персіи, № 171. — Маркизь Ито о самомъ себѣ. № 185. — Отношенія китайцевъ къ иностранцамъ въ прежнее время. № 199. — По поводу проекта южной малозападной желѣзной дороги. № 213. — Портъ-Артуръ и гольдъ Дальній. № 227. — Захватъ или цивилизаторская дѣятельность, № 248. — Корея и Японцы, № 269. — Самсунъ и Трансзундъ, № 290. — Ирландія и Англія. № 297. — Мирная война на Востокъ, № 318. — Ядеръ Аббасъ, № 339. — Французско-мусульманскія школы въ Тунисѣ. 1900 г., № 5.

1/3 12-50
~~12-50~~

12-50
1600

Списокъ трудовъ того же автора см. въ приложеніи.

Печатается:

Выпускъ II: Семья и родъ.

Готовятся къ печати:

Выпускъ III: Собственность и перерожденіе государства.

Выпускъ IV: Вѣрованія.

Подписка на изданіе продолжается.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ). Цѣна всего изданія по подпискѣ—5 р., въ продажѣ—7 р.

Stanford University Libraries

3 6105 015 023 372

Stanford Univer
Stanford, C

Return this book on o

10/16/94 FB

Выпускъ II: Семья и роль.

Готовятся къ печати:

Выпускъ III: Собственность и переизбытокъ государства.

Выпускъ IV: Виромания.

Подписка на изданіе продолжается.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ). Цѣна всего изданія по подпискѣ—5 р., въ продажѣ—7 р.

